

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЧИТ. ЗАЛ

О некоторых особенностях
современного положения в Китае

Сотрудничество СССР с развивающимися
странами Азии

Советско-японские торгово-экономические связи

Классовая борьба в кривом зеркале маоизма

Чего хотят во дворце Чжуннаньхай?

Новый перевод из Лу Синя

3

1973

ЧИТ. ЗАМ.

1973

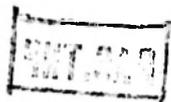
№3 Проблески
Дальнего Востока

Торжок.

ЧИТ. ЗАМ.

1973

№3

СОДЕРЖАНИЕ

О некоторых особенностях современного положения в Китае
3 *О. Е. Владимиров*

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Экономическое сотрудничество СССР с развивающимися странами Азии
15 *В. А. Сергеев*

ЭКАДВ: свет и тени
29 *К. М. Попов*

«Культурная революция» в КНР, ее причины и последствия
42 *М. И. Дальнев, В. А. Неделин*

Проблемы металлургической промышленности Китая
53 *В. Е. Горин*

СССР — Япония: торгово-экономическое сотрудничество в действии
63 *П. Д. Долгоруков*

ИДЕОЛОГИЯ

Маоизм и конфуцианство
73 *В. А. Кривцов*

Антиленинская сущность «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата»
87 *В. Я. Сидихменов*

Японские китаеведы об «идейно-философском» содержании маоизма
101 *Б. В. Поспелов*

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Гипотезы и историческая реальность
113 *В. Н. Никифоров*

Борьба за единый национальный фронт в Китае
123 *В. И. Глушин*

Советские ученые о чжурчжэнях
135 *Э. В. Шавкунов*

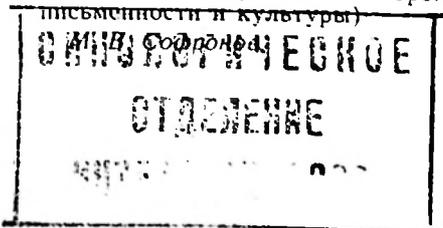
МИР ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО

Япония наступает: новое в японо-американских экономических отношениях (второе письмо из США)
147 *И. А. Латышев*

КУЛЬТУРА

И ценное наследие, и тяжкое бремя (о связях китайской письменности и культуры)
153

W

	Об отражении общественного сознания в литературе средневекового Китая
162	<i>Л. З. Эйдлин</i>
	ПУБЛИЦИСТИКА
	Чего хотят во дворце Чжуннаньхай?
172	<i>Эрнст Генри</i>
	ПУБЛИКАЦИИ
	Из болтовни выздоравливающего
180	<i>Лу Синь</i>
	КОММЕНТАРИИ
	Корейский народ строит социализм (к 25-летию провозглашения КНДР)
190	<i>В. П. Ткаченко</i>
	Азиатская конференция по вопросам безопасности и сотрудничества
198	<i>А. Г. Яковлев</i>
	КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
	Подъем и падение Цинской империи
203	<i>В. С. Мясников</i>
	Ученый, педагог, литератор
208	<i>В. Н. Кривцов</i>
	Татаро-монголы в Азии и Европе
211	<i>Ф. С. Цаплин</i>
	К проблеме «наксалитов» в Индии
213	<i>А. Н. Сормовцев</i>
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ
	Чжан Тай-лэй — герой китайской революции (к 75-летию со дня рождения и 45-летию со дня гибели)
217	<i>Г. В. Ефимов</i>
	Памятник японо-русской дружбы
221	<i>К. Е. Черевко</i>
	Великий поэт уйгурского народа
223	<i>М. Хамраев</i>
	В Наньянском университете
224	<i>В. Ф. Сорокин</i>
	Расширение контактов
225	<i>Г. Т. Иоанисян</i>
	Пятая молодежная
226	<i>Ю. В. Юмашев</i>
228	СОБЫТИЯ И ФАКТЫ
230	НОВЫЕ КНИГИ

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (отв. секретарь), Г. В. АСТАФЬЕВ,
Р. С. БЕЛОУСОВ, О. К. ГЛАДИЛИН, Г. В. ЕФИ-
МОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, И. А. ЛА-
ТЫШЕВ, О. Б. РАХМАНИН, В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬ-
ЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

О некоторых особенностях современного положения в Китае

О. Е. Владимиров

Последний период был насыщен большими событиями в международной жизни, в жизни братских партий и государств. В мире происходит серьезный перелом в отношениях между государствами с различным общественным строем, поворот от взаимного недоверия к разрядке, нормализации и взаимовыгодному сотрудничеству.

Советский Союз, верный своему ленинскому интернационалистскому курсу, активно борется за выполнение решений XXIV съезда КПСС. за реализацию Программы мира, выдвинутой в докладе на съезде тов. Л. И. Брежневым. Деятельность нашей партии по осуществлению этого курса была одобрена апрельским (1973 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Социалистические государства, последовательно руководствующиеся в своей политике принципами марксизма-ленинизма, продолжают укреплять всестороннее сотрудничество в политической, экономической, идеологической областях. Важное значение в этом смысле имели контакты, поездки и беседы руководителей братских партий и государств, в том числе в Крыму. Большую роль в укреплении единства братских стран сыграли визиты тов. Л. И. Брежнева в Софию, Будапешт, Прагу, Варшаву, Берлин, беседы Генерального секретаря ЦК КПСС с руководителями партий социалистических стран. Народы социалистических стран справедливо расценивают визит Генерального секретаря ЦК КПСС в США и подписание советско-американских документов как событие всемирно-исторического значения. Эти акции наряду с плодотворными итогами поездок тов. Л. И. Брежнева в ФРГ и Францию являются важнейшими звеньями в борьбе Советского Союза и братских стран социалистического содружества за дальнейшую разрядку напряженности, укрепление безопасности и прочный мир.

Успехи миролюбивой политики социалистических стран, борьбы коммунистического и национально-освободительного движений были бы еще более ощутимы, если бы не подрывная роль маоистских руководителей Китая, ведущих разнузданную борьбу против единства социалистических, антиимпериалистических сил, докатившихся в последние годы до прямых попыток создать антисоциалистический альянс с самыми реакционными кругами на Западе.

Современный этап в политике Пекина имеет самостоятельное значение и характеризуется серьезным сдвигом вправо (или, пользуясь китайской терминологией, «большим скачком» слева направо). Этот сдвиг наблюдается как в политическом курсе маоистов, так и в развитии внутреннего положения в КНР. Для обстановки в КНР характерны новые тенденции маоизма, толкающие Китай еще дальше в антисоциалистическом направлении.

* * *

Со времени так называемой культурной революции не только многие аспекты внешнеполитической деятельности Пеккина, но основные события внутри Китая приобрели такой характер, что отношение к ним стало своего рода водоразделом между марксистами-ленинцами и оппортунистами, между друзьями и недругами социализма и социалистического содружества.

Что касается главных тенденций внутреннего развития Китая, то обстановка в этой стране не дает каких-либо оснований для пересмотра тех принципиальных оценок характера режима, установившегося в КНР в ходе «культурной революции», его целей и политики, которые были даны в документах Московского совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., в материалах XXIV съезда и пленумов нашей партии, выступлениях тов. Л. И. Брежнева. Анализ поступающей информации дает основания говорить о том, что в Китае продолжается деформация социалистического экономического базиса и политической надстройки, наблюдается дальнейший отход от социализма.

Экономическую основу китайского общества составляет государственная и кооперативная собственность на средства производства. Однако, как известно, содержание категории «социалистическая собственность» не сводится к передаче средств производства государству и кооперативам. Оно предполагает также подчинение всего общественного производства целям, диктуемым объективными экономическими законами социализма. Национализация средств производства в крупных масштабах возможна и осуществляется на практике и в рамках государственно-монополистического капитала. Именно пролетарский характер государственной власти, подчинение всей системы хозяйствования и управления экономикой интересам трудящихся придают государственной и кооперативной собственности социалистическое содержание.

В. И. Ленин указывал, что «цель (и сущность) социализма: переход земли, фабрик и пр., вообще всех средств производства в собственность всего общества и замену капиталистического производства производством по общему плану в интересах всех членов общества...»¹.

Эти бесспорные положения марксистско-ленинского учения должны, видимо, служить отправной точкой для исследований современной экономической структуры китайского общества. Такой анализ показывает, что социалистические элементы в экономике современного Китая деформируются в результате установления диктатуры военно-бюрократической группировки.

Народнохозяйственный организм страны фактически разделен на две части. Одна охватывает узкую группу отраслей, связанных с военным производством, — они непосредственно контролируются центральной властью, получают львиную долю финансовых средств, техники, квалифицированных кадров. Другую составляют отрасли гражданского производства — они организуются преимущественно на началах децентрализации и самообеспечения. От мирной экономики требуют, чтобы она «опиралась на свои силы», то есть обходилась без централизованных инвестиций и кредитов. Вместе с тем создаваемый в этой сфере национальный продукт в значительной степени изымается для реализации милитаристских программ.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 263.

Гипертрофированный рост отраслей, связанных с военным производством, не только не отвечает задачам создания материально-технической базы социализма, но, напротив, придает уродливый характер всему экономическому и социальному развитию.

Наращивание военного потенциала осуществляется путем интенсификации труда и консервации низкого жизненного уровня трудящихся, когда, как советует газета «Жэньминь жибао», «пищу трех человек едят пять человек». Государство снимает с себя заботу о народном образовании и здравоохранении, перекладывая соответствующие расходы непосредственно на плечи населения. Материально-техническая база экономики, в особенности невоенной промышленности и сельского хозяйства, остается крайне отсталой. Производительность труда не растет. Усугубляются межотраслевые диспропорции в народном хозяйстве.

Правящая группировка фактически отказалась от курса на индустриализацию страны, рассчитанного на техническое перевооружение гражданских отраслей экономики и сельского хозяйства на базе современной передовой техники, хотя после IX съезда КПК в Китае и предпринимаются усилия к восстановлению производственных мощностей (особенно в металлургии), созданных в первые годы народной власти с помощью Советского Союза. Ставка на мелкие самообеспечивающиеся предприятия означает неизбежную консервацию отсталости и имеет крайне отрицательные социальные последствия: тормозится рост организованного рабочего класса, не решается задача экономической смычки города и деревни, закрепляется их взаимная отчужденность и разрыв между ними.

Таким образом, в КНР нарушаются требования основного экономического закона социализма. В результате экономической политики нынешнего китайского руководства производство подчинено не задаче постоянного подъема материального и духовного благосостояния трудящихся на базе научно-технического прогресса и «всестороннего, свободного развития личности каждого в интересах всех» (В. И. Ленин), а целям, чуждым интересам трудящихся масс, — наращиванию военного потенциала для осуществления экспансионистских и гегемонистских замыслов на международной арене.

Вместе с тем существование государственной и кооперативной форм собственности объективно сохраняет потенциальную возможность развития китайского общества в русле социализма; но нельзя не видеть, что эта возможность может стать реальностью только в том случае, если указанные формы будут наполнены подлинно социалистическим содержанием, если экономическая политика руководства Китая приобретет последовательный социалистический характер.

Рассматривая политику китайского руководства в области социальных отношений, нельзя не отметить, что курс маонистов строится на искусственном расслоении китайского общества. Следует подчеркнуть, что рабочий класс КНР по-прежнему дезорганизован и деморализован. Он лишен реальных рычагов власти и пока далек от осуществления действительного руководства китайским обществом. В целом же маонизм широко применяет тактику социального лавирования, используя для этого такие благоприятные обстоятельства, как относительная малочисленность рабочего класса, политическая пассивность и отсталость китайского крестьянства, ослабление союза рабочих и крестьян.

Анализ характера власти и политической обстановки в КНР приводит к выводу о том, что в Китае сохраняются все основные атрибуты диктатуры военно-бюрократической клики Мао Цзэ-дуна, сложившейся в

результате «культурной революции» и опирающейся на армию, которая продолжает оставаться наиболее организованной и влиятельной политической силой, основным поставщиком руководящих кадров в партийный и государственный аппараты.

Острейшим вопросом политической борьбы внутри страны является вопрос о роли партии. Однако создание партии на маоистских основах принципиально ничего не меняет в характере и механизме власти, ибо КПК, ее прошлый авторитет используются маоистами лишь для прикрытия военно-бюрократического режима.

Одновременно следует подчеркнуть, что маоизм переживает глубокий идейно-политический и организационный кризис. Об этом свидетельствует продолжающаяся грызня внутри пекинской верхушки, наиболее ярким выражением которой явились так называемые сентябрьские события 1971 г., и нерешенность многих политических и экономических проблем.

Жизнь опрокидывает маоистские доктрины. Например, в области экономики пекинские лидеры провозгласили основой своей политики «большие скачки», выступили против планомерного развития. Однако реальная действительность заставляет их сейчас в какой-то мере возвращаться к вопросам планирования. Точно так же обстоит дело и в политике. Во время «культурной революции» маоисты разгромили Коммунистическую партию Китая, однако вскоре они были вынуждены признать необходимость партии.

Те жертвы, которые несут китайский народ и КПК, оказавшиеся под властью Мао Цзэ-дуна и его сторонников, свидетельствуют, что маоизм является непримиримым противником и антиподом научного социализма и пролетарского интернационализма. Попытки маоистского руководства навязать «идеи Мао Цзэ-дуна» китайскому народу в том или ином виде не могут не углублять кризис маоизма, к разброду в рядах его сторонников. Усилия военно-бюрократического режима как-то подправить дело при сохранении коренных маоистских установок лишь усугубляет существующие проблемы. Бескомпромиссная борьба марксистов-ленинцев с теорией и практикой маоизма, разоблачение пагубных последствий политики Мао Цзэ-дуна и его сторонников как в Китае, так и за рубежом являются весьма актуальной интернациональной задачей всего революционного движения и одновременно братской помощью китайскому народу, китайским коммунистам, переживающим национальную трагедию. Выступать против маоизма — не значит разжигать какую-то антикитайскую кампанию, в чем пытаются обвинить марксистов-ленинцев ревизионисты и оппортунисты различных мастей.

Все подлинные друзья КНР преисполнены революционного оптимизма и глубоко уверены, что рано или поздно Китай будет в едином строю с марксистами-ленинцами бороться против империализма, за наше общее правое дело. Политика СССР и других братских государств ясна: они борются за социалистический Китай, за подлинно марксистско-ленинскую партию Китая; они борются за подлинные интересы китайского народа, попавшего в беду из-за предательства Мао Цзэ-дуна и его сторонников. Такая борьба является важной интернациональной помощью китайскому народу. Антимаоист — это отнюдь не враг китайского народа, как это пытаются представить его лжедрузья и в самом Китае и за рубежом. Напротив, антимаоист — это синоним подлинных друзей Китая и китайского народа.

На международной арене определяющими чертами политики Китая сегодня являются: активное противодействие внешнеполитическому курсу Советского Союза и братских социалистических государств, согласованной линии коммунистического движения по всем основным направлениям; сдвиг вправо и переориентация на капиталистический лагерь; притязание на лидерство в «третьем мире». Как никогда прежде, отчетливо выявилось стремление Пекина повсюду проводить враждебный социалистическому содружеству курс. Маоистское руководство отрицает само существование мировой социалистической системы. В своих действиях оно отбрасывает все морально-политические и союзнические обязательства в отношении социалистических стран, рассматривая их как своих непримиримых политических противников.

Вступив на путь политического блокирования с империализмом, пекинские лидеры фактически открыли «второй фронт» борьбы с мировым социализмом. Ориентируя Китай на политические, экономические, военные и другие связи преимущественно с капиталистической системой, маоисты снова и снова посягают на социалистические завоевания китайского народа.

Политика маоистов представляет большую опасность для дела социализма, международного коммунистического движения. Однако сплоченность стран социалистического содружества позволяет давать твердый отпор социал-шовинистическим устремлениям пекинских лидеров, срывать их подрывные действия. Активная и согласованная политика братских стран в отношении капиталистических государств и стран «третьего мира» также позволяет не допускать условий для возникновения антисоциалистических альянсов Китая с капиталистическими или развивающимися странами, направленных против социалистического содружества.

Несмотря на подрывную политику маоистов, вопреки их попыткам вывести Китай из противоборства двух социально-политических систем, превосходство социализма над империализмом не только сохраняется, но и укрепляется. Силы мира, демократии и коммунизма продолжают историческое наступление, развивают инициативную конструктивную политику.

Анализ внутренней и внешней политики Китая хотя и вызывает обоснованную тревогу по поводу подрывных, раскольнических действий китайского руководства, показывая их особо опасный характер, но вместе с тем дает основания испытывать и оправданный оптимизм. Единство стран социалистической системы на принципиальной основе, идейно-политическая монолитность мирового коммунистического движения позволяют преодолевать пагубные последствия социал-шовинистического курса Пекина, нейтрализовать его вредное влияние на мировой революционный процесс и изолировать маоизм.

Группа Мао Цзэ-дуна во имя гегемонистических великодержавных целей вот уже полтора десятка лет всеми силами и средствами борется против КПСС и мирового коммунистического движения. Как известно, эту политическую борьбу маоисты вначале пытались замаскировать левачьими лозунгами о «революционной» войне против империализма, о «принципиальной недопустимости» каких-либо соглашений с империалистическими державами и т. д. Они третировали как якобы оппортунистическую политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Еще летом 1970 г. Чжоу Энь-лай в публичном выступлении заявлял: «В настоящее время отношение к американо-японской реакции, к японскому милитаризму служит критерием для того, чтобы отличить позицию

подлинно революционную от псевдореволюционной, подлинный марксизм-ленинизм от лжемарксизма-ленинизма... Это вопрос основной позиции»².

Проверка жизнью показала всю лживость трескучих псевдореволюционных заявлений. На деле маоистские лидеры сейчас фактически отказались от антиимпериалистической части своей программы. Более того, Мао Цзэ-дун и его группа открыто переходят к смыканию с реакцией и империалистическими милитаристскими кругами на Западе и в Японии.

Народная мудрость гласит: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Нынешние правители Китая объявляют подлинных друзей китайского народа «врагом № 1», а профессиональных реваншистов и реакционеров типа Штрауса, бывшего военного диктатора Пакистана Яхья Хана, самых реакционных деятелей из партии тори в Англии своими друзьями. Вряд ли следует удивляться столь крутым поворотам в политике правящей верхушки КНР. Уместно напомнить, что еще на февральском (1964 г.) Пленуме ЦК нашей партии указывалось на опасность такой эволюции. «Как бы не получилось, — говорилось тогда, — что, идя по своему неверному антиленинскому пути, китайские лидеры не пришли к фактическому смыканию с реакционными элементами империализма». Так оно и случилось на деле.

Как подчеркивалось на XXIV съезде КПСС, мы будем и дальше последовательно отстаивать принципы марксизма-ленинизма, всемерно укреплять единство мирового коммунистического движения, защищать интересы социалистических государств. В то же время наша партия и страна выражают готовность к нормализации межгосударственных отношений с КНР на принципиальной основе, что отвечает коренным долговременным интересам мирового социализма, чаяниям самого китайского народа.

* * *

Особая ситуация, сложившаяся в Китае, ставит ряд кардинальных вопросов, которые используют в своих целях как идеологические противники коммунизма, так и «доброжелатели» из либеральных кругов, не разбирающиеся достаточно глубоко во всей сложности китайской проблемы. К числу этих вопросов относятся:

Первое. О происхождении разногласий и раскола маоистов с международным коммунистическим движением и с интернационалистскими силами в КПК. Как известно, борьба между социал-шовинистической линией Мао Цзэ-дуна и социалистической линией в Китае имеет длительную историю. Эта борьба лежит в основе всех тех сложнейших процессов и острейших кризисов, которые переживает КНР, в частности в последние 15 лет. Трагедия КПК связана с тем, что в конце 50-х годов, когда в Китае успешно осуществлялось социалистическое строительство и он шел в одном строю со всеми социалистическими странами, верх в партии взяли крайне националистические, мелкобуржуазные элементы.

Если рассматривать борьбу двух линий в ретроспективе, то такой ее исход не является случайным и неожиданным. На это в свое время обращали внимание Коминтерн, КПСС и другие марксистско-ленинские партии. По этому поводу били тревогу еще в 30-х, 40-х и 50-х годах ки-

² «Визит премьеры Чжоу Энь-лая в КНДР». Пекин, 1970, стр. 39—40.

тайские коммунисты-интернационалисты. Они были обеспокоены опасными националистическими тенденциями в действиях Мао Цзэ-дуна и тесно связанных с ним лиц. К сожалению, оказалось так, что антисоциалистические, антисоветские, националистические проявления в деятельности Мао Цзэ-дуна и той группировки в КПК, которую он представлял, были не заблуждениями, не случайными ошибками, как это казалось ранее, а составляли именно суть их политики.

Эта политика нанесла колоссальный ущерб делу социализма в Китае. В ходе «культурной революции» маоисты упрочили свои позиции. Установив военно-бюрократическую диктатуру, они свели на нет социалистическую надстройку китайского общества. Их политика в значительной степени деформировала социалистический базис, основы которого были заложены в Китае в годы первой пятилетки.

В связи с этим возникают важные вопросы, касающиеся судьбы социализма в Китае и дальнейшей борьбы за социалистическую перспективу этой страны. Кто победит? Ныне трудно дать однозначный и категоричный ответ. В этой борьбе могут быть разные повороты. В настоящее же время приходится констатировать, что соотношение социалистических и националистических сил в сегодняшнем Китае, к сожалению, пока не в пользу социализма. Поэтому друзья китайского народа с тревогой говорят о положении в КНР. Думается, что преодоление того исторического зигзага, который ныне переживает Китай, выход из тупика, в который его завели маоисты, потребует немало времени. На алтарь борьбы за социализм в КНР будет принесено еще немало жертв. Но нет сомнений в конечной победе дела социализма в этой стране.

Второе. О роли субъективного фактора в деформации социалистических основ в Китае. Как известно, марксисты-ленинцы неоднократно обращались к анализу истоков и причин нынешних событий в Китае, при этом отмечалась особо отрицательная роль субъективного фактора в деформации структуры власти, изменении характера КПК и т. п. Рассматривая маоистскую политику и ее разрушительные последствия как для дела социализма в самом Китае так и в смысле подрыва связей с мировой социалистической системой, международным коммунистическим и революционным движением, необходимо иметь в виду следующие моменты: во-первых, продолжительность негативного влияния этой политики (почти 15 лет); во-вторых, то, что ее отрицательные результаты воздействуют практически на все стороны внутренней и внешней политики Китая.

В какой степени это негативное и длительное воздействие субъективного фактора сказалось на экономических основах, на элементах социалистического базиса в Китае? Можно ли по-прежнему считать, что оно, выражаясь философским языком, находится в рамках количественных характеристик, то есть не ведет к качественному перерождению базиса?

Это не простой вопрос. По существу, исследователи столкнулись с новой проблемой. Высказываются различные точки зрения. Заслуживает внимания то мнение, что под воздействием субъективного фактора, другими словами, в итоге победы социал-шовинистической политики маоистов, не только произошло изменение политической надстройки китайского общества (ликвидация руководящей роли рабочего класса и его авангарда — марксистско-ленинской коммунистической партии, и установление диктатуры военно-бюрократической группировки), но и идет процесс затрагивающий существо социалистических экономических основ общества, социалистических производственных отношений.

Этот процесс носит весьма специфический характер, поскольку деформация экономического базиса происходит не путем отказа от государственной и кооперативной форм собственности, а через подчинение этих форм задачам милитаризации страны и осуществлению социал-шовинистического курса. В нынешних условиях деформация связана с изменением социальных функций китайского государства. Этот процесс развивается в условиях острой внутренней борьбы.

Как долго сможет выдержать социалистический «каркас» китайского общества воздействие маоистских, антисоциалистических «перегрузок»? Во всяком случае, в настоящее время Китай переживает переходный период, то есть приближается к той решающей грани, когда количественные изменения и частичные качественные изменения могут вызвать серьезные перемены в развитии страны. Все будет зависеть от того, возьмут ли верх антисоциалистические маоистские силы или силы маоизма окончательно дискредитируют себя и в Китае победит социалистическая тенденция.

Вопрос «кто—кого» в КНР — марксисты-ленинцы или социал-шовинисты — пока не решен.

Третье. Как могло случиться, что Китай, считаясь социалистической страной, проводит антисоциалистическую политику?

Это — в известном смысле исторический парадокс, который порождается определенными противоречиями между воздействием субъективного фактора и объективно существующей основой социализма в КНР.

Если говорить о маоистских деятелях, то их противоречие не смущает, оно не мешает им в политической борьбе. Как известно, маоисты давно списали в архив сами понятия «мировая социалистическая система», «социалистический лагерь», «социалистическое содружество». Они «отлучили» от социализма Советский Союз и те братские страны, которые идут в едином строю с ним в борьбе за дело социализма, мира, прогресса. Чтобы ликвидировать это противоречие и обеспечить полную свободу рук в борьбе против СССР и социалистического содружества, оправдать применение любых средств и методов против них, маоисты объявили Советский Союз «буржуазным государством», а другие страны «ревизионистскими», «переродившимися». Что касается марксистов-ленинцев, то признание ими Китая социалистической страной ни в коей мере не может влиять на принципиальную оценку деятельности группы Мао Цзэ-дуна, не ослабляет бдительности в отношении последствий маоистской политики, являющейся одним из самых опасных антисоциалистических явлений, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться марксистам-ленинцам.

Очевидно, потребуется немалое время, чтобы социалистические силы в Китае смогли консолидироваться и сломить господство маоистов, повести страну по пути научного социализма, покончить с новоявленной моделью мелкобуржуазного социализма, к которому лучше всего подходит определение «бункерного социализма», ибо его главной стратегической идеей являются лозунги Мао: «глубже рыть убежища, больше запасать зерна», «готовиться к войне, готовиться к голоду».

Четвертое. О сущности и политических целях приукрашивания маоизма, придания ему видимости демократизма, философской глубокомысленности и респектабельности. Этот процесс называют иногда «гародизацией» маоизма. В настоящее время империалистическая пропаганда, антикоммунисты, а также различного рода оппортунисты, ревизионисты и всякое эмигрантское отребье объединяются в единый фронт для идейно-политической борьбы против марксизма-ленинизма, используя для этого

маоизм. Все они, восхваляя маоистскую политику в Китае, всячески поносят социалистические страны и пытаются противопоставить им новый маоистский «идеал», стремясь обелить и даже «романтизировать» маоизм, навести косметику на вандализм «культурной революции». Следует подчеркнуть, что это активно используют маоисты — и не только используют, но и всемерно помогают развитию такой тенденции: снимают одиозные установки «культурной революции», вуалируют свою деятельность внешне привлекательными новыми лозунгами и даже пытаются в какой-то мере отмежеваться от хунвэйбиновских крайностей, приписывая их то Лю Шао-ци, то Линь Бяо, то другим деятелям.

Ревизионисты, ренегаты и различные оппортунисты с помощью безудержного восхваления Мао и его политики хотят утвердить своего рода «китайскую модель социализма» как альтернативу международному опыту социализма, научному социализму. Особую активность на теоретическом фронте в этом направлении проявляют Гароди и другие ревизионисты. В центре политической идеализации маоизма стоит переоценка «культурной революции» и прославление правокапитулянтских тенденций нынешнего маоистского руководства.

Как показывает жизнь, своеобразная «мода» на маоизм сейчас развивается не только у ревизионистов, но и у отъявленных антикоммунистов. Вряд ли этому можно удивляться, так как приукрашивание доктрин маоизма и политических процессов, происходящих в КНР, помогает врагам социализма в их попытках дискредитировать научный социализм. Совершенно не случайно апология маоизма, проповеди плюрализма, национальных форм коммунизма, различных «моделей» социализма используются антикоммунизмом для подрыва единства мирового коммунистического движения.

Если поверить Гароди, Фишеру и иже с ними, то оказывается, что «культурная революция», отличавшаяся анархией и вандализмом, была великим актом защиты демократии от «бюрократического вырождения социализма». Гароди называет ее дальнейшим развитием «линии Мао Цзэ-дуна в борьбе против опасностей нового мандарината, принимавшего формы бюрократической организации партии»³. Этот сторонник «демократии без границ» оправдывает бесчинства хунвэйбинов, разгром партии, террор против миллионов китайских коммунистов, рабочих, интеллигентов. В этом акте Гароди видит даже некое «осуществление исторической инициативы масс». Он пишет: «Партия не рассматривалась в качестве единственного субъективного фактора революции. Обращение к исторической инициативе масс было в духе ленинских традиций»⁴. Подытоживая свои размышления, Гароди утверждает, что «культурная революция» является трудным, но необходимым этапом осуществления социализма в Китае»⁵.

Что можно сказать об этих измышлениях? Только одно: ради оправдания своего ренегатства Гароди готов хвалить хоть самого черта, если он выступает против коммунистических партий, против марксизма-ленинизма.

Антикоммунистическая пропаганда, многие десятки лет злобно клеветавшая на социализм, ныне вдруг встала в позу доброжелателей «китайской модели социализма» и восхваляет «культурную революцию» за то, что она была якобы направлена «на предотвращение реставрации ка-

³ Roger Garaudy. Le grand tournant du socialisme, стр. 160.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 165.

питализма». Любопытно слышать рассуждения «о предотвращении реставрации капитализма» из уст реакционных империалистических идеологов.

Но все становится на свое место, если внимательно посмотреть, за что же хвалят антикоммунисты «культурную революцию» и особенно недавние события в политической жизни КНР, характеризующейся сдвигом вправо. Антикоммунисты превозносят эти процессы прежде всего за три «достижения»: «они позволили Мао Цзэ-дуну преодолеть сопротивление сторонников развития отношений с Москвой», «избавиться от влияния советского образца строительства социализма», «начать политику широких контактов с Западом».

Как видим, буржуазная оценка «культурной революции» и провокапитулянтской политики КНР предельно отчетлива и ясна. Ее довольно цинично изложил гонконгский предприниматель Хон Ю, который написал книгу об отношениях КНР с великими державами после «культурной революции» и представил ее правительству США и конгрессу. Автор с удовлетворением подчеркивает, что «2 марта 1969 г. на острове Даманский состоялся салют в честь рождения новой сверхдержавы — Китая». «Это событие, — продолжает Хон, — было организовано китайскими лидерами с тем, чтобы нанести удар по престижу русских и продемонстрировать значимость Китая в мировой политике. Ранее китайское правительство уже выразило желание урегулировать все разногласия с США, установить с ними отношения мирного сосуществования и даже дружественные дипломатические связи для того, чтобы сконцентрировать все внимание «на враге с Севера» — на России».

Ужесточение группой Мао Цзэ-дуна социал-шовинистического курса и обострение идеологической борьбы на международной арене в связи с попытками империалистической пропаганды и ревизионистов приукрасить маоизм и использовать его для дискредитации марксизма-ленинизма, ставят задачу последовательного разоблачения теории и практики маоизма, противодействия раскольнической деятельности Пекина в отношении социалистического содружества, мирового коммунистического и национально-освободительного движений.

Пятое. В настоящее время маоисты активизируют попытки фальсифицировать историю советско-китайских отношений, историю разногласий КПК с мировым коммунистическим движением, возложить вину за нынешнее состояние дел в КНР на КПСС, на братские коммунистические и рабочие партии. В последнее время оппортунисты разных мастей при активной поддержке маоистов усиленно копаются в исторических архивах, пытаясь доказать, что нынешние разногласия мирового коммунистического движения с Пекином якобы оправдываются «ошибками», «виной» марксистов-ленинцев за конфликт с группой Мао Цзэ-дуна, «личными обидами» Мао-Цзэ-дуна и т. п.

Вне всякого сомнения, в отношении таких диверсий маоистов и их апологетов требуется повышенная бдительность. Исследования, проведенные советскими и многими непредубежденными учеными на Западе, со всей очевидностью говорят о том, что корни антисоветизма Мао Цзэ-дуна, его антисоциалистических действий и установок лежат в националистической сущности политики китайского руководства, а не в чем-то другом. На этот счет исторические документы с беспощадной логикой доказывают, кто повинен в разногласиях КНР с Советским Союзом, его друзьями. Однако, имея в виду фальсификаторскую деятельность маоистов, советские исследователи-китаеведы должны уделить соответствующее внимание документальной разработке этих важных тем, чтобы

лишить группу Мао Цзэ-дуна возможностей грубо исказить историю как советско-китайских отношений, так и отношений КПК с мировым коммунистическим движением.

* * *

Маоизм продолжает стоять перед сложными проблемами, что наглядно выражается в хаотическом состоянии политической системы, в нерешенности ключевой социально-экономической задачи создания современных производительных сил. Это порождает растущее недовольство маоистским режимом, ведет к расширению социальной основы сопротивления этому режиму и сужению массовой базы маоизма. Есть основания полагать, что рабочий класс, трудовое крестьянство и народная интеллигенция, активно втягиваясь в общественную жизнь, чем дальше, тем больше будут испытывать недовольство маоизмом.

Политика маоистского руководства усугубляет острые социально-экономические проблемы страны. Это, в частности:

продовольственная проблема, осложняющаяся из года в год как в силу высокого абсолютного прироста населения, так и прежде всего в силу того, что, бросив все средства на подготовку к войне, маоисты в лучшем случае могут лишь сохранить объем сельскохозяйственного производства, опираясь на собственные силы, без подведения широкой промышленной базы, так как модернизация в деревне идет крайне медленно;

проблема безработицы, которую пытаются решить порочным методом — принудительным переселением десятков миллионов людей из города в деревню;

проблема технической отсталости и растущего разрыва с уровнем развитых стран;

нерешенность главных вопросов подлинной культурной революции в стране (ликвидация неграмотности и подъем культуры многих сотен миллионов людей).

Все это делает процесс нарастания недовольства неизбежным, так как:

рабочий класс существенно ущемлен и в экономическом и в политическом отношении;

крестьянство не может быть довольно крайне тяжелыми условиями труда и жизни;

интеллигенция лишена возможности заниматься творческим трудом;

молодежь не может быть удовлетворена жизнью, поскольку она обманута и лишена перспектив.

Таким образом, и сейчас и в перспективе маоистский режим не в состоянии быть выразителем интересов ни одного из классов или крупных социальных прослоек китайского общества, что является источником его слабости и в конечном счете неминуемого краха.

Интересы рабочего класса, связанной с ним интеллигенции и определенных слоев кооперированного крестьянства уже сейчас приходят в глубокое противоречие с теорией и практикой маоизма. Социальная база маоистского режима в Китае в перспективе будет сокращаться, а это может благоприятно сказаться на развитии социалистических тенденций в КНР.

Поэтому борьба за социалистическую перспективу Китая включает в себя активное разоблачение теории и практики маоистов, противодействие их подрывному курсу на международной арене, борьбу за чистоту марксистско-ленинского учения от любых извращений его маоистами.

XXIV съезд КПСС полностью одобрил принципиальный ленинский курс и конкретные шаги ЦК КПСС и Советского правительства в советско-китайских отношениях. Апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС подтвердил решимость нашей партии и дальше проводить в отношениях с Китаем линию XXIV съезда КПСС.

«Мы хотим видеть Китай процветающей социалистической державой, вместе с ним бороться за мир против империализма, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в докладе о 50-летии образования СССР. — Но когда это произойдет, — зависит от самого Китая. И, конечно, ничто не заставит нас отойти от нашей принципиальной марксистско-ленинской линии, от твердой защиты государственных интересов советского народа и неприкосновенности территории СССР, от решительной борьбы против раскольнической деятельности руководства КНР в социалистическом мире и в освободительном движении».

Экономическое сотрудничество СССР с развивающимися странами Азии

В. А. Сергеев,

Заместитель Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям

Образование и успешное развитие СССР имеют огромное международное значение, являются важной вехой в социальном прогрессе всего человечества. Советский опыт создания многонационального социалистического государства, построения общими усилиями наших народов развитого социалистического общества, получил мировое признание и оказывает неоценимую помощь всем борцам за социальное и национальное освобождение. СССР твердо и последовательно проводит на мировой арене политику мира и дружбы, отстаивает ленинский принцип равноправия народов, решительно выступает против колониализма, неоколониализма и расизма, против всех форм национального угнетения. Эта политика была и остается важнейшим фактором активной борьбы против захватнических войн, за безопасность и свободу народов, за социальный прогресс.

В борьбе против империализма многие поработанные народы колоний и полуколоний завоевали государственную самостоятельность. В этой борьбе они опирались на поддержку Советского Союза, на социалистическое содружество стран в целом.

Одной из важнейших форм миролюбивой политики СССР является экономическое и техническое сотрудничество с зарубежными государствами, в том числе с развивающимися странами. В основу этого сотрудничества положены ленинские принципы международных отношений: социалистический интернационализм в отношениях с братскими странами социализма, равноправие больших и малых народов, невмешательство во внутренние дела других стран, мирное сосуществование государств с различным общественным строем, а также принцип взаимной выгоды.

Наша политика сотрудничества приобретает все больший авторитет у других народов и правительств. XXIV съезд КПСС поставил большие задачи в области совершенствования и расширения экономических и научно-технических связей с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Экономическое и техническое сотрудничество социалистических государств с развивающимися странами — явление сравнительно новое в сфере международных связей. Оно стало возможно в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало крушению колониальной системы империализма. Первые примеры такого сотрудничества относятся к концу 20-х — началу 30-х годов, когда

молодое Советское государство поделилось с соседними странами — Турцией, Ираном и Афганистаном — техническим опытом и оказало им материальную помощь за счет своих весьма скудных тогда ресурсов для создания ряда промышленных объектов.

Развал колониальных империй и выход десятков в прошлом зависимых стран Азии и Африки на международную арену после второй мировой войны открыли широкие перспективы для равноправного и взаимовыгодного сотрудничества молодых государств с миром социализма. Империалистическая блокада была прорвана, барьеры сметены. За короткий срок (15 лет) социалистические страны стали важными партнерами возрождающихся к новой жизни государств в области торговли и технико-экономического сотрудничества.

Соглашения с 45 странами

В сфере внешнеэкономических отношений Советского Союза большое место занимает разностороннее экономическое сотрудничество с развивающимися странами. СССР помогает им в развитии национальной промышленности, сельского хозяйства, средств транспорта и связи, ведет с ними оживленную торговлю, оказывает содействие в проведении геологоразведочных работ в подготовке специалистов.

Экономические отношения советского государства с развивающимися странами строятся, как правило, на основе межправительственных соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве. В этих соглашениях находят отражение пожелания наших партнеров об оказании им содействия в строительстве тех или иных предприятий. Включению конкретных объектов сотрудничества в соглашения предшествует глубокое технико-экономическое обоснование целесообразности их строительства.

В настоящее время Советский Союз имеет соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с 45 развивающимися странами, в том числе с 20 странами Азии.

О том, как прогрессирует экономическое сотрудничество СССР с азиатскими странами, можно видеть из следующих данных:

Рост объема экономического сотрудничества СССР с развивающимися странами Азии за 1970—1973 гг.

(индекс на начало года)

1. I, 1965 г. = 100 %

<u>1970 г.</u>	<u>1971 г.</u>	<u>1972 г.</u>	<u>1973 г.</u>
166,1	173,9	194,1	215,0

В общей сложности Советский Союз оказывает содействие странам Азии в сооружении более 400 промышленных предприятий и других объектов. Из них более половины (225) уже построено и успешно эксплуатируется — это тепловые и гидравлические электростанции; предприятия нефтеперерабатывающей, нефтедобывающей и угольной промышленности; заводы и цехи черной металлургии; машиностроительные и металлообрабатывающие заводы; предприятия химической, легкой и пищевой промышленности; различные сельскохозяйственные объекты. С участием нашей страны создаются также предприятия медицинской и фармацевтической промышленности, строятся атомные реакторы, шоссейные и же-

лезные дороги, мосты, порты, элеваторы, телецентры, радиостанции, высшие и средние учебные заведения, учебные центры, госпитали, жилые дома, стадионы и т. д.

Важное значение для развивающихся стран имеет техническое содействие в проведении геологоразведочных работ. Они проводятся с применением наиболее прогрессивных геологических и геофизических методов, в частности с помощью аэромагнитной съемки, морских и наземных сейсморазведочных работ, электроразведки и т. п.

В ряде стран такая геологическая разведка принесла существенные результаты. Так, специалисты западных стран на протяжении многих лет упорно утверждали, что в недрах Индии нет промышленных запасов нефти и газа. Советские геологи доказали обратное. С их помощью выявлены значительные месторождения нефти и газа, некоторые из них уже эксплуатируются. Первый индийский государственный нефтяной промысел дает ежегодно 3 млн. т нефти.

В Афганистане при содействии СССР разведаны месторождения природного газа, высококачественных железных и свинцово-цинковых руд, угля, ляпис-лазури и другого минерального сырья. Увенчались успехом поиски нефти в Сирии. С 1968 г. там начата промышленная эксплуатация нефтепромысла Суэйдия. В Ираке разведаны крупные месторождения серы, фосфоритов и минерального сырья для производства стекла. В Пакистане при техническом содействии советских специалистов обнаружены месторождения нефти, имеющие промышленное значение.

Говоря о подготовке национальных кадров, хочется еще раз подчеркнуть, что эта проблема имеет первостепенное значение для молодых независимых государств. В настоящее время в этой сфере осуществляют-ся три основных вида помощи:

обучение советскими специалистами граждан развивающихся стран непосредственно в ходе строительства или эксплуатации новых предприятий;

прием иностранных специалистов на производственно-техническое обучение в передовых советских предприятиях и научных учреждениях;

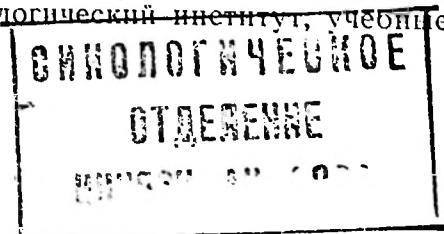
создание национальных учебных заведений в развивающихся странах.

В общей сложности для оказания технического содействия по заявкам развивающихся стран были командированы десятки тысяч советских специалистов, которые, выполняя основную работу, делились своими знаниями и опытом с зарубежными коллегами.

В ходе строительства и эксплуатации новых предприятий и национальных учебных заведений советские специалисты подготовили из числа местных граждан свыше 300 тыс. квалифицированных рабочих, техников и инженеров. Наряду с этим тысячи студентов и аспирантов из развивающихся стран обучаются в советских высших учебных заведениях.

Все обучение и практическая подготовка специалистов в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях Советского Союза осуществляется безвозмездно. Более того, студенты и аспиранты получают стипендии за счет нашей страны.

В развивающихся странах при сотрудничестве с СССР намечено построить более 140 учебных заведений, институтов, техникумов, технических средних школ, учебных центров. 90 из них уже функционируют — это Бомбейский технологический институт, Высший технический институт в Кабуле, Рангунский технологический институт, учебные центры в Сирии, Ираке и других странах.

Экономическое содействие СССР осуществляется на взаимовыгодной основе, на принципах равенства и уважения взаимных интересов. Оно приобретает поэтому характер устойчивого разделения труда, противостоящего международной системе империалистической эксплуатации.

Техническое содействие Советского Союза этим странам сочетается с активным развитием внешней торговли. Только за последние 10 лет товарооборот СССР с развивающимися странами возрос почти в 2,4 раза. За счет этого возникают возможности полнее удовлетворять потребности советского народного хозяйства, одновременно содействуя укреплению экономики наших партнеров, прежде всего их промышленности.

Покрывая затраты советских организаций, связанные с экономическим и техническим содействием, развивающиеся страны поставляют нам необходимые для нашего народного хозяйства товары: концентраты руд цветных металлов, нефть, газ, длинноволокнистый хлопок, натуральный каучук, кожаное сырье, масличные семена, какао-бобы, а также продовольственные и промышленные товары народного потребления: хлопчатобумажные ткани и швейные изделия, трикотаж, обувь, мебель, рис, чай, кофе, тропические фрукты и многое другое.

Все большее распространение в последние годы получают производственная кооперация и участие Советского Союза в сооружении объектов, продукция которых интересует обе стороны.

В соглашениях с развивающимися государствами предусматриваются поставки этими странами товаров в погашение предоставленных им кредитов и в оплату расходов советских организаций по оказанию содействия и технической помощи. Например, по советско-иранским соглашениям в СССР поставляются газ, хлопок, шерсть, руды цветных металлов, икра осетровых рыб, каракуль, кожсырье, а также товары широкого потребления. Ежегодный объем поставок газа из Ирана превысил 8 млрд. м³. В то же время СССР оказывает техническое содействие Ирану в строительстве промышленных предприятий, поставляет оборудование.

Индия наряду со своими традиционными товарами (чай, джут, джутовые изделия, шеллак, перец и др.) экспортирует в Советский Союз продукцию с предприятий, построенных в процессе осуществления советско-индийского сотрудничества: прокат и чугуны с Бхилайского металлургического завода, хирургические инструменты с Мадрасского завода, оптические линзы с завода в Дургапуре.

В одной статье невозможно осветить подробно экономическое и техническое сотрудничество Советского Союза со всеми развивающимися странами Азии, с которыми имеются соответствующие соглашения, поэтому в качестве примера можно остановиться на сотрудничестве с некоторыми из них.

Сотрудничество со странами Южной и Юго-Восточной Азии

В Индии при содействии СССР созданы и еще строятся свыше 60 промышленных предприятий, сельскохозяйственных ферм и учебных заведений. Особо следует упомянуть о таких объектах, как металлургические заводы в Бхилаи и Бокаро, алюминиевый завод в Корбе, завод тяжелого машиностроения в Ранчи, завод тяжелого электрооборудования в Хардваре, нефтеперерабатывающие заводы в Барауни и Койяли, угольные шахты, электростанции, медицинские предприятия в Ришикеше,

Хайдарабаде. Все это современные и высокопроизводительные предприятия, которые вносят большой вклад в развитие экономики страны. Они будут ежегодно давать 8 млн. т стали, 100 тыс. т алюминия, 125 тыс. т металлургического, горношахтного, нефтебурового и другого тяжелого оборудования, производить гидравлические, тепловые турбины и генераторы к ним (общей мощностью 2,7 млн. квт) и другое электрооборудование, перерабатывать 6 млн. т нефти, добывать 6,5 млн. т нефти, добывать 6,5 млн. т железной руды, изготавливать большое количество точных приборов, хирургических инструментов, медикаментов.

При строящихся предприятиях создаются учебные заведения для подготовки кадров, сооружаются современные рабочие поселки, а в ряде случаев вокруг крупных заводов возникли новые города со школами, больницами, клубами. Так, Бхилайский металлургический завод был построен на месте глухой деревушки, а сейчас вокруг него вырос современный город с населением более 200 тыс. человек.

Свыше 2 тыс. индийских специалистов и рабочих из Бхилаи прошли производственную подготовку на передовых предприятиях Советского Союза. Наряду с этим в процессе строительства и освоения предприятий в самой Индии с помощью советских специалистов подготовлено непосредственно на рабочих местах около 50 тыс. индийских специалистов и рабочих.

1972 год принес Индии новые успехи в деле создания национальной промышленности. На сооружаемом при содействии Советского Союза металлургическом заводе в Бокаро, который будет наиболее крупным и современным металлургическим предприятием в Южной и Юго-Восточной Азии, в октябре прошлого года в эксплуатацию введен комплекс доменной печи № 1 объемом 2 тыс. м³. Создание этого комплекса является большим достижением всей индийской экономики и результатом труда индийских рабочих, инженеров, результатом дружбы и сотрудничества между нашими странами.

Вслед за комплексом доменной печи № 1 будут введены в эксплуатацию и другие объекты этого металлургического завода: конверторы емкостью от 100 до 300 т, мощный слябинг, непрерывные широкополосные прокатные станы горячей и холодной прокатки и другие объекты, при этом мощность завода возрастет с 1,7 млн. т стали в год до 4 млн. т.

Советские и индийские специалисты разработали перспективный план расширения геологоразведочных и буровых работ на газ и нефть. Работы будут выполнены в два этапа. При этом в первый период предусматривается увеличить добычу нефти почти в 2,7 раза по сравнению с 1972 г., а во второй период — почти в 4,3 раза.

В сентябре 1972 г. было подписано Соглашение об учреждении Межправительственной советско-индийской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, реализация которого, несомненно, послужит дальнейшему углублению советско-индийского сотрудничества в различных областях экономики, науки и техники.

После подписания соглашения обе стороны выразили желание немедленно приступить к выполнению стоящих перед ними задач, в частности в области развития советско-индийского экономического сотрудничества; был обсужден ряд вопросов в области черной металлургии, включая производство спецстали и ферросплавов, цветной металлургии, разведки, добычи и переработки нефти, добычи природного газа.

Работа Межправительственной советско-индийской комиссии, несомненно, будет способствовать также созданию стабильного рынка для индийских товаров в СССР, в реализации которых Индия нередко испыты-

вает определенные трудности. При этом хочется еще раз подчеркнуть взаимовыгодность экономических и торговых связей между Индией и Советским Союзом. В практике нашей торговли, экономического сотрудничества цены всегда являются взаимоприемлемыми для сторон, так как они определяются на уровне цен мирового рынка.

Важным результатом деятельности комиссии является подписание протокола, предусматривающего дальнейшее расширение экономического, технического и научного сотрудничества между СССР и Индией. Согласно этому протоколу, СССР будет оказывать дальнейшее содействие в расширении крупнейших металлургических заводов Индии. Так, например, мощность первенца советско-индийского экономического и технического сотрудничества — металлургического завода в Бхилаи — будет доведена примерно до 7 млн. т стали в год, а строящийся в настоящее время при содействии Советского Союза завод в Бокаро, ежегодная мощность которого равна 4 млн. т стали, будет расширен, и его мощность составит около 10 млн. т стали в год.

Большое внимание в работе Межправительственной советско-индийской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству уделяется разведке месторождений нефти и газа, увеличению добычи нефти, строительству новых нефтеперерабатывающих заводов. Как известно, при помощи Советского Союза в Индии уже построены и хорошо работают два современных нефтеперерабатывающих завода — в Барауни и Койяли — с ежегодной мощностью 3 млн. т каждый. В связи с предстоящим расширением поиска новых нефтяных месторождений стране необходимо расширить и нефтеперерабатывающую базу. Учитывая это, на заседании комиссии были обсуждены перспективы строительства нового крупного нефтеперерабатывающего завода в Матуре мощностью 6 млн. т в год.

На заседаниях комиссии обсуждались также проблемы расширения энергетической базы Индии, развития производства меди, рассматривался вопрос о целесообразности строительства в стране при содействии СССР глиноземного завода.

Большое внимание обе стороны уделили вопросам научно-технического сотрудничества.

Детально были обсуждены проблемы производственной кооперации промышленных предприятий СССР и Индии. Достигнута договоренность об организации на заводах, построенных с помощью Советского Союза, производства некоторых видов оборудования, для изготовления которых советская сторона будет поставлять комплектующие изделия. Намечен также план развития на долгосрочной основе производственной кооперации с индийскими предприятиями в целях изготовления определенных изделий для экспорта в СССР.

Эти проекты свидетельствуют о том, что советско-индийские экономические отношения становятся все более разносторонними и приобретают долговременный характер.

Подробно были также рассмотрены вопросы и достигнута договоренность о сотрудничестве на 1973—1974 гг. в сфере прикладной науки и техники, о продолжении подготовки с советской помощью квалифицированных индийских технических кадров.

Наконец, следует остановиться и на советско-индийской торговле. Как и другие области сотрудничества, она носит взаимовыгодный характер и развивается довольно успешно: если в 1966 г. товарооборот между обеими странами составлял около 350 млн. руб., то в прошлом году он превысил 450 млн. руб. и тем самым уже превзошел наметки торгового соглашения на 1971—1975 гг.

Советский Союз поставляет в Индию главным образом машины, оборудование, а также химикалии и пластмассы, бумагу, нефтепродукты и многое другое. Из Индии в СССР ввозятся потребительские товары — чай, кофе, фруктовые соки и консервы, орехи кешью, хлопчатобумажные ткани, шерстяной трикотаж, одежда, обувь, джут и джутовые изделия, мелкое кожсырье, слюда. Все большее место в импорте из Индии занимают изделия быстро развивающейся индийской промышленности — прокат черных металлов, аккумуляторы, гаражное оборудование и т. д.

Достигнута договоренность начать разработку программы советско-индийского товарооборота на 1976—1980 годы в целях дальнейшего его роста и совершенствования форм коммерческих отношений на долгосрочной основе.

В Бирме при содействии Советского Союза были построены: ирригационное сооружение, которое дает возможность орошать земельные площади в 12 тыс. га; госпиталь на 200 коек с поликлиникой, рассчитанной на обслуживание 100 пациентов в день; технологический институт на 1056 студентов и 50 аспирантов. В настоящее время восстанавливается оловянно-вольфрамовый рудник, чему здесь предшествовали работы по переоценке запасов руды, законченные в прошлом году. Советское правительство дало согласие правительству Бирмы в 1972 г. оказать содействие в строительстве карьеров по добыче известняка и гипса, ирригационной плотины, а также в строительстве нефтехранилищ. Переговоры по этим вопросам ведутся между представителями сторон.

В Республике Шри Ланка с помощью СССР построены металлургический завод, шинный завод, мельничный комбинат и другие предприятия.

В 1972 г. был разработан и передан правительству республики технический проект на строительство второй очереди металлургического завода, подписан контракт об оказании содействия Корпорации по нефти и газу в проведении первого этапа разведки (сейсмическая разведка). Полевые работы по сейсмической разведке завершены, и в настоящее время в СССР идет к концу обработка их результатов. Закончены переговоры и подписан контракт о помощи в осуществлении второго этапа работ (бурение трех стратиграфических скважин). В 1972 г. был подписан протокол, которым предусмотрены конкретные объемы поставляемого в дар народу Шри Ланка советского оборудования для домостроения. В том же году по просьбе партнера советскими проектными организациями были разработаны предложения по реконструкции построенного при содействии СССР мельничного комбината с увеличением мощности на 70—80%. Контракт на расширение этого комбината уже подписан.

В Советском Союзе завершается составление материалов о целесообразности строительства опытного завода по электрометаллургической переработке местных ильменитовых концентратов.

В 1972 г. в СССР находился министр промышленности и научных исследований Республики Шри Ланка. С ним был обсужден ряд вопросов, касающихся дальнейшего экономического и технического сотрудничества между нашими странами.

В Народной Республике Бангладеш при участии советской стороны сооружается тепловая электростанция Горазал мощностью 110 мвт. Строится завод электрооборудования. На его строительной площадке выполнены работы нулевого цикла. Подписан контракт на поставку для этого завода строительных материалов, металлоконструкций и технологического оборудования. Кроме того, сооружаются радиовещательные станции, а также оказывается содействие в проведении геологоразведочных работ на нефть и газ.

Имеется соглашение о поставке Народной Республике Бангладеш в качестве дара различного оборудования и предоставлении других видов безвозмездной помощи. В частности, республике уже переданы 10 рыболовных судов, три грузовых судна грузоподъемностью по тысяче тонн каждое и, кроме всего этого, четыре вертолета. Эти вертолеты, обслуживаемые советскими экипажами, используются для доставки продовольствия и других срочных грузов в труднодоступные районы страны. Согласован вопрос об организации при помощи советской стороны энергетического учебного центра и учебно-производственной базы для подготовки инструкторов производственного обучения, а также учебного центра по подготовке плавсостава рыболовных судов.

В Бангладеш поставлены механизмы для ремонта железных дорог, а также оборудование для ремонта железнодорожных мостов. По соглашению об оказании помощи в восстановлении нормальных условий навигации проводятся работы по расчистке порта Читтагонг. Работа порта нормализована, и здесь достигнут довоенный уровень обработки грузов.

Непалу Советский Союз помог построить завод по переработке сахарного тростника мощностью в 1000 т тростника в сутки, сигаретную фабрику, изготавливающую 2 млрд. штук сигарет в год, завод сельскохозяйственных орудий производительностью около тысячи тонн изделий в год, гидростанцию мощностью 2400 квт и госпиталь. Закончено строительство автомобильной дороги протяженностью около 110 км. Дорога построена с черным покрытием и необходимыми искусственными сооружениями, обеспечивающими круглогодичное движение транспорта. В настоящее время закончены переговоры об оказании содействия Непалу в строительстве завода по производству растительного масла.

С Пакистаном экономическое сотрудничество СССР осуществляется в области черной металлургии. В районе Карачи будет строиться металлургический завод мощностью более миллиона тонн стали в год. Пакистанскому правительству уже передан технический проект на строительство указанного завода. Кроме того, советские организации сотрудничают с Пакистаном в области энергетики. С помощью Советского Союза будет строиться тепловая электростанция мощностью 200 мвт. В настоящее время в Пакистане сооружается радиостанция и ведутся геологические и буровые работы на нефть и газ.

Сотрудничество со странами Ближнего и Среднего Востока

В Сирии при техническом содействии Советского Союза закончено выполнение работ по 13 объектам, в том числе по таким, как нефтепромыслы Суэйдия, Карачок и Румелан; цех слабой азотной кислоты (мощностью около 90 тыс. т в год) и общезаводские сооружения на заводе азотных удобрений в Хомсе; плотина и ГЭС «Растан II» на реке Оронт мощностью 7,5 тыс. квт; завод по производству железобетонных шпал; железнодорожный участок Аккари—Тартус протяженностью 42 км; геологоразведочные работы.

В настоящее время сотрудничество осуществляется по 15 объектам и темам. Наиболее крупными из них являются: первая очередь Евфратского комплекса с гидроэлектростанцией мощностью 300 тыс. квт. с последующим увеличением ее до 800 тыс. квт; линии электропередачи общей длиной 660 км; железные дороги Камышлы—Латакия и Дамаск—

Хомс общей протяженностью 966 км; развитие нефтедобывающей промышленности; ирригационное строительство.

Гидроэнергетический комплекс на реке Евфрат предназначен для регулирования стока реки с целью орошения земель, а также получения электроэнергии. Первая очередь его строительства предусматривает сооружение гидроузла с отметкой водохранилища 300 м, земляной плотины высотой 58 м и длиной 4,1 км. Объем водохранилища составит около 12 млрд. м³. В перспективе в районе Евфратского комплекса предполагается оросить до 600 тыс. га, что удвоит площадь орошаемых земель в стране. Выполнение строительства гидроэнергетического комплекса позволит ежегодно вырабатывать около 4 млрд. квтч. электроэнергии; это в несколько раз превысит ее выработку в стране в настоящее время.

На строительстве гидроузла, которое было начато в 1967 г., сейчас производится укладка бетона в здание ГЭС, ведется монтаж гидромеханического, гидросилового и электротехнического оборудования. Заканчивается выемка грунта, смонтированы закладные части трех гидротурбин. Продолжаются работы по отсыпке и намыву грунта в тело плотины. В течение текущего года намечается осуществить перекрытие русла реки Евфрат и пустить первые агрегаты ГЭС.

С 1969 г. в учебном центре в Алеппо ведется подготовка квалифицированных кадров для гидроэнергетического узла на реке Евфрат. В центре подготовлено около 2200 квалифицированных рабочих по 25 профессиям. Благодаря работе этого учебного центра полностью удовлетворена потребность Евфратского гидроузла в экскаваторщиках, крановщиках, слесарях по ремонту автомобилей и других квалифицированных рабочих.

Советскими специалистами разведаны в северо-восточной части Сирии нефтяные месторождения на структурах Суэйдия, Румелан, Карачок, Джебисси, Дерик и Хурбет. В результате проведенных при содействии Советского Союза работ Сирия уже начала добычу нефти в промышленных масштабах на первых трех из указанных месторождений. Всего с начала разработки добыто около 20 млн. т нефти.

В настоящее время советские специалисты продолжают оказывать помощь в проведении геологоразведочных работ, в бурении эксплуатационных и разведочных скважин, в обустройстве и эксплуатации действующих и новых нефтепромыслов.

Советский Союз имеет обязательства по оказанию Ираку технического содействия в строительстве и проведении работ по 79 предприятиям и объектам. К настоящему времени закончено выполнение работ на большей половине из них.

Построены и введены в эксплуатацию электротехнический завод, хлопчатобумажный комбинат, завод сельскохозяйственных машин, завод антибиотиков и фармацевтических препаратов, стекольный завод, швейная и чулочно-трикотажная фабрика, консервный завод, железные дороги Багдад—Басра и Шуэйба—Ум Каср, объекты радио и связи, учебные центры.

Предусматривается строительство ряда новых промышленных объектов. Намечается строительство рудника с обогатительной фабрикой на фосфоритном месторождении Акашат и завода по производству суперфосфата, двух гидроэлектростанций на существующих плотинах Дукан и Дербендихан с линиями высоковольтной электропередачи, а также объектов рыбного хозяйства. Кроме того, Советский Союз поставит Ираку рыболовные суда.

Иракской стороне дано согласие на оказание содействия в строительстве хлопчатобумажного комбината мощностью 45 млн. м тканей и 350 т

товарной пряжи в год, цементного завода мощностью 400—500 тыс. т в год, завода по производству белого цемента мощностью 75—100 тыс. т в год и завода по производству асбестовых плит (шифера) мощностью 48 млн. условных плит в год.

Значительный объем технического содействия Ираку предусматривается и в области строительства объектов нефтяной промышленности. Советские организации построили нефтепромысел Северная Румейла мощностью 5 млн. т нефти в год (первая очередь) и нефтепровод от этого месторождения до порта Фао на побережье Персидского залива.

Наша страна оказывает помощь Ираку в транспортировке добываемой нефти путем предоставления в аренду танкеров, укомплектованных советскими экипажами, направления советских команд для работы на иракских танкерах. Изучается вопрос о создании смешанной советско-иракской судоходной компании по транспортировке нефти.

Предусмотрено строительство нефтеперерабатывающего завода в Мосуле мощностью 1,5 млн. т в год с нефтепроводом для обеспечения завода киркукской сырой нефтью, а также строительство нефтепродуктопровода Багдад—Басра протяженностью около 600 км.

Достигнута договоренность об участии советских специалистов в составлении топливно-энергетического баланса Ирака и в разработке планов развития нефтедобывающей промышленности страны до 1980 г., на базе которого может быть уточнена перспектива советско-иракского сотрудничества в области нефти.

Осуществляется строительство крупного регулирующего канала от озера Тартар до реки Евфрат протяженностью 40 км. Этот канал сбросит часть паводковых вод реки Тигр в Евфрат через озеро Тартар и тем самым позволит, с одной стороны, устранить опасность наводнений, а с другой стороны, даст возможность увеличить водный баланс реки Евфрат. Следует отметить, что большую роль в предотвращении наводнений в нижнем течении Евфрата, русло которого здесь проходит по густонаселенным районам Ирака, сыграет также плотина, сооружаемая на этой реке при содействии СССР в Сирии.

Предусматривается оказание содействия в сооружении гидроэнергетического комплекса Хадита на Евфрате и составление плана строительства комплексных гидроузлов Эски-Мосул (на реке Тигр) и Бекме (на реке Большой Заб).

Создана постоянная советско-иракская комиссия, задачей которой является содействие развитию экономического сотрудничества и торговли между СССР и Ираком.

Необходимо отметить, что объем советско-иракского экономического сотрудничества резко возрос в результате подписания соглашений от 4 июля 1969 г. и 8 апреля 1971 г. Объем поставок в Ирак комплектного оборудования и материалов, планируемый на 1971—1975 гг., почти в 1,6 раза превышает объем фактических поставок за весь период сотрудничества с 1959 по 1970 г.

Имеются предпосылки для дальнейшего успешного развития советско-иракского экономического и технического сотрудничества в нефтяной, нефтехимической и газовой промышленности, энергетике, сельском хозяйстве, строительстве водохозяйственных объектов, а также в других отраслях.

Соглашениями об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Афганистаном предусмотрено оказание содействия последнему в строительстве 81 предприятия и объектов, из которых на 1 января 1973 г. полностью введено в эксплуатацию 58 объектов. Кроме того, Со-

ветский Союз оказывает Афганистану помощь в эксплуатации 24 предприятий и объектов.

Значительная часть советской помощи Афганистану направлена на развитие национальной промышленности. К числу наиболее крупных промышленных предприятий, построенных и строящихся при техническом содействии СССР, относятся: гидроэлектростанция «Наглу» мощностью 90 тыс. квт, авторемонтный завод в Кабуле, рассчитанный на производство примерно 1400 капитальных ремонтов в год, газопромysel в Шибергане мощностью 2,6 млрд. м³ газа в год, газопровод до границы Советского Союза, хлебокомбинат, состоящий из двух мельниц, хлебозавод и элеватор в Кабуле, завод азотных удобрений производительностью 105 тыс. т карбамида в год и тепловая электростанция мощностью 48 тыс. квт в Мазари-Шерифе.

В результате проводимых советскими специалистами геологоразведочных работ в Северном Афганистане выявлены запасы природного газа в объеме 120 млрд. куб. м. На территории Афганистана нашими геологами обнаружены также месторождения ряда полезных ископаемых — железной руды, полиметаллов, золота, ртути, нерудных ископаемых.

Существенная помощь оказывается стране в подъеме ее сельского хозяйства. В районе Джелалабада сооружен ирригационный канал, который оросит 31,5 тыс. га земли. Из них 24,5 тыс. га приходится на целинные земли в густонаселенной Нангархарской провинции — единственном районе страны, где климатические условия позволяют выращивать субтропические культуры. На орошаемых каналам при содействии СССР созданы две государственные многоотраслевые фермы, специализирующиеся на выращивании цитрусовых и маслин; завершается ирригационно-мелиоративная подготовка внеферменных земель в зоне канала.

Большая помощь Афганистану оказывается в области транспортного строительства. Советский Союз помог построить ряд жизненно важных для страны автомагистралей. Среди них: дорога с бетонным покрытием Кушка—Герат—Кандагар, автомобильная дорога через горный хребет Гиндукуш от Кабула до порта Ширхан на реке Пяндж, автодорога Пули-Хумри—Шибарган. Сооружено также несколько аэродромов и крупных автодорожных мостов.

Значительное место в советско-афганском сотрудничестве занимает помощь Афганистану в подготовке национальных технических кадров, которая осуществляется как непосредственно в процессе строительства объектов, так и в учебных центрах, школах и на специальных курсах. Всего подготовлено около 50 тыс. афганских рабочих и техников. При содействии Советского Союза в Кабуле построен и с 1968 г. функционирует политехнический институт для подготовки инженеров-горняков, геологов, гидротехников, нефтяников, строителей, дорожников и специалистов других отраслей хозяйства. Построено также два техникума.

Экономическая и техническая помощь Советского Союза Афганистану, способствуя развитию экономики страны, создает благоприятные условия для расширения и упрочения советско-афганских торговых связей. Так, создание предприятий газовой промышленности позволило Афганистану поставлять в Советский Союз природный газ.

Оказываемое Советским Союзом содействие в эксплуатации построенных предприятий и объектов направлено на быстрее освоение проектных мощностей, повышение эффективности их производственной деятельности. Предприятия, построенные с помощью СССР, работают рентабельно и в общем объеме промышленного производства государственного сектора страны они в 1972 г. давали 70% продукции.

В настоящее время сотрудничество с Афганистаном осуществляется главным образом на основе соглашения, подписанного в 1972 г., которое предусматривает оказание экономического и технического содействия в осуществлении афганского IV пятилетнего плана путем продолжения строительства объектов и выполнения работ в соответствии с ранее заключенными соглашениями, а также путем строительства новых объектов.

Основные усилия в этот период будут направлены на расширение сотрудничества в области геологоразведочных работ на газ, нефть, твердые ископаемые, а также на создание новых и увеличение имеющихся производственных мощностей по добыче указанных полезных ископаемых. Это даст возможность Афганистану укрепить свою минерально-сырьевую базу, а также ослабить напряжение платежного баланса путем продажи газа и других полезных ископаемых.

В Иране в 1971 г. введен в эксплуатацию гидроэнергетический комплекс на реке Аракс, состоящий из гидроузла «Аракс» и Мильско-Муганской плотины, сооружение которого осуществлялось при техническом и экономическом содействии СССР. Указанный комплекс играет немалую роль в развитии хозяйств прилегающих районов Ирана и Советского Союза. Появилась возможность дополнительно получить более 70 млн. квтч дешевой электроэнергии в год, улучшить водообеспеченность на площади 13,5 тыс. га и гарантировать подачу воды для орошения до 62 тыс. га новых земель.

В марте 1973 г. состоялся торжественный пуск Исфаганского металлургического завода. Одновременно было подписано советско-иранское соглашение о сотрудничестве в расширении его мощности до 1,9 млн. т стали в год. Пуск металлургического комплекса, использующего местное сырье, позволит Ирану в значительной степени удовлетворить свои растущие потребности в металле. В последнее время Иран вынужден был закупать около 500 тыс. т металла в год.

В середине прошлого года состоялся ввод в эксплуатацию Аракского машиностроительного завода мощностью 30 тыс. т металлоизделий в год. В том же году введены в эксплуатацию 5 зерновых элеваторов общей емкостью 64 тыс. т.

При техническом содействии СССР в Иране продолжают работы по 40 объектам, в том числе: сооружаются 17 элеваторов емкостью 240 тыс. т зерна, завершение строительства которых позволит почти в три раза увеличить существующую емкость элеваторов в стране; ведется строительство 11 домостроительных комбинатов, создаются центры профессионально-технической подготовки, ведутся проектно-изыскательские работы на строительстве Ходааферинского гидроузла.

В Турции при содействии Советского Союза строится металлургический завод в Искендеруне мощностью 1 млн. т стали в год, что практически удвоит нынешнее производство стали в стране. На заводе найдут работу около 10 тыс. человек.

Наша страна оказывает Турции экономическую и техническую помощь в развитии цветной металлургии. Долгие годы Турция, располагающая залежами высококачественных бокситов, безуспешно пыталась заручиться содействием западных фирм в строительстве алюминиевого завода. Теперь же в сотрудничестве с Советским Союзом строится алюминиевый завод с полным промышленным циклом и на основе самой современной технологии (мощностью по производству глинозема — 200 тыс. т,

алюминия — 60 тыс. т и проката — 25 тыс. т в год). В результате работы завода, по подсчетам турецких специалистов, страна будет ежегодно экономить свыше 40 млн. долл.

Строящийся с помощью СССР нефтеперерабатывающий завод мощностью 3 млн. т сырой нефти в год позволит увеличить производство нефтепродуктов в стране на 25%, а доля удельного веса государственного сектора в нефтеперерабатывающей промышленности Турции возрастет до 47%.

* * *

Расширение экономических связей Советского Союза с развивающимися странами является прямым результатом укрепления международных позиций социализма и успехов национально-освободительного движения.

Наша эпоха — это эпоха важнейших революционных перемен в мире и существенные свидетельства этому — повсеместный крах системы колониализма, расширившийся общий фронт антиимпериалистической борьбы, непреодолимое стремление народов развивающихся стран к глубоким социально-экономическим преобразованиям. Все больше стран «третьего мира», добившись политической независимости, постепенно преодолевают губительные последствия вековой колониальной кабалы, закладывают основы своей самостоятельной экономики, ядром которой является государственный сектор. И на этом пути народы развивающихся стран получают братскую поддержку со стороны СССР и других социалистических государств.

Экономические и технические связи с СССР имеют важное значение для создания и укрепления в развивающихся странах государственного сектора экономики, для ускорения темпов их хозяйственного развития и укрепления позиций в борьбе с империалистическими монополиями. Все это содействует также росту и консолидации прогрессивных сил в этих странах.

О характере сотрудничества СССР с развивающимися странами и его социально-экономических последствиях можно судить на примере отдельных стран Азии (часть из них мы привели выше), но хотелось бы и суммировать некоторые данные. Наиболее показательны в этом отношении сведения о распределении экономической и технической помощи Советским Союзом по основным отраслям национального хозяйства и культуры развивающихся стран по состоянию на 1 января 1973 г. (в %):

Промышленность	76,6
в том числе:	
энергетика	16,0
черная металлургия	32,3
цветная металлургия	4,8
нефтедобыча	4,3
нефтепереработка и химия	5,2
машиностроение и металлообработка	5,2
пищевая, молочная, мясная, рыбная	2,0
Сельское хозяйство	5,9
Транспорт, связь	7,6
Геология	4,2
Просвещение, культура, здравоохранение	3,9

Таким образом советская помощь прежде всего способствует созданию ключевых объектов экономики развивающихся государств, то есть ведущих отраслей промышленности, энергетики, сельского хозяйства, а также инфраструктуры и подготовке квалифицированных национальных кадров. При этом мероприятия по оказанию помощи со стороны СССР обязательно «вписываются» в перспективные экономические планы наших партнеров и осуществляются с учетом необходимости наиболее рационально использовать природные и трудовые ресурсы той или иной страны.

Экономическое и техническое сотрудничество молодых развивающихся государств с Советским Союзом позволяет им широко использовать многосторонний, богатый опыт хозяйственного строительства советской страны, первой в мире вступившей на путь социалистического развития.

Все это имеет немалое значение для успешного прогресса развивающихся стран, и Советский Союз, в соответствии с решениями XXIV съезда КПСС, будет неуклонно «продолжать развитие устойчивых внешнеэкономических и научно-технических связей с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки на условиях взаимной выгоды и в интересах укрепления их экономической независимости»¹.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., Госполитиздат, 1971, стр. 294.

ЭКАДВ: свет и тени

К. М. Попов,

доктор экономических наук

В апреле текущего года в Токио проходила очередная, 29-я сессия Экономической комиссии ООН для стран Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ). В работе сессии приняли участие представители почти всех государств Азиатского континента; ее повестка дня включала важные проблемы экономического и социального развития азиатских стран.

Работа данной сессии ЭКАДВ привлекла особое внимание азиатских стран и, без преувеличения можно сказать, мировой общественности. Это объясняется тем, что впервые за многие годы в Азии (как и в других частях света) резко улучшился политический климат. Прекращена долголетняя, мучительная война во Вьетнаме, вьетнамские патриоты отстаивали справедливое дело свободы и независимости. Подписано соглашение о восстановлении мира и национальном согласии в Лаосе. Положено начало переговорам о мирном воссоединении обеих частей Кореи. В то же время переживают кризис такие военно-политические анахронизмы недавнего прошлого, как агрессивные блоки СЕАТО и АЗПАК.

Все эти, как и многие другие приметы современной ситуации в районе Азии и на других континентах мира, убедительно подтверждают тот факт, что благодаря настойчивой и конструктивной политике Советского Союза, других социалистических стран при поддержке всех миролюбивых сил мира достигнуты важные сдвиги. «Происходит поворот от «холодной войны» и опасной напряженности к разумным совместным усилиям по укреплению мира и развитию взаимовыгодного сотрудничества»¹.

В этих условиях намного возрастает роль такой представительной международной организации, как ЭКАДВ, имеющей своей целью всемерное содействие экономическому сотрудничеству стран Азии и Дальнего Востока на основе равноправия и взаимной выгоды. Такая цель Комиссии выглядит тем более благородной и важной, если учесть, что многие страны, входящие ныне в ЭКАДВ, совсем недавно сбросили с себя колониальное ярмо империализма и вступили на путь самостоятельного развития.

Четверть века существования

ЭКАДВ была создана в 1947 г., почти одновременно с Экономической комиссией ООН для стран Европы. Первоначально она являлась временным органом для оказания помощи народам Азии, пострадавшим

¹ Речь тов. Л. И. Брежнева на торжественном митинге в Москве, посвященном 1 Мая (см. «Правда», 2. V. 1973).

от войны. Первая сессия ЭКАДВ состоялась в 1947 г. в г. Шанхае. С 1952 г. ЭКАДВ преобразована в постоянный орган ООН, непосредственно подчиненный Экономическому и Социальному совету, который ежегодно рассматривает отчет о проведенной ею работе.

При основании Комиссии в ее состав входили: Советский Союз, Китай, Индия, Филиппины, Таиланд, США, Англия, Франция, Голландия и Австралия. Как видим, здесь были представлены не только страны, географически расположенные в Азии, но и другие государства, имевшие экономические интересы в азиатском регионе. Наряду с этим было установлено, что страны, которые еще не стали независимыми, могут входить в Комиссию на правах ассоциированных членов, они могут участвовать в работе ЭКАДВ, но без права решающего голоса.

Следует отметить, что Советский Союз неоднократно ставил вопрос о том, чтобы в состав ЭКАДВ были приняты КНР, КНДР и ДРВ, участие которых содействовало бы повышению авторитета и наиболее полной представительности Комиссии.

Главными задачами ЭКАДВ являлось: осуществление мероприятий, рекомендуемых Экономическим и Социальным советом ООН; всемерное содействие изучению и разработке экономических и технических вопросов в целях экономического развития стран региона; сбор информации и публикация статистических и экономических материалов, полезных для практической деятельности членов ЭКАДВ; проведение консультаций по просьбе стран региона; подготовка по их запросам рекомендаций; разработка специальных вопросов. Никаких директивных функций ЭКАДВ не имеет.

Штаб-квартира Комиссии, ее главный рабочий орган — секретариат — находится в столице Таиланда Бангкоке.

В своей работе ЭКАДВ кооперируется с большим числом специализированных организаций ООН, имеющих свои региональные филиалы в Азии, как, например, ФАО (организация по продовольственным проблемам), МОТ (Международная организация труда), ЮНЕСКО (организация по вопросам образования и культуры), а также ЮНКТАД (организация по вопросам торговли и экономического развития) и многими другими.

За четверть века своего существования ЭКАДВ провела большую полезную работу, завоевала у народов Востока значительный авторитет. Об этом свидетельствует и постепенное расширение географической сферы влияния ЭКАДВ — от Иранских гор Западной Азии до находящихся в южной части Тихого океана островов Самоа и Тонга. Протяжение этой географической зоны ЭКАДВ с запада на восток превышает 10 тыс. км.

Зона ЭКАДВ в настоящее время включает в себя: Дальний Восток (Япония, КНР, МНР, Гонконг), Юго-Восточную Азию (Бирма, Филиппины, Индонезия, Сингапур, Малайзия, Бруней, Таиланд), страны Индокитайского полуострова (Камбоджа, Лаос), страны Индостана (Индия, Бутан, Непал, Пакистан) и остров Шри Ланка (Цейлон), Среднюю и Западную Азию (Афганистан, Иран).

На последней, 29-й сессии ЭКАДВ в число ее членов была принята республика Бангладеш.

Даже приводимый перечень показывает, как велик и разнообразен круг стран, входящих в сферу деятельности ЭКАДВ, — это и самые населенные страны мира — Китай, Индия, Индонезия, это и маленькие островки, как, например, Науру, площадь которых исчисляется всего только в 21 км², а население едва достигает 7 тыс. человек.

В работе первой сессии ЭКАДВ, 26 лет назад, участвовало 10 государств, из них только 5 стран азиатского региона (СССР, Индия, Филиппины, Таиланд и Китай), а на 29-ой сессии были представлены уже 39 государств, из них 25 развивающихся стран.

Неуклонное расширение состава ЭКАДВ и рост ее авторитета в глазах народов Азии вовсе не означает, что деятельность Комиссии всегда протекает спокойно и согласованно. Наоборот, обычно обсуждение актуальных вопросов на сессиях и конференциях Комиссии проходит в острой борьбе мнений. Часто удается добиваться конструктивных рекомендаций, однако нередки и другие случаи, когда представителями стран Запада и реакционными деятелями некоторых стран Азии преднамеренно создавались препоны, мешавшие принятию прогрессивных мероприятий.

Не затрагивая в данном кратком очерке многих сторон деятельности ЭКАДВ, особо коснемся некоторых наиболее важных вопросов.

Проблемы создания национальной экономики

Среди тех огромных изменений, которые произошли в ранее зависимых и колониальных странах Азии, особое значение приобрело новое направление их экономической политики, главной задачей которого стало создание национальной экономики в интересах народов этих стран.

Надо иметь в виду, что во времена колониальной зависимости не существовало даже понятия «общенациональная экономика», ибо тогда в хозяйстве стран Южной Азии, да и других колониальных стран, было два сектора — иностранный и местный.

В иностранном секторе господствовали крупные компании метрополий; немало таких компаний, владея лучшими землями, создавали большие плантации, выращивая для экспорта ценные культуры. Местный сектор охватывал мелкотоварные, малопродуктивные крестьянские хозяйства и небольшие предприятия кустарного типа, изготовлявшие продукты питания, а также мелкие фабрики, производившие товары широкого потребления. Обычно сколько-нибудь крупные предприятия создавались ради интересов колонизаторов либо в городах, либо в местах, богатых минеральным сырьем.

Иностранцы сами производили разведку полезных ископаемых, составляли свои карты, но все это осталось в сейфах колониальной администрации и крупных компаний. Редко результаты исследований попадали в поле зрения коренных жителей колоний. Так, исторически сложилось двойственное положение в экономике зависимых стран.

Поэтому большой заслугой ЭКАДВ является публикация разнообразных информационных материалов, намного расширивших познания о ресурсах многих стран Азии. Особенностью этих материалов является то, что они базируются на данных правительств стран региона, заново создавших свою службу статистики и информации.

В ежегодных обзорах ЭКАДВ систематически освещается экономическое положение стран региона, а периодически выпускаемые объемистые статистические справочники приводят цифровые данные по каждой из них. Во многих случаях это не просто познавательный материал, а полезный анализ новых процессов и явлений, знакомство с которыми важно для разработки конструктивных мероприятий практического характера. Эти мероприятия приобретают особое значение, поскольку коренным образом стал меняться облик азиатских стран. Ведь здесь все надо было создавать заново: государственный аппарат, национальные кадры, ин-

дустриальную основу, сельское хозяйство, инфраструктуру, и не ради прибылей колонизаторов, а в национальных интересах. Конечно, эти процессы весьма сложные, поскольку классовый момент и в новых условиях продолжает оказывать свое огромное влияние.

Было бы неправильным считать, что старая литература о странах Азии, созданная во времена колониализма, была скудна и легковесна, что не было капитальных исследований. Все это было, но эти материалы носили на себе отпечаток узкоклассового характера, они преследовали эгонистические интересы как колонизаторов, так и связанных с ними представителей местной предпринимательской буржуазии.

До 1947 г., то есть ко времени образования ЭКАДВ, больше всего появлялось публикаций об Индии, Индонезии и Индокитае. Колониальные власти Англии, Голландии и Франции весьма интересовались возможностями более активной эксплуатации своих владений, ибо они стремились использовать все для усиления своего господствующего положения.

Ярким примером этого может послужить созданная голландскими учеными многотомная энциклопедия Индонезии, опубликованная на голландском языке. В ней колониальный деятель мог найти ответы на многие вопросы, характеризующие местные условия. Особенностью этой энциклопедии было то, что все, в какой-либо мере касающееся национальных интересов и нужд индонезийского народа, либо вообще исключалось из поля зрения, либо подавалось в фальсифицированном виде. Индонезия никогда не рассматривалась в трудах колонизаторов как единая страна. Наоборот. Она с умыслом изображалась неким «лоскутным» в национальном и экономическом отношении конгломератом, который якобы и держался только благодаря «опеке» колонизаторов. Такая литература колониальных времен дезориентировала общественность, вселяя неверие в национальные силы, в возможность самостоятельного развития.

Можно по-разному оценивать многочисленные публикации ЭКАДВ. Есть поводы и для их критики, особенно исходя из требований и потребностей развивающихся стран. Однако в настоящее время, когда в этих странах идет процесс создания национальной, независимой экономики, статистика, экономическая информация действительно становятся орудием государственного управления народным хозяйством, базой для расчетов, охватывающих различные стороны их экономической и социальной жизни.

Происходящие за последние десятилетия в этих странах сдвиги еще не получили исчерпывающего цифрового выражения; никакие показатели и не могут в полной мере их охарактеризовать. Тем не менее работа, проделанная в этой области по линии ЭКАДВ, имеет определенное положительное значение и заслуживает одобрения.

Проблемы экономического планирования

Интерес к вопросам планирования экономики возрос в развивающихся странах района ЭКАДВ прежде всего под влиянием Советского Союза. Дж. Неру, с большим интересом изучавший опыт советской государственной системы, писал в своей книге «Открытие Индии», опубликованной впервые в 1951 г. в Лондоне, что Индия должна идти по пути «демократически планируемого коллективизма» на основе государственной собственности в области тяжелой индустрии.

Известный буржуазный ученый Гуннар Мюрдаль, обращаясь к членам индийского парламента еще в 1958 г., писал: «Централизованное государственное планирование мы впервые увидели в России, и я считаю, что Советский Союз должен получить полное признание как автор этой идеи, в свете которой вы действуете теперь».

Почти все страны региона стали изучать советский опыт планирования. В различной мере, по-разному опыт был использован развивающимися странами Азии, в том числе и теми из них, где правящие круги весьма отрицательно относились и относятся до сих пор к идеям социализма.

Ранее других на путь национального планирования вступила Индия. Дж. Неру, вспоминая в 1960 г. первые годы экономического развития своей освободившейся родины, говорил: «Нельзя, опираясь на индивидуальное предпринимательство, за короткий срок продвинуть страну вперед. Этого можно добиться только при помощи нового хозяйства». В 1950 г. здесь была организована Плановая комиссия, начавшая разработку первого государственного пятилетнего плана Индии (1951—1956 гг.), целью которого было «создание основы для развития более прогрессивной и разносторонней экономики».

Немало видных деятелей стран Азии рассматривают государственное планирование как мощный инструмент, облегчающий осуществление ряда важных национальных мероприятий в интересах народов своих стран в целом, а не только отдельных, узких групп населения.

В некоторых странах Азии были созданы высшие плановые органы. Не имея опыта, многие из них начали дело государственного планирования с привлечения иностранных организаций, учреждений ООН (особенно Международного банка развития и реконструкции), а также рекомендуемых ООН специалистов. В Иране, например, проект первого национального семилетнего плана развития 1948—1955 гг. составляла еще в 1946 г. американская фирма «Мориссон и Надсон» и специалисты американской компании «Зарубежные консультации». Планы экономического развития Пакистана разрабатывались с участием американских экспертов из Гарвардского университета. Главным консультантом по пятилетнему плану Индонезии на 1956—1961 гг. был американский профессор Хиггинс. Восемилетний план экономического развития Бирмы составлялся под руководством иностранных специалистов, во главе которых стоял американец Валлинский.

Особенно широко пользовались иностранной консультацией Филиппины. Первый план восстановления экономики страны за период 1947—1951 гг. разрабатывался под руководством американских специалистов. Главной целью этого плана было содействие экспорту сырья. Второй план, тоже составленный американцем (он носил название по имени главного эксперта — «План Бейстера»), рекомендовал базировать развитие Филиппин на частном предпринимательстве.

Конечно, западные консультанты подходили к молодым развивающимся странам Азии с американским или западноевропейским мериллом. При этом обычно не учитывались социально-экономические особенности и специфические условия стран Азии, где имели место совершенно иные запросы и стандарты жизни, иного характера потребности и цели.

Эксперты из развитых капиталистических стран неизменно утверждали, что будущее народов Азии зависит якобы от того, в какой мере они приобщаются к цивилизации Америки или Западной Европы. Но ведь азиатские страны имеют свою цивилизацию, национальные традиции, развившиеся в среде трудового народа. То же, что заимствовалось извне, часто воспринималось отнюдь не механически, а творчески пере-

плавлялось, приспособлялось к нуждам и особенностям азиатских народов! Однако на Западе все это высокомерно игнорировалось.

Но самое главное заключается в том, что для всех планов экономического развития, разработанных при участии иностранцев, была характерна одна общая черта, имевшая решающее значение для оценки их существа — планы эти не предусматривали коренной ломки экономической структуры стран Азии, унаследованной от времен колониализма.

ЭКАДВ еще в 1955 г. приняла решение создать специальный отдел по научным исследованиям и планированию, в задачу которого входило не только изучение различных элементов планирования, но и содействие правительствам в разработке программ экономического развития. И вот на рубеже 1960-х гг. в развивающихся странах Азии наступил второй этап государственного планирования, когда планы составлялись самостоятельно — местными силами.

ЭКАДВ оказывала свое содействие правительствам в контакте с Международным центром ООН по планированию и программированию, а также с группой экспертов. В опубликованной серии докладов, составленных с участием советских специалистов, особое внимание уделялось странам региона. Так, в 1960 г. появляется работа, подготовленная Секретариатом ЭКАДВ, «Техника планирования экономического развития: специально для стран Азии и Дальнего Востока». Это исследование вошло в серию по программированию, публикуемую ООН.

Начиная с 1961 г. ЭКАДВ каждые три года созывает конференции представителей стран Азии по экономическому планированию с участием экспертов западных и социалистических стран. Одной из целей этих конференций являлись обмен информацией и координация планов экономического развития стран региона; при ЭКАДВ был создан специальный центр регионального проектирования и программирования. В 1964 г. ЭКАДВ организовала Институт экономического развития и планирования, главными задачами которого явились подготовка из числа представителей стран района специалистов по планированию, а также практическая разработка вопросов национального планирования.

Большой интерес на сессиях ЭКАДВ вызывали сообщения об опыте экономического развития советских национальных республик. Этот опыт показал, что именно на основе научно обоснованной специализации хозяйства рационально определялось направление их экономического и культурного развития. Как известно, при составлении планов развития национальных республик в Советском Союзе с особым вниманием учитывались их специфические условия, потребности и реальные возможности.

С иных позиций подходили к важнейшему для развивающихся стран вопросу национального планирования представители местных влиятельных кругов, связанных с иностранным капиталом, деятели правящей верхушки некоторых стран района ЭКАДВ, а также некоторые буржуазные ученые. Это соответственно отражалось и на планах.

Так, под давлением индийских монополий и связанных с ними западных экспертов одно время (в начале 1960-х годов) был несколько ослаблен контроль государственного аппарата над частным предпринимательством, а вместе с этим усилена политика поощрения инвестиций иностранного капитала.

Анализом пятилетних планов Индии занимался индийский ученый профессор Д. Гадгил; он считал, что Плановая комиссия Индии должна являться всего только консультативным органом, разрабатывающим основные направления экономической стратегии, а не составляющим конкретные планы, имеющие директивный характер. Профессор Д. Гадгил

гил писал, что вхождение в состав Плановой комиссии таких высоких лиц, как премьер-министр и другие министры, придавали «самой Комиссии и ее решениям несвойственный ей авторитет и значимость»².

Явно принижено оказалось дело государственного планирования в Пакистане. Ограничивались функции плановых органов также на Филиппинах, где роль последних сводилась к сбору информации и технико-экономическим рекомендациям. Такое же положение стало складываться в Сингапуре, в Индонезии.

На первых двух конференциях ЭКАДВ по планированию обсуждались кардинальные вопросы национального планирования в принципе. Третья конференция (1967 г.) сосредоточила внимание на глубоком анализе сложностей такого планирования и его практической эффективности. В частности, указывалось на необходимость усилить разработку вопросов, связанных с развитием сельского хозяйства, с расширением экспортных культур. Эти вопросы выдвигались по настояниям японских специалистов.

Япония проявляет значительный интерес к деятельности ЭКАДВ в области планирования, пропагандируя свое решение этой проблемы. Усилиями японских экспертов были подготовлены специальные доклады об опыте японского планирования, которые публиковались в издаваемых ЭКАДВ материалах.

Секретариат ЭКАДВ проводит политику своеобразного «балансирования» между использованием опыта советских специалистов и специалистов из буржуазных стран.

Естественно, что наиболее активно на форумах ЭКАДВ обсуждался вопрос о новых путях развития молодых государств Азии, о создании их экономического потенциала на новой основе. Это весьма беспокоило влиятельные слои быстро нарождающейся национальной буржуазии, да и иностранные компании, связанные со странами региона ЭКАДВ, поскольку возникала угроза вытеснения частных предприятий со стороны государственного сектора, который стал опорой новой экономической политики во многих развивающихся странах.

Заслуживает внимания то, что группа экспертов ЭКАДВ еще в 1959 г. пригласила популярного в буржуазных кругах Запада голландского экономиста Яна Тинбергена. Именно ему принадлежат рекомендации, сделанные им для ЭКАДВ в отношении развития частного сектора; он считал, что следует особенно осторожно подходить к расширению государственного сектора и связанным с этим мероприятиям.

Однако немало видных государственных деятелей стран — членов ЭКАДВ рассматривают общенациональные планы развития и государственный сектор как главные рычаги, позволяющие осуществлять радикальные мероприятия в интересах всего народа. В ряде стран в централизованном порядке, было проведено перераспределение финансовых и материальных средств, что открыло новые пути использования их ресурсов в условиях слабо развитой экономики. Очень эффективным оказалось вмешательство государства в инвестиционную деятельность. Раньше она осуществлялась частными предпринимателями в их узкокорыстных интересах. Впервые развивающиеся государства Азии стали располагать довольно крупными денежными фондами для развития национальной экономики. В той или иной форме они могли контролировать от 30 до 60% общей суммы ежегодных инвестиций.

² Д. Гадгил. Планирование экономической политики в Индии. Пер. с англ. Изд-во «Иностранная литература», М., 1963, стр. 179—180.

По-разному проявлялась степень воздействия государственного сектора на различные стороны экономической и общественной жизни в странах региона ЭКАДВ. Учитывая весьма сложную политическую и экономическую обстановку в странах Азии, следует признать, что политика государственного планирования народного хозяйства позволила осуществить немало практических мероприятий, содействовавших подъему их национальной экономики.

В среде прогрессивных деятелей азиатских развивающихся стран сложилось твердое убеждение, что национальное планирование экономического развития должно основываться на радикальных структурных реформах и носить демократический характер. Только такой путь обеспечит эффективность мероприятий по ликвидации экономической отсталости и действительно ускорит темпы развития национальной экономики.

Несмотря на стремление противников национального планирования дискредитировать его, оно стало неотъемлемой частью государственной жизни почти каждой из стран района ЭКАДВ.

Страны ЭКАДВ и ЮНКТАД

Событием подлинно исторического значения явилось создание в системе ООН новой международной организации по торговле и экономическому развитию (ЮНКТАД). Инициатором создания ее выступил в 1955 г. Советский Союз, предложение которого поддержали молодые государства, завоевавшие независимость, в том числе и страны — члены ЭКАДВ. Цель этой организации — содействие ускоренному экономическому росту развивающихся стран, их внешней торговле на основе равенства и взаимной выгоды, разработка рекомендаций в этом направлении.

Особенностью новой организации является то, что в отличие от большинства других учреждений ООН основу ЮНКТАД составляют сами развивающиеся страны. Постоянными органами ЮНКТАД являются его Секретариат и Совет по торговле и развитию. Раз в четыре года Совет проводит международные конференции: в 1964 г. — в Женеве, в 1968 г. — в Дели, в 1972 г. — в Сантьяго.

Наиболее актуальная проблема, которая находится в центре внимания ЮНКТАД, — это разработка общих, руководящих принципов внешней торговли с учетом новых условий, сложившихся в молодых государствах в результате завоевания ими независимости. Значительное место в работе организации отводится конкретным вопросам — стабилизации цен на сырьевые товары, экспортерами которых являются преимущественно развивающиеся страны, и улучшению условий доступа сырья на рынки промышленно развитых стран.

Непосредственные интересы развивающихся стран связаны с перевозкой их грузов морским путем, поскольку господствующее положение в мировом судоходстве занимают крупные иностранные компании. Все эти вопросы представляют большой интерес для стран района ЭКАДВ, являющихся крупными поставщиками ценного сырья и транспортирующих его морскими путями.

Немало конструктивных предложений и важных рекомендаций было принято на конференциях ЮНКТАД по инициативе стран ЭКАДВ. Наряду с этим следует отметить, что разработки ЮНКТАД по актуальным вопросам, затрагивающим интересы развивающихся стран, вошли в документы ЭКАДВ.

Весьма активно на конференциях ЮНКТАД выступают представители Индии, Цейлона, Пакистана, Малайзии, Индонезии, а также Филиппин, Таиланда, Непала и др., которые поднимают в своих выступлениях насущные проблемы международной торговли и экономического сотрудничества (например, вопросы, касающиеся мировых цен, условий кредитования, рационального использования сырьевых ресурсов, проблема рынков и т. д.).

В заявлениях, сделанных делегатами Советского Союза и других социалистических стран, подчеркивалось, что надо прежде всего исходить из принципа ответственности империалистических держав за отсталость стран, находившихся в колониальной зависимости и непосредственно подвергавшихся грабежу.

В выступлениях советских делегатов не раз обращалось внимание на то, что необходимо дифференцированно подходить к насущным экономическим проблемам развивающихся стран, с тем чтобы максимально учитывались их жизненные интересы.

Красной нитью через многие выступления представителей стран ЭКАДВ проходит мысль о важной роли ЮНКТАД — этой единственной организации в системе ООН, где наиболее полно представлены развивающиеся страны, где объединяются усилия последних в борьбе за переустройство давно сложившихся условий международной торговли, базировавшейся ранее на неравноправии, на существенном ущемлении интересов стран с отсталой экономикой.

На конференциях ЮНКТАД, так же как и на форумах, созываемых ЭКАДВ, представители молодых государств Азии справедливо указывают на то, что хотя происходит расширение международной торговли, но оно имеет место преимущественно в странах промышленно развитых; замедленным темпом растет торговля развивающихся стран, в том числе входящих в ЭКАДВ.

В ходе дискуссий выявилось, что все еще сохраняются некоторые формы дискриминации. Значительные трудности для стран «третьего мира» создает политика Общего рынка: усилилась тенденция к протекционистским мероприятиям у ведущих капиталистических держав; отрицательное влияние оказывает рост цен на оборудование, а также повышение фрахтовых ставок. На все это обращалось внимание в ходе многих конференций ЮНКТАД, однако добиться кардинальных решений по вышеназванным проблемам не удалось из-за позиций, которые занимают империалистические державы.

Новым, еще более сильным фактором, осложняющим положение развивающихся стран, особенно стран Южной Азии, стал валютный кризис капиталистического мира. По оценкам, сделанным ЭКАДВ, как сообщил ее исполнительный секретарь У Нюн, страны района понесли убытки к началу 1973 г. только от колебаний валют на сумму свыше 1 млрд. долл.

Следует отметить, что на последней (третьей) конференции ЮНКТАД, состоявшейся в 1972 г. в Чили, был остро поставлен вопрос о новых основах экономических отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами, о борьбе против произвола монополий, стремящихся удержать свои позиции во всех молодых, независимых государствах. В заключительных резолюциях было указано на необходимость ограничений валютной выручки монополий от экспорта сырья развивающимися странами. Предлагалось уделить особое внимание расширяющейся экспансии сверхмощных монополий. Рекомендовалось разработать «кодекс поведения» судоходных монополий, от политики которых в значительной мере зависит выручка валюты развивающихся стран.

Было признано необходимым усилить внимание правительств «третьего мира» к более активной реализации социально-экономических реформ, а также ограничить иностранное вмешательство в разработку национальных природных ресурсов.

Большое внимание на конференции в Чили привлек вопрос о необходимости более тесных связей развивающихся стран с Советским Союзом и другими странами СЭВ, учитывая их стремление активно содействовать ускоренному развитию государств, создающих свою национальную независимую экономику.

Конечно, это все еще не решение актуальных вопросов, а только подступы к ним. Однако, подводя итог прошедшим трем конференциям ЮНКТАД, надо признать, в общем, их положительные результаты.

29-я сессия ЭКАДВ в Токио

Как отмечалось выше, в апреле 1973 г. в Японии состоялась ежегодная сессия ЭКАДВ. На ней обсуждались важные вопросы: экономическое положение стран региона в истекшем 1972 г., возможные пути регионального сотрудничества, отчеты комиссий и рабочих групп ЭКАДВ, сообщения ФАО, ЮНЕСКО и других организаций, информация о деятельности Азиатского банка, комиссии по проекту Меконга.

Поскольку истек срок пребывания на посту исполнительного секретаря Комиссии У Ньюна (представителя Бирмы), им была произнесена своего рода прощальная речь, вызвавшая у участников сессии живой интерес.

Большое внимание в ней У Ньюн уделил тем трудностям, которые стояли и продолжают стоять на путях развития стран Азии. Хотя о работе ЭКАДВ он отозвался в целом положительно, отметив ряд проведенных важных мероприятий (например, заключение международных товарных соглашений), все же общее положение в районе ЭКАДВ им оценивалось в мрачных тонах. В частности, У Ньюн отмечал, что бедность становится все более распространенным явлением в молодых государствах Азии. Экономическое развитие последних характеризуется замедленными темпами: страны района не добились прироста в размере 6% валового национального продукта, как это проектировалось ранее.

У Ньюн особо подчеркнул, что международный валютный кризис нанес колоссальный ущерб странам района. В связи с этим ЭКАДВ вынуждена обратиться к входящим в нее государствам с настоятельным требованием скорейшего валютного урегулирования, включая создание для этих целей Азиатского расчетного союза и Азиатского резервного банка.

Обстановка усугубилась тем, что в 1971—1972 гг. в ряде стран Азии имели место неурожаи, а сильная засуха угрожает осложнить продовольственное положение и в 1973 г.

29-й сессии был представлен обстоятельный доклад об экономическом положении в странах ЭКАДВ. В начале доклада анализировались итоги первых лет второй декады развития ООН (1971—1980 гг.), далее давалась экономическая характеристика 26 стран региона. Среди них, помимо развивающихся стран Азии и Океании, были названы также Япония, Австралия и Новая Зеландия.

К сожалению, в представленном отчете не учитывается в должной мере крайняя неравномерность территориального развития стран региона. Ведь те данные, которые приводятся в докладе, обычно касаются более развитых центров, сложившихся еще в колониальную эпоху и про-

должающих развиваться в новых условиях. Так, например, статистика Индонезии отражает главным образом то, что происходит на Яве, на юге Суматры и на Калимантане. Вся остальная огромная часть страны, находящаяся на очень низком уровне развития, по существу, выпала из поля зрения составителей отчета. То же надо сказать о Филиппинах, где экономическая жизнь концентрируется на главном острове архипелага — Лусоне. Аналогичное положение имеет место почти во всех странах региона.

В оптимистических тонах изложил результаты деятельности Азиатского банка развития новый его глава С. Иноуэ (Япония). В состав банка к 1973 г. входили представители 38 стран. В 1972 г. сумма предоставленных им займов увеличилась почти на 25%, причем займы на льготных условиях — эта важнейшая форма помощи наиболее нуждающимся членам банка — возросли почти на 83%. В целом начиная с 1968 г. общая сумма займов достигла 954 млн. долл., из которых на льготных условиях было предоставлено более 200 млн. долл. Капитал банка достиг почти 3 млрд. долл. «Эти деньги, — сказал Иноуэ, — в значительной степени увеличивают нашу способность выполнять задачи в области развития... Нужды развивающихся стран растут. Увеличение задолженности, а также медленный темп экономического роста во многих странах района можно компенсировать только путем предоставления помощи на самых льготных условиях».

В своем выступлении президент Азиатского банка развития обратился с призывом к «богатым» странам «в большей степени содействовать развитию их бедных собратьев». Отдавая должное благим пожеланиям С. Иноуэ, следует все же не питать особых иллюзий относительно возможных результатов подобных призывов, о чем свидетельствует весь предшествующий период существования банка...

На 29-й сессии Комиссии, проходившей в Токио, впервые приняла участие делегация КНР. В 1972 г. во время встречи У Нюна с министром иностранных дел Китая последний заявил, что «Китай намерен сыграть конструктивную роль в ЭКАДВ». Однако, как об этом писала японская пресса, а также многие другие зарубежные газеты, выступления членов китайской делегации на Токийской сессии ЭКАДВ вызвали глубокое разочарование.

По существу, делегаты КНР выступили против идеи международного сотрудничества в целях экономического развития стран региона. Прибегая к грубой антисоветской клевете, они стремились внести раскол в ЭКАДВ, очернить политику добрососедства и сотрудничества; призывая к борьбе против так называемого «гегемонизма двух сверхдержав», китайские представители пытались тем самым прикрыть экспансионистские планы маоистского руководства КНР. Подобного рода фальшивые лозунги Пекина не нашли и не могли найти поддержки среди участников сессии.

Влиятельная японская газета «Джапан таймс» писала: «Эти злопыхательские выпады против членов ЭКАДВ чужды задуманному серьезному делу. Они ровно ничего не добавляют к решению проблем голода и нищеты, стоящих перед многими областями в этом районе мира»³.

С какими-либо конструктивными предложениями китайские делегаты на сессии так и не выступили. Они высказали пожелание, чтобы китайский язык стал рабочим языком на сессиях ЭКАДВ. Японский делегат Цуруока, быстро подсчитав во что это мероприятие обойдется

³ «Джапан таймс», 15. IV. 1973.

Секретариату ЭКАДВ, назвал такую значительную сумму, после объявления которой сессия сразу же отложила решение данного вопроса.

В выступлении главы советской делегации тов. А. Е. Нестеренко была дана должная отповедь лживым заявлениям китайских представителей, повторивших давно всем известные клеветнические антисоветские измышления Пекина.

Делегаты Советского Союза обстоятельно поделились полувековым опытом СССР в государственном, экономическом и культурном строительстве, рассказали об успешном решении национального вопроса в нашей стране. Была подтверждена неизменная позиция СССР, поддерживающего региональное сотрудничество государств на равноправной, взаимовыгодной основе. Представители Советского Союза говорили, что вопрос о содействии развитию экономического потенциала должен решаться в соответствии с потребностями и нуждами каждой из стран района, в зависимости от специфических условий развития их экономики. На такой основе Советский Союз уже делится опытом и осуществляет техно-экономическое содействие ряду стран района, помогая им в изучении природных ресурсов, в строительстве индустриальных предприятий и транспортных путей. Значительная работа проведена Советским Союзом по подготовке национальных кадров для стран Востока. Эта работа проводится как в нашей стране, так и на территории развивающихся стран.

В этой связи стоит отметить, что многие участники токийской сессии ЭКАДВ говорили о пользе встреч с советскими специалистами, которые происходили в 1972 г. по линии ООН в городах Минске, Алма-Ате и Душанбе.

* * *

Разные причины мешают или содействуют успеху деятельности ЭКАДВ. Конечно, имеется немало объективных трудностей, но многое зависит и от самих стран Азии, от самой Комиссии. Одно несомненно: хозяйственное строительство, создающее базу национальной экономики, самым тесным образом связано с условиями мира, с проблемой безопасности. Вот почему выдвинутое Советским Союзом предложение о создании системы безопасности народов Азии на коллективной основе привлекло большое внимание всех стран-членов ЭКАДВ.

Раскрывая суть советского предложения на XV съезде советских профсоюзов, Л. И. Брежнев подчеркивал, что система коллективной безопасности в Азии должна «основываться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды»⁴.

Без преувеличения можно сказать, что немислимо решить всю огромную и сложную проблему ускоренного развития стран Азии (как, впрочем, и других стран) без надежного обеспечения долговременной коллективной безопасности. При разработке проблемы развития, чем занимаются видные специалисты в ЭКАДВ, а также многие государственные деятели стран Азии, никак нельзя отрывать политику от экономики.

В начале 1950-х гг. ЭКАДВ приняла интересный проект сооружения трансасиатской магистрали, которая, пересекая многие страны, объ-

⁴ «Правда», 21. III. 1972.

единила бы Запад и Восток Азии. Одна ветвь этой магистрали, идущая от Ирана, должна была заканчиваться у Сайгона, а другая — у Сингапура. Намечено было включить в эту сеть уже имеющиеся автодороги Ирана, Пакистана, Индии и других стран, достроив промежуточные участки. Идея связать Южную Азию через Ближний Восток с Европой единодушно была одобрена. Этот проект, в котором были заинтересованы десять азиатских стран, вошел в программу первой декады развития ООН (1960—1970 гг.). Однако в дальнейшем он оказался заморожен, так как сложившаяся военная и политическая ситуация в Индокитае и на Ближнем Востоке парализовала осуществление этого важного конструктивного мероприятия.

Напомним, что после окончания второй мировой войны были разработаны детальные планы восстановления экономики Вьетнама, однако они оказались невыполненными вследствие империалистической агрессии, многолетней кровавой войны.

Такая же участь постигла план «проект Меконга», предусматривавший освоение этой мощной реки Южной Азии в целях сооружения ряда энерго-ирригационных комплексов. Эксперты ЭКАДВ назвали «проект Меконга» «содружеством наций — маяком Юго-Восточной Азии», подобным Асуану. В осуществлении этого проекта заинтересованы: КНР, Бирма, ДРВ, Лаос, Таиланд, Камбоджа и Южный Вьетнам. Проект, разработанный ЭКАДВ, существует более 20 лет (в нижнем течении Меконга он даже начал осуществляться), но все рухнуло в результате войны в Индокитае.

На токийской сессии ЭКАДВ специальная комиссия обсуждала вопрос о возможностях реализации «проекта Меконга». Мрачная перспектива для этой реализации была очевидной для всех участников обсуждения, поэтому их решение было таково: отложить проект, пока не будет полностью восстановлен мир в Индокитае.

Итак, краеугольным камнем перспективного развития экономики стран Азии и Дальнего Востока должна быть коллективная безопасность, без нее обеспечить рост их экономического потенциала невозможно. И эффективность работы таких международных организаций, как ЭКАДВ, в огромной степени повысится, если эта истина станет не только достоянием всех ее членов, но и превратится в руководство к активному действию.

«Культурная революция» в КНР, ее причины и последствия

М. И. Дальнев, В. А. Неделин

В настоящее время оценка так называемой «культурной революции» в КНР превратилась в предмет острой политической борьбы как в самом Китае, так и на международной арене.

Антикоммунисты, ревизионисты и оппортунисты всех мастей ставят в центр политической идеализации маоизма «культурную революцию», которую они всячески превозносят и восхваляют.

Так называемая «культурная революция» в КНР представляла собой политический антисоциалистический переворот, насильственно совершенный Мао Цзэ-дуном и его группой с целью захвата всей власти в партии и государстве и беспрепятственного проведения в жизнь великодержавного маоистского курса. В результате «культурной революции» в Китае была сломана политическая надстройка, сложившаяся в первом десятилетии существования КНР и закрепленная конституцией КНР (1954 г.), и создана военно-бюрократическая диктатура Мао Цзэ-дуна и его сторонников. «Теперь уже всему миру ясно, что легенда о «пролетарской культурной революции», — писал Л. И. Брежнев, — это всего лишь неуклюжая маскировка чуждой марксизму-ленинизму политики, осуществляемой Мао Цзэ-дуном. Какая же это пролетарская революция? Это больше похоже на подавление социалистической революции»¹. Никакого отношения к культуре и культурной революции она не имела. Маоисты назвали ее «культурной революцией» с целью замаскировать на первых порах свои истинные намерения.

Непосредственно «культурная революция» явилась следствием падения авторитета и острого кризиса маоизма, возникшего в первой половине 60-х годов в результате провалов основных социально-экономических и внешнеполитических концепций Мао Цзэ-дуна, нашедших отражение в обанкротившемся курсе «трех красных знамен» и неудачных попытках навязать маоистский курс международному коммунистическому и национально-освободительному движению.

«Культурная революция» была продуктом длительной внутривнутрипартийной и внутривнутрипартийной борьбы, обострившейся в Китае после VIII съезда КПК (1956 г.), который осудил культ личности, объявил идеологией партии марксизм-ленинизм и утвердил курс на строительство социализма в КНР, то есть нанес непосредственный удар по маоизму.

Успешное выполнение Первого пятилетнего народнохозяйственного плана КНР и взятый съездом курс на осуществление генеральной линии КПК, рассчитанный на построение до 1967 г. основ социализма в Китае, должны были окончательно утвердить страну на пути социалистического развития. Таким образом, работа Мао Цзэ-дуна «О новой демократии», положенная маоистами в основу их курса и отвергавшая основные принципы марксистско-ленинского учения и перерастание китайской революции в социалистическую, опрокидывалась самой жизнью, практикой социалистического строительства.

¹ Л. И. Брежнев. «Ленинским курсом», М., 1970, т. I, стр. 523—524.

Сразу же после Первой сессии VIII съезда КПК Мао Цзэ-дун стал на путь срыва решений этого съезда. В нарушение Устава партии он выносил обсуждение важнейших вопросов не на пленумы ЦК КПК, а на «государственные совещания» (февраль 1957 г., январь 1958 г.), на которых и принимались решения, противоречащие генеральной линии КПК. Весной 1958 г. по его личному указанию была развернута кампания «большого скачка» и провозглашена новая генеральная линия КПК, в которой уже не определялись конечные цели партии, а содержался лишь призыв: «строить социализм по принципу: «больше, быстрее, лучше и экономнее». В практике «большого скачка» раскрывались цели Мао Цзэ-дуна — превратить Китай в могущественное милитаристское государство, способное занять место ведущей страны в мире. Многообещающие лозунги Мао Цзэ-дуна увлекли народные массы. Они были популярны и в широких партийных рядах. В отношении тех, кто выражал сомнение в правильности политики «трех красных знамен», Мао Цзэ-дун прибегал к прямой угрозе. Так, на VIII пленуме ЦК КПК (август 1959 г.) Мао заявил, что если правительство не будет выполнять его установки, то он пойдет в деревню и возглавит крестьян «чтобы свергнуть правительство».

Мао Цзэ-дун в условиях создавшегося «скачкового бума» надеялся поставить под свой личный контроль все партийное руководство, поэтому в начальный период «большого скачка» каких-либо существенных изменений в составе руководящих кадров не происходило и главное внимание сосредотачивалось на изменении экономической основы китайского общества. Учет социалистических законов планомерного и пропорционального развития с целью удовлетворения растущих потребностей народа заменялся голым волюнтаризмом и принуждением жить и работать во имя националистических, великодержавных целей.

Крах «большого скачка» вызвал отрезвление и в партии и в народе. В КПК в этот период нашлись здоровые силы (Пэн Дэ-хуай, Чжан Вэнь-тянь и др.), которые поняли опасность маоистского курса, были не согласны с наметившимся отходом КНР от сотрудничества с СССР и открыто выступили против политики «трех красных знамен». Хотя Мао Цзэ-дуну удалось добиться осуждения Пэн Дэ-хуая и других, тем не менее эти выступления заставили VIII пленум ЦК КПК существенно прокорректировать проводившийся внутривластный курс и показали Мао Цзэ-дуну наличие в КПК серьезной ему оппозиции, которая в первой половине 60-х годов оказывала маоизму все более возрастающее сопротивление и исподволь вела эзоповским языком его критику на страницах китайской печати.

В руководстве КПК обнаружились существенные расхождения и по международным вопросам, впервые нашедшие свое отражение в непоследовательной позиции делегации КПК на Московском совещании коммунистических и рабочих партий в 1960 г. Нельзя не обратить внимание на то, что с изложением особой линии КПК на этом совещании выступал не глава делегации КПК Лю Шао-ци, а член делегации Дэн Сяо-пин. На заключительном же заседании совещания, когда КПК сняла свои возражения против коллективной резолюции, выступил Лю Шао-ци, который, как стало ясно впоследствии, не одобрял внешнеполитический курс Мао Цзэ-дуна. К середине 60-х годов расхождения в руководстве КПК по международным вопросам еще более обострились.

Дальнейшее обострение разногласий в КПК наглядно обнаружилось во время IX пленума ЦК КПК (январь 1961 г.), на котором «большой скачок» подвергся критике и был провозглашен курс на «урегули-

рование». На этом пленуме Мао Цзэ-дун был вынужден признать неудачи своего эксперимента и создавшиеся трудности в стране, однако он не порицал саму идею «большого скачка», а неудачи политики «трех красных знамен» объяснял тем, что в КПК много «плохих элементов и врагов», и требовал смещения руководителей многих провинциальных комитетов КПК.

Принятый IX пленумом ЦК КПК курс на ликвидацию последствий «большого скачка», хотя и в ограниченной мере, возвращал страну на путь планового руководства народным хозяйством. Утверждение нового народнохозяйственного курса пленумом ЦК КПК указывало на то, что пленум в определенной степени добился восстановления руководящей роли ЦК КПК, как коллективного органа партии по руководству страной.

Такой неблагоприятный для Мао Цзэ-дуна поворот дела в еще большей степени ослаблял авторитет «вождя», который фактически уже был отстранен от высшего государственного поста, и повышал роль ЦК партии. Видимо, поэтому следующий пленум в нарушение Устава партии был созван лишь осенью 1962 г., и во все последующие годы до «культурной революции» пленумы ЦК КПК не созывались. На X пленуме ЦК КПК Мао Цзэ-дун навязал партии свою теорию «классовой борьбы на этапе социализма» (или «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата»), которая была использована для подготовки и проведения «культурной революции».

Говоря другими словами, Мао взял на вооружение троцкистскую идею «перманентной революции в условиях диктатуры пролетариата». Он указал также на необходимость подготовки общественного мнения для того, «чтобы свергнуть ту или иную политическую власть». Решения X пленума ЦК КПК явились, во-первых, открытой ревизией решений VIII съезда КПК (1956 г.). Во-вторых, они закладывали «теоретические основы» будущей «культурной революции», как «революции», якобы «совершенно необходимой» для «укрепления диктатуры пролетариата и «предотвращения реставрации капитализма». Исходя из этой «теоретической» посылки, Мао Цзэ-дун уже тогда, в 1962 г. призывал «повышать бдительность», «вести социалистическое воспитание», предупреждая, что в противном случае Китай «переродится», в нем «произойдет реставрация». Смысл подобных высказываний Мао еще более рельефно обнажило подготовленное им в мае 1963 г. Постановление ЦК КПК по некоторым вопросам нынешней работы в деревне (проект) — так называемые «10 пунктов», — в котором Мао Цзэ-дун откровенно заявил, что если «забыть о классах и классовой борьбе», то «пройдет не так много времени... как во всей стране неизбежно произойдет контрреволюционная реставрация, марксистско-ленинская партия наверняка превратится в ревизионистскую партию, в фашистскую партию, и весь Китай переменит свой цвет»². И наконец, в начале 1965 г. Мао Цзэ-дун завершает построение «теоретических основ» будущей «культурной революции», определяя ее «классовый характер»: в так называемых «23 пунктах», разработанных Мао Цзэ-дуном и принятых расширенным заседанием Политбюро ЦК КПК в январе 1965 г., говорилось, что «главным объектом удара в нынешнем движении (за «социалистическое воспитание». — *Авт.*) являются облеченные властью лица в партии, которые идут по капиталистическому пути»³. Тезис Мао Цзэ-дуна об обострении классово-

² «Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы)». Пекин, 1970, стр. 20.

³ Там же, стр. 21—22.

вой борьбы при социализме явился ведущей, главной «теоретической» доктриной, «освещавшей» «культурную революцию» на всем ее протяжении. Он служил маоистам основной «теоретической ширмой», за которой они осуществляли разгром государственных и партийных органов. Именно на этой «теории» основывались документы XI (август 1966 г.) и XII (октябрь 1968 г.) «расширенного» пленумов ЦК КПК, определявшие «культурную революцию», как «политическую революцию, которую ведет пролетариат против буржуазии и всех других эксплуататорских классов в условиях диктатуры пролетариата». Эта же «теория», так же как и «концепция» Мао «о двух типах противоречий» в условиях социализма, составила теоретическую и идеологическую канву отчетного доклада Линь Бяо на IX съезде КПК и наряду с «культурной революцией» была объявлена «новым великим вкладом в марксистско-ленинскую теорию и практику».

Можно определенно сказать, что в планах Мао Цзэ-дуна по разгрому руководства КПК, придерживавшегося позиции VIII съезда КПК, немалое место отводилось курсу на отрыв КПК от международного коммунистического движения, прежде всего от КПСС, и на ухудшение китайско-советских отношений, без чего Мао было бы трудно совершить «культурную революцию». Под лозунгом «движения за социалистическое воспитание» в 1962—1965 гг. группа Мао Цзэ-дуна предприняла попытку массовой чистки партии от всех недовольных или несогласных с политикой Мао Цзэ-дуна кадровых работников и рядовых членов партии, одновременно добиваясь свертывания внутрипартийной демократии, грубо нарушая Устав КПК (игнорировалось положение Устава о созыве очередного съезда). В стране усиленно насаждались «идеи Мао Цзэ-дуна», культ личности Мао. Группа Мао Цзэ-дуна предприняла различные меры по усилению контроля над армией с целью превращения ее в свое главное орудие в борьбе против партии (в 1960—1965 гг. проводились массовые чистки партийных и командных кадров НОАК). Все эти мероприятия Мао Цзэ-дуна и его сторонников вызывали рост недовольства в партии, обострение борьбы среди руководства КПК.

Надо отметить, что Мао Цзэ-дун имел основание опасаться, что его заговор против партии может быть разоблачен и сам он «свергнут» руководством КПК. Такая совершенно законная ответная мера партии заранее расценивалась Мао Цзэ-дуном как «контрреволюционный переворот». Однако примечательно другое, а именно то, что на протяжении ряда последних лет, и особенно накануне «культурной революции», как признавал Линь Бяо в своем выступлении на расширенном заседании Политбюро 18 мая 1966 г., Мао Цзэ-дун глубоко волновала проблема «государственных переворотов». По признанию Линь Бяо, Мао Цзэ-дун, напряженно работая над специальной статьей на эту тему, «не досыпал много ночей». По словам Линь Бяо, Мао проанализировал весьма многочисленный опыт «государственных переворотов» в истории Китая, а также 61 государственный переворот в Азии, Африке и Латинской Америке, совершенный после 1960 г. Из этого можно заключить, что разрабатывая план «культурной революции», Мао Цзэ-дун имел весьма солидные познания о «государственных переворотах».

Мероприятия по чистке партийных кадров, проводившиеся Мао Цзэ-дуном, не могли гарантировать ему безусловной поддержки со стороны партии. Поэтому слом общественной надстройки, в которой руководящую роль играла КПК, Мао Цзэ-дун решил осуществить теми силами, которые до этого не играли какой-либо заметной роли в партии,

профсоюзах, молодежных и женских организациях, силами «зеленой» молодежи, учащимися, подростками.

Исключительно важную роль в развертывании «культурной революции» сыграл XI пленум ЦК КПК (август 1966 г.), на котором Мао удалось навязать решение «О великой пролетарской культурной революции», добиться подтверждения маоистской генеральной линии и ревизовать Устав КПК. Пленум призвал всю страну учиться у НОАК, готовиться к войне и стихийным бедствиям.

Поход против общественной надстройки, названный маоистами «культурной революцией», был развернут под лозунгом борьбы с «перерождением», «обюрокрачиванием», против «диктатуры буржуазии» и т. д. С помощью этих демагогических лозунгов они пытались увлечь за собой неорганизованную молодежь и всех недовольных существовавшим народно-демократическим режимом. Однако силами хунвэйбинов и цзаофаней маоисты не могли полностью сломить общественную надстройку; и тем более создать новую, поэтому в дальнейшем им пришлось ввести в действие армию, ставшую главной опорой группы Мао Цзэ-дуна.

На первом этапе «культурной революции», с 1966 по август 1967 г., наибольшее преобладание имели лозунги «левых»: «Политика — командная сила!», «Не забывать о классово-борьбе!», «Ухватившись за революцию, стимулировать производство!», «Да здравствует Парижская Коммуна!», «Бунт — дело правое!», «С помощью идей Мао Цзэ-дуна главенствовать над всем!» и т. д. С конца января 1967 г. на первый план все больше выходят армия и военные руководители во главе с Линь Бяо, провозглашающие лозунги военного контроля: «НОА решительно поддерживает пролетарских революционеров» (передовая «Цзефан-цзюнь бао» от 26 января 1967 г.) и лозунги «захвата власти».

После августа 1967 г. в Китае устанавливается открытая диктатура военных, начинается напряженная борьба вокруг формирования низовых ячеек новой власти — «ревкомов». В официальной китайской печати все большее количество цитат и лозунгов отводится армии («Великая НОАК — надежная опора диктатуры пролетариата нашей страны и великой пролетарской культурной революции!» и т. п.), чаще встречаются лозунги, призывающие к преодолению вооруженных столкновений на местах («Организации революционных хунвэйбинов и революционных учащихся должны осуществлять великое революционное объединение...», «Внутри рабочего класса нет коренных сильных столкновений ... нет причин для раскола на две непримиримые организации!»). Призыв Мао: «Бороться с эгоизмом, критиковать ревизионизм!» дал военным право на посылку так называемых «военных агитбригад» «идей» Мао Цзэ-дуна для подавления междоусобиц хунвэйбинов и расправы с рабочими на заводах, шахтах и предприятиях.

В августе 1968 г. Мао Цзэ-дун через статью Яо Вэнь-юаня выдвинул лозунг «Рабочий класс должен руководить всем!». На деле реализация этого лозунга свелась к посылке смешанных армейско-рабочих агитотрядов в учебные заведения и подавлению хунвэйбинского движения.

XII пленум ЦК КПК (октябрь 1968 г.) и IX съезд КПК (апрель 1969 г.) прошли под знаком усиления контроля военных над страной.

Нельзя не отметить, что даже во время наиболее массового разгула хунвэйбиновщины маоистские руководители стремились оберегать представителей буржуазии (например, бывших видных гоминьдановских генералов Фу Цзо-и и Чжан Чжи-чжуна (умер в 1969 г.), а вернувшемуся из США второму лицу гоминьдановского режима Ли Цзун-жэню, которого

КПК в 1948 г. причисляла к главным военным преступникам, оказывались почести и разрешалось выступать с антисоветскими речами.

Осуществляя план разрушения системы партийных и государственных учреждений и организаций, группа Мао Цзэ-дуна широко применяла методы политического и идеологического террора. Немаловажную роль сыграла и длительная обработка коммунистов в духе безоговорочного преклонения перед авторитетом Мао Цзэ-дуна. Используя слабости компартии, искусственно создавая столкновения между различными группами партийных руководителей, между различными звеньями государственного и партийно-политического аппарата, группа Мао Цзэ-дуна сумела разобщить и ослабить силы своих противников, предотвратить их открытое выступление, отстранить от руководства компартией и государством многих неугодных ей людей.

Состоявшийся в 1969 г. так называемый IX съезд КПК показал правильность оценок и прогнозов нашей партии относительно основных направлений политики группы Мао Цзэ-дуна, подтвердил, что группа Мао Цзэ-дуна взяла курс на замену КПК новой политической организацией, как по своей программе, так и по организационным принципам полностью порывающей с важнейшими требованиями, отличающими коммунистическую партию. Речь шла о создании под флагом КПК военизированной организации, служащей орудием режима личной власти, с социал-шовинистической, открыто антисоветской платформой.

IX съезд КПК легализировал результаты «культурной революции», самым большим достижением которой было названо внедрение «идей Мао Цзэ-дуна» в партию. Съезд фактически снял задачу построения социализма в Китае, заменив ее долговременной подготовкой к войне.

Курс IX съезда лежит в основе политической жизни КНР и в настоящее время.

«Культурная революция» осуществлялась под руководством Мао Цзэ-дуна, Линь Бяо, Чжоу Энь-лая, Кан Шэна, Чэнь Бо-да, Цзян Цин, на которых в равной мере лежит ответственность за совершенный политический переворот, разгром партии и общественных организаций, милитаризацию народного хозяйства, многочисленные жертвы среди населения и многое другое.

«Культурная революция» не только не решила проблемы, стоявшие перед Китаем, как это утверждают маонисты, а, наоборот, усугубила их, а также создала много новых проблем и трудностей.

Не дав никакой конкретной социально-экономической альтернативы социализму, маонисты продолжали использовать обобществленную ответственность, сложившуюся в процессе социалистического строительства в первом десятилетии, хотя созданная ими общественная надстройка утратила народно-демократический характер и служит интересам не социализма, а великодержавного шовинизма. *Такие противоречия между характером и целями общественного производства предопределяли политическую неустойчивость в стране и привели маоизм к глубокому кризису. Поиски путей выхода из кризиса и определяют внутреннюю и внешнюю политику маоцзэдуновского руководства после IX съезда КПК.*

«Культурная революция» создала реальную угрозу социалистическим завоеваниям китайского народа.

Военный контроль и различные меры внеэкономического принуждения, введенные во время «культурной революции», не могли заменить собой социалистические формы хозяйствования, и эффективность общественного производства стала снижаться. Прежде всего это коснулось промышленного производства и транспорта. Промышленное производство в разгар «культурной революции», в 1967 г. — в первой половине 1968 г.,

неуклонно сокращалось. В 1967 г. промышленное производство по сравнению с уровнем 1966 г. в целом сократилось примерно на 20%, в ряде районов (Пекин и провинции Хэйлуцзян и Гуандун) — на 50%. В результате лишь к концу 1969 г. маоисты смогли приблизить промышленное производство к уровню 1966 г.

В ходе «культурной революции» был нанесен серьезный урон транспорту, и прежде всего железнодорожному. По существу сельскохозяйственное производство в стране с того времени было в среднем на 20% ниже уровня 1957 г. Производство зерновых культур возросло на 10%, а скотина — на 15%. Недушевая норма производства зерна в 1969 г. составила 285 кг в 1957 г. Это говорит о том, что в годы «культурной революции» продовольственная проблема резко обострилась. Производство технических культур также не обеспечивало потребности населения. Сельское хозяйство как в годы «культурной революции», так и в настоящее время не обеспечивает экспортные обязательства.

«Культурная революция» ухудшила систему управления экономикой, убила установившуюся в период «урегулирования» систему научно-технического снабжения, ухудшила систему распределения трудовых ресурсов и рабочей силы между отраслями народного хозяйства. Одну из наиболее трудно восполнимых потерь «культурная революция» нанесла делу подготовки кадров, особенно инженерно-технических и высококвалифицированных рабочих для обслуживания современной техники.

Важнейшее внутривластное последствие «культурной революции» заключается в том, что она привела к деформации государственного строя КНР, выявила и обострила скрытые противоречия как внутри правящего маоистского руководства, так и между ним и народными массами.

Аннулировав генеральную линию КПК, рассчитанную на построение социализма в Китае, маоисты лишили китайское общество перспективы развития. Выдвинутые лозунги «превращение страны в единый военный лагерь», «подготовка к войне и трудностям» не могут служить альтернативой социализму и привести к выполнению одной из главных задач, поставленных IX съездом, а именно «великому сплочению».

«Культурная революция» имела серьезные социальные последствия. Она вызвала раскол в китайском рабочем классе, крестьянстве, интеллигенции и молодежи. Именно поэтому со страниц китайской печати со времени «культурной революции» не сходят призывы к сплочению (разумеется, на основе маоизма).

Однако добиться подлинного сплочения китайского общества маоисты не могут, и им приходится прибегать к насилию над ним и его запугиванию с помощью мифической «угрозы с севера» и тому подобных трюков.

Но насилие и запугивание не могут снять социальных противоречий, созданных культурной революцией и осложняемых недовольством населения, вызванным эксплуатацией, трудными условиями материальной жизни, милитаризацией страны, отсутствием перспективы развития страны и многим другим.

Заверения маоистов на IX съезде о «небывалом сплочении и единстве» КПК и народа никого не могли убедить. Страна остается без конституционного правительства, без партии как руководящей массовой организации.

В результате «культурной революции» стало ясно, что сам маоизм не един. В нем прослеживаются две линии: с одной стороны, линия, утверждающая радикальный маоизм, нашедший наиболее полное отражение

в лозунгах и установках «культурной революции» и решениях IX съезда КПК (с ней связывают Мао Цзэ-дуна, Цзян Цин, Яо Вэнь-юаня, Чжан Чунь-цяо и др.), и, с другой стороны, линия, утверждающая умеренный, прагматический маоизм, стремящийся использовать экономический опыт, накопленный в первом десятилетии существования КНР (с ней связывают Чжоу Энь-лая, Ли Сян-няня, Е Цзян-ина и др.).

Первая линия господствует главным образом во внутренней политике, идеологии и пропаганде, вторая пробивает себе дорогу прежде всего в экономике и внешней политике. Четкого водораздела между двумя линиями нет, борьба между представителями этих линий идет, главным образом, вокруг политической власти путем привлечения сторонников и выдвижения их на различные руководящие посты, а также поисков соответствующей социальной опоры.

Представители радикального маоизма, видимо, вынуждены до известного времени мириться с «ревизионистскими» отклонениями от курса IX съезда, допускаемыми представителями умеренного маоизма с целью придать Китаю внутри и во вне более respectable вид, тем более что эти отклонения могут рассматриваться как технические и ставиться на службу стратегическим целям маоизма. Однако эти ревизионистские «отклонения» от решений IX съезда объективно компрометируют «культурную революцию» и даже вызывают сомнения в ее целесообразности, особенно в среде кадровых работников.

Трудноразрешимой задачей после «культурной революции» для маоистов оказалось создание новой маоистской партии. У такой партии нет сколько-нибудь прочного политического и идеологического фундамента, фактически нет даже партийной программы и, более того, какой-либо программы социально-экономического развития страны. Утвержденный на IX съезде КПК курс на продолжение «классовой борьбы» в стране и набор социально-экономических установок периода «большого скачка» способны лишь дезориентировать как партийные кадры, так и всех ее рядовых членов.

«Культурная революция» не решила для маоистов проблемы смены партийных кадров. Так называемые активисты «культурной революции» не добились преобладающего положения в новых маоистских органах. Господствующие позиции в политической жизни страны заняли военные кадры. Для укрепления своих позиций на местах они предпочитали привлекать к работе старые партийные кадры, а не представителей новой маоистской смены из числа хунвэйбинов и цзаофаней.

В целом установленная в результате «культурной революции» система военного контроля в условиях огромной страны оказалась не только малоэффективной, но и вызвала к жизни такое неблагоприятное для пекинской верхушки явление, как местный сепаратизм, представляющий собой серьезную форму сопротивления политическим установкам Центра. Вследствие этого пекинское руководство взяло курс на постепенную замену военного контроля широкой системой политического контроля маоистской партии, включив в нее военные кадры в качестве составного и подчиненного элемента.

С формальной точки зрения организационная структура центральных и местных органов маоистской партии представляется созданной: IX съезд КПК в апреле 1969 г. сформировал Центральный Комитет и его Политбюро, к августу 1971 г. было завершено создание провинциальных комитетов партии и городских комитетов центрального подчинения, к настоящему времени в основном сформированы партийные органы среднего и низового уровней (городские, уездные, районные, сельские, заводские парткомы и т. д.).

Однако с большим трудом осуществляемый процесс замены военного контроля системой политического контроля маоистской партии усилил сопротивление местных военных группировок и в целом значительно обострил борьбу различных фракций пекинской верхушки за контроль над партией, обострил борьбу в самом руководстве партии. Результатом этого явилось новое разрушение маоистских центральных органов партии. К настоящему времени в составе Политбюро ЦК из 25 человек осталось лишь 12, а из 5 членов Постоянного комитета Политбюро лишь двое — Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай. Можно предположить, что не в меньшей степени понес урон и Центральный Комитет. В 1972 г. по материалам официальной китайской прессы можно было зафиксировать активность примерно $\frac{1}{3}$ состава ЦК. То обстоятельство, что уже около 3 лет не созываются пленумы ЦК КПК, является показателем того, что этот высший руководящий орган маоистской партии нормально не функционирует и фактически не обладает реальной властью в партии.

В известной мере нарушена деятельность и новых провинциальных комитетов партии. Это подтверждается, в частности, тем, что, судя по сообщениям местного радио, только в семи провинциях из 29 в 1972 г. Центру удалось провести пленумы провинциальных комитетов партии.

С 1971 г. пекинское руководство упорно стремится развернуть под вывеской кампании «критики ревизионизма и упорядочения стиля», по сути дела, новую чистку партии и руководства провинциальных, городских и уездных комитетов, а также низовых партийных организаций. Однако эта кампания чистки партии встречает явное сопротивление местного партийного руководства, что ведет к обострению политической обстановки в стране.

Трудности, с которыми сталкивается пекинское руководство при создании маоистской партии, свидетельствуют о том, что, по-видимому, начался процесс известного отрезвления от «культурной революции», и партийные кадры всеми возможными в условиях нынешнего режима средствами пытаются саботировать попытки Мао Цзэ-дуна превратить партию в послушное орудие его личной диктатуры. С другой стороны, навязываемые партии пекинской верхушкой различные политические и идеологические кампании, чистки КПК, установки на продолжение «классовой борьбы» в стране призваны не допустить развития здоровых, враждебных режиму Мао политических сил в новой партии, не допустить превращения этой организации в самостоятельный и активный фактор политической и общественной жизни страны.

Все это вынуждает маоистов объявлять «тезис» Мао Цзэ-дуна о существовании классово-антагонистических противоречий и классовой борьбы в социалистическом обществе «основной линией» партии на весь период «строительства социализма». «Теория председателя Мао о продолжении революции при диктатуре пролетариата, — утверждает журнал «Хунци», — и определенная председателем Мао основная линия нашей партии на весь исторический этап социализма глубоко раскрывают закономерности классовой борьбы в условиях социализма, являются маяком, освещающим наше победоносное движение вперед»⁴. «Новое», что можно отметить в трактовке этой «концепции» маоистской печатью в последнее время, состоит в попытках придать этой «теории» большую наукообразность и обосновать ее как «объективную закономерность», получившую название «закона периодической повторяемости» классовой

⁴ «Хунци», 1973, № 1, стр. 22.

борьбы на «историческом этапе социализма»⁵. Суть этого «закона» маоистская печать кратко формулирует следующим образом: «...в несколько лет происходит одно большое классовое сражение»⁶. Как нетрудно заметить, служебное назначение подобной «теории» совершенно очевидно: она призвана обосновать и оправдать политику репрессий против оппозиции маоистскому режиму и новых «классовых» чисток внутри страны. «Надо всегда помнить,— откровенно пишет журнал «Хунци»,— что разгром классовых врагов в одном сражении отнюдь не означает их уничтожения. Достижение победы в одном классовом сражении не дает основания думать, что классовая борьба уже вообще закончилась»⁷. Так, под прикрытием «объективной неизбежности» классовой борьбы проводится мысль о ее перманентности и бесконечности — идея, которая составляет суть маоистской «концепции» «продолжения классовой борьбы» при социализме. Эта «концепция» выступает в настоящее время главным теоретическим обоснованием необходимости борьбы с «мошениками типа Лю Шао-ци».

Совершенно очевидно, что формальное «утверждение» идей Мао Цзэ-дуна в качестве господствующей идеологии КПК оказалось непрочным и породило новый идейно-теоретический кризис маоизма. Свидетельством его явилась развернутая в Китае по решению II пленума ЦК КПК (август—сентябрь 1970 г.) новая кампания «по овладению марксизмом-ленинизмом — идеями Мао Цзэ-дуна», которая продолжается по настоящее время. Суть этой «кампании» состоит в попытке путем извращения и фальсификации отдельных специально подобранных работ классиков марксизма-ленинизма, путем препарирования отдельных выдержек из них «подтвердить», «обосновать» основные «концепции» Мао Цзэ-дуна, среди которых главное место занимает его «теория: продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата». Эти попытки «углубить» маоизм призваны также доказать преемственность «идей Мао» по отношению к марксизму-ленинизму, правильность формулы «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэ-дуна».

«Культурная революция» имела и свой внешнеполитический аспект. С ее помощью утверждался маоистский великодержавный внешнеполитический курс. Закрепив на IX съезде КПК антисоветизм — антисоциализм как основу внешней политики КНР и отказавшись от провоцирования антиимпериалистической вооруженной борьбы народов развивающихся стран, маоисты создали условия для установления тесных политических и экономических связей с империалистическими странами. Пекин рассчитывает, отказавшись от промежуточной позиции между империализмом и социализмом и перейдя к политике блокирования с империалистическими странами, усилить свои позиции в противостоянии СССР и его союзникам, как главному врагу. Маоистское руководство надеется с помощью расширения торговых связей и получения крупных кредитов ускорить создание современного ракетно-ядерного потенциала, укрепить военно-промышленную базу и добиться улучшения напряженной экономической обстановки в стране. Главную ставку при этом Пекин делает на США и Японию, отчасти на Англию, Францию и ФРГ.

Одновременно в целях противодействия успешному развитию СССР и социалистического сотрудничества Пекин стремится, если не предотвратить, то затормозить процесс разрядки напряженности и создания эффективной системы коллективной безопасности как в Европе, так и в:

⁵ См. «Хунци», 1972, № 8, стр. 6—10.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

шахт, обогатительных и агломерационных фабрик, заводов горного и металлургического оборудования.

Однако авантюристическая политика китайского руководства в последующий после завершения первой пятилетки период, вошедший в историю под названием «большого скачка» (1958—1960 гг.), помешала реализации намеченных планов. На второй сессии VIII Всекитайского съезда КПК (май 1958 г.) руководством КНР была поставлена задача в кратчайшие сроки перегнать по основным экономическим показателям крупнейшие промышленные страны мира. Никаких экономических обоснований, более или менее серьезного анализа возможностей реализации поставленной задачи не было сделано. Вместо этого китайское руководство выдвинуло целый ряд «новых» экономических теорий, пропагандирующих курс одновременного развития мелкой и крупной промышленности, традиционных и современных способов производства.

Планы «большого скачка» строились на чисто идеалистических посылах и не соответствовали возможностям реально существующих производительных сил Китая. Для их выполнения в стране не имелось ни нужных мощностей, ни необходимых финансовых средств, ни достаточно квалифицированных кадров. Широкий размах капитального строительства в годы «скачка» не был увязан с возможностями сырьевой и энергетической базы, с наличием машин, оборудования и транспортных средств. Маоистское руководство делало основную ставку на революционный энтузиазм многомиллионных масс китайского народа.

Металлургической промышленности была отведена роль «основного звена», с помощью которого предусматривалось осуществить «сверхиндустриализацию» всех отраслей народного хозяйства и совершить прыжок в коммунизм». Маоистские теоретики «большого скачка» считали, что ускоренному развитию страны мешает недостаточно быстрый рост производства продукции черной металлургии, что наиболее целесообразным путем развития всего народного хозяйства является концентрация основных усилий на производстве стали. Китайское руководство рассчитывало на то, что быстрые темпы развития черной металлургии автоматически вызовут ускорение темпов развития машиностроения, электроэнергетики, топливной промышленности и других ведущих отраслей народного хозяйства. Поэтому кампания, проводившаяся под лозунгом «всемирной борьбы за сталь», оказалась в годы «скачка» в центре внимания.

Суть этой кампании сводилась к тому, чтобы любыми средствами добиться выплавки максимального количества чугуна и стали. Только в 1958 г. план производства стали трижды пересматривался в сторону увеличения². Резкий рост производства стали предполагалось осуществить главным образом за счет строительства сотен тысяч мелких и мельчайших металлургических предприятий.

Пропагандируя выдвинутый Мао Цзэ-дуном курс «идти на двух ногах», то есть развивать промышленность современными и кустарными методами, китайская печать призывала «делать главный упор на кустарные предприятия». К концу 1958 г. в стране было построено около 2 млн. мелких «традиционных» доменных печей и сталеплавильных установок. Доменные печи имели полезный объем от 0,5 до 8 м³ и монтировались в течение 3—5 дней.

² В 1958 г. на 5-й сессии ВСНП был принят реальный план производства стали на 1958 г. — 6,2 млн. т. В мае 1958 г. ЦК КПК предложил увеличить этот план до 8—8,5 млн. т, а в августе 1958 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК план производства стали был увеличен до 10,7 млн. т.

В сравнительно короткий период производственные мощности по выплавке чугуна и стали увеличились в несколько раз³. Для обслуживания кустарных доменных и сталеплавильных печей потребовалось огромное количество людей. Только в 1958 г. на предприятиях черной металлургии работало около 21% общего количества рабочих и служащих занятых в промышленности. По сравнению с предыдущим годом численность работающих на горнодобывающих и металлургических предприятиях увеличилась почти в 12 раз. По сообщению китайской печати («Жэньминь жибао» от 4 октября 1958 г.), общее количество людей, которые в 1958 г. оказывали непосредственную помощь «в борьбе за металл», составляло примерно 100 млн. человек, то есть более 15% всего населения КНР.

«Традиционные» доменные печи давали низкокачественный чугун и имели, по признанию китайской прессы⁴, «сравнительно низкую производительность и относительно высокую себестоимость продукции». Почти весь чугун, выплавленный в период «большого скачка» кустарным методом, оказался непригодным для дальнейшего использования в сталеплавильном производстве из-за высокого содержания вредных примесей. Такого же низкого качества оказалась и сталь, выплавленная в мелких конверторах. Ее использовали впоследствии в качестве доменной шихты на крупных металлургических предприятиях страны.

Всего в 1958 г. в КНР было выплавлено 19,5 млн. т чугуна и 11 млн. т стали. Из этого количества оказались непригодными и в дальнейшем не учитывались в китайской статистике около 10 млн. т чугуна и 3 млн. т стали.

О размере ущерба, который был нанесен народному хозяйству страны только в 1958 г., красноречиво свидетельствует огромная цифра капиталовложений в черную металлургию, составившая около 3,8 млрд. юаней⁵, или примерно 22% общих инвестиций в промышленное строительство. Большая часть этих капиталовложений была использована на строительстве мелких доменных и сталеплавильных печей, вскоре прекративших свое существование.

Расширение мощностей металлургической промышленности главным образом за счет строительства мелких предприятий кустарного типа привело в годы «скачка» к сильнейшему обострению сырьевой проблемы, так как при определении плановых заданий горнорудной промышленности совершенно не учитывались возможности изыскательских работ, обеспеченность их необходимым оборудованием и аппаратурой, а также технические возможности освоения уже выявленных ресурсов. Перебои в обеспечении сырьем и материально-техническом снабжении предприятий металлургической промышленности в 1958 г. не помешали, однако, китайским руководителям принять на 1959—1960 гг. еще более высокие планы производства продукции, в результате чего уже во II квартале 1960 г. обнаружился острейший дефицит основных видов сырья черной металлургии, который в конечном итоге стал одной из причин неизбежного краха авантюристического эксперимента маоистов.

³ В 1960 г. производственные мощности по выплавке чугуна и стали в КНР увеличились примерно в 4 раза по сравнению с 1957 г. При этом большая часть прироста мощностей приходилась на кустарные предприятия.

⁴ «Чжунго циннянь». Пекин, 1958.

⁵ Капиталовложения в черную металлургию в 1958 г. почти на 1 млрд. юаней превышали общую сумму капиталовложений в эту отрасль промышленности за весь период первой пятилетки.

Практика «большого скачка» показала, что провозглашение курса «сталь — основное звено» для решения проблемы индустриализации страны было ошибочным. Ориентация всех отраслей народного хозяйства на обслуживание только одной металлургической промышленности означала односторонний подход к проблемам развития экономики, нарушение основных пропорций социалистического воспроизводства. Субъективистский выбор «основного звена» без учета необходимости осуществления планомерного, пропорционального, расширенного воспроизводства во всех отраслях народного хозяйства привел к снижению эффективности производства в целом, к возникновению межотраслевых диспропорций. Из-за игнорирования маоистским руководством объективных законов экономического развития и нежелания считаться с необходимостью взаимной увязки всех отраслей народного хозяйства в годы «скачка» были бесполезно растрочены огромные материальные и трудовые ресурсы, о чем свидетельствуют следующие факты:

— только строительство объектов так называемой «малой металлургии» обошлось более чем в 4 млрд. юаней. В 1958 г. на выплавку 3 млн. т «престижной» стали, которая впоследствии была признана негодной, было израсходовано 40—50 млн. т угля и 50 млн. т железной руды⁶;

— на строительство мелких «традиционных» предприятий в горнодобывающей и металлургической промышленности было брошено более 60 млн. человек, в том числе 30 млн. крестьян. Отвлечение в металлургию такого огромного количества людей из других отраслей нанесло колоссальный ущерб народному хозяйству;

— интенсивная разработка рудных месторождений, носившая хищнический характер, привела к истощению вскрытых рудных тел и перебою в снабжении металлургической промышленности сырьем;

— большая часть машин и оборудования горнодобывающей и перерабатывающей отраслей черной металлургии была выведена из строя из-за чрезмерного физического износа;

— расход железной руды при выплавке одной тонны чугуна на «традиционных» предприятиях в два и более раза превышал расход руды на крупных современных металлургических предприятиях.

Предпринятые в 1959—1960 гг. меры по усилению производственной базы горнодобывающей промышленности, выразившиеся в решении руководства КНР быстрыми темпами построить новые рудники и обогатительные фабрики при металлургических предприятиях страны, оказались запоздалыми и не могли в короткий срок решить проблему обеспечения сырьем созданных производственных мощностей черной металлургии. Как известно, строительство горнорудных предприятий требует более значительных капиталовложений, чем строительство предприятий в других отраслях промышленности, так как подготовительные работы на рудниках и карьерах являются весьма трудоемкими. Для повышения эффективности горных работ необходимо было механизировать и автоматизировать трудоемкие производственные процессы, что требовало дополнительных капиталовложений в крупное горное машиностроение. Однако китайское руководство направило основную часть капиталовложений на строительство мелких предприятий горнодобывающей промышленности, ошибочно считая, что этим путем можно решить сырьевую проблему.

Привлечение в горнорудную промышленность в годы «скачка»

⁶ Е. А. Коновалов. Социально-экономические последствия «большого скачка» в КНР. М., 1968. стр. 50.

огромного количества людей и применение так называемой малой механизации на первых порах привели к росту физического объема добычи сырья черной металлургии, но добываемая кустарным способом руда была низкого качества, а для доведения ее до товарной кондиции в стране не хватало обогатительных предприятий. В 1960 г. имеющиеся производственные мощности обогатительных фабрик, работая при максимальной нагрузке, могли перерабатывать лишь 20 млн. т железной руды в год, а мощности агломерационных фабрик составляли 9,5 млн. т в год. В то время как для обеспечения сырьем только крупных и средних металлургических предприятий требовалось в тот период не менее 40 млн. т товарной железной руды.

Не менее серьезной в период «большого скачка» была проблема обеспечения металлургической промышленности страны высококачественным коксом. С целью уменьшения возросшего дефицита кокса машиностроительным и металлургическим заводам страны в 1958 г. была дана строгая директива форсировать выпуск необходимого оборудования для сооружения коксовых батарей. Основное внимание было уделено строительству коксовых батарей упрощенного типа, а также широкому внедрению так называемого «кучного» способа производства кокса. Хотя эти меры китайского руководства и привели к довольно значительному росту производства кокса в стране в 1959—1960 гг., но из-за низкого качества полученного «кучным» способом и в полусовременных батареях кокса его нельзя было эффективно использовать на крупных металлургических предприятиях страны. Производственные мощности современных коксовых батарей могли обеспечить не более 65% общего количества кокса, которое требовалось для полной загрузки металлургических предприятий.

Перед металлургической промышленностью страны встала труднейшая задача — свести к минимуму сложившееся несоответствие между производственными мощностями добывающей и перерабатывающей отраслей. Эту проблему можно было решить лишь путем строительства и ввода в эксплуатацию крупных, оснащенных современной техникой горнодобывающих предприятий, обогатительных и агломерационных фабрик, новых мощностей по производству кокса. Требовались новые крупные капиталовложения в черную металлургию, которые не могли, естественно, быть выделены в условиях катастрофического состояния народного хозяйства страны в первые годы после периода «большого скачка». IX Пленум ЦК КПК, состоявшийся в январе 1961 г., вынужден был признать необходимым сократить масштабы капитального строительства и начать проведение нового курса — «урегулирования народного хозяйства».

В первые годы периода «урегулирования» (1961—1962 гг.) производство продукции черной металлургии было резко снижено, большинство строящихся объектов независимо от степени готовности было законсервировано, мелкие традиционные предприятия горнодобывающей промышленности практически прекратили добычу сырья. Многие крупные металлургические заводы систематически простаивали, другие работали с неполной нагрузкой. Лишь в 1963 г. началось некоторое оживление в капитальном строительстве, направленное, судя по данным китайской печати, в основном на уменьшение диспропорций в металлургической промышленности, в частности на усиление ее сырьевой базы. По сообщениям китайской печати, в 1963—1964 гг. велись работы более чем на 60 важных объектах горнорудной промышленности⁷,

⁷ «Гунжэнь жибао», 5. X. 1963.

создавался комплекс предприятий по добыче и обогащению железной и марганцевой руд. На Аньшаньском металлургическом комбинате, например, велось строительство четырех рудников по добыче железной и марганцевой руды. На Бэньсийском металлургическом комбинате начали строить новый карьер по добыче железной руды открытым способом, а на Мааньшаньском металлургическом комбинате — обогатительную фабрику. Окончание строительства этих объектов намечалось в 1965 году. С 1963 г. активизировались и поисковые геологоразведочные работы, были возобновлены горные работы по вскрытию новых рудных залежей, реконструировались действующие рудники, осуществлялось строительство новых горнорудных предприятий. Одновременно велась реконструкция, а также строительство доменных печей и сталеплавильных агрегатов.

В результате ввода в эксплуатацию новых мощностей металлургической промышленности в стране с 1963 г. наметился довольно стабильный рост производства сырья и продукции черной металлургии. Этот рост продолжался до 1966 г., а затем начавшаяся в стране так называемая «культурная революция» привела к новому значительному снижению промышленного производства в целом по стране, и в том числе к снижению выпуска продукции черной металлургии примерно на 20% по сравнению с предыдущим годом.

В 1967 г. в течение многих месяцев была в значительной степени дезорганизована работа крупнейших металлургических предприятий КНР — Аньшаньского, Уханьского, Баотоуского и Шицзиншаньского комбинатов, шанхайских, тяньцзиньских, чунцинских и других сталеплавильных заводов. Загрузка производственных мощностей основных предприятий черной металлургии страны в первой половине 1967 г. снизилась до 65—70%.

В годы «культурной революции» нарушилась система материально-технического снабжения промышленных предприятий. Миллионы людей были отвлечены от полезной трудовой деятельности, многие партийные и хозяйственные руководители, квалифицированные кадры промышленности подверглись репрессиям и травле.

Только со второй половины 1968 г. благодаря улучшению использования производственных мощностей наметился некоторый подъем промышленного производства в черной металлургии. Несколько оживилось и капитальное строительство в этой отрасли. В 1968—1972 гг. был введен в эксплуатацию ряд крупных объектов черной металлургии, строительство которых было заморожено в предшествующий период.

Введение в строй этих объектов и улучшение использования ранее созданных мощностей способствовали тому, что в 1972 г. производство стали в стране достигло максимального уровня за весь период истории металлургической промышленности Китая. Согласно оценкам советских и западных экономистов, выплавка стали в КНР в 1972 г. на современных предприятиях составила примерно 19 млн. т. Общий объем производства стали, включая выплавку металла на мелких полукустарных предприятиях, по сообщению китайской прессы, достиг в 1972 г. 23 млн. т^в.

Эти данные сами по себе могут показаться значительными, если их не сравнивать со среднегодовым приростом производства чугуна и стали в КНР в период первой пятилетки (1953—1957 гг.), который составлял около 30% и с плановыми контрольными цифрами, принятыми VIII съездом КПК по второй пятилетке, предусматривающими еже-

^в «Жэньминь жибао», 3. I. 1973.

Т а б л и ц а

Динамика производства сырья и продукции черной металлургии в КНР,
в млн. т⁹

Год	Железная руда	Марганцевая руда	Кокс	Чугун	Сталь	Прокат
1949	0,59	—	0,5	0,25	0,16	0,1
1952	4,28	0,19	2,9	1,9	1,35	1,3
1957	19,3	0,65	7,5	5,9	5,35	4,5
1959	95*	1,1	45*	20,1*	13,4*	9,8
1962	30	0,9	12	12	8	6,0
1963	34	1,0	15	12	8	6,5
1964	40	1,1	15	12,5	9,5	7,0
1965	42	1,2	17	13,5	11,5	7,5
1966	45	1,2	18	14	13	8,5
1967	32	1,0	15	12	10	7,5
1969	44	1,2	18	15	13	10
1970	45	1,2	20	18**	18**	13
1971	50	1,2	22	22**	21**	15
1972	55	1,2	23	24**	23**	15,5

* Включая кустарное производство. Полученные в годы «скачка» на кустарных предприятиях чугун, сталь и кокс в значительном объеме оказались некондиционными.

** Включая продукцию местного производства. На современных предприятиях выплавка стали оценивается: в 1970 г. — 16 млн. т, в 1971 г. — 17 млн. т, в 1972 г. — 19 млн. т.

годный прирост производства чугуна, стали и проката не менее 15%. В последние годы прирост производства этих важнейших видов продукции черной металлургии составляет примерно 10%. Представляет интерес в этой связи динамика роста производства сырья и продукции черной металлургии за весь период со дня образования КНР.

При условии развития Китая после 1957 г. по пути социалистической индустриализации и тесного экономического и научно-технического сотрудничества с социалистическими странами высокие темпы развития металлургической промышленности могли бы сохраниться в течение нескольких последующих пятилеток и к 1972 г. с ежегодным приростом порядка 14—15% производство важнейших видов продукции черной металлургии достигло бы в КНР довольно высокого уровня, а именно:

производство чугуна 45—50 млн. т
 » стали 40—45 млн. т
 » проката 35—37 млн. т

Таким образом, фактическое производство основных видов продукции черной металлургии в стране в результате авантюристического курса экономической политики маоистского руководства оказалось вдвое ниже того уровня, к которому могла прийти китайская металлургия при условии ее планомерного развития, опираясь на экономическую и научно-техническую помощь стран социалистического содружества.

⁹ Цифры за 1949—1959 гг. — официальные данные ГСУ КНР. Цифры за 1962—1972 гг. — расчетные, полученные на основе информации зарубежной печати, оценок и расчетов советских и иностранных экономистов.

С другой стороны, судя по сообщениям китайской печати, в стране сохраняются благодаря субъективистскому политическому курсу маоистов диспропорции в области производства основных видов продукции черной металлургии и целый ряд других нерешенных проблем.

Проблема обеспечения предприятий черной металлургии основными видами металлургического сырья — товарной железной рудой и коксом. Известно, что большинство китайских железорудных месторождений представлено очень бедными рудами с содержанием основного компонента в пределах 30—36%. Эти руды нуждаются в глубоком обогащении, а имеющиеся в стране мощности обогатительных предприятий в лучшем случае в состоянии переработать не более 60% добываемой в стране руды. Большинство предприятий черной металлургии КНР постоянно испытывает дефицит в высококачественной руде, изменяющийся в пределах 20—25% требуемых количеств. В последние годы общий дефицит товарной железной руды в стране оценивается в 8—10 млн. т, что приводит к необходимости использовать в качестве исходного сырья доменного производства смесь высококачественных и низкокачественных железных руд.

Серьезной проблемой является обеспечение черной металлургии высококачественными коксующимися углями. Производственные мощности предприятий по обогащению коксующихся углей в КНР составляют примерно 30 млн. т в год, что при максимальной загрузке может обеспечить производство не более 22 млн. т кокса. Потребности же металлургической промышленности страны в коксе оцениваются в 27—28 млн. т в год. О том, насколько серьезным является положение с обеспечением металлургической промышленности основными видами сырья, красноречиво свидетельствует широко развернувшаяся в стране кампания по укреплению сырьевой базы, проходящая под лозунгами «Горное дело — основа развития металлургической промышленности!», «Развить горное дело!» и др.

Проблемы технического оснащения предприятий металлургической промышленности современными машинами и оборудованием.

Для современной черной металлургии в высокоразвитых странах характерным является постоянное увеличение производственных мощностей горнодобывающих машин и металлургических агрегатов. Практикой доказано, что использование в металлургической промышленности крупных машин и агрегатов значительно улучшает технико-экономические показатели горнодобывающих металлургических предприятий. Экономические эксперименты маоистов на многие годы задержали научно-технический прогресс в базовых отраслях промышленности, в том числе и в черной металлургии. Так, например, в промышленно развитых странах средний полезный объем доменных печей превышает 1000 м³, а в КНР он не достигает 200 м³. Около 20% производства стали в развитых странах осуществляется в настоящее время в наиболее экономичных и высокопроизводительных агрегатах — кислородных конверторах емкостью более 300 т. В Китае производство стали в кислородных конверторах находится еще в стадии освоения, в стране введены в эксплуатацию первые небольшие агрегаты такого типа.

Во многих странах получил широкое распространение разработанный в Советском Союзе метод непрерывной разливки стали, обеспечивающий существенную экономию металла при производстве проката. Предполагается, что к 1990 г. этим новым методом будет разливаться вся выплавляемая в мире сталь. В КНР имеется лишь 3 установки непрерывной разливки стали.

Сложность задачи технического оснащения металлургической промышленности страны современными машинами и оборудованием заключается в том, что промышленная база горнорудного и металлургического машиностроения, созданная в Китае с помощью Советского Союза и других социалистических стран еще в годы первой пятилетки, в последующий период не получила существенного развития. Машиностроительные предприятия по производству горнорудного, транспортного, обогатительного и металлургического оборудования продолжают в основном выпускать продукцию, освоенную еще в первом десятилетии существования Китайской Народной Республики. По физическому объему производство этой продукции в стране в настоящее время не превышает нескольких сотен тысяч т в год. Коэффициент самообеспеченности страны крупным горнорудным и металлургическим оборудованием остается очень низким, поэтому оснащение современными видами машин ведущих предприятий черной металлургии КНР продолжает осуществляться в значительной степени за счет импорта.

В последние годы КНР постоянно импортирует из промышленно развитых стран экскаваторы, рудничные электровозы и локомотивы, самосвалы, грузовые автомобили большой грузоподъемности, горнорудное и металлургическое оборудование. Только в Японии в 1970 г. Китай закупил различного транспортного оборудования, в том числе и горнорудного, на сумму около 80 млн. долл. В первом полугодии 1972 г. КНР вела переговоры с Францией о закупке в течение ближайших трех лет 8500 автомашин большой грузоподъемности, значительную часть которых предусматривается использовать в горнодобывающей промышленности. Значительный по объему и расходованию валютных средств импорт горнорудного, обогатительного и металлургического оборудования является следствием пресловутой маоистской политики «опоры на собственные силы» и преимущественного строительства мелких машиностроительных заводов, которые оказались не в состоянии справиться с задачей технического оснащения предприятий черной металлургии страны отечественным оборудованием.

Проблема совершенствования технологии добычи сырья и повышения качества продукции черной металлургии. Ограниченные возможности по внедрению новейших научно-технических достижений оказывают сдерживающее влияние на развитие процессов совершенствования технологии добычи сырья и повышения качества черных металлов. Вследствие слабой технической оснащенности предприятий добывающей промышленности на стадии добычи и обогащения рудного сырья чрезвычайно велики потери металла, технология попутного извлечения высокоценных компонентов руд сложного состава находится в КНР в эмбриональном состоянии. Из-за низкого технического уровня производства металлургия Китая столкнулась с огромными трудностями в освоении выпуска высококачественных сталей и сплавов, а также металлов высокой чистоты, получение которых связано с использованием сложного металлургического оборудования. Объем производства высоколегированных сталей в стране очень незначителен, особенно таких марок, как жаропрочные, нержавеющие, кислотоупорные, шарикоподшипниковые и др. Эти высококачественные стали крайне необходимы для развития новейших отраслей промышленности, поэтому Китай вынужден импортировать их из промышленно развитых стран. Удельный вес импорта проката черных металлов в общем потреблении его в стране достигает в последние годы 15—17%.

Проблема обеспечения металлургической промышленности страны высококвалифицированными кадрами. В связи с прекращением заня-

тий в высших и средних учебных заведениях в период «культурной революции», а также в связи с тем, что КНР из-за ухудшения отношений со странами социалистического лагеря практически лишилась возможности готовить квалифицированные кадры за границей, в последние годы в стране в ведущих отраслях промышленности ощущается острая нехватка специалистов. Из-за недостаточной технической подготовки китайских металлургов сдерживается производство многих видов продукции металлургической промышленности, в которой прежде всего нуждаются новейшие отрасли промышленности, поэтому при изготовлении наиболее ответственных деталей машин и оборудования в стране используются импортные металлы и сплавы.

Необеспеченность инженерно-техническим персоналом и высококвалифицированными рабочими кадрами сдерживает освоение новых высокопроизводительных процессов в металлургической промышленности, внедрение комплексной механизации процессов добычи и переработки минерального сырья, выплавки металлов и сплавов. Нехватка квалифицированных кадров особенно сказывается в таких новейших производствах, как получение сверхчистых металлов, нашедших чрезвычайно широкое применение в современных отраслях промышленности. С тем чтобы уменьшить дефицит в промышленных квалифицированных кадрах, китайское руководство призывает организовывать подготовку этих кадров непосредственно на предприятиях.

* * *

Анализ современного состояния металлургической промышленности КНР свидетельствует о том, что созданные в стране производственные мощности по добыче сырья и выплавке черных металлов уже полностью исчерпали свои возможности и, следовательно, в ближайшие годы существенный прирост производства продукции черной металлургии невозможен без значительного расширения строительства новых предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности.

Объективные законы развития, сама действительность современного Китая требуют изменения хозяйственной политики его руководства, противоречащей учению марксизма-ленинизма, возвращения КНР на путь социалистической индустриализации и социалистических форм хозяйствования; рационального распределения бюджетных средств между всеми отраслями народного хозяйства; значительного увеличения капиталовложений в строительство крупных промышленных предприятий тяжелого машиностроения, горнодобывающей, металлургической и других отраслей промышленности за счет сокращения ассигнований на военное производство, отказа от антисоветизма во внешней политике и возобновления широких научно-технических и экономических связей с социалистическими странами.

СССР — Япония: торгово-экономическое сотрудничество в действии

*П. Д. Долгоруков,
кандидат экономических наук*

Программа мира, разрядки напряженности и укрепления добрососедства, провозглашенная XXIV съездом КПСС, нашла свое дальнейшее творческое развитие и конкретизацию в докладе товарища Л. И. Брежнева на апрельском (1973 г.) Пленуме ЦК КПСС. Программа мира и доклад товарища Л. И. Брежнева, являясь научным обобщением практического опыта современного этапа мирового развития, отражают непрерывный рост могущества социализма и усиление объективной тенденции к расширению политических, экономических, научно-технических и культурных связей капиталистических государств с Советским Союзом и другими социалистическими странами под влиянием коренного изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма.

Одним из ярких примеров торжества ленинского принципа мирного сосуществования и развития всестороннего сотрудничества между государствами различных социальных систем могут служить отношения Советского Союза со своим дальневосточным соседом — Японией.

Советский Союз и Япония — вторая и третья промышленные державы мира — обладают огромными потенциальными возможностями для самого широкого торгово-экономического и научно-технического сотрудничества на основе использования преимуществ международного разделения труда, углубления специализации и кооперирования производства.

Основной формой реализации хозяйственных связей между двумя странами, разделенными узкой полоской Японского моря, служит в настоящее время внешняя торговля. Начало регулярного торгового обмена самым тесным образом связано с подписанием в октябре 1956 г. совместной Декларации о нормализации дипломатических отношений и заключением в декабре 1957 г. Договора о торговле и мореплавании. Эти основополагающие документы, создававшие благоприятный политический климат и необходимый торгово-политический режим для расширения экономических связей, нашли свое развитие в последующем заключении целого ряда конкретных соглашений о товарообороте и платежах, об установлении регулярных судоходных и авиационных линий, о прибрежной торговле, по кредитно-финансовым и другим вопросам. В ходе осуществления этих соглашений накопился богатый опыт ведения коммерческих операций и укрепились деловые контакты между советскими внешнеторговыми организациями и японскими торговыми и промышленными фирмами.

Экономическая целесообразность широкого торгового обмена, основанного на принципах равноправия и обоюдной выгоды, привела к быстрому количественному росту советско-японской торговли, к совершенствованию ее структуры и организационных форм, к расширению номенклатуры экспортно-импортных поставок.

Советско-японская торговля¹
(в млн. руб.)

	1958 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
Оборот	34	124	326	652	733	816
Экспорт	18	69	166	341	377	382
Импорт	16	55	160	311	356	434

Объем советско-японской торговли уже в первые два года после заключения Договора о торговле увеличился в 3,6 раза — с 34 млн. руб. в 1958 г. до 124 млн. руб. в 1960 г. В последующие годы темпы роста товарооборота между двумя странами продолжали быть очень высокими. За период первого пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах (1966—1970 гг.) общая сумма взаимных поставок удвоилась по сравнению с предыдущим пятилетием (1961—1965 гг.) и достигла 2613 млн. руб.

В сентябре 1971 г. в Токио было подписано новое пятилетнее торговое соглашение на период 1971—1975 гг., предусматривающее дальнейший рост советско-японской торговли. По предварительным подсчетам японской стороны, объем взаимных поставок за пятилетие должен увеличиться примерно на 80%². Результаты первых двух лет выполнения второго пятилетнего соглашения дают основания предполагать, что оно может быть, как и предшествующее, реализовано досрочно. Если в 1970 г. объем торговли между СССР и Японией составлял 652 млн. руб., то в 1972 г. он увеличился до 816 млн. руб., то есть вырос за два года более чем на 25%. Следует заметить, что эти темпы являются опережающими по сравнению с общим приростом товарооборота Советского Союза за соответствующие годы, который составил 17,6%.

Высокие количественные показатели, достигнутые в советско-японской торговле за последние годы, свидетельствуют о том, что Советский Союз и Япония стали активными торговыми партнерами, что дальнейшее развитие коммерческих связей между ними в равной степени отвечает экономическим интересам обеих сторон. Для японских торговых и промышленных фирм значение торговых отношений с Советским Союзом усиливается тем обстоятельством, что они строятся на стабильной основе, путем заключения соглашений на сравнительно длительную перспективу. В обстановке, когда международная валютная система находится в состоянии перманентного кризиса, когда мировой капиталистический рынок испытывает серьезные трудности под влиянием нарастания протекционистских тенденций, усиления конъюнктурных колебаний, разгула инфляционной стихии, расширение деловых связей с таким надежным торговым партнером, как Советский Союз, хозяйствен-

¹ «Внешняя торговля СССР. Статистический обзор», 1958-1972 гг.

² "Mainichi Daily News", 29. IV. 1971.

ное развитие которого ведется на плановой основе при постоянном росте производства, приобретает для японской экономики характер серьезного стабилизирующего фактора.

В товарной структуре советско-японской торговли проявляется сравнительно высокая степень взаимодополняемости отдельных отраслей народного хозяйства двух стран, исключая ущемление национальных интересов или конкуренцию с местным производством. Большой спрос на японском рынке предьявляется, например, на многие виды советского промышленного сырья и полуфабрикатов: в 1972 г. за счет импорта из Советского Союза покрывалось около 18% всех импортных потребностей Японии в деловой древесине и пиломатериалах, 15 — в асбесте, 20 — в калийных солях, 32 — в никеле, 51% — во вторичном алюминии. Существенное значение для японской экономики имеют также советские поставки хлопка (12% общего объема его импорта), чугуна и стального лома (11%), коксующегося угля (5%) и т. д.³

За последние годы расширился советский экспорт в Японию целого ряда промышленных изделий, в том числе машин и оборудования, а также промышленной технологии. В 1972 г. стоимость экспорта машин и оборудования составила 5310 тыс. руб. против 1984 тыс. руб. в 1965 г., то есть увеличилась за этот период в 2,7 раза. Однако абсолютный объем продаж машинотехнической продукции на японском рынке все еще невелик. Одна из основных причин относительно слабого спроса японских контрагентов на продукцию советского машиностроения состоит в том, что часть японских фирм продолжает проявлять несколько устаревший подход к оценке возросшего технического уровня промышленности и экономического потенциала Советского Союза и не обнаруживает достаточной активности в изыскании возможностей для постоянного расширения импорта оборудования из СССР.

В период научно-технической революции происходят значительные прогрессивные сдвиги в структуре советской экономики, которые ведут ко все большей «индустриализации» нашего экспорта. В 1972 г. на долю машин и оборудования приходилось уже около четверти всей стоимости советского экспорта. На рынки многих стран мира наши внешнеторговые объединения поставляют по конкурентным ценам технически передовую продукцию самолето- и вертолетостроения, энергетическое и электротехническое оборудование, подъемно-транспортные и дорожно-строительные машины и механизмы, прокатные станы, буровое и проходческое оборудование, металлообрабатывающие станки и различные другие высокопроизводительные виды машинотехнических изделий. Советские внешнеторговые и хозяйственные организации готовы рассмотреть пожелания японских фирм на закупку различных типов машин и оборудования, включая комплектное оборудование для предприятий, и договориться об условиях их поставок, вплоть до предоставления в ряде случаев рассрочки платежей.

Наша промышленность также могла бы производить отдельные виды машинотехнических товаров специально для экспорта в Японию, учитывая специфические требования японского рынка. Поэтому в расширении объема поставок продукции машиностроения заложены большие резервы роста товарооборота СССР с Японией на будущее.

Номенклатуру советского импорта из Японии составляет широкий круг тех промышленных товаров, которые имеют важное значение для нашего народного хозяйства, в наибольшей степени способствуют повышению технического уровня и эффективности общественного производ-

³ «Гайкоку боэки гайкё», № 12, 1972.

ства, ускорению темпов развития экономики. Только основных их видов насчитывается свыше 30 наименований.

Самой крупной статьей советского импорта являются машины и оборудование, в том числе и для химической, целлюлозно-бумажной, текстильной, пищевой и других отраслей промышленности⁴, отдельные виды станочного, кузнечно-прессового и радиоэлектронного оборудования, точные и измерительные приборы и т. д. Советские внешнеторговые организации закупают на японском рынке значительные количества проката черных металлов и труб, различных химических продуктов.

В соответствии с генеральной линией нашей партии и правительства, направленной на всемерное повышение жизненного уровня советского народа, быстро увеличивается объем и расширяется ассортимент импортных поставок товаров широкого потребления и сырья для их производства. Если в 1965 г. закупки только готовых промышленных товаров народного потребления (трикотажных и швейных изделий, тканей, обуви и т. д.) составляли по отношению ко всему советскому импорту из Японии менее 5%, то в 1972 г. их удельный вес превысил 14%. В этой связи необходимо отметить, что абсолютное и относительное увеличение советского импорта продукции легкой промышленности, способствуя более полному удовлетворению возрастающих материальных запросов населения Советского Союза, одновременно оказывает положительное влияние также на общее состояние и японской экономики, поскольку оно имеет своим прямым следствием рост загрузки предприятий (в том числе мелких и средних) и увеличение занятости в наименее динамичных отраслях промышленности Японии.

За последние годы заметное развитие получила одна из новых и перспективных форм торговых связей между СССР и Японией — так называемая «прибрежная торговля», которая берет свое начало с февраля 1963 г. В прибрежной торговле, ведущейся на бартерной основе, принимают участие различные заинтересованные фирмы Японии, но прежде всего многочисленные мелкие и средние фирмы и кооперативные объединения префектур, расположенных у Японского моря. С советской стороны в ней активно участвуют края и области Дальнего Востока и Восточной Сибири. За пять лет (1966—1970 гг.) объем прибрежной торговли увеличился более чем в 4 раза, а всего за период 1963—1972 гг. сумма товарооборота, реализованная через эту форму торговых связей, превысила 110 млн. руб.

По линии прибрежной торговли в Японию экспортируется свыше 40 наименований товаров, в том числе энергетический уголь, лесоматериалы, многие виды морепродуктов, плавиковый шпат, лекарственные растения и т. д. В свою очередь в порядке товарообменных операций из Японии в Советский Союз поступают различное рыболовство снаряжение, счетно-вычислительная техника, ткани и обувь, готовые текстильные и трикотажные изделия, овощи, фрукты и многие другие товары народного потребления.

Советский Союз придает серьезное значение дальнейшему развитию прибрежной торговли. Дальневосточные районы выявляют все новые и новые виды экспортных товаров для обеспечения встречных закупок японской продукции, более тщательно изучают спрос и вкусы японских потребителей. С целью расширения операций по прибрежной торговле в 1964 г. в Советском Союзе была учреждена Всесоюзная экспортно-импортная контора «Дальинторг», которая к настоящему вре-

⁴ За период 1965—1972 гг. из Японии было ввезено 15 таких предприятий ("East-West Trade, Information Bulletin", September 15, 1972).

мени установила деловые связи уже с 70 японскими фирмами и кооперативами о-ва Хоккайдо, префектур Акита, Тояма, Ямагата, Ниигата, Исикава, Фукуи, Симанэ и др.

В последнее время и среди префектур, выходящих на побережье Японского моря, все более усиливается стремление к расширению экономического обмена с Советским Союзом. Это связано с тем, что мелкие и средние предприятия Японии по производству текстильных, фарфоро-фаянсовых, ножевых и прочих изделий местной промышленности переживают значительные трудности из-за застоя экспорта в США и на рынки других капиталистических стран. Делегации из этих префектур во главе с губернаторами одна за другой посещают Советский Союз с целью ведения переговоров об открытии торговых выставок и демонстрации образцов своей продукции.

Обоюдное стремление к росту товарообменных операций привело к тому, что по новому долгосрочному соглашению предполагается в 1975 г. увеличить объем прибрежной торговли в 1,5 раза против уровня 1971 г.⁵

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в области развития советско-японских торговых отношений достигнуты большие успехи. Однако это не означает, что возможности в совершенствовании форм и расширении объема взаимовыгодного экономического сотрудничества на основе использования преимуществ международного разделения труда и фактора географической близости полностью исчерпаны.

Результатом совместных усилий советских внешнеторговых и хозяйственных организаций и представителей деловых кругов Японии в поисках принципиально новых организационных форм для расширения и углубления всесторонних экономических и научно-технических связей явилось достижение в июле 1965 г. соглашения о создании советско-японского и японо-советского комитетов делового сотрудничества и о регулярном проведении ими совместных экономических совещаний. С созданием этих комитетов делового сотрудничества экономические отношения между двумя странами вступили в качественно новый этап своего развития. Они вышли за рамки чисто коммерческих отношений и стали включать в себя более сложные и совершенные формы, учитывающие переплетение производственных, научно-технических, кредитно-финансовых, транспортных и торговых связей.

На прошедших за период 1966—1972 гг. пяти совместных экономических совещаниях национальных комитетов были обсуждены многие важные вопросы, имеющие большое народнохозяйственное значение для обеих стран. Главным результатом этих обсуждений явилось выявление конкретных проектов сотрудничества по разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока на условиях кредитного участия японской стороны в форме поставок оборудования и других необходимых материалов.

Районы Сибири и Дальнего Востока располагают колоссальными запасами разнообразных природных ресурсов. Помимо наличия огромных лесных богатств, там открыты крупнейшие месторождения нефти, газа, коксующихся углей, железной руды, различных цветных металлов, строительных и других материалов. При этом характерной особенностью этих месторождений является высокая степень концентрации минерального сырья и топлива на очень крупных месторождениях, что позволяет организовать производство в больших масштабах с применением мощных технических средств и передовой технологии.

⁵ «Япония сегодня», № 14, 1972.

Ускорение развития производительных сил в обширных районах Сибири и Дальнего Востока на базе освоения богатейших топливно-сырьевых ресурсов и создания крупных хозяйственных комплексов является одной из важнейших народнохозяйственных задач Советского Союза, которая успешно решается в соответствии с заданиями пятилетних планов собственными силами за счет внутренних накоплений. Однако для более эффективного выполнения этой важной задачи, для экономии времени, финансовых и материальных средств имеется возможность привлечь дополнительные кредитные ресурсы других заинтересованных государств, в частности те ресурсы, которые готова предоставить Япония, не располагающая практически ни одним видом промышленного сырья для полного удовлетворения своих потребностей.

Об остроте сырьевой проблемы для дальнейшего развития экономики Японии свидетельствует степень ее импортной зависимости (доля импорта в общем балансе потребления) по основным видам сырья и топлива, которая в 1971 г. составляла: по сырой нефти, никелевой руде, урану, хлопку-сырцу — 100%, по железной руде — 99, по медной руде — 94, по коксующемуся углю — 78, по природному газу — 37% и т. д.⁶ С увеличением масштабов производства растут абсолютные размеры сырьевого импорта, а степень импортной зависимости Японии по этой группе товаров обнаруживает тенденцию к дальнейшему повышению.

Для Японии создание в близлежащих дальневосточных районах Советского Союза крупнейшей топливно-сырьевой базы экспортного направления может обеспечить на длительную перспективу гарантированный источник снабжения. Устойчивость поставок приобретает все большее значение, если учитывать приближение в капиталистическом мире так называемого «энергетического кризиса» и неизбежное усиление конкурентной борьбы между ведущими капиталистическими державами за энергетические ресурсы. Кроме того, следует иметь в виду и фактор географической близости. Его роль можно отчетливо представить на примере расходов времени и средств на транспортировку нефти. В настоящее время Япония до 85% потребляемой в стране нефти ввозит с Ближнего и Среднего Востока, откуда перевозка занимает 22 дня. Если бы нефть доставлялась до побережья Японии из Находки, это заняло бы всего 2 дня и стоимость фрахта была бы по подсчетам японской стороны в 6 раз меньше, чем на ближневосточную нефть⁷.

С другой стороны, участие японских компаний в совместных проектах развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока открывает широкий и гарантированный рынок сбыта для многих видов продукции обрабатывающей промышленности Японии. И дело здесь не ограничивается только коммерческой выгодой. Можно предвидеть, что появление крупных сырьевых потоков с советского Дальнего Востока и обратных потоков промышленных и потребительских товаров из Японии позволило бы последней избавиться от опасной односторонней ориентации на рынки ограниченного круга стран, привело бы к усовершенствованию ее промышленной структуры, к созданию новых производств и пополнению трудовых ресурсов в относительно отсталых северо-западных районах Японии, способствовало бы частичному решению проблемы защиты от загрязнения окружающей среды.

В советско-японском партнерстве нет никаких элементов благотворительности. Оно строится на взаимовыгодной основе, на принципах равенства и уважения взаимных интересов. Сотрудничество с Японией

⁶ «Сого энеги токэй», 1972, стр. 264—265; «Цусё хакусё. Сорон», 1972, стр. 377.

⁷ «Сюкан посуто», 27. X. 1972.

позволит ускорить решение важнейшей задачи в области размещения производительных сил и улучшения территориальных пропорций в народном хозяйстве, в создании в восточных районах Советского Союза территориально-производственных комплексов — новой прогрессивной формы освоения новых территорий. Увеличение производственных мощностей по разработке природных ресурсов за счет японских кредитов даст СССР дополнительную продукцию как для удовлетворения внутренних потребностей, так и для погашения полученных кредитов и расширения экспорта в соответствии с долгосрочными контрактами. В свою очередь мобилизация дополнительных экспортных ресурсов позволит интенсивнее использовать японский рынок для более полного удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в тех товарах производственного и потребительского спроса, производство которых в нашей стране пока еще недостаточно или невыгодно экономически.

Взаимная заинтересованность сторон в ускорении освоения запасов природных богатств в восточных районах Советского Союза уже нашла свое конкретное воплощение в реализации ряда проектов советско-японского экономического сотрудничества. В июле 1968 г. между советскими внешнеторговыми организациями и группой японских фирм было заключено Генеральное соглашение по разработке лесных ресурсов, в соответствии с которым Япония предоставила на условиях кредита необходимые машины, оборудование и другие материалы на сумму 160 млн. долл. В погашение кредита советская сторона поставит в Японию около 8 млн. куб. м лесоматериала до конца 1973 г. В настоящее время заинтересованные японские фирмы ставят вопрос о заключении нового соглашения по лесу в значительно более широких масштабах.

Второе Генеральное соглашение в области советско-японского делового сотрудничества было подписано в декабре 1970 г. в связи со строительством нового, самого крупного на Дальнем Востоке морского порта в бухте Врангеля. Для строительства порта японская сторона предоставила кредит в сумме 80 млн. долл. на закупку строительного и эксплуатационного оборудования и материалов. Сейчас в бухте Врангеля полным ходом идет строительство первой очереди портовых сооружений, которое должно быть закончено к 1975 г. С вводом в строй этого порта на полную мощность почти вдвое увеличится грузооборот дальневосточных морских портов, что позволит обеспечить бесперебойную переработку быстро растущих грузопотоков в советско-японской торговле. Помимо традиционных товаров советского экспорта — лесоматериалов и угля, — порт рассчитан также на обработку 120—140 тыс. контейнеров в год. Организация перевозки контейнерных грузов из Японии в районы Восточной и Западной Европы через Сибирь по так называемому «сухопутному мосту» даст значительную экономию во времени и на транспортных расходах, будет способствовать дальнейшему расширению и укреплению взаимовыгодных советско-японских связей в области морских и сухопутных перевозок.

В декабре 1971 г. было подписано еще одно Генеральное соглашение о поставках в Японию переработанных отходов лесных материалов, служащих сырьем для целлюлозно-бумажной и химической промышленности. По условиям соглашения из СССР в Японию в течение 10 лет, с 1972 по 1981 г., будет поставлено примерно 12,7 млн. куб. м технологической щепы и балансового долготья лиственных пород в погашение стоимости предоставленных в кредит бульдозеров, рубильных машин, трелевочных тракторов, автолесовозов и других видов машинного оборудования и материалов на сумму около 50 млн. долл.

Реализация каждого из этих соглашений открывает новые возможности для расширения объема и ускорения темпов роста советско-японской торговли. Даже сравнительно небольшое соглашение по лесу, помимо удовлетворения импортных потребностей Японии в дефицитных лесоматериалах, способствовало заметному росту японского экспорта. За период 1969—1970 гг. экспорт из Японии в связи с осуществлением этого проекта составил свыше 20% ее общего экспорта, или более 50% машин и металлоизделий, в нашу страну.

Еще более обнадеживающие перспективы с точки зрения интенсификации товарного обмена и дальнейшей интернационализации хозяйственных связей содержат в себе новые, крупномасштабные и долгосрочные проекты сотрудничества, по которым в настоящее время ведутся переговоры. К таким объектам советско-японского сотрудничества относятся проект строительства транссибирского нефтепровода для поставки тюменской нефти в дальневосточные районы Союза и частично в Японию, проекты разработки якутского месторождения природного газа и южнокутских месторождений коксующегося угля, геологоразведочные работы по выявлению запасов нефти и газа на сахалинском шельфе, а также другие большие проекты. Реализация каждого из намечаемых проектов сотрудничества существенно увеличит экспортные ресурсы Советского Союза и, следовательно, создает необходимые предпосылки для встречных крупных импортных закупок продукции японской промышленности на длительную перспективу, в том числе за пределами сроков действия кредитных соглашений. При осуществлении, например, тюменского нефтяного или якутского газового проекта размеры товарооборота между нашими странами сразу выросли бы в несколько раз по сравнению с существующим в настоящее время уровнем.

С увеличением масштабов совместных проектов неизмеримо возрастает народнохозяйственное и политическое значение внешнеэкономических связей. Поэтому естественно, что на такого рода операции партнеры могут идти лишь тогда, когда они думают об устойчивом и длительном торгово-экономическом сотрудничестве. Установление прочных и долговременных деловых отношений логично вытекает из самого метода крупномасштабных компенсационных поставок с последующей оплатой из продукции создаваемых производственных мощностей. В случае осуществления грандиозного тюменского проекта, переговоры по которому вступают в практическую фазу, его значение для обеих заинтересованных стран было бы огромным и разносторонним. По этому поводу японская газета «Майнити дейли ньюз» в номере от 30 апреля 1972 г. писала: «Разработка месторождений нефти в Тюмени, в результате которой в Японию отправлялось бы от 30 до 50 млн. т нефти ежегодно на протяжении 20 лет, привела бы к тому, что между Россией и Японией установились постоянные отношения такого характера, подобных которым между этими двумя державами до сих пор никогда не существовало».

Участие японской стороны в указанном проекте предполагается в форме предоставления Советскому Союзу гарантированного японским правительством долгосрочного банковского кредита на приобретение труб большого диаметра, нефтепромыслового оборудования, строительной техники, оборудования для нефтеналива и прочих необходимых материалов на сумму свыше 1 млрд. долл.

Большое экономическое и политическое значение совместного строительства нефтепровода Тюмень—Находка для укрепления добрососедских отношений между СССР и Японией отчетливо осознают и пеки-

ские руководители, которые предпринимают различные попытки с целью блокирования и срыва намечаемого соглашения.

Наряду с укреплением торгово-экономических связей все более активный характер приобретает научно-техническое сотрудничество между Советским Союзом и Японией. Обе страны располагают высоким научным и техническим потенциалом, и расширение контактов в этой области в условиях научно-технической революции представляется весьма и весьма перспективным. В научно-технический обмен с соответствующими советскими организациями включается все большее число ведущих японских фирм, представляющих самые различные отрасли промышленности. На базе закупленных советских лицензий японскими компаниями уже внедрены в производство метод непрерывной разливки стали, система испарительного охлаждения доменных печей, метод изготовления электродов для сварки чугуна, начато производство проходческих щитов и т. д.

Организационно научно-технический обмен осуществляется Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике путем заключения соглашений с отдельными крупными японскими фирмами («Мицубиси», «Мицун», «Сумитомо» и др.), а также по линии подписания в рамках комитетов делового сотрудничества ежегодных протоколов с японской Ассоциацией торговли с Советским Союзом и социалистическими странами Европы (президент — С. Хориэ). Однако ограничение научно-технических связей со стороны Японии только уровнем частных предприятий превращается в современных условиях в известной мере в тормоз их совершенствования и развития. Поэтому в итоге визита в Японию министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в январе 1972 г., во время которого состоялись встречи с высокопоставленными официальными представителями Японии, было признано необходимым дальнейшее укрепление всесторонних связей в области науки и техники и стороны выразили готовность приступить к переговорам по заключению соглашения о научно-техническом сотрудничестве на межправительственном уровне.

Подписание межправительственного соглашения заложит прочный фундамент для активизации обмена патентами и лицензиями, научными делегациями, для организации долгосрочных совместных работ советских и японских ученых, инженеров и техников. От такого сотрудничества выиграет каждая сторона и вся мировая наука в целом. Обмен мнениями и творческое сотрудничество советских и японских ученых и технических специалистов будут способствовать углублению взаимопонимания между нашими народами и в конечном счете послужат делу укрепления мира во всем мире.

Большую роль в увеличении товарооборота советско-японской торговли за прошедшие годы, в расширении экономических, научно-технических и культурных связей между СССР и Японией играют международные торгово-промышленные и специализированные выставки, а также регулярный обмен различными делегациями. Экспозиции, организованные советскими внешнеторговыми и хозяйственными организациями в Японии, наглядно знакомят представителей делового мира с растущими экспортными возможностями нашей страны, с быстрым развитием ее экономики, науки и культуры, направленным на дальнейшее повышение благосостояния советского народа. Широкая и многогранная демонстрация достижений Советского Союза в различных областях народного хозяйства способствует активизации деловых контактов с японскими торговыми партнерами и увеличению объема коммерческих сделок.

Особое место среди всех советских выставок, проводившихся в разное время в Японии, занимал советский павильон на «ЭКСПО-70». Этот грандиозный павильон произвел на посетителей первой Всемирной выставки в Азии неизгладимое впечатление. За 183 дня работы «ЭКСПО-70» на ней побывало свыше 60 млн. человек и почти каждый второй из них посетил павильон «Советский Союз». Огромный интерес японцев к советской экспозиции объясняется тем, что в ней наиболее полно и последовательно раскрылось содержание основной темы Всемирной выставки — «Прогресс и гармония для человечества». В год столетнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина в советском павильоне была широко и наглядно показана вся глубина тех экономических, социальных и культурных преобразований, которые произошли в нашей стране и в жизни советского народа в результате неуклонного осуществления ленинских идей.

В свою очередь японские промышленные и торговые фирмы в целях лучшего ознакомления советских партнеров с возможностями и потребностями японского рынка провели в Советском Союзе начиная с 1960 г. около 50 специализированных и торгово-промышленных выставок. На этих выставках сотни тысяч советских специалистов смогли познакомиться с достижениями японской промышленности, получить интересную научно-техническую информацию и обменяться производственным опытом.

Таким образом, за прошедшие 17 лет с момента подписания совместной советско-японской Декларации о нормализации дипломатических отношений Советский Союз и Япония благодаря обоюдным усилиям достигли в своих двусторонних торговых, экономических и научно-технических связях значительного прогресса. Это не означает, что взаимопонимание достигалось без известных трудностей и препятствий. Однако для их устранения и дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества на долговременной основе у обеих стран налицо имеются все необходимые объективные предпосылки. Их реализация зависит от желания и доброй воли сторон. «Что касается нас, — указывал Л. И. Брежнев, — то мы готовы установить и развивать широкое взаимовыгодное сотрудничество с Японией как в экономическом, так и в политическом плане, имея в виду, что такое сотрудничество будет служить делу мира»⁸.

Новым подтверждением нашего искреннего стремления к развитию дружественных добрососедских отношений с Японией, выгодных как советскому, так и японскому народу, является недавний обмен личными посланиями между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и премьер-министром Японии К. Танакой.

Обмен личными посланиями, в которых отмечается важное значение экономического сотрудничества для углубления взаимного доверия, получил самый широкий резонанс в политических, деловых и общественных кругах Японии.

⁸ Л. И. Брежнев. Речь на XV съезде профессиональных союзов СССР. — «Правда», 21. III. 1972.

Маоизм и конфуцианство

*В. А. Кривцов,
кандидат философских наук*

«Современная китайская драма заключается в том, что кормило власти в Китае находится в руках людей, не понимающих и не желающих понять современный мир. Это люди, которые продолжают верить в особую миссию Китая и в его исключительное место в мире. Они верят в то, что только китайский путь единственно правилен и только китайский опыт универсален. Они изолировали свой народ от мира, а сами — вслед за традициями китайских мандаринов — обособились от своего народа».

С. ГЛОМБИНСКИЙ
«Америка смотрит на Китай»

Более десяти лет советские ученые ведут серьезную работу по изучению маоизма. Вскрывая идеологические истоки маоизма, разоблачая его, они приходят к выводу, что маоизм — это эклектическая смесь взглядов, заимствованных как из китайских, так и из зарубежных источников¹. Формируясь на мелкобуржуазной социальной основе под воздействием тех или иных идеологических и социально-психологических направлений, маоизм, однако, не сводится к ним, а представляет собой новое течение, выросшее на почве национализма, оппортунизма и ревизионизма.

При анализе идеологических и социально-психологических истоков маоизма перед нами встает вопрос и о том, связан ли маоизм — и если связан, то каким образом — с конфуцианством, которое господствовало в общественном сознании китайского народа более 2 тыс. лет?

Действительно, мог ли маоизм независимо от того, отрицают ли субъективно его приверженцы конфуцианство полностью или частично, оказаться вне воздействия этой древнейшей китайской идеологии и социальной психологии, сыгравших в истории Китая столь большую роль.

Большинство исследователей, занимающихся изучением истоков маоизма, считают, что конфуцианство, безусловно, наложило на маоизм свою печать. Такого мнения придерживаются советские ученые М. Л. Алтайский, А. М. Румянцев, К. В. Иванов, Э. Я. Баталов, В. Ф. Федоров, Р. И. Косолапов, А. Н. Желуховцев и др. Наши ученые показали связь конфуцианской этики с маоизмом, политической системой и культом личности в Китае, с деятельностью маоистов на международной арене. Однако они отнюдь не переоценивают воздействия конфуцианства на китайскую действительность, как это делают некоторые американские и японские исследователи.

¹ «Корни нынешних событий в Китае». — «Коммунист», 1968, № 6.

В последнее десятилетие среди американских специалистов по Дальнему Востоку (Дж. Фэйрбэнк, Р. Э. Рейшауэр, Г. Моргенау, Д. Барнетти, Ф. Шурман, А. Экстайн, Р. Скалопинно и др.) усиливается мнение о том, что традиции оказывают значительное влияние на жизнь современного Китая. Более того основное направление американского китаеведения считает, что традиции довлеют над современной политикой китайского руководства. «Революция Мао, — пишет Фэйрбэнк, — сталкивается с любопытным противоречием: чем сильнее он стремится обновить Китай, тем сильнее он отходит к старым китайским методам реализации этого плана»².

Проблеме воздействия конфуцианства на маонизм много внимания уделяют и японские китаеведы. Среди них следует назвать Дзюдзо Кувахара, Миида Кадзуо, Минору Такэути, Канити Курода, Итиро Ямагути, Ясунобу Сонэмура и др. В их работах рассматривается в частности и отношение конфуцианства к маонизму. «Мао Цзэ-дун немало учился у китайских императоров прошлого, — пишет Ясунобу Сонэмура, — он по крайней мере в своих представлениях фактически весь сосредоточен на некоего рода традиционных понятиях»³.

Длительное господство конфуцианства в Китае, его воздействие сказалось на всех уровнях общественного сознания китайцев. Конфуцианство прочно утвердилось в их социальной психологии, охватило сферу привычек, ценностных ориентаций и установок. Это значит, что неосознанное поведение, реакции на внешние воздействия стали у китайцев по преимуществу конфуцианскими. Поэтому даже отрицательное отношение к конфуцианству, отказ от него как от идеологии, критика его этических норм, таких, как сыновья почтительность (сяо), преданность вышестоящим (чжун), долг перед старшими и вышестоящими (и) и т. д., часто не означает полного избавления от конфуцианства в повседневном поведении и деятельности.

Конфуцианство с его идеями социального и политического неравенства в конце XIX — начале XX в. оказалось огромным препятствием на пути развивавшегося демократического сознания китайцев. Без преодоления этого ни о каких демократических преобразованиях, как показала практика, начиная с 1911 г., не могло быть и речи. Именно поэтому Лян Ци-чао назвал конфуцианство веревкой, которой опутывают свободу. Будучи патриархальной теорией патриархального государства, конфуцианство мешало консолидации китайцев в нацию и появлению у них национального самосознания. Поэтому выступление против него на определенной ступени становления китайской нации и ее самосознания было неизбежным. Из этого, однако, не следует, что конфуцианство не повлияло на китайский национализм, формировавшийся в условиях традиционной, то есть конфуцианской, культуры.

Тань Сы-тун и Лян Ци-чао в конце XIX в. подготовили почву для массового отрицания конфуцианства. С 1915 г. оно началось на страницах журнала «Синьциннянь», а затем перекинулось на страницы и других периодических изданий. Конфуцианство остро критиковали У Юэ, Ху Ши, Чэнь Ду-сю и многие другие. Ли Да-чжао утверждал, что конфуцианская этика — это этика диктаторского общества, которая используется для поддержки диктаторской монархии. Он считал, что Конфуций — это «апологет монархического деспотизма», «учение его несовместимо с духом современной эпохи»⁴.

² В. П. Лукин. Современный Китай: как его видят в США. — «Вопросы философии», 1973, № 2, стр. 130.

³ Ясунобу Сонэмура. Гэндай тьюгокурон. Токно, 1970, стр. 183.

⁴ Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, стр. 55.

Однако, как ни была сильна эта критика, она не могла полностью преодолеть воздействие конфуцианства на китайский народ, особенно в области социальной психологии.

Старшее поколение современных китайцев получило традиционное конфуцианское образование и воспитание, то есть мир его ценностных ориентаций был определен конфуцианством.

Идеологическое и социально-психологическое влияние конфуцианства облегчалось тем, что социальная структура китайского общества в первой половине XX в. менялась очень медленно, а именно она и представляла собой ту общественную основу, которая способствовала сохранению конфуцианского, легистского и даоского воздействия на общество.

Следует подчеркнуть, что конфуцианство влияло на маоистов старшего поколения не только непосредственно, но и через взгляды китайских буржуазных просветителей и реформаторов: Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао, Янь Фу, и идеи китайских революционных демократов: Сунь Ят-сена, Чжан Бин-луня, Цзоу Жуна, поскольку те и другие формировались под сильным воздействием конфуцианства, особенно конфуцианского этноцентризма, сделавшегося важной составной частью китайского национализма. Это, естественно, сказалось на идеологах китайской буржуазии, взгляды которых получили сильную националистическую, а нередко и шовинистическую окраску. Мао Цзэ-дун и другие нынешние руководители КПК испытали заметное влияние идей Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао, а затем Сунь Ят-сена.

О своем первоначальном образовании Мао Цзэ-дун говорил, что, когда он ходил в школу (а это была конфуцианская школа), в ней он шесть лет учил «Четверокнижие» и «Пятикнижие». «В то время я очень почитал Конфуция», — признавался он. В юности Мао Цзэ-дун увлекался взглядами конфуцианцев более позднего периода — Ван Чуань-шаня, Гу Янь-у, Янь Юаня. Увлечение это привело к тому, что в 1921 г. он вступил в Чанша в «Общество изучения Ван Чуань-шаня». Следует отметить, что китайская революционная демократия проявляла заметный интерес к Ван Чуань-шаню, в идеях которого она видела выражение раннего китайского национализма.

Еще более прямо признавал исключительное воздействие на свои взгляды конфуцианского учения бывший министр иностранных дел КНР Чэнь И. В 1961 г. он заявил: «Должен признаться, что моя идеология очень сложная. У меня, может быть, и есть идеи коммунизма, но мною владеют и идеи Конфуция, и идеи Мэн-цзы... Во всей моей идеологии коммунистическая идеология составляет лишь самый поверхностный слой, и ни в коем случае нельзя утверждать, что я полностью очистился от конфуцианства и идеологии Мэн-цзы»⁵.

В 1961 г. Мао Цзэ-дун в беседе, состоявшейся во время праздника весны, утверждал, что «Конфуций по происхождению был крестьянином, бедняком... С раннего детства черпал у масс. В определенной степени он понял их страдания». Мао Цзэ-дун, разумеется, хорошо знал, что Конфуций был аристократом. Ссылка на Конфуция ему понадобилась для того, чтобы поднять авторитет своей собственной «линии масс», утвердить ее как якобы традиционную для Китая. Именно поэтому он подчеркнул в этой беседе, что «традиции Конфуция не следует утрачивать»⁶.

⁵ «Чжунго циннянь», 1961, № 17.

⁶ Данные из хунвэйбинновской листовки (декабрь, 1966 г.).

Эти высказывания Мао Цзэ-дуна о Конфуции положили начало движению китайских ученых за переоценку Конфуция и конфуцианства. В 1962 г. на страницах китайской печати развернулась широкая дискуссия по проблемам конфуцианства, состоялась научная конференция, посвященная Конфуцию. Главное внимание на ней было уделено прогрессивным и даже «революционным» элементам в конфуцианстве. Все это свидетельствовало о том, что маонизм не прочь использовать авторитет конфуцианства в китайском народе в целях воздействия на него в маонистском духе, причем конфуцианству давалось новое, «революционное» толкование.

Исходя из того, что народу якобы «трудно отвыкнуть от привычек, выработанных трехтысячелетней традицией поклонения императорам»⁷, маонисты нередко сознательно используют в своих политических интересах элементы конфуцианства в социальной психологии китайцев. Они преднамеренно раздули культ личности Мао Цзэ-дуна в период «культурной революции», рассчитывая, что этот культ «вдохновит массы» на ликвидацию партии.

В настоящее время маонистская пропаганда дает новое толкование конфуцианству, увязывая его со взглядами и деятельностью противников маонизма. Поэтому в маонистской прессе появляются материалы, критикующие конфуцианство.

В чем же выражается конкретно воздействие конфуцианства на маонизм?

Главная цель конфуцианства — обеспечение интересов правящей верхушки китайского общества во главе с императором путем установления стабильных порядков в семье и государстве. При этом особое внимание обращалось на проблему отношений внутри китайского общества, то есть среди ханьцев, и на отношения с другими некитайскими обществами, поскольку «китайцы были склонны думать, что их зарубежные связи являются внешним выражением тех же самых принципов социального и политического порядка, которые существуют внутри китайского государства и общества»⁸.

Конфуцианство выдвигало на первый план в обществе моральные и политические отношения, игнорируя отношения экономические. Главная идея, пронизывающая конфуцианское учение об отношениях как внутри китайского общества, так и между китайским и некитайским обществами, заключалась в обязательном, беспрекословном повиновении и подчинении младших старшим, нижестоящих вышестоящим, некитайцев китайцам. Это значит, что основной предпосылкой такого подхода было социальное, политическое и этническое неравенство. Подчинение и повиновение в обществе конфуцианство обеспечивало прежде всего жесткой системой этических норм, регламентировавших поведение человека в течение всей его жизни, а потом уже нормами права, наказаниями. В связи с этим особенно подчеркивалась важность правильного, то есть конфуцианского воспитания.

Таким образом, конфуцианство было антидемократической идеологией, оно исключало равенство в отношениях между людьми и этносами и какую-либо свободу в поведении человека. Свое основное воздействие конфуцианство оказало на характер моральных и политических отношений в китайском обществе, манеру поведения людей и их отношение к

⁷ Э. Сноу. Беседа с Мао Цзэ-дуном. — «Литературная газета», 3.VI.1971.

⁸ В. П. Лукин. Современный Китай: как его видят в США. — «Вопросы философии», 1973, № 2, стр. 133.

действительности, на методы воспитания и, наконец, на характер отношений ханьцев с другими этносами.

Поэтому влияние конфуцианства на маонзм в первую очередь проявляется в политических и моральных отношениях, насаждаемых в современном китайском обществе, характере регулирования поведения людей, в методах воспитания и, наконец, в характере отношений Китая с другими народами и государствами.

Конфуцианская этика и маонистский культ личности

Одна из особенностей конфуцианства как идеологии и социальной психологии — господство в нем этики, связанное с длительной консервативной особой роли семейно-родовых, патриархальных отношений в древнем и средневековом Китае. Конфуцианство рассматривало государство как одну большую семью, а власть императора как продолжение власти отца, которому все дети должны беспрекословно подчиняться. В связи с этим сыновья почитательность к старшим (сяо) была одной из самых важных этических норм конфуцианства, считавшего, что от «сяо» зависят не только отношения внутри семьи, но и в государстве — верность или неверность императору, смелость в бою и т. д. Вследствие этого политическая идеология конфуцианства имела этическую форму, а конфуцианская мораль приобрела политическое содержание.

Именно эта особенность конфуцианской этики дала повод некоторым исследователям называть ее авторитарной. Однако конфуцианская этика была не только политикой, она одновременно представляла собой философию, социологию, психологию, религию и эстетику. Поэтому, говоря о конфуцианской этике, мы, по существу, имеем в виду конфуцианство в целом.

Всю власть и руководство обществом конфуцианство отдавало императору, который управлял с помощью воспитанной в конфуцианском духе особой бюрократической прослойки, занимавшей руководящие посты в государственном аппарате и армии.

Уже Сюнь-цзы в III в. до н. э. способствовал установлению в конфуцианстве принципа авторитарности правителя, дав ему психологическое и экономическое обоснование. Он утверждал, что правитель должен править авторитарно («правительство целиком зависит от правителя, а не от других»), а народ — беспрекословно ему подчиняться (народ — «трава под ветром правителя»). Сюнь-цзы разработал такую организацию общества, при которой каждый индивид оказывался под чьим-то контролем. Личность подчинялась обществу с помощью системы авторитарной этики (ли), вводимой сверху. Политическая идеология у Сюнь-цзы смыкалась с этикой и маскировалась последней.

Идеи Сюнь-цзы оказали большое влияние на конфуцианство в период династии Хань. Крупнейший реформатор конфуцианства Дун Чжун-шу (II в. до н. э.) находился под влиянием идей Сюнь-цзы. Развивая учение Мэн-цзы о государевом пути, он выделил в нем три основы (сань ган): отношения между государем и подданными, отцом и сыном, мужем и женой. Эти отношения рассматривались им как отношения беспрекословного подчинения. Дун Чжун-шу подвел под эти отношения философскую основу, связав их с учением об инь-ян, темном и светлом началах. Он утверждал, что государь — это светлое начало ян, подданный — темное начало инь, отец — ян, сын — инь, муж — ян, жена — инь. Причем, согласно воле неба, ян — это почитаемое и уважаемое а инь —

презираемое. В дальнейшем учение о «трех началах» было развито в теорию «трех начал и пяти постоянных принципов» (сань ган у чан), которая лежала в основе конфуцианской теории общества.

В Китае вплоть до XX в. полагали, что человек отличается от животного именно тем, что живет по принципам «сань ган у чан». Китайцы потому и приравнивали другие народы к животным, рассматривали их как варваров, что эти народы не были знакомы с конфуцианскими социальными взглядами.

В результате длительного влияния конфуцианства и легизма на китайское общество политические традиции Китая приобрели антидемократический, самодержавный, деспотический характер. Это признается даже реакционными, гоминьдановскими исследователями.

Конфуцианство можно без преувеличения назвать идеологией культа личности, поскольку оно предусматривает создание таких политических отношений, которые подчиняют общество на всех уровнях (от семьи до всего мира — тьянься) автократической власти одного лица, наделяемого высшими добродетелями и всячески превозносимого.

Политический механизм, созданный маоистами в Китае, отличается тотальным автократическим характером. Власть в стране сосредоточена практически в руках одного человека, требующего беспрекословного повиновения, подчиняющего себе общество снизу доверху. Вся внутривнутриполитическая деятельность маоистов строится на культе личности.

Конфуцианство считало, что политическая власть в обществе должна быть властью не народа, а для управления народом. К этой концепции политической власти практически пришли и маоисты, создав в ходе «культурной революции» военно-бюрократическую власть, стоящую над народом и воплощающую в жизнь конфуцианскую идею деления общества на управляющих и управляемых.

Разумеется, у культа личности Мао Цзэ-дуна есть свои социальные и другие причины. Однако немаловажную роль в его формировании и развитии, безусловно, сыграли конфуцианские традиции. «На небе одно солнце, у народа один правитель», — говорил Мэн-цзы. Сегодня с красным солнцем в Китае отождествляется Мао Цзэ-дун. Созпадение образов в конфуцианском и маоистском культе не случайно, оно говорит об их внутренней связи.

Конфуцианская этика и мораль пропитаны духом культа личности. В маоистском Китае нравственность также служит культу личности, ей отводится важное место в китайском обществе. Конфуцианская мораль и маоистская нравственность имеют много сходных черт и социальных функций.

В конфуцианстве этические нормы и ценности приобрели самодовлеющий характер, превратились в обязательное руководство для материальной жизни, которая была вынуждена ориентироваться на них. Аналогичное отношение к этическим нормам и ценностям характерно и для маоизма. Конфуцианство видело в моральном воспитании индивида гарантию социального порядка и стабильности. Маоизм видит в моральном и политическом воспитании гарантию социальной «сплоченности», а следовательно, и своего «порядка» в обществе.

Все богатство общественных отношений человека маоизм сводит, как это делало до него конфуцианство, к этическим отношениям. Э. Я. Баталов, первый, кто обратил внимание на эту особенность маоизма, пишет, что последний «совершенно игнорирует в теории и в практике социальных отношений природно-эстетическую сторону человека, производя двойную редукцию человеческой сущности: сначала выносятся за скобки природно-эстетическая сущность человека и человек сводится к «чистой» сово-

купности общественных отношений, а затем сами эти отношения сводятся к чисто нравственным отношениям. Человек, таким образом, в вульгарно-конфуцианском духе превращается маоистами в совокупность нравственных отношений»⁹. Этот вывод очень важен, так как подводит нас к пониманию того, как маоисты ставят проблему создания «нового человека», и объясняет, почему маоисты поднимают вопрос о создании «нового человека» в отрыве от экономического развития общества. То есть создание «нового человека» у маоистов в конечном счете оказывается связанным с конфуцианской традицией.

Для конфуцианства человек — абстрактное понятие, существо, лишённое его природной, эмоционально-чувственной стороны (которую оно всячески порицает и игнорирует, что особенно проявилось в сунский период). Подобную же моральную абстракцию, лишаемую не только материальных интересов, но и обычных человеческих чувств, пытается сделать из человека маонизм, предписывающий ему жить по заданной маоистской схеме, в рамках которой жизнь не имеет какого-либо индивидуального смысла.

Конфуцианство требовало начинать все социальные преобразования (умиротворение Поднебесной, наведения порядка в государстве и семье) с самоусовершенствования (сю шэнь), то есть с преобразования своего собственного субъективного мира. Эту же идею преобразования своего субъективного мира как безусловную предпосылку изменения объективного мира утверждают сегодня маоисты. «Существует тысяча изменений, существует десять тысяч изменений, но изменение человеческого сознания является важнейшим изменением»¹⁰.

Если конфуцианство пыталось личность растворить в семье — причем одним из способов ее растворения и было самоусовершенствование, — то маонизм стремится растворить личность в безличном обществе, заставить ее стать «стадной» личностью, которая слепо выполняет указания и предписания «председателя», точно так же, как слепо выполнялись указания и предписания старшего в старом конфуцианском обществе.

Перед каждым китайцем маонизм ставит задачу «преодоления» своего я, то есть преодоления своей индивидуальности и полного отождествления ее с Мао и маонизмом. И когда во время «культурной революции» хунвэйбины на улицах Пекина кричали «нужно убить свое я... нужно убить свое я», а маоисты развертывали движение под лозунгом «убьем наше я», они, возможно, и не сознавали того, что, по существу, утверждали старую конфуцианскую заповедь «кэ цзи фу ли» — «преодолей себя, восстанови ритуал», то есть действовали в традиционном конфуцианском духе.

Существует известная взаимосвязь между положением личности в обществе и степенью развитости в нем представлений о социальной и политической свободе. В таком обществе, где личность полностью растворяется в социальной группе, представлений о свободе нет совсем или же они крайне слабо развиты. Конфуцианство же отрицало личность, ибо полностью подчиняло ее семье и государству в лице его правителя. В результате такого полного подчинения личности в Китае, по существу, не было даже понятия свободы. Это понятие было заимствовано китайцами в конце XIX — начале XX в. из Японии в виде слова «цзюю». Маонистское отношение к личности и ее свободе во многом напоминает конфу-

⁹ Э. Я. Баталов. Маонизм — это антигуманизм. — «Критика теоретических основ маонизма», М., 1973, стр. 234.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 21.XII.1968.

цианство. Маонизм растворяет личность в социальной группе, отрицая ее как личность и вместе с этим отрицая и ее свободу. В маонистском Китае индивид должен поступать предписываемым ему образом независимо от своего сознания и своей воли.

При таком подходе к нравственности она из внутреннего убеждения становится выполненнем чуждых, навязываемых индивиду извне норм и, по существу, теряет характер нравственности. Но ведь именно такой и была конфуцианская нравственность. Она не выростала из внутреннего импульса, основанного на глубокой убежденности, а представляла собой формальное выполнение системы моральных норм, нарушение которых каралось не менее сурово, чем норм правовых, то есть она была «внешней», или формальной, как ее иногда называют. С этим и было связано то, что она, как идеология, просуществовавшая более двух тысяч лет, оказалась сравнительно нестойкой и с падением императорской власти в Китае начала разрушаться под ударами критики, которой ее подвергали передовые элементы китайского общества с конца XIX в. Но ее сравнительно легкое разрушение как идеологии не означало, что от нее освобождается и социальная психология китайцев. В обыденном сознании конфуцианская мораль, превратившись в стойкие привычки и стереотипы поведения, ценностные ориентации и установки, продолжала оставаться доминирующей, и именно под ее влиянием маонистская мораль приобрела свой внешний, императивный характер.

Из конфуцианской нравственности маонизм фактически заимствовал свой категорический императив, согласно которому индивид должен независимо от своих желаний и воли выполнять долг, предписываемый ему маонизмом. В конфуцианстве этот долг называется «и». Маонизм избегает этого названия, однако широко пользуется самой нормой. Из конфуцианства в маонизм пришла и этическая норма «чжун», требующая обязательной преданности правителю.

Императивный, догматический формальный характер маонистской морали и этики обрекает их на быстрое разрушение после того, как потерпит крах политическая система маонизма, являющаяся их материальной опорой.

О конфуцианском воздействии на маонизм свидетельствует и его отношение к праву. Раннее конфуцианство вообще отвергало право, которое, с его точки зрения, должно было касаться в виде уголовного права лишь простолюдинов. Испытав влияние легизма, который настаивал на законе, и слившись с ним, конфуцианство тем не менее сохранило презрение к правовым нормам, продолжая выдвигать на первое место этику и маскировать ею неизбежные в классовом обществе правовые отношения. Это было связано не только с тем, что конфуцианство сохраняло в себе элементы патриархальности, но и с абсолютистско-авторитарным характером политической власти в конфуцианском обществе, которая не хотела ограничивать себя какими-либо правовыми нормами.

Маонизм отмечен конфуцианским безразличием и к праву и законности, причем это равнодушие идет не только от традиций, но также, как и в конфуцианстве, от автократического характера власти в маонистском Китае.

Для конфуцианства была характерна строгая регламентация человеческой жизни, оно требовало соблюдения множества формальностей, ритуалов и т. п., внедряло в общество целую систему стереотипов поведения и мышления. Конфуцианское образование и воспитание было основано на том, что человеку с детства навязывались эти стереотипы (путем заучивания наизусть конфуцианских канонических книг, которые глав-

ным образом и состоят из различных стереотипных моральных установок).

Подобную же регламентацию, но на основании «сочинений» Мао Цзэ-дуна в наше время пытаются ввести в Китае маоисты. Это выражается не только в требовании заучивания наизусть (или почти наизусть) «трудов» Мао Цзэ-дуна, но и в требовании изучить их «в связи с жизнью», иначе говоря, в любом деле (независимо от того, имеет оно или нет отношение к политике) руководствоваться «идеями» Мао Цзэ-дуна. Китайская пропаганда всячески внушает, что только благодаря «идеям» Мао Цзэ-дуна можно преодолеть ту или иную возникшую трудность.

В связи с этим «идеи» Мао Цзэ-дуна наделяются почти магической силой. Фактически им придается характер религиозных догм и заклинаний, с помощью которых якобы можно совершить любые чудеса. Они — «атомная духовная бомба», «самая большая драгоценность», «свет солнца» и т. п.

Таким образом, «идеи» Мао Цзэ-дуна в китайском обществе функционально играют ту же самую роль, которую в нем две тысячи лет играли идеи Конфуция и его последователей. Это подтверждается, в частности, появлением пресловутого «Цитатника», который должен был в китайском обществе стать чуть ли не новым «Луньюем»¹¹.

Одним из социально-психологических последствий господства конфуцианства в китайском обществе был инертный, рутинный конформизм его членов, выражавшийся в приспособленческом принятии существовавшего порядка вещей, отсутствии собственной моральной позиции и отказе от себя как от личности. Нельзя не видеть того, что маоизм оказывает на общество аналогичное воздействие и порождает конформизм, подобный конфуцианскому. Социально-психологическая ориентация, возникающая в современном китайском обществе под воздействием маоизма, носит также приспособленческий характер. Члены китайского общества принуждаются прилаживаться к взглядам, нормам и стандартам жизни, насильно навязываемым маоистами, причем маоистскому авторитету приписывается абсолютная непогрешимость.

На месте жесткого конфуцианского конформизма в китайском обществе оказывается не менее жесткий маоистский конформизм. Если одной из важнейших основ конфуцианского конформизма было служение семье, отцу и матери, то в маоистском конформизме такой основой является преданность маоизму и служение Мао Цзэ-дуну, который «роднее отца и матери», как заявляла, в частности, «Жэньминь жибао» 2 апреля 1969 г.

Отрицание маоизмом гуманизма, безусловно, связано со слабостью гуманистических традиций в Китае, который фактически не знал гуманизма в европейском, ренессансном смысле. Конфуцианский гуманизм, о котором столько пишут на Западе, был крайне ограниченным гуманизмом, основанным на отрицании личных интересов человека и абсолютном подчинении его авторитарной этической системе «ли». Утверждение гуманности в Поднебесной конфуцианцы полагали возможным лишь при условии преодоления себя и восстановления этической системы «ли», то есть самоотречения личности и установления над ней полного контроля со стороны старших по возрасту и положению. В конфуцианстве человек не имел самостоятельной ценности, он был лишь элементом системы общественных отношений. Поэтому его жизнь приобретала смысл лишь в контексте этих отношений и, если того требовал конфуци-

¹¹ «Луньюй» — одна из самых важных канонических конфуцианских книг.

анский долг служения старшему, должна была приноситься в жертву этому долгу. Не случайно также, что конфуцианская этика лишена какой-либо эвдемонистической окраски. Передовые умы Китая хорошо понимали, насколько ограничен конфуцианский гуманизм. Ван Чуань-шань, например, считал, что конфуцианская гуманность (жэнь) и долг (и) представляют собой всего-навсего оковы, которые используются правителем для того, чтобы держать империю под своим контролем. Еще более резко высказывался о конфуцианском гуманизме Лу Синь.

Свойственная маоистскому культу личности демагогия, надо полагать, одним из своих источников также имеет конфуцианскую традицию. Широко известны, например, демагогический призыв Мао Цзэ-дуна «служить народу» и его так называемая «линия масс». Маоисты гораздо охотнее пользуются понятиями «народ» и «масса», чем «класс». На наш взгляд, в этом сказывается не только непонимание роли современных классов и классовых отношений, не только сила народнических (по существу националистических) традиций в Китае, но и влияние конфуцианства, которое широко пользовалось понятием «народ». Антидемократическое по своей сущности конфуцианство, стремясь к сохранению общественного порядка, исходило из того, что народ не следует доводить до крайности. Поэтому конфуцианское учение об управлении государством включало в себя требование принесения пользы народу. «Приносить пользу народу» призывал еще Конфуций (см. «Луныюй». Глава Яоюэ). О важной роли народа высказывался Мэн-цзы, которого в связи с этим иногда без должных оснований считают чуть ли не отцом китайской демократии.

Конфуцианский этноцентризм и маоистский шовинизм

Сегодня уже не приходится доказывать, что маоизм основан на шовинизме. Об этом написано достаточное количество работ как в нашей стране, так и за рубежом. Показательно, что к выводу о национализме и шовинизме маоизма приходят не только исследователи-марксисты, но и буржуазные ученые. «Было бы точнее назвать шовинизмом традиционный, решающий компонент в идеях Мао», — заявляет американский синолог Л. Коэн¹². «Мао был националистом (и сравнительно консервативным) задолго до того, как он стал коммунистом и революционером в любом его виде, — отмечает С. Шрам. — Национализм является в огромной степени психологически основным как для самого Мао, так и для миллионов китайцев, которые руководствуются его идеями. В сложном комплексе разума и личности Мао в целом националистические компоненты следует искать в большей или меньшей степени в основе и революционные компоненты — в результатах умственной работы»¹³. Такого рода высказываний можно привести множество. Характерно, что великоханьские взгляды и настроения свойственны не одному Мао Цзэ-дуну, но и ряду других известных в свое время деятелей КПК — Чжан Го-тао, Чжэн Чао-линю, Ли Ли-саню и т. д. Чжан Го-тао, например, пришел к идеям коммунизма через мечту о мире, в котором Китай займет превосходящее положение по праву своего «происхождения». Чжэн Чао-линь утверждал, что главную роль в мировой революции будет иг-

¹² „Problems of communism“, 1966, № 5, p. 1—30.

¹³ Там же.

рать китайский пролетариат и что центр мировой революции переместился в Китай. Ли Ли-сань считал Китай центром мировой революции и в связи с этим рассчитывал спровоцировать «классовую мировую войну». Идея о том, что Китай стал центром мировой революции, особенно отчетливо зазвучала в маоизме в период «культурной революции», которая, как известно, обнажила глубинные тенденции маоизма. 6 ноября 1967 г. в общей передовой «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефан жибао» говорилось: «В настоящее время мир уже вступил в новую эпоху революции под великим знаменем идей Мао Цзэ-дуна. В конце XVIII в. центр революции находился во Франции. В середине XIX в. он переместился в Германию, где пролетариат вышел на историческую арену, и возник марксизм. В начале XX в. революционный центр переместился в Россию, где возник ленинизм. Затем революционный центр постепенно переместился в Китай, где возникли идеи Мао Цзэ-дуна. В ходе великой пролетарской культурной революции Китай, как центр мировой революции, стал еще более крепким, еще более могучим».

Поэтому не удивительно, что маоисты наделяют Китай особой исторической миссией: «освободить все человечество». Такую задачу ставит перед членами КПК устав партии, принятый на IX съезде. При этом особая роль, согласно взглядам Мао Цзэ-дуна, выпадает на долю китайского крестьянства, которое якобы обладает особыми чертами, с ним не идет в сравнение ни рабочий класс Китая, ни Америки, ни Европы.

С китаецентристскими, националистическими настроениями у ряда руководящих деятелей КПК связана переоценка национальных особенностей Китая, его самобытности и непохожести на другие страны, чего будто бы не могут понять иностранцы. Такая переоценка была характерна для Ли Ли-саня, за что он подвергался критике как в Китае, так и в мировом коммунистическом движении. С той же меркой подходил к национальным особенностям Китая и Мао Цзэ-дун. Это привело его к намерению «китаизировать» марксизм, якобы не пригодный в целом для китайской действительности. Интересно, что «китаизация», а вернее, маонизация марксизма была расценена в самом Китае как проявление национализма. Со времени Конфуция и Мэн-цзы китайцам внушалась мысль, что для Китая пригодно только китайское, а иностранное, «варварское», не может быть принято Китаем. Зато «китайское» имеет универсальный характер, оно не только подходит для «варваров», но и с восторгом воспринимается ими. Разве не поэтому маоисты заменили общие истины марксизма-ленинизма своим национальным опытом, всячески препятствовали восприятию китайцами опыта социалистических стран в деле строительства социализма и противопоставляли ему китайские традиционные методы ведения хозяйства вроде выплавки стали кустарным способом и т. д.? И разве не поэтому они так усиленно пытались навязать другим народам свой китайский опыт вооруженной борьбы, метод «окружения городов деревней» и т. д.?

Для маоистов идеи марксизма-ленинизма — явление не китайское, а следовательно, неприемлемое для Китая, ибо у Китая должно быть все свое, в том числе и своя «коммунистическая теория», свой, китайский «марксизм-ленинизм», который, разумеется, должен иметь «всемирно-историческое значение» для всего международного коммунистического движения¹⁴.

¹⁴ Чэнь Бо-да. Идеи Мао Цзэ-дуна — соединение марксизма-ленинизма с китайской революцией. Пекин, 1951.

Маоистский шовинизм глубоко уходит своими корнями в мелкобуржуазную социальную почву Китая. Он неразрывно связан с идеологией и социальной психологией китайской буржуазии. Однако его особенности зависят во многом и от китайской традиции и в частности от конфуцианства. Именно конфуцианство придает шовинизму маоистов великоханьский, чванливый, китаецентристский характер. Дело в том, что конфуцианство является идеологией и социальной психологией с ярко выраженным этноцентризмом.

Этническое самосознание ханьцев было тесно переплетено с их семейно-родовым сознанием. Это переплетение было настолько сильным, что даже в XVII в. ханьский этнос понимался как нечто аналогичное роду. Поэтому для обозначения этноса Ван Чуань-шань применяет термин «цзулэй»¹⁵, то есть подобный роду.

Связь этнического самосознания с родовым облегчила конфуцианству, основывающемуся на семейно-родовом сознании, восприятие, закрепление, а затем и усиление этноцентризма.

Опираясь на древний китайский этноцентризм, конфуцианство стало противопоставлять ханьцев другим этносам не только по чисто этнической линии, но и в сфере морально-политической. Оно использовало с этой целью концепции Поднебесной (тянься), государева пути (вандао), конфуцианской культуры (вэнь) и т. д. Закрепление и усиление китайского этноцентризма было начато уже в VI в. до н. э. Конфуцием и продолжено Мэн-цзы (IV в. до н. э.), Дун Чжун-шу (II в. до н. э.), Хань Юем (VIII в. н. э.), Су Дун-по (XI в. н. э.), Ван Чуань-шанем (XVII в. н. э.), Кан Ю-вэем (XIX—XX в. н. э.) и многими другими конфуцианскими мыслителями.

Конфуцианство считало, что главное отличие китайцев от варваров заключается в культуре. Китайцы и варвары в равной мере — дети неба, но китайцы обладают особой культурой, основное содержание которой заключается в конфуцианском «ли» — этикете, причем «ли» разделяет людей по их положению и отделяет китайскую культуру от культуры варваров. Дзюдзо Кувахара называет отношение китайцев к варварам «освободительной филантропией», которая при пренебрежительном отношении к варварам распространялась лишь на тех из них, кто с восторгом принимал это пренебрежительное отношение. «Вышесказанное означает, — подчеркивает Дзюдзо Кувахара, — в сущности, поглощение других, некультурных народов китайской культурой (ли) и создание системы управления, в основе которой лежит логика мировой империи, прикрывающей стремление к господству этикетом с надписью «культура — ли»¹⁶.

В основу конфуцианского этноцентризма была положена концепция Поднебесной (тянься). Поднебесная в конфуцианском понимании — это окружающий человека мир и сфера власти китайского императора, поскольку он является сыном неба (тяньцзы), которое выражает ему свою волю (тяньмин). Тянься одновременно и китайская империя, включающая в себя все существующие на земле народы и государства. Отсюда государства как таковые не имеют значения, их границы, самостоятельность — условны. Китайский император несет ответственность за порядок в Поднебесной, его задачей является ее умиротворение. Поскольку

¹⁵ Ван Чуань-шань. «Хуаншу» (на кит. яз.), б. г. и.

¹⁶ Дзюдзо Кувахара. Мао Цзэ-дун и китайская идеология. Токно, 1972.

китайский император живет к Китаю, то последний представляет собой центр мира, и является государством, имеющим самую высокую культуру. Все остальные государства варварские. Китайский император обладает властью благодаря воле неба. Поэтому все живущие на земле должны беспрекословно подчиняться китайскому императору как сыну неба. Полностью подвластны ему и все государства. Отсюда все отношения Китая с древности до XX в. с другими государствами строились как отношения с вассалами. Китай понимался только как гегемон по отношению к другим народам и государствам, он абсолютно исключал в своих отношениях с ними идеи равноправия, суверенитета, независимости.

Поэтому с древних времен ханьцы называют свое государство «чжунго», то есть срединное государство. С конфуцианской точки зрения это основное, самое главное в мире государство. Причем конфуцианцы рассматривали его как обязательный образец для всех остальных государств мира. В соответствии с идеей срединного государства в Китае формировались и представления о географии. При династии Мин (XIV—XVII вв.), например, в Китае появилась географическая карта, на которой всю средину занимал Китай — срединное государство, остальные же государства были изображены небольшими по размерам: на восточной стороне — Япония и Корея, на западной — все известные Китаю заокеанские страны Запада. «Если сложить вместе изображения всех остальных стран, — пишет об этой карте Цзян Кан-ху, — то они составили бы в сумме лишь небольшую часть территории Китая»¹⁷. Интересно, что даже в начале XX в. эти китаецентристские географические представления продолжали владеть умами китайцев. Когда в хунаньском журнале «Сян бао» (№ 27, стр. 106—107) было опубликовано стихотворение Пи Цзя-ю «Песня, пробуждающая мир», в котором делался вывод, что Китай не находится в центре мира («Если внимательно посмотреть на земной шар, то Китай — вовсе не в центре»), это вызвало возмущение китайских реакционеров, продолжавших утверждать, что Китай находится в центре мира¹⁸. Концепция Поднебесной просуществовала в Китае вплоть до победы Народной революции в 1949 г.

* * *

Из сделанного анализа следует, что маонизм связан с конфуцианством, которое представляет собой один из его самых ранних и наиболее важных идеологических и социально-психологических истоков. Однако было бы неправильно переоценивать воздействие конфуцианства на маонизм и тем более полностью его идентифицировать с конфуцианством. Помимо конфуцианства, на маонизм воздействовали легизм, даосизм, китайский либерально-буржуазный и революционно-демократический национализм, взгляды тайпинов и суньятсенизм, социал-дарвинизм, народничество, анархизм, троцкизм и, наконец, марксизм-ленинизм. Причем свое влияние на маонизм конфуцианство оказывало главным образом не через сферу идеологии, а через социальную психологию, поэтому оно не было столь заметным, как, скажем, влияние легизма, суньятсенизма или троцкизма, зато его воздействие является, пожалуй, одним из наиболее сильных.

¹⁷ «Цзян Кан-ху боши цзян ян лу», 1921.

¹⁸ «Лиши яньцзю», 1959, № 1, стр. 27.

История китайской революции и первое десятилетие существования КНР свидетельствует о том, что влияние конфуцианства на жизнь Китая в эпоху новейшей истории отнюдь не имело неизбежного характера, оно успешно, хотя и медленно, преодолевалось особенно теми, кто стоял на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Прекрасный пример этого — взгляды и деятельность Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо и многих других китайских марксистов-ленинцев, сторонников пролетарского интернационализма. Расхождения маоистов с марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом как раз и явились причиной, обусловившей их неспособность преодолеть воздействие идеологических и социально-психологических традиций и, в частности, конфуцианства.

Антиленинская сущность «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата»

*В. Я. Сидихменов,
кандидат экономических наук*

Учение классиков марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата всегда было объектом ожесточенных нападков и всевозможных фальсификаций со стороны оппортунистов всех мастей. Если правые оппортунисты пытаются доказать «ненужность» диктатуры пролетариата, то «левые» сводят ее только к насилию — это, в частности, проявляется в идеологии и политике Мао Цзэ-дуна и его окружения.

В китайской печати опубликовано большое количество статей, в которых Мао Цзэ-дун изображается ортодоксальнейшим хранителем и продолжателем учения классиков марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата и классовой борьбе.

«Теория председателя Мао о продолжении революции при диктатуре пролетариата, — утверждает журнал «Хунци», — и определенная председателем Мао основная линия нашей партии на весь исторический этап социализма глубоко раскрывают закономерности классовой борьбы в условиях социализма, являются маяком, освещающим наше победоносное движение вперед»¹.

В документах IX съезда КПК утверждается, например, что Мао Цзэ-дун «всесторонне обобщил как положительный, так и отрицательный исторический опыт диктатуры пролетариата и в целях предотвращения реставрации капитализма выдвинул теорию о продолжении революции при диктатуре пролетариата»².

Согласно этой «теории», после завоевания власти рабочим классом надо заниматься не строительством социализма, а всемерно развертывать классовую борьбу. Потому что, как утверждает Мао Цзэ-дун, любое социалистическое государство подвержено опасности реставрации капитализма, ибо «представители буржуазии, пролезшие в партию, правительство, армию и различные сферы культуры, представляют собой группу контрреволюционных ревизионистов. Они готовы при первом удобном случае захватить власть в свои руки и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру буржуазии»³.

Отсюда делается вывод, что даже после установления диктатуры пролетариата, то есть власти, возглавляемой рабочим классом, в социалистических странах нужно вести «борьбу за захват власти».

¹ «Хунци», 1973, № 1, стр. 22.

² «Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы)». Пекин, 1970, стр. 8.

³ «Жэньминь жибао», 22. VI. 1970.

Таким образом, выходит, что коммунистическая партия, преодолев ожесточенное сопротивление классовых врагов, устанавливает диктатуру пролетариата лишь для того, чтобы спустя некоторое время превратить ее в диктатуру буржуазии.

Чтобы яснее представить себе всю вздорность маоистской «теории о продолжении революции при диктатуре пролетариата», рассмотрим важнейшие ее элементы.

Классовая борьба. «Материалистическое понимание истории, — учат классики марксизма, — исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи»⁴.

Методологический порок теоретических схем маоистов как раз состоит в том, что причину всех общественных изменений они ищут не в экономике, а в сознании людей. В основу исторического процесса маоизм ставит не материальное производство, а классовую борьбу, которая понимается вульгарно и рассматривается не как следствие, а как первопричина общественного развития. Мао Цзэ-дун заявляет, что «классовая борьба, победа одних классов, уничтожение других — такова история, многотысячелетняя история цивилизации. Толкование истории с этой точки зрения есть исторический материализм, а с противоположной точки зрения — исторический идеализм». Приведя эту цитату, журнал «Хунци» делает такой вывод: «Это выдающееся научное положение председателя Мао говорит нам о том, что точка зрения классовой борьбы представляет собой основную точку зрения исторического материализма и основу научного мировоззрения марксизма и марксистской теории социалистической революции»⁵.

Силясь подтвердить выводы Мао Цзэ-дуна о примате классовой борьбы над материальным производством, о первенстве политики над экономикой, китайская печать ссылается на следующие слова К. Маркса и Ф. Энгельса из «Манифеста коммунистической партии»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»⁶.

На первый взгляд может показаться, что маоисты всего лишь повторяют слова Маркса и Энгельса о роли классовой борьбы в развитии антагонистического общества. На самом же деле в этом вопросе между марксистами и маоистами существует принципиальное расхождение.

Марксизм признает классовую борьбу движущей силой развития антагонистического общества и рассматривает историю человечества

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 278, 279.

⁵ Цит. по: «Хунци», 1971, № 11, стр. 58.

⁶ Цитата приведена в «Хунци», 1971, № 12, стр. 45.

(кроме первобытного общества) как историю борьбы классов, объясняя эту борьбу как следствие основной причины — отношением к средствам производства. Ф. Энгельс говорил, что «...вся прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов...», но, добавлял он, «...эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи...»⁷.

Обобщая опыт классовой борьбы в истории общества, Ф. Энгельс подчеркивал определяющую роль в ней экономики. Он писал: «...доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, — ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, — ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*. Итак, несомненно, что, по крайней мере в новейшей истории, государство, политический строй, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, — решающим элементом»⁸.

Марксизм-ленинизм учит, что в основе существования и развития общества лежит материальная трудовая деятельность людей, производство необходимых жизненных благ. «...Как в основе всех явлений природы, — говорил В. И. Ленин, — лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных, производительных сил»⁹.

Классики марксизма-ленинизма показали тесную связь между экономикой и политикой, которая непосредственно выражает область классовых отношений.

Маоисты отбрасывают экономический аспект, порождающий классовую борьбу. Всю историю цивилизации они сводят исключительно к классовой борьбе, то есть берут за основу не причину, а следствие. Их постулат — «классовая борьба, победа одних классов, уничтожение других — такова история, многотысячелетняя история цивилизации» — является идеалистическим потому, что в основу исторического процесса ставится не экономика, не производство материальных благ, а классовая борьба, оторванная от экономики.

Если марксизм-ленинизм основным содержанием противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой считает экономический аспект, то Мао Цзэ-дун все дело сводит к идеологическому аспекту, и это соответствует его постулату о первенстве политики над экономикой. Маоисты извращенно понимают соотношение классовой борьбы в базисе и надстройке, абсолютизируют отдельные формы классовой борьбы, которую понимают вульгарно и утилитарно.

Классовая борьба пролетариата, учит марксизм-ленинизм, имеет три основные формы — экономическую, политическую и идеологическую. Причем к любой форме классовой борьбы марксисты подходят исторически. В. И. Ленин по этому поводу говорил, что «...марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные фор-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 208.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 309, 310.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 8.

мы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы...»¹⁰.

В классовом обществе из трех форм классовой борьбы важнейшей и решающей является политическая, так как без установления политического господства пролетариат не сможет обеспечить коренного преобразования экономики, не сможет изменить экономический базис. Более того, даже в первые годы существования новой надстройки, когда реакционные классы делают отчаянные попытки расшатать и ликвидировать народную власть, политическая борьба имеет первостепенное значение. Это хорошо понимал В. И. Ленин, который в 1921 г., в период становления советской власти, говорил: «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»¹¹.

Но после того, как политическое господство пролетариата упрочилось, на первый план выдвигается экономическая форма классовой борьбы: задача состоит прежде всего в том, чтобы ликвидировать многоукладное хозяйство и сделать социалистический сектор экономики господствующим и единственным в стране. В таких условиях, подчеркивал В. И. Ленин, «политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим»¹². Например, преобразование единоличного крестьянского хозяйства в кооперативное и есть один из важнейших аспектов экономической формы классовой борьбы. Понятно, что эта форма классовой борьбы имеет тесную связь с политикой, которая выражает прогрессивные тенденции развития экономики, в концентрированном виде выражает ее интересы.

Классовая борьба в антагонистическом обществе, а также в переходный период к социализму охватывает и базис и надстройку. Но ее первоосновой является базис: именно в нем возникают материальные противоречия между людьми по поводу собственности, распределения и потребления.

Материальные противоречия между людьми находят свое отражение и в духовных противоречиях — в сфере надстройки. Эти материальные и духовные противоречия оформляются в политике, которую В. И. Ленин назвал концентрированным выражением экономики, потому что она в конечном счете закрепляет материальные и духовные интересы людей.

Маоисты к этому вопросу подходят по-своему. Они исходят из мысли, что в основе классовой борьбы лежит не экономический интерес, а борьба за власть, которая рассматривается как самоцель, а не как средство для достижения цели. Главную форму классовой борьбы после завоевания власти маоисты считают идейно-политическую.

Этот ошибочный постулат Мао Цзэ-дуна проходит красной нитью через все его рассуждения о классах и классовой борьбе, через всю его «теорию» и практику.

Строительство социализма и классовая борьба. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» четко выделил следующие этапы становления и развития коммунистической общественной формации: переходный период от капитализма к социализму, первая фаза коммунистического общества, то есть социализм, и высшая фаза коммунистического общества. Каждый из этих этапов решает свои исторические задачи.

Маоистам чужд такой подход — они смешивают закономерности переходного периода от капитализма к социализму с закономерностями

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2, 3.

¹¹ Там же, т. 42, стр. 278.

¹² Там же, т. 36, стр. 130.

ми социалистического общества, а также различия между низшей и высшей фазами коммунистического общества, отождествляют классовые противоречия между антагонистическими классами в переходный период от капитализма к социализму и классовые различия между дружественными неантагонистическими классами в социалистическом обществе.

Можно ли считать экспроприированный эксплуататорский класс по-прежнему классом? Марксизм-ленинизм отвечает на этот вопрос отрицательно. Отношение к средствам производства, говорил В. И. Ленин, является основным критерием определения класса. Капиталист, лишившись прибавочной стоимости, уже не капиталист, хотя его сознание остается буржуазным, и, возможно, такое сознание не покинет его до последних дней жизни. Маоисты, верные своим идеалистическим догмам, при определении классов и классовой борьбы исходят не из экономического положения человека в обществе, а из его отношения к «идеям Мао Цзэ-дуна».

Китайская печать для определения критерия «классового врага» обычно приводит следующие установки Мао Цзэ-дуна: «Врагами народа являются все те общественные силы и общественные группы, которые сопротивляются социалистической революции, враждебно относятся к социалистическому строительству и подрывают его»¹³.

Подобное определение «врагов» позволяет зачислять в стан контрреволюционеров любого человека, если он осмелится выразить какое-либо несогласие с взглядами Мао Цзэ-дуна на проблемы социалистического строительства, что наиболее наглядно подтвердила «культурная революция» в Китае. Любое сомнение в правильности установок Мао Цзэ-дуна рассматривается как враждебный выпад против китайской революции и китайского народа, а носителей таких взглядов автоматически причисляют к врагам и контрреволюционерам. Это привело к тому, что классовым критерием стал постулат — кто не согласен с Мао Цзэ-дуном, тот классовый враг.

Марксизм-ленинизм считает, что лишение эксплуататоров частной собственности на средства производства является решающим условием для ликвидации эксплуататорских классов. Мао Цзэ-дун же на первый план ставит не экономический, а идеологический аспект. «Кто победит, а кто проиграет, — заявлял он, — это борьба между социализмом и капитализмом в нашей стране в области идеологии потребует еще значительного времени и только тогда будет решен исход»¹⁴. Вопрос «кто кого», следовательно, разрешается не в результате экономической победы рабочего класса над буржуазией, а в процессе идеологической борьбы.

Понятно, что классовая борьба после экспроприации экспроприаторов не может сразу прекратиться. Эксплуататоры, лишившись своей собственности, долгое время будут питать лютую ненависть к новому общественному строю и попытаются любыми средствами свергнуть его. И тем не менее, лишившись средств производства, они теряют свою былую силу. Вместе с тем марксисты не понимают этого вопроса упрощенно: сегодня, мол, экспроприруются экспроприаторы, а завтра прекращается классовая борьба. Опыт социалистического строительства показывает, что классовая борьба не заканчивается сразу же после ликвидации эксплуататорских классов и тем не менее экономическая победа над

¹³ Цит. по: «Хуши», 1972, № 2, стр. 7.

¹⁴ Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. Пекин, 1957, стр. 52.

ними является решающим условием для постепенного ослабления, а затем и прекращения классовой борьбы.

Иного мнения придерживаются маонисты. «В социалистическом обществе, — утверждает журнал «Хунци», — все еще существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба». И далее: «Главным противоречием в социалистическом обществе является борьба между двумя классами — пролетариатом и буржуазией, между двумя линиями — социалистической и капиталистической. Социалистическое общество развивается вперед в процессе классовой борьбы»¹⁵.

В чем ошибочность подобных утверждений? Во-первых, классовая борьба рассматривается движущей силой социалистического общества, в то время как марксизм-ленинизм рассматривает классовую борьбу движущей силой развития только антагонистического общества. «Без антагонизма нет прогресса, — писал К. Маркс. — Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней»¹⁶. С переходом к социализму этот закон утрачивает свою силу. «Антагонизм и противоречие, — писал В. И. Ленин, — совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»¹⁷. Во-вторых, утверждать, что в социалистическом обществе существуют антагонистические классы, классовая борьба и антагонистические классовые противоречия, — это значит извращать природу социализма.

Известно, что классовые противоречия в переходный период от капитализма к социализму и классовые противоречия в социалистическом обществе имеют принципиальное различие. Если в переходный период существуют антагонистические классовые противоречия — противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, то в социалистическом обществе существуют дружественные классы — рабочие и крестьяне. Такое общество не знает антагонистических классовых противоречий: различие между классами в нем связано с различным уровнем развития производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве и существованием двух форм социалистической собственности — общенародной и кооперативной.

Этого не понимают или не хотят понять маонисты: для них нет никакой разницы между антагонистическими классовыми противоречиями в переходный период и социальными различиями между дружественными классами при социализме.

Обострение классовой борьбы в отдельные периоды в некоторых социалистических странах, вызванное внутренними и внешними причинами, неправомерно рассматривать как общую закономерность для всех стран социализма. Это во многом определяется зрелостью коммунистической партии, ее способностью вовремя парализовать наскоки классовых врагов, организованностью рабочего класса, соотношением классовых сил, степенью влияния империалистических сил и т. д. Это подтверждается, в частности, такими событиями, как контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 г. и вылазка правых оппортунистов в Чехословакии в 1968 г.

Антимарксистское понимание Мао Цзэ-дуном природы классовой борьбы проявляется и в том, что он отождествляет классовую борьбу с борьбой против пережитков капитализма в сознании людей и против влияния буржуазной идеологии. Классовая борьба, как известно, предполагает наличие антагонистических классов — эксплуататоров и экс-

¹⁵ «Хунци», 1973, № 1, стр. 10.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 96.

¹⁷ Ленинский сборник. М., XI, стр. 357.

плуатируемых. Борьба с пережитками капитализма в сознании людей, несомненно, содержит отзвук классовой борьбы, но она уже ведется не с эксплуататорскими классами, а имеет цель оградить членов социалистического общества от антиобщественных элементов, которыми могут быть и представители трудящихся. Раз социалистическое общество, рассуждают маоисты, вышло из недр капиталистического общества, в нем неизбежно сохраняются пережитки прошлого, а поэтому существует и классовая борьба.

Являются ли пережитки прошлого источником классовой борьбы в социалистическом обществе? Марксисты говорят — нет; маоисты говорят — да. Борьба с пережитками прошлого, с отдельными проявлениями буржуазной идеологии, воспитание народа на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, разоблачение любых форм проявления национализма и шовинизма — все это, несомненно, носит классовый характер, но не равнозначно классовой борьбе, о наличии которой можно говорить только в том случае, если в обществе имеются антагонистические классы.

Из сказанного можно сделать вывод: установка Мао Цзэ-дуна на всемерное развертывание «классовой борьбы» в Китае имеет целью сохранить в стране напряженность на долгие годы, отвлечь внимание народа от внутренних трудностей, переложить ответственность за эти трудности на козлы «классовых врагов», изобразить расправу над инакомыслящими, как «классовую борьбу» против контрреволюционеров. Доказать, что «классовая борьба» составляет основное содержание жизни китайского общества. И таким путем укрепить режим личной власти.

Подмена внутрипартийной борьбы классовой борьбой. Внутрипартийная борьба в переходный период от капитализма к социализму, как известно, является отражением классовой борьбы в стране, и между ними неправомерно возводить китайскую стену. Однако если отождествлять борьбу мнений в партии с классовой борьбой, то это неизбежно приведет к свертыванию внутрипартийной демократии, к насаждению идеологии культа личности, потому что всякое критическое замечание в адрес вышестоящего руководителя будет рассматриваться как выпад классового врага; это породит произвол и субъективизм в руководстве партийными организациями. Все это имеет место в КПК, где идеология культа личности временно взяла верх. Мао Цзэ-дун, относя себя к сторонникам пролетарской линии, а своих противников — к сторонникам реакционной линии, рассматривает борьбу этих линий как борьбу классов, то есть отождествляет борьбу мнений в партии с классовой борьбой, а своих идейных противников — с классовыми врагами.

В то же время Мао Цзэ-дун широко насаждает порочный стиль искусственного разжигания «классовой борьбы» в партийных организациях, который в свое время был осужден в КПК. В частности, такой подход к внутрипартийной борьбе был предметом серьезной критики в лекции Лю Шао-ци «О внутрипартийной борьбе», прочитанной в Яньани 2 июля 1941 года. Вот что он говорил по этому поводу: «Имеются товарищи, которые в борьбе против единомышленников внутри партии прибегают к приемам борьбы, применяемым вне партии, то есть к приемам борьбы против врагов и чуждых элементов; применяют меры в отношении товарищей по партии такие же, как в отношении врагов и чуждых элементов. Они организуют провокации, сеют вражду друг против друга, прибегают к заговорам и коварным приемам. В административном отношении они насаждают в партии такие методы, как слежка, аресты, заключение в тюрьму, судебное разбирательство. Например, некоторые товарищи допустили «левые» ошибки в работе по искорене-

нию предателей именно потому, что они строго не различали внутривнутрипартийную борьбу от борьбы вне партии, сваливали в одну кучу внутривнутрипартийную идеологическую борьбу и борьбу по искоренению предателей»¹⁸.

Это предупреждение было сделано более 30 лет тому назад, но оно сохраняет свою актуальность и поныне, что подтверждается методами расправы, применяемыми маоистами против инакомыслящих.

В лекции Лю Шао-ци «О внутривнутрипартийной борьбе» приведены следующие методы, которые применялись для искусственного обострения внутривнутрипартийной борьбы в КПК:

«Формы проявления искусственного обострения внутривнутрипартийной борьбы следующие: некоторые товарищи считают, что чем более ожесточенный характер носит внутривнутрипартийная борьба, тем лучше; чем непримиримее ставятся вопросы, тем лучше; чем больше собрано материалов на товарища, допустившего ошибку, тем лучше; чем больше эпитетов в его адрес, тем лучше; чем больше приклеивается ему ярлыков, тем лучше; чем больше выражения, употребляемые при критике, тем лучше; чем более резки формы критики и борьбы, тем лучше; чем громче голос выступающих, чем свирепее лицо, чем более обнажены зубы, тем лучше, — это считается «самым революционным стилем»¹⁹. Сегодня маоисты широко используют такие приемы борьбы против своих противников.

Одним из наиболее «эффективных» средств моральной расправы над инакомыслящими в партии являются так называемые «собрания борьбы». На таких «собраниях» жертву расправы выставляют перед собравшимися и каждый имеет право наносить ему любые оскорбления, задавать вопросы, которые призваны унижить его человеческое достоинство. Такими вопросами человек часто доводится до неменяемого состояния. Были случаи, когда коммунист, пропущенный через «собрания борьбы», получал нервное расстройство, и это доводило его до умопомешательства и даже до самоубийства²⁰.

Пытаясь сбить с толку общественное мнение в стране, маоистская пропаганда утверждает, что ее идейные противники прикрывают свои антимарксистские взгляды марксистской фразеологией, поэтому, что бы они ни говорили, им верить нельзя. Такой коварный прием борьбы имеет целью разоружить настоящих китайских коммунистов, лишить их до-

¹⁸ Лю Шао-ци. О внутривнутрипартийной борьбе. Из его книги «О коммунистах». Шэньян, 1949, стр. 120.

¹⁹ Лю Шао-ци. О внутривнутрипартийной борьбе, стр. 117, 118.

²⁰ В прочитанной в 1941 г. лекции Лю Шао-ци «О внутривнутрипартийной борьбе» дается следующая оценка «собранию борьбы», как методу расправы над инакомыслящими: «Прежде всего само название «собрание борьбы» является неверным и неясным. Если признать, что есть «собрание борьбы», то напрашивается вопрос — а существуют ли «собрания без борьбы»? Если мы признаем, что некоторые «собрания» проводятся специально с целью борьбы, то значит, что есть собрания, на которых не ведется никакой борьбы. Но это же большое заблуждение! Многие товарищи не понимают абсолютность и повсеместность борьбы, механически разделяют борьбу и воспитание. «Собрания борьбы» представляют собой конкретную форму нанесения удара по сектантству в партии, а также по кадровым работникам и товарищам, совершающим ошибки. Они наносят удар по товарищам, ставшим объектом борьбы, но не намерены помочь им, воспитать их, предотвратить их ошибочные действия. Главное — борьба с человеком. Что же касается идейных расхождений и контрпретензий, то это придается забвению. Вот почему «собрания борьбы» не могут по-настоящему укрепить идеологическое, политическое, организационное единство, а также единство действий. Наоборот, такие собрания часто усиливают расхождения в идеологическом, политическом, организационном отношениях, ослабляют сплоченность в партии; беспринципные споры содействуют усилению роста сектантства в партии» См.: Лю Шао-ци. О внутривнутрипартийной борьбе, стр. 117.

верия у китайского народа, потому что в любом случае их можно обвинить в отходе от марксизма-ленинизма.

При такой постановке вопроса каждый китайский коммунист, стоящий на правильных марксистских позициях, может быть объектом расправы под тем предлогом, что он «под прикрытием красного знамени выступает против красного знамени». Это оправдывает любые репрессии и шельмования со стороны маоистов и создает для их противников большие трудности в борьбе с маоизмом.

Диктатура пролетариата в маоистском понимании. Диктатура пролетариата, как известно, осуществляет свою власть и руководство страной через коммунистическую партию, которая объединяет наиболее политически зрелых и сознательных представителей рабочего класса и является его авангардом. Это, однако, вовсе не означает, что диктатура пролетариата равнозначна диктатуре партии. Партия является органом коллективного руководства, она тесно связана с рабочим классом и всеми трудящимися через массовые организации.

Эти ленинские положения маоисты признают на словах, на практике же они их грубо попирают и извращают. Заявление Мао Цзэ-дуна о том, что «рабочий класс должен руководить всем», что «пролетариат есть величайший класс в истории человечества», имеет чисто пропагандистское значение. Факты неопровержимо подтверждают, что китайский рабочий класс не занимает в китайском обществе и органах государственного управления Китая того места, которое он должен занимать в системе диктатуры пролетариата.

Руководящую роль рабочего класса в китайском обществе маоисты понимают своеобразно: как беспрекословное выполнение им «новейших указаний» Мао Цзэ-дуна. «Руководство рабочего класса, — пояснял журнал «Хунци», — есть руководство маоцзэдуновских идей»²¹.

Диктатура пролетариата, подчеркивалось в ленинских произведениях, немыслима без насилия. Но против кого же направлено это насилие? Революционная диктатура пролетариата, пояснял В. И. Ленин, есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией²². Это означает, что ленинское понимание насилия при диктатуре пролетариата имеет определенное классовое содержание: насилие прогив классового врага — буржуазии.

На словах маоисты признают, что диктатура пролетариата должна быть направлена против эксплуататорских классов. Журнал «Хунци» по этому поводу приводит слова Мао Цзэ-дуна о том, что в китайском обществе основным противоречием «является противоречие между рабочим классом и буржуазией». Приводится и такое его высказывание: «В нашей стране, хотя социалистические преобразования, если говорить о собственности, в основном уже завершены, однако все еще существуют остатки свергнутых помещичьего и компрадорского классов, еще существует буржуазия, а мелкая буржуазия только начинает перевоспитываться. Классовая борьба еще не закончилась. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, классовая борьба между различными политическими силами, классовая борьба между пролетариатом и буржуазией в области идеологии остается длительной и сложной, а иногда и очень ожесточенной»²³.

В Китае действительно все еще существует национальная буржуазия, существуют свергнутые эксплуататорские классы — помещики и ку-

²¹ «Хунци», 1970, № 8.

²² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 244, 245.

²³ Цит. по: «Хунци», 1971, № 7, 8, стр. 44.

лаки, которые не оставили мечты о реставрации прежних порядков в стране. Но если это действительно так, то почему же «культурная революция» не была направлена против национальной буржуазии — этого последнего эксплуататорского класса в стране. Среди тех, кто был «разоблачен» маонистами и против кого они применяли насилие, не было ни одного представителя национальной буржуазии.

Насилие, о котором так много шумит китайская печать, направлено не против буржуазии, а против тех коммунистов, которые не согласны с установками Мао Цзэ-дуна или даже просто выражают сомнение в их правильности.

Говоря о том, что диктатура пролетариата немыслима без насилия, В. И. Ленин в то же самое время не сводил ее только к насилию. Маонизм замалчивает ленинское положение о созидательной, организаторской и воспитательной функции диктатуры пролетариата и все сводит к насилию и подавлению.

«Первой функцией диктатуры, — пояснял Мао Цзэ-дун, — является подавление внутри страны реакционных классов, реакционеров и эксплуататоров, сопротивляющихся социалистической революции... Диктатура имеет и вторую функцию, а именно: защиту государства от подрывной деятельности и возможной агрессии со стороны внешних врагов»²⁴. Как видно, и в первой и во второй функции отсутствует идея о созидании.

Мао Цзэ-дун и его окружение не в состоянии предложить китайскому народу какой-либо конструктивной программы строительства социализма в Китае. Это подтверждается, в частности, документами IX съезда КПК. В отчетном докладе съезду невозможно обнаружить что-либо конкретное в области развития промышленности, сельского хозяйства, культуры, просвещения, повышения материального уровня трудящихся и т. д. Созидание подменено насилием, разрушением, милитаризацией всех сторон жизни китайского народа, и это нашло отражение в призыве «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям». Кропотливая работа по улучшению жизни народа подменяется демагогическими призывами: «во-первых, не бойся лишений, во-вторых, не бойся смерти»; «если китаец не боится смерти, то какие же трудности его испугают»; «последовательно развивать революционный дух бесстрашия перед трудностями» и т. д. Такие призывы сами по себе снимают все проблемы, связанные с повышением жизненного уровня китайского народа.

Роль армии в маоистской системе «диктатуры пролетариата». Высший принцип диктатуры пролетариата, учил В. И. Ленин, является союз рабочего класса с крестьянством и другими слоями трудящегося населения при обеспечении ведущей роли рабочего класса. Руководствуясь ленинским учением о диктатуре пролетариата, КПСС всегда придавала большое значение этому принципу. Так, например, в резолюции XII съезда ВКП(б) было записано: «Взаимоотношение, какое существует у нас между рабочим классом и крестьянством, опирается, в последнем счете, на взаимоотношение между промышленностью и сельским хозяйством. Свое руководящее положение рабочий класс может, в последнем счете, сохранить и укрепить не через аппарат государства, не через армию, а через промышленность, которая воспроизводит самый пролетариат»²⁵.

²⁴ Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. Пекин, 1957, стр. 8.

²⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. Госполитиздат, 1954, стр. 687.

Ревизуя марксизм-ленинизм, маоисты считают, что руководящей силой в системе диктатуры пролетариата является не рабочий класс, а армия. «Народно-освободительная армия Китая, — писала маоистская печать, — есть стеновой хребет диктатуры пролетариата»²⁶.

Если акцент на армию так или иначе был объясним условиями классовой борьбы до образования КНР, то после победы народной революции, когда Китай встал на путь мирного строительства, он не имеет под собой оснований.

Армия в условиях диктатуры пролетариата, согласно марксистско-ленинскому учению, выполняет главным образом внешние функции. Маоисты на этот счет придерживаются иного мнения. Не отрицая внешних функций, возложенных на армию, они считают, что армия должна выполнять главным образом внутривластные задачи. Это особенно проявилось в период «культурной революции», когда военные были подключены для непосредственного решения политических задач. На них возлагались всеобъемлющие функции. Ударный кулак маоистов в борьбе с инакомыслящими — отряды хунвэйбинов — были сформированы с помощью военных. Они же помогали «левым» вести борьбу с противниками маоистов. Армия сыграла решающую роль в проведении курса «соединение трех сторон» (объединение армии, хунвэйбинов и кадровых работников, преданных Мао Цзэ-дуну) и в создании «ревкомов». IX съезд КПК был создан благодаря содействию военных, которые на съезде были главными представителями власти.

Военные выполняют функции администраторов (через «ревкомы»), пропагандистов (посредством армейских бригад по пропаганде «идей Мао Цзэ-дуна»), карательных органов; армия широко привлекается в производстве. Представители армии выполняют обязанности контроля и надзора на промышленных предприятиях, в народных коммунах, в университетах, средних и начальных школах и даже в детских садах.

В последнее время в китайской печати часто можно встретить установки о том, что «партия руководит армией», что «армия должна учиться у народа», что необходимо укреплять «руководящую роль партийных организаций». Эти установки не меняют сути дела. Армия по-прежнему остается главным инструментом маоистской политики. По существу, и армия и народ по своей значимости ставятся на одну доску. В стране широко пропагандируется призыв Мао Цзэ-дуна: «Всей стране учиться у Народно-освободительной армии, а Народно-освободительной армии — у народа всей страны»²⁷.

Маоизм, хотя и опирался на армию, однако не добился упрочения своих позиций в стране, и это подтверждается, в частности, следующим признанием Мао Цзэ-дуна, которое часто повторяется в китайской печати: «Мы уже одержали великую победу. Но класс, потерпевший поражение, все еще будет делать судорожные потуги. Эти люди еще живы, и этот класс еще существует. Поэтому мы не можем говорить об окончательной победе. Не можем говорить об этом и в последующие десятилетия»²⁸.

Маоистская «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата». Ознакомившись с извращенным пониманием Мао Цзэ-дуном классовой борьбы и диктатуры пролетариата, легче разобраться и в его «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата».

²⁶ ИБАС, 26. II. 1968.

²⁷ Цит. по: «Китай», 1972, № 5, стр. 33.

²⁸ Цит. по: «Хунци», 1973, № 1, стр. 19.

Китайская печать часто цитирует следующие слова Мао Цзэ-дуна из его статьи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа: «В социалистическом обществе основными противоречиями по-прежнему являются противоречия между производственными отношениями и производительными силами, противоречия между надстройкой и экономическим базисом»²⁹.

Сказать же, что при социализме основным противоречием по-прежнему являются противоречия между производственными отношениями и производительными силами, — это еще не все. Надо раскрыть содержание и характер этих противоречий. При капитализме это противоречие, как известно, проявляется как антагонистическое противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. При социализме оно проявляется как неантагонистическое противоречие между постоянно растущими материальными и духовными потребностями членов общества и уровнем общественного производства, который не в состоянии полностью удовлетворить эти потребности.

Противоречие между производственными отношениями и производительными силами находит свое концентрированное выражение в целях производства: если при капитализме целью производства является извлечение прибавочной стоимости, то при социализме целью производства является наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов общества.

Какое же противоречие в социалистическом обществе маоисты считают основным? Вот как на этот вопрос отвечает журнал «Хунци»: «На основе глубокого анализа основных противоречий социалистического общества председатель Мао наметил для нашей партии основную линию на весь исторический этап социализма. Эта основная линия учит нас, что социалистическое общество представляет собой довольно длительный исторический этап. На историческом этапе социализма все еще существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, существует борьба двух путей — социалистического и капиталистического, существует опасность реставрации капитализма». Подводя итог сказанному, «Хунци» утверждает: «Эта истина председателя Мао об основных противоречиях при социализме является теоретической базой основной линии в эпоху социализма, важным вкладом в марксистскую политэкономию»³⁰.

Итак, главным содержанием основных противоречий при социализме являются «классовые противоречия и классовая борьба», «борьба двух путей — социалистического и капиталистического». Ну, а как же насчет развития социалистической экономики и удовлетворения на этой основе жизненных потребностей трудящихся? Это, оказывается, не главное и даже вредное дело для социализма. Об этом журнал «Хунци» пишет так: «Мошенники типа Лю Шао-ци обычно подбивали наших товарищей отказываться от основной линии партии, не беспокоиться о борьбе за линию, рассматривать вопросы не с точки зрения классовой борьбы и взаимоотношений между людьми, а исключительно с точки зрения производительных сил, видеть вещи, а не человека, «заниматься только зерном, хлопком, маслом и не делать различий между врагами, нами и друзьями»³¹.

²⁹ Цит. по: «Хунци», 1972, № 7, стр. 37.

³⁰ «Хунци», 1972, № 7, стр. 37, 38.

³¹ Там же, стр. 38.

Что же инкриминируется в данном случае «мошенникам»? Их акцент на развитие производительных сил, на увеличение производства зерна, хлопка и масла — и все это противопоставляется «борьбе за линию» и «классовой борьбе».

В современном китайском обществе, как и в любом обществе, существуют противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой, но эти противоречия выглядят совсем не так, как их изображают маоисты. На наш взгляд, это — противоречие между общественным производством и внеэкономическим отчуждением результатов труда китайского народа во имя достижения гегемонистских и великодержавных целей китайского руководства во главе с Мао Цзэ-дуном, это — противоречие между объективными закономерностями развития базиса, заложенного в первое десятилетие существования КНР, и вновь созданной надстройкой, представляющей собой военно-бюрократическую диктатуру.

Главным содержанием «классовой борьбы» в Китае в период «культурной революции» стала борьба за власть. Политический аспект этой борьбы выражается в изгнании всех инакомыслящих из надстроечных учреждений и утверждение в стране военно-бюрократической диктатуры во главе с Мао Цзэ-дуном, а идеологический аспект — в насаждении повсеместно маоцзэдуновских «идей» в качестве государственной идеологии.

«Философским» обоснованием маоистской «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата» послужило положение Мао Цзэ-дуна о раздвоении единого». Известно, что в законе единства и борьбы противоположностей маоисты делают акцент на борьбу («раздвоение единого»), а их противники — якобы на единство («слияние двух в одно»). Вульгарно и метафизически толкуя закон единства и борьбы противоположностей, маоисты все сводят к «борьбе», «противоречиям», и это должно оправдать их политическую линию на раздувание «классовой борьбы» в стране, на укрепление военно-бюрократической диктатуры, на обострение международной обстановки. «Признание раздвоения единого, — говорилось в «Жэньминь жибао», — означает признание существования в социалистическом обществе классов, классовых противоречий и классовой борьбы, наличие борьбы двух путей — социалистического и капиталистического, наличие опасности реставрации капитализма, наличие угрозы агрессии и подрывной деятельности со стороны империализма и современного ревизионизма. Чтобы разрешить эти противоречия, необходимо продолжать революцию при диктатуре пролетариата»³².

* * *

Если вкратце суммировать сказанное, то антиленинская сущность маоистской «теории о продолжении революции при диктатуре пролетариата» сводится к следующему.

В основе исторического процесса лежит не способ производства материальных благ, а оторванная от него классовая борьба в маоистском, вульгарном понимании.

Под классовыми врагами маоизм понимает всех, кто не согласен с «идеями Мао Цзэ-дуна», поэтому классовая борьба связана не с ликвидацией частной собственности на средства производства, а с подавлением инакомыслящих.

³² «Жэньминь жибао», 29.X.1970.

Между борьбой с пережитками в сознании людей при социализме и классовой борьбой ставится знак равенства, отождествляются закономерности переходного периода от капитализма к социализму и социалистического общества.

Смешиваются два понятия: классовая борьба и свободное обсуждение вопросов в партии, что приводит к подавлению внутрипартийной демократии, потому что всякое критическое выступление в партии рассматривается как враждебное выступление классового врага.

В ленинском учении о диктатуре пролетариата маонисты взяли одну сторону — насилие, гипертрофированно преувеличив ее. Прагматический подход к диктатуре пролетариата призван оправдать произвол и насилие маонистов над инакомыслящими и обосновать необходимость укрепления нынешнего режима в стране — военно-бюрократическую диктатуру маонистов.

Маонистская «теория о продолжении революции при диктатуре пролетариата» воспроизводит троцкистскую «теорию» о перерождении партийного и государственного аппарата в системе диктатуры пролетариата.

Известно, что жизнь отбросила на свалку истории троцкистские пророчества о перерождении коммунистической партии. Та же участь ожидает и маонистскую «теорию о продолжении революции при диктатуре пролетариата».

Японские китаеведы об «идейно-философском» содержании маоизма

*Б. В. Поспелов,
кандидат филологических наук*

В Японии идет острая теоретическая полемика относительно оценки внутривластного положения современного Китая, а также политических и идейно-философских проблем маоизма. Японские китаеведы прямо или косвенно участвуют в борьбе политических партий и групп, отражая их непосредственные интересы и общие философско-политические концепции. Да это и понятно: проблема Китая для Японии — одна из животрепещущих. Тысячелетние исторические традиции, связывающие японскую и китайскую культуру, мощные социальные сдвиги, произошедшие в Китае после второй мировой войны, наконец, развитие событий с приходом к власти в КНР группы Мао Цзэ-дуна — все это придает китайской проблеме особую остроту и актуальность.

В японском китаеведении сложилось несколько направлений, различающихся между собой своим подходом к теории и практике маоизма. Их представители стоят на различных идейно-философских позициях в оценке маоизма.

В Японии имеется немало работ, авторы которых сумели глубоко проникнуть в суть маоистских «теорий», показали их антимарксистское содержание, сбросив с маоизма маску «революционности». Некоторые японские китаеведы пытаются доказать, будто идейно-философское содержание маоизма основано на марксизме. Но законы научного познания неумолимы: научная правда о маоизме, его антимарксистской, мелкобуржуазной, националистической сущности пробивает себе дорогу и в Японии в упорной борьбе с крикливой лженаукой японских маоистов.

Проповедники и критики маоистской «философии» в Японии

Прежде всего мы сталкиваемся с таким направлением китаеведческой науки, которое шумно, отбросив всякую академическую респектабельность, провозглашает Мао Цзэ-дуна «величайшим философом» современности, а его «теории» — последним достижением мировой философской мысли.

Одним из известных представителей этого направления является Ацуёси Ниндзима — ассистент-профессор токийского университета Васэда. Повторение набивших оскомину утверждений маоистской пропаганды, давно опровергнутые измышления относительно «марксистского» характера маоистских «теорий» — таково содержание ниндзимовской концепции сущности маоизма как философско-политической теории. Ниндзима даже пытается доказать, будто теория и практика маоизма представляют

собой... «вершину» марксизма-ленинизма, а пресловутая «культурная революция» в Китае — событие, якобы открывшее «новую страницу» в истории социалистического движения.

Ниидзима защищает маоизм с позиций пересмотра основных положений марксистско-ленинской философии. Он считает Мао Цзэ-дуна единственным представителем диалектического материализма в наши дни. Но как понимает сам Ниидзима диалектический материализм? Как теорию, якобы снимающую основной вопрос философии и, по сути дела, с идеалистических позиций толкующую проблему соотношения духовного и материального. «Диалектические материалисты не должны ставить вопрос так: сознание вытекает из бытия или бытие вытекает из сознания»¹, — заявляет Ниидзима в своей книге.

Особенно Ниидзима превозносит маоистскую «диалектику», пытаясь обосновать, в частности, свою гипотезу о вкладе Мао Цзэ-дуна в развитие учения о противоречии. Вульгарные, псевдодиалектические рассуждения Мао Цзэ-дуна — автора статьи «Относительно противоречия», сводящей проблему противоречия к простой перестановке его сторон, — в трудах японского теоретика дополняются таким комментарием, который невольно разоблачает антидиалектическую сущность маоистских концепций. Учение Энгельса и Ленина о противоречии, раскрывшее всю сложность диалектики, процесса развития как единства и борьбы противоположностей, Ниидзима объявляет «мистическим». У Мао Цзэ-дуна же, доказывает он, «нет никакой мистики», все так ясно, что его «может понять даже ученик начальной школы»².

Ниидзима утверждает, что важным вкладом Мао Цзэ-дуна является его учение о главной и неглавной стороне противоречия. Восхваляя статью «Относительно противоречия», он доказывает: «То, что сильнее, становится главной стороной, а то, что слабее, — второстепенной»³. Подобное разъяснение взаимодействия сторон противоречия у Ниидзимы не более как констатация механистического содержания маоистской теории. Взяв на себя роль комментатора маоистской диалектики, японский «теоретик» подкрепляет маоистские постулаты удивительными рассуждениями, поражающими своей наивностью. Особенно это проявляется в книге «Идеи Мао Цзэ-дуна», где идет речь о соотношении базиса и надстройки и о главной и неглавной сторонах противоречия⁴.

Такой способ доказательств «научности» маоистских постулатов не случаен: сам характер маоистских рассуждений, весьма упрощенно толкующих важнейшие философские вопросы, определяет характер их комментария у Ниидзимы.

В один ряд с Ниидзимой надо поставить Кадзую Мацумуру. Подобно Ниидзиме, этот философ-ревизионист не жалеет сил для возвеличивания Мао Цзэ-дуна, доказывая, что он внес «неоценимый вклад» в марксистско-ленинскую философию. Воинствующая апологетика маоизма у Мацумуры неизбежно сопровождается фальсификацией ключевых положений марксистско-ленинской теории.

Как известно, подводя теоретическую базу для оправдания волюнтаристской, субъективистской практики, Мао Цзэ-дун выдвинул идеалистический тезис о переходе духовного в материальное. Касаясь этих «воззрений» Мао Цзэ-дуна, японский китаевед Коити Номура, автор работ об истории общественной мысли Китая, утверждает, что Мао Цзэ-дун

¹ Ниидзима Ацуёси. Мо Таку-то-но сисо («Идеи Мао Цзэ-дуна»). Токио, «Кэйсё сёбо», 1969, стр. 166.

² Там же, стр. 203.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 223.

сделал вклад в теорию исторического материализма, указал на «спорное проблематичное изложение этой проблемы марксизмом»⁵. Толкуя проблему соотношения базиса и надстройки, Мао Цзэ-дун в статье «Относительно противоречия» утверждает, что «в определенных условиях... теория и надстройка, в свою очередь, выступают в главной, решающей роли»⁶. В этом ошибочном положении, открывающем дорогу идеалистическому постижению процесса общественного развития, Номура усматривает «обогащение» марксистско-ленинской теории базиса и надстройки.

Свои взгляды на маоизм Номура в обобщенном виде изложил в книге «Идеи китайской революции»⁷, вышедшей в 1971 г., и ряде других работ, изданных совместно с Ацуёси Ниидзимой и другими промаоистскими китаеоведами⁸.

С утверждениями Ниидзимы, Номуры и других апологетов маоизма перекликаются высказывания социолога Сюнпэя Уэямы. Он также превозносит значение работы Мао Цзэ-дуна «Относительно практики». «В марксистской традиции заслуживают внимания «Философские тетради» Ленина, «Относительно практики» и др., которые можно приравнять к трудам Маркса и Энгельса»⁹, — писал он в свое время в философском журнале «Сисо».

Нередко «философия» Мао Цзэ-дуна в Японии используется для ревизии марксизма-ленинизма, осуществляемой под предлогом борьбы с «догматическим марксизмом». Есиро Такэути, например, в статье «Марксизм и китайская революция», помещенной в книге «Революция и традиции», утверждает, что в работах «Относительно практики» и «Относительно противоречия»... «заключена новая форма марксизма», что они «поражают содержащейся в них исключительно диалектической силой воображения». Эта «диалектика» у Такэути выливается в конечном итоге в отрицание основополагающих понятий философского материализма.

Маоистская «философия» эклектична, полна взаимоисключающих положений, пронизана китайскими традиционными представлениями метафизического толка. Не удивительно поэтому, что исходные теоретические установки японских апологетов маоизма постоянно колеблются между материализмом и идеализмом, между маоистской софистикой и метафизикой. Это стало причиной появления у них взаимоисключающих суждений о сущности «философских идей» Мао Цзэ-дуна. Ниидзима, принимая уязвимость маоистской «диалектики», в своей книге «Философия Мао Цзэ-дуна» заявляет, что «идеи Мао Цзэ-дуна нельзя критиковать с позиций Гегеля»¹⁰. В то же время для других японских китаеведов Мао Цзэ-дун является преемником идей Гегеля: о возрождении Мао Цзэ-дуном гегелевских понятий разглагольствует Номура; как «продолжателя» учения Гегеля рассматривает Мао Цзэ-дуна социолог Уэяма.

К открыто промаоистскому направлению в японском китаеведении примыкает другое течение китаеведов, которое с одобрением относится к «философским концепциям» Мао Цзэ-дуна. Но это вытекает отнюдь не из леворевизионистской точки зрения о «вкладе» Мао в марксизм-ленинизм, а, напротив, из совершенно иных свойств маоизма: японские китаеведы этого направления превозносят Мао Цзэ-дуна за его отход от марксизма-ленинизма, за то, что он выдвинул положения, в корне противоре-

⁵ «Сэкай», 1966, № 1, стр. 27.

⁶ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 2, стр. 449.

⁷ Номура Конти. Тююку какумэй-но сисо. Токно, изд. «Иванами Сэтэн», 1971.

⁸ См., например: Гэндай тююку («Современный Китай»), т. 1—3, Токио, 1969.

⁹ «Сисо», 1967, № 6, стр. 7.

¹⁰ Ниидзима Ацуёси. Мо Таку-то-но тэцугаку («Философия Мао Цзэ-дуна»). Токио, «Кэйсё сэбо», 1969, стр. 83.

чаще диалектическому и историческому материализму. Одним из них является Ёсими Такэути.

Такэути можно причислить к националистическому течению в японском китаеведении. Претендуя на «особое» постижение «идей Мао Цзэ-дуна» с позиций национализма, он печется об их более широком распространении в Японии¹¹.

Раскрывая характерные черты маоистской «диалектики», Такэути пишет: «Перечитывая статью «Относительно противоречия», я все более ощущал китайскую специфику идей Мао Цзэ-дуна. Создается впечатление, что его диалектика качественно отлична от диалектики Гегеля, а также Маркса—Энгельса... У Мао она насквозь пронизана китайской дуалистической концепцией инь и ян, момент снятия в ней слаб, и исключительно силен взгляд на противоречие как на тождество. То, что Мао Цзэ-дун принимает войну и мир как противоречия и считает незнание и знание... а также истину и ложь диалектически противоположными понятиями, свидетельствует о том, что он стоит почти на позициях софистики... Кажется, что Мао Цзэ-дун готов сказать: если противоречия нет, то нужно сделать его, даже при отсутствии на это основания»¹².

Естественно, что наиболее последовательную критику теоретических основ маоизма ведут японские прогрессивные философы.

Недвусмысленную оценку маоистской «диалектики», как качественно отличной от диалектики Гегеля, а также Маркса—Энгельса, дал Кадзуо Миида в своей книге «Философия Мао Цзэ-дуна». В ней устанавливается непосредственная связь «диалектики» Мао с традиционной китайской теорией «перемен»¹³.

Миида подчеркивает, что в работе «Относительно противоречия» Мао Цзэ-дун эклектически соединяет теорию «перемен» и диалектику, оставаясь фактически на позициях первой. «Переход одной вещи в другую мыслится не как процесс перехода одного в другое, а их связь не как внутренняя, а как внешнее превращение, смена цикла»¹⁴.

Не в этих ли представлениях лежит подлинный источник рассуждений Мао Цзэ-дуна о диалектике, не из них ли вытекает присущее ему понимание противоречия, сформулированное им в печально знаменитом примере: «Без жизни нет смерти; без смерти нет жизни. Без верха нет низа; без низа нет верха»¹⁵ и т. д.? Критика «диалектики» Мао Цзэ-дуна со стороны Мииды убедительно опровергает утверждения Ниидзимы и других промаоистских китаеведов о развитии автором работы «Относительно противоречия» учения о диалектике.

К аналогичным выводам о подлинном источнике маоистской «философии», по существу, приходит и Минору Такэути.

Анализируя проблему китайского традиционализма, Минору Такэути в книге «Идеология Китая. Традиции и современность» отмечает в качестве одной из черт традиционной китайской философии принцип цикличности как метод толкования процесса развития. Но ведь подобный метод присущ и Мао Цзэ-дуну, особенно наглядно он проявился в его рассуждениях о диалектике. Иными словами, в основе претензий Мао Цзэ-дуна на развитие марксистско-ленинской философии лежит не стремле-

¹¹ См.: Такэути Ёсими. Гэндай Тюгокурон («Современный Китай»). Токио. «Тикума сёбо», 1967, т. 1, стр. 371.

¹² Такэути Ёсими, цит. соч., стр. 373, 387.

¹³ В основе теории «перемен» лежат каноны, содержащиеся в одной из древних классических китайских книг — «Книги перемен» («Ицзин»).

¹⁴ Миида Кадзуо. Мо Таку-то-но тэцугаку («Философия Мао Цзэ-дуна»). Токио, «Годо сюппанся», 1967, стр. 220—221.

¹⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 2, стр. 452.

ние к подлинно творческому обогащению диалектического и исторического материализма, а узкотрадиционное миропонимание, восходящее к феодальному периоду.

По убеждению Минору Такэути, в традиционно конфуцианском смысле Мао Цзэ-дун понимает и принцип «знание и действие — одно и то же», положенный им в основу его рассуждений о единстве теории и практики.

Как известно, маоизм игнорирует объективные экономические законы, с волюнтаристских позиций рассматривает проблемы социалистического строительства. Эти свойства маоизма убедительно раскрыл в своей книге «Китайская революция и идеи Мао Цзэ-дуна» Цутому Наканиси — старейший японский китаевед. В начале 30-х годов он сотрудничал в научно-исследовательском институте проблем Китая, созданном при Пролетарском научно-исследовательском институте (Проретариа кагаку кэнкюдзё). Он долгое время находился в Китае, был очевидцем многих важных событий китайского революционного движения. Хорошее знание китайской действительности помогло Наканиси написать труд, рисующий правдивую картину процесса становления политических воззрений Мао Цзэ-дуна и разоблачающий их мелкобуржуазную сущность.

Полемизируя с леворевизионистскими теоретиками, Наканиси подчеркивает принципиальную враждебность маоизма теории научного коммунизма. Он отмечает, что Мао Цзэ-дун «не понимал политической экономики... Не понимая природы капитализма, не понимал роли рабочего класса, не понимал сущности научного социализма»¹⁶.

На материале произведений Мао Цзэ-дуна, посвященных анализу классов китайского общества, Наканиси разоблачает мелкобуржуазное содержание маоизма, его антирабочую, антипролетарскую направленность.

Маоизм — мелкобуржуазное, националистическое течение, с момента своего зарождения противопоставившее себя марксизму-ленинизму.

Об антимарксистском содержании взглядов Мао Цзэ-дуна на всем протяжении его деятельности говорит и известный японский китаевед Минэо Накадзима.

В своей книге «Введение в изучение Китая» он подчеркивает, что Мао Цзэ-дун воспринял марксизм прагматически. «Марксизм, воспринятый таким образом Мао Цзэ-дуном, — читаем мы в книге Накадзимы, — вскоре стал утверждаться у него в достаточной измененной форме как следствие возникшего из его собственного революционного опыта взгляда на революцию как на бунт, в котором основной силой выступает крестьянство...»

Маоистские концепции — «философия расколов»

Теоретическая борьба против философии маоизма ведется на страницах японской коммунистической печати. Важным событием в идейной жизни Японии явилось выступление в 1967 г. центрального органа КПЯ — газеты «Акахата» с редакционной статьей «Нынешняя линия Мао Цзэ-дуна и международное коммунистическое движение», в которой раскрывалось антимарксистское содержание «идей Мао Цзэ-дуна».

С особой силой газета «Акахата» обрушилась на псевдодиалектику Мао Цзэ-дуна, назвав ее «философией расколов». В газете критикуется

¹⁶ Наканиси Цутому. Тюгоку какумэй то Мо Таку-то сисо («Китайская революция и идеи Мао Цзэ-дуна»), «Аоки сётэн», 1969, стр. 155.

утверждение маонистов, будто бы «раздвоение единого» касается всех вещей и явлений в мире, что это основной закон диалектики, поэтому раскол международного коммунистического движения, дескать, естествен.

Данный принцип, «применяемый» к коммунистическому движению, — философский принцип «раздвоения единого», — продолжает газета, — представляет собой крайнее извращение, искажение марксистско-ленинской диалектики. Сторонники теории «раздвоения единого» в качестве основы для своих утверждений приводят слова В. И. Ленина о том, что «раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики».

Но этим самым В. И. Ленин указал, что обнаружение внутри единой вещи противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций и познание вещей как единства противоположностей и есть основной вопрос диалектики. Ни чем не обоснованное заявление относительно того, что «единая вещь обязательно расщепляется надвое», на котором настаивает Мао Цзэ-дун, ни в коем случае не выражает основного универсального закона диалектики. Подобными произвольными заявлениями Мао и его последователи превращают диалектику в философию беспредельных расколов¹⁷.

Дальнейшее развитие критика теоретических постулатов маонизма получила в редакционной статье «Японо-китайский вопрос и Компартия Японии», опубликованной в газете «Акахата» от 9 сентября 1971 г. Выступления газеты сыграли важную роль в развертывании и усилении теоретической борьбы против маонизма и его «философии».

Большое внимание этой стороне идеологической деятельности уделяют теоретические журналы КПЯ — «Дзэнэй» («Авангард») и «Бунка хёрон» («Культурное обозрение»). Выступая против различных ультралевацких концепций, получивших хождение в Японии, эти журналы особое значение придают раскрытию идеалистического содержания маонистских «теорий», используемых ревизионистскими идеологами для философского обоснования ультралевацкой политической практики. В связи с этим надо подчеркнуть важное значение теоретических работ известного философа-коммуниста Тосио Сакаки, подвергающих всесторонней критике субъективно-идеалистическую философию «левого» ревизионизма.

Разоблачение маонистских концепций современного революционно-го движения и путей социалистических преобразований на страницах теоретических журналов КПЯ является одним из направлений идеологической борьбы, которую КПЯ ведет против антимарксизма. В 1972 г. когда в Японии благодаря усилиям промаонистски настроенных теоретиков создался своеобразный «китайский бум» в связи с восстановлением японо-китайских отношений, критические выступления в адрес пекинских теоретиков и их приспешников в Японии приобрели особое звучание.

Философы-коммунисты решительно осуждают попытки пекинской пропаганды возвести Мао Цзэ-дуна на пьедестал «величайшего философа современности». «Утверждения, будто идеи Мао Цзэ-дуна — универсальный, интернациональный принцип, что это высший этап марксизма-ленинизма, совершенно неправильны», — заявил известный философ-коммунист Иосисигэ Кодзай¹⁸. Он подчеркнул отрицательное влияние работ Мао Цзэ-дуна на развитие материалистической философской мысли в Японии. Японский философ обратил внимание на низкий уровень современной китайской философии в целом, указав на отсутствие

¹⁷ «Акахата», 10. X. 1967.

¹⁸ «Сэкай», 1966, № 11, стр. 25.

у нее связи с наукой, игнорирование экономического анализа и т. д. Философия, страдающая такими недостатками, подчеркнул Кодзай, превращается в простую спекуляцию или в прагматизм.

Защита марксистско-ленинской философии от ревизионистских искажений, творческая разработка актуальных проблем диалектического и исторического материализма — такова задача, которую ставят перед собой японские философы-коммунисты перед лицом усиления идеологических диверсий промаоистских теоретиков в Японии. Эта задача имеет интернациональное значение, выполняя ее, японские философы-коммунисты идут в одном ряду со многими прогрессивными учеными, ведущими теоретическую борьбу против маоизма.

Японские ученые-коммунисты резко критикуют маоистские тезисы об обострении классовой борьбы в условиях социализма, курс на «непрерывную социалистическую революцию», раздувание «идеологической» борьбы, игнорирование экономических задач социалистического строительства, пропагандируемые некоторыми маоистами в Японии.

Своеобразным «чемпионом» кампании в защиту маоистской концепции социалистической революции в Японии выступает «ученый» Масахиса Суганума. Стараясь внести свою лепту в панегирик, воспетый Ниндзимой в адрес Мао Цзэ-дуна, он выпустил книги «Китайский социализм», «Непрерывная социалистическая революция» и другие, в которых постарался очернить опыт социалистического строительства в СССР, противопоставив ему маоистский «особый курс» в виде «большого скачка» и «культурной революции».

Суганума исходит из маоистского тезиса об обострении классовой борьбы в условиях социализма и необходимости длительного периода существования диктатуры пролетариата, функции которой он сводит исключительно к насилию. Японский «социолог» игнорирует тот факт, что с победой социализма исчезает объективная база для существования антагонистических классов и классовой борьбы. В качестве условия обострения классового антагонизма в социалистическом обществе он выдвигает наличие пережитков в сознании людей и различие в уровне доходов и переносит законы переходного периода на весь период социалистического строительства.

Формулируя одно из положений маоистской концепции, Суганума, например, утверждает: «Потерявший средства производства класс буржуазии использует сохранившие свое влияние в народе буржуазные идеи, культуру, нравы и обычаи и может при помощи новых способов и новых методов возродить систему буржуазной эксплуатации»¹⁹.

Провозглашаемая Суганумой «непрерывная социалистическая революция» оказывается серией идеологических кампаний, направленных на нагнетание идейно-политической напряженности в обществе и совершающихся в виде «бунта», дающего выход мелкобуржуазной стихии. Проявлением такой «революции» он считает «культурную революцию».

В анализе маоистской концепции путей общественного развития после установления диктатуры пролетариата на позициях, сходных с теми, которые занимает Суганума, стоят и некоторые другие японские китаеведы. В маоистском духе интерпретирует вопросы социалистической революции и общественного развития в условиях социалистического общества Ацуёси Ниндзима. «Культурную революцию» и порожденную ею систему «ревкомов», означающую установление военно-бюрократического контроля в стране, Масао Фукусима расценивает как ме-

¹⁹ Суганума Масахиса. Сякайсюги-но рэндзоку какумэй («Непрерывная социалистическая революция»). Токио, «Отя-но мидзу», 1970, стр. 8.

роприятия, преследующие цель установить «связь с революционными массами»²⁰. Подводя теоретическую базу под политику создания «народных коммун», еще один промаонистский «теоретик» — Харуо Сугино — оправдывает все авантюристические мероприятия пекинских руководителей.

«Китаизированный марксизм». Подлинная сущность «культурной революции»

Отдельные японские китаеведы пытаются доказать, что в лице Мао Цзэ-дуна появился представитель «национального», «китаизированного» марксизма, что якобы применив «всеобщую истину марксизма» к национальным условиям, Мао Цзэ-дун создал «китаизированный» марксизм. Некоторые из них идут еще дальше; стоя на китаецентристских позициях, они «китайское» происхождение маонизма рассматривают в качестве условия, придающего маонизму якобы всеобщий характер и делающего его учением... пришедшим на смену марксизму-ленинизму.

В своей работе «История идей современного Китая» Итиро Ямагути утверждает, что «китаизация» марксизма у Мао Цзэ-дуна проявилась в привнесении им в марксизм специфических китайских морально-этических и философско-социологических категорий и представлений. Важнейшей из них он считает известную утопическую крестьянскую идею «датун». Восходящая к традиционным представлениям китайского крестьянства раннего средневековья, эта идея, как известно, содержала в себе мелкобуржуазный идеал «справедливого общества», основанного на уравнительном землепользовании, и получила особенно широкое распространение в период тайпинского восстания. Важнейшим идеалом этого общества стал принцип аскетизма. Такое идейно-философское содержание идеи «датун» объяснялось социально-политическими и экономическими условиями, в которых развивались крестьянские движения в средневековом Китае.

Ямагути утверждает, что Мао Цзэ-дун также видит цель революционного движения в построении «общества датун» с его принципом аскетизма и всеобщей уравниловки.

В 1970 г. в Японии вышла книга Ясунобу Сонэмура «Современный Китай». Среди ряда вопросов, касающихся идеологии и политики Китая, Сонэмура, подобно Ямагути, затрагивает вопрос о связи маонизма с идеей «датун». В статье «Идея «датун» Кан Ю-вэя и народные коммуны» он устанавливает такую идейную общность между Кан Ю-вэем и Мао Цзэ-дуном, которая особенно убедительно демонстрирует приверженность последнего к традиционным китайским представлениям и уж никак не подтверждает гипотезу об обогащении Мао Цзэ-дуном марксизма-ленинизма путем привнесения в него национальных мотивов.

«Сейчас, — пишет Сонэмура, — еще рано оценивать перспективы Мао Цзэ-дуна и других руководителей КНР. Однако что касается развития событий до сегодняшнего дня, то совершенно ясно, что Мао Цзэ-дун многому научился у китайских императоров прошлого. И не только научился. Можно сказать, что он стал одним из наиболее преуспевающих императоров, хотя период этого преуспеяния еще незначителен. Но

²⁰ Фукусима Масао. Проретарна докусан-но рирон то гэндзицу («Теория и реальность диктатуры пролетариата»). В кн.: «Гэндай тьюгоку», т. 3. Токио, 1969, стр. 152.

с другой стороны, также ясно, что он довольно несведущ в международных делах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что под влиянием обстоятельств он, по крайней мере в своих представлениях, в действительности весь сосредоточен на некоего рода традиционных понятиях»²¹.

Так оборачивается связь маоистских представлений об идеальном обществе с традиционными китайскими утопическими теориями, которую Ямагути склонен рассматривать методом «китаизации» марксизма!

По-своему подходит к проблеме «китаизации» марксизма другой японский китаевед — Дзюдзо Кувахара, автор книги «Мао Цзэ-дун и китайская идеология». Этот вопрос он рассматривает на фоне исторических традиций идейно-политической борьбы в Китае и национальной психологии, взятой в ее историческом аспекте. В конечном итоге Кувахара подводит читателя к парадоксальному заключению, доказывая принципиальную несовместимость коммунистических идей с китайскими традиционными идеями и китайским национальным характером! К такому выводу этот теоретик приходит на основании краха маоистской теории и практики, в особенности провала коммун.

Оживленную дискуссию в японском китаеведении вызвала «культурная революция» в Китае.

Пресловутая «культурная революция» наглядно продемонстрировала антимарксистское, мелкобуржуазное содержание маоистского идеала социалистического общества, антинаучный характер маоистских концепций методов социалистического строительства. Ученые-китаеведы, стремящиеся к объективному анализу положения в Китае, справедливо рассматривают «культурную революцию» как результат стремления маоистов установить свое господство в стране и навязать китайскому народу мелкобуржуазный, авантюристический курс.

Об этом убедительно пишет ученый Минэо Накадзима в своих работах, посвященных идейно-политическому содержанию курса маоистов. Накадзима не во всем достаточно последователен, тем не менее он решительно осуждает политику маоистов. Преобразования в Китае, отмечает Накадзима, «осуществлялись сквозь призму политического субъективизма... Соотношение производительных сил и производственных отношений воспринималось в перевернутом виде... Было смазано качественное содержание процесса перехода к социализму... Разглагольствуя о диктатуре пролетариата, маоисты стали возрождать различные элементы старого общества, подняли на щит теорию об обострении классовой борьбы в условиях социализма»²².

Накадзима сам был свидетелем многих событий в Китае середины 60-х годов, и поэтому его характеристика разгула волюнтаризма в Китае особенно поучительна.

Стремление к объективному анализу политики маоистов характерно, например, также для публикаций Минору Сибата, который был корреспондентом японской газеты «Санкэй симбун» в Пекине, но в годы «культурной революции» подвергся высылке оттуда маоистами за то, что посылал в Японию правдивую информацию о положении в стране.

В идейно-философских и политических воззрениях Сибаты немало ошибочных положений. Но как честный журналист, он не мог пройти мимо таких фактов и закулисных событий периода «культурной революции», которые опрокидывают все здание маоистской пропаганды в Япо-

²¹ Сонэмура Ясунобу. Гэндай тьюгокурон («Современный Китай»). Токно, «Сёхо сётэн», 1970, стр. 183.

²² Накадзима Минэо. Гэндай тьюгоку нюмон («Пособие по современному Китаю»), Токно, изд-во «Коданся», 1966, стр. 48.

нии. Например, в книге Сибаты «Три года культурной революции», написанной им совместно с Кикудзо Ито, наглядно видно, что вся программа деятельности маонистов от начала до конца пронизана мелкобуржуазным волюнтаризмом, тенденцией к военно-бюрократическим методам управления, демагогией и насилем. Естественно, что все это глубоко чуждо задачам социалистических преобразований и в корне противоречит марксизму-ленинизму.

Важный вклад в разоблачение антисоциалистического содержания «культурной революции» внесла печать Компартии Японии — газета «Акахата», журналы «Дзэнэй» и «Бунка хёрон». Обратимся к материалам коммунистических изданий периода «культурной революции», когда японское общественное мнение с особым вниманием следило за событиями, развернувшимися в Китае. Газета «Акахата» от 10 октября 1967 г. писала, что «культурная революция» не имеет ничего общего с культурной революцией, как ее толкует марксизм-ленинизм. Основная цель ее — это установление безраздельного господства сторонников Мао Цзэ-дуна. Измышления маонистской пропаганды о «перерождении» социалистических стран газета квалифицирует как «антисоциалистическую программу», призванную оправдать борьбу группы Мао Цзэ-дуна против социалистического лагеря. Одно из наибольших нарушений марксистско-ленинского учения газета усматривает в маонистском тезисе о «революции в условиях диктатуры пролетариата».

Бывший корреспондент газеты «Акахата» в Пекине Дзюинти Коно писал в журнале «Дзэнэй» в октябре 1968 г.: «Пресловутая «культурная революция» не является великим революционным делом, преследующим цель победы социализма. Это антисоциалистическое, антимарксистское, антиленинское «дело», единственная задача которого — установить и укрепить ничем не ограниченное абсолютное господство группы Мао Цзэ-дуна. Для этого разрушаются государственные и партийные организации, сводятся на нет результаты великой китайской революции».

Одно из серьезных нарушений социалистической демократии, принципа демократического централизма в ходе «культурной революции» японские публицисты и ученые-коммунисты видят в культе личности, раздуваемом маонистами.

«Почему стало возможным возникновение ничем не ограниченного культа Мао Цзэ-дуна, веры в «идеи Мао» в нынешнем Китае? Почему оказались отброшенными и под предлогом «большой демократии» растоптаны принципы демократического централизма внутри партии и социалистическая демократия? При каждом удобном случае цитируются «выдержки из произведений Мао Цзэ-дуна». Но есть ли научный дух в таком цитировании? Разве вместо неугасимого стремления к поиску истины не возникла тенденция к остановке мышления? Если не идет непрерывный процесс поиска и ограничиваются только повторением разрозненных обрывочных фраз, «Цитатник» Мао тоже превратится в обычный канонический текст. Это в политическом и культурном отношении неизбежно ведет к застою, способствует преклонению перед авторитетом, создает культ личности, чего со всей серьезностью избегали Маркс, Энгельс, Ленин. Это застой. Деградация!» Данные слова принадлежат философу-коммунисту Иосисигэ Кодзан, выступившему в разгар «культурной революции» на страницах журнала «Бунка хёрон» с критикой маоизма и осудившего культ личности Мао Цзэ-дуна²³.

Антисоциалистический характер «культурной революции», полный разрыв маонистов с идеями научного коммунизма показан в книге изве-

²³ «Бунка хёрон», 1968, № 7, стр. 71.

стных ученых-коммунистов Гиити Инумару и Нобору Кавадзоэ «Великая пролетарская культурная революция. Ее истоки и противоречия». Написанная по свежим следам событий, развернувшихся в Китае во второй половине 60-х годов, она разоблачает цели и методы «культурной революции», подвергает принципиальной критике всю внутреннюю и внешнюю политику группы Мао Цзэ-дуна.

Авторы расценивают «культурную революцию» как государственный переворот, имевший своей целью изменить направление внутренней политики и внешнеполитическую ориентацию КНР.

* * *

Мы коснулись некоторых взглядов, выдвигаемых различными японскими китаеведами в ходе идейно-философской борьбы вокруг маонизма. Различна научная методология, используемая в их исследованиях, неравноценен фактический материал, которым они подкрепляют свои теории, отличны и их идейно-философские и политические воззрения. Отсюда различны позиции: от крайне «левых» концепций, которых придерживаются промаоистские социологи, через доктрины, окрашенные в «академические» тона, до марксистских оценок, срывающих с маонизма все лживые маски.

Сама логика научного анализа основ маонизма даже в исследованиях ряда авторов-немарксистов в конечном итоге подводит к выводу, что маонизм представляет собой особое, отличное от марксистско-ленинского направления идейно-политическое течение, что он глубоко враждебен ему. Тем более убедительны и поучительны труды тех японских китаеведов, которые стоят на марксистских позициях.

Следует отметить, что своеобразный «китайский бум», наблюдавшийся в Японии за последние годы, а также «культурная революция» в Китае не прошли бесследно для Японии. Часть японской молодежи и интеллигенции оказалась зараженной псевдореволюционной демагогией маонизма. Состоявшаяся недавно нормализация дипломатических отношений между КНР и Японией, вероятно, создаст дополнительные условия, которые маонисты постараются использовать для усиления своей идеологической экспансии в этой стране.

Это уже подтверждается рядом фактов, ставших известными широким кругам демократической общественности мира. Мы имеем в виду поведение китайской делегации Общества китайско-японской дружбы во главе с Ляо Чэн-чжи, посетившей Японию в апреле — мае 1973 г. Пренебрегая общепринятыми дипломатическими правилами, эта «дружественная делегация» по приезде в страну развила бурную деятельность, направленную против КПЯ и японского демократического движения. Члены делегации, и прежде всего сам Ляо Чэн-чжи, не останавливались перед прямыми нападениями на Компартию Японии и руганью в адрес ее руководителей, шли на беспринципное заигрывание с различными реакционными слоями, включая антикоммунистов, воодушевляя раскольнические элементы, стараясь активизировать их борьбу против компартии.

Одновременно китайская делегация активно занималась антисоветской деятельностью, пропагандируя клеветнические измышления Пекина о Советском Союзе.

Поведение китайской делегации вызвало возмущение в широких кругах японской прогрессивной общественности. Газета «Акахата» выступила с решительной отповедью маонистам, осудив их деятельность как грубое вмешательство в дела японского демократического движения. В статье «Миссия делегации Ляо Чэн-чжи и ее итоги», помещенной

в номере от 23 мая 1973 г., газета, в частности, писала: «Если говорить в целом, то вся так называемая дружественная деятельность в течение месячного пребывания делегации Ляо Чэн-чжи в Японии была подчинена главной стратегической задаче, а именно: неопроверженно руководству КПЯ и борьбе против Советского Союза... Делегация Ляо активно стремилась пропагандировать среди различных кругов свою позицию по международным вопросам, согласно которой Советский Союз рассматривается как враг номер один». В недалеком прошлом, отмечала газета, пекинские раскольники именовали «четырьмя врагами», наряду с американским империализмом и японскими реакционными силами Советский Союз и Компартию Японии, причем КПЯ они называли то «агентом американского империализма», то «соучастником преступления японских реакционных сил»... Сейчас демагогическое содержание этой теории разоблачено тем, что маоисты сами сократили число «врагов» до двух — КПЯ и КПСС...

В условиях непрекращающейся раскольнической деятельности пекинского руководства в международном коммунистическом движении, а также усиливающегося политического и идеологического наступления маоистов на КПЯ и японское демократическое движение в целом теоретическая борьба против концепций маоизма приобретает особое значение. Благодаря усилиям КПЯ и японских прогрессивных ученых в сознание все большего числа японцев проникает истина о подлинной сущности маоизма, способствуя отрезвлению тех слоев японского населения, в особенности некоторых представителей молодежи, которые дали себя обмануть промаоистской пропаганде.

Гипотезы и историческая реальность

К вопросу об «азиатском способе производства»

В. Н. Никифоров,

доктор исторических наук

Крушение колониальной системы империализма привело к возникновению многих независимых государств, переживающих переходный период, стадию поиска методов и форм, которые наилучшим образом помогли бы им в ликвидации отсталости. Прогрессивная ответственность стран Азии и Африки все в большей степени становится приверженцем социалистического пути развития. Но, с другой стороны, перед нами имеется обратный пример, когда великая страна — Китай, уже приступившая к строительству социалистического общества, переживает трагедию в своем развитии. Этот процесс строительства социализма заторможен воздействием на общество деформированного социал-шовинистического руководства государством, соответствующих ему внутренней и внешней политики и реакционной идеологической надстройки.

Все эти противоречивые общественные процессы нуждаются в научном объяснении. С задачами, диктуемыми самой жизнью, связана продолжающаяся уже свыше десяти лет дискуссия историков и философов различных стран об общественно-экономических формациях. Внимание исследователей приковано к механизму смены общественных формаций, к сущности переходных социальных форм, к вопросам взаимодействия базиса и надстройки.

В ходе дискуссии были высказаны различные гипотезы, многие из которых отражены в недавно опубликованной статье Ю. Островитянова и А. Стербаловой «Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств» («Новый мир», 1972, № 12). Дискуссия, таким образом, со страниц малодоступных сборников и ученых записок перекидывается в массовые издания со сотысячными тиражами. В послесловии к этой статье подчеркивается, что авторы выходят «к обширной читательской аудитории, прежде всего к интеллигенции», что их статья отличается от других «выгодным образом», хотя «требует сосредоточенного напряжения мысли». На наш взгляд, статья игнорирует то обстоятельство, что поднятые ею вопросы были предметом длительной дискуссии в 20-х и 30-х годах, проявлялись во внутренней борьбе в рядах Коминтерна. Однако в этой статье имеются и куда более серьезные недостатки как с точки зрения ее основных положений, так и метода исследования.

Первое, что мы хотели бы отметить, — это полное игнорирование противоположной точки зрения. Авторы даже не упоминают о ней. Между тем точка зрения, которой они придерживаются, высказывалась не

раз, встречала в прошлом и встречает ныне решительные возражения многих ученых. Упомянуть (хотя бы упомянуть) о существовании других мнений — первая обязанность исследователя, тем более когда он обращается к массовой аудитории. Мы вынуждены восполнить пробел и привести некоторые основные возражения, которые вызывает концепция авторов статьи.

Точка зрения Ю. Островитянова и А. Стербаловой состоит в том, что существует особый восточный тип общественного развития, «законченным, завершенным, откристиализовавшимся образцом» которого является Китай¹. Прежде всего отметим, что авторы нигде не поясняют, что они вкладывают в понятие «Восток». На наш взгляд, понятие это сугубо условное. Возьмем хотя бы некоторые страны, граничащие с Китаем, тесно связанные с ним на протяжении веков: Монголию, Корею, Японию. Разве кочевое монгольское общество средневековья похоже на корейское или японское? Не сходны и результаты исторического развития: под воздействием различных факторов, в том числе международных, монгольское общество сейчас успешно строит социализм; Япония, в первой половине XIX в. внешне не отличавшаяся в социальном отношении от Китая, превратилась в XX в. в развитую капиталистическую страну; Северная Корея идет по социалистическому пути, Южная — пока по капиталистическому.

Единого «генотипа» китайского образца мы не находим и в таких странах, как Индия или, например, Турция и Алжир.

Какие черты приписывают авторы своей модели восточного общества?

Главной из них они считают то, что государству на Востоке принадлежало «верховное, хотя по современным понятиям часто и номинальное распоряжение землею и крупнейшими ирригационными сооружениями, обеспечивающими жизнедеятельность многих восточных цивилизаций»². Отметим, что данное положение сформулировано нечетко. Что значит «номинальное распоряжение землей»? Разве для политекономии главное номинальное, а не фактическое положение? Если же частная собственность на средства производства как таковая в Китае существовала, в чем тогда особый характер «азиатских» производственных отношений?

Не замечая указанного противоречия, авторы продолжают рисовать нам картину особого восточного строя, при котором общество состояло из разрозненных, замкнутых сельских общин, над которыми возвышался не класс собственников-эксплуататоров, а «самостоятельная» государственная власть, которая «насильственно соединяла многочисленные патриархальные общины и выступала первым эксплуататором трудящихся»³.

Естественно, с точки зрения авторов статьи, в истории Китая и других стран подобного «типа» не мог существовать класс эксплуататоров. Коль скоро в этих странах не было никакой частной земельной собственности⁴.

Рассуждения авторов о классах докапиталистического китайского общества отличаются той же противоречивостью, что и изложенный выше тезис об отсутствии частной собственности на землю. Авторы то утверждают, что «в отличие от Греции и Рима на Востоке административно-государственная система складывается раньше, чем возникает частная собственность на орудия и предметы труда, главным образом на

¹ Ю. Островитянов, А. Стербалова. Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств. «Новый мир», 1972, № 12, стр. 201.

² Там же, стр. 200.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Там же, стр. 200.

землю», то, наоборот, признают, что государство на Востоке являлось «инструментом, порожденным расколом общества на классы и орудием классового господства»⁵. Ю. Островитянов и А. Стербалова, видимо, не будут возражать против очевидного факта, что «раскол общества на классы» немыслим без имущественного неравенства и частной собственности. Каким же образом государственный аппарат, с одной стороны, «складывается раньше» частной собственности и является ее порождением — с другой? Авторы не останавливаются на этом вопросе.

Сколько бы нас ни призывали к «сосредоточенному напряжению мысли», мы, видимо, так и не поймем следующего описания авторами процесса классового образования в Древнем Китае: «властвующие слои и группы» (слова «класс» авторы, как видим, в данном случае избегают) «...узурпировали в основном не сами средства производства, а управленческие и, присваивали не главные условия [?! — В. Н.] труда, а их результаты»⁶. Если «властвующие слои» являлись не собственниками средств производства, а лишь управляющими, то, конечно, они не представляли непосредственно господствующий класс, а были лишь его служащими. Но если, как говорится в той же фразе, управляющие присваивали «результаты условий труда», тогда перед нами предстают собственники средств производства, представлявшие господствующий класс, хотя авторы, как мы показали выше, по существу отрицают возможность его существования.

Авторы пишут о «феномене ученой бюрократии, тайне шэньши и загадке восточного помещика»⁷. Мистику китайского докапиталистического строя они видят в существовании сословия шэньши — кандидатов на чиновничьи должности.

Сословие шэньши сложилось окончательно к VII в. н. э. и особенно большую роль играло в X—XIII вв., в XIV—XVII вв., а также при господстве маньчжуров (1644—1911 гг.). Шэньши составляли ядро господствующего класса, однако это сословие не охватывало всего экономически господствующего класса. Над шэньши, например в XVII—XIX вв., возвышалась наследственная, маньчжурская аристократия. Ниже шэньши стояли широкие слои мелких феодалов, не имевших ученых степеней. Специфика Китая, где правящий феодальный класс разделялся на несколько сословий, не является исключением. В феодальной Франции, как известно, господствующий класс делился на два сословия — дворянство и духовенство. В Тибете и Монголии сословие духовенства было шире понятия «господствующий класс», так как низшие слои духовенства относились к категории эксплуатируемых. Общим правилом для феодальных стран является, по-видимому, служилый характер господствующего сословия. Только в одних оно несло главным образом военную службу (Европа), в других — культовую (Тибет, Монголия), в Китае — преимущественно гражданскую, но также и военную. Подобное разделение феодального класса типично для Индии и всех стран исламского мира.

Шэньши, являясь резервом и опорой государственного аппарата, сами, как правило, были крупными землевладельцами. Единственная их особенность, которую действительно нельзя найти в среде господствующего класса большинства других государств, — образовательный ценз. Но наличия его, безусловно, недостаточно, чтобы приписать китайскому народу какие-то совершенно особые законы развития.

Авторы не отрицают, что в старом Китае имелись и просто крупные землевладельцы, без ученых степеней шэньши. Но этот общественный

⁵ Там же, стр. 201.

⁶ Там же, стр. 199.

⁷ Там же, стр. 201.

слоей характеризуется ими особенно противоречиво. С одной стороны, отрицается, что перед нами — класс помещиков, так как крупное землевладение, как постоянный фактор в китайской экономике, якобы отсутствовало. Оно, по словам авторов, то «появлялось и уничтожалось», то «вновь возникало и опять растворялось». Авторы даже делают попытку (на наш взгляд, безнадежную) доказать, будто китайское слово «дичжу» — «землевладелец», «помещик» — не должно переводиться так⁸. А двумя строками ниже авторы незаметно для себя признают крупное землевладение характерной чертой докапиталистической китайской экономики⁹.

Отметим еще особую роль, которую авторы статьи придают искусственному орошению, из которого они прямо выводят особые «азиатские» производственные отношения. В статье приводятся также цитаты из работ К. Маркса и Ф. Энгельса о Востоке, на которых мы специально задержимся несколько ниже. Однако в рассматриваемой статье — и это роднит ее с рядом других статей, появившихся в ходе последней дискуссии, — не содержится конкретных фактов истории Китая, кроме отдельных случайных примеров.

Мы постарались полнее воспроизвести положения, которые авторы статьи считают для себя основными. Не наша вина, что их изложение противоречиво. Выступление Ю. Островитянова и А. Стербаловой интересует нас как пример, на котором можно критически рассмотреть работы представителей определенного направления в происходящей дискуссии, так как все характерные черты разбираемой нами статьи, ее основные положения, их неподтвержденность, противоречивость — все, вплоть до умолчания о точке зрения оппонентов, типичны для ряда работ последних лет, написанных представителями этого направления¹⁰.

Посмотрим же, что говорят факты¹¹.

Современной наукой совершенно точно установлено, что в древнем Китае примерно со II тысячелетия до н. э. существовали имущественное и правовое неравенство, эксплуатация человека человеком, несомненно свидетельствующие о существовании в то время частной собственности на средства производства, и, в частности, на землю. Наряду с индивидуальной собственностью существовала общинная, память о которой сохранилась в позднейших представлениях о системе «цзин-тянь» («колесных полей»), когда земля обрабатывалась членами общины. Нет никаких доказательств, что вся земля считалась в то время государственной собственностью.

Тезису о принадлежности всех земель государству (или монарху) противоречит факт — опять-таки твердо установленный наукой, — что богатые семьи по мере разложения древней общины, выделяясь из нее, создавали собственные хозяйства на целинной земле, что такая практика долгое время не встречала отпора ни со стороны общества, ни государства. Иными словами, земли, находившиеся вне пределов общинных

⁸ «Новый мир», 1972 г., № 12, стр. 205.

⁹ Там же.

¹⁰ Критику этого направления см., например: «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства)», М., 1966; Ю. В. Качановский. Феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки, М., 1971.

¹¹ В настоящее время еще отсутствует, к сожалению, марксистский труд, который полно излагал бы всю историю древнего и средневекового Китая. Наиболее цельную и убедительную картину древнего китайского общества рисует Л. С. Переломов, средневекового общества — Г. Я. Смолин.

полей, рассматривались как ничейные, и участки целины, распахан-ные тем или иным отдельным хозяйством, фактически становились его частной собственностью. И государство было вынуждено узаконить данную практику, продолжавшуюся на протяжении нескольких веков. В VI—IV вв. до н. э. в государствах, находившихся в то время на территории современного Китая, проводятся реформы, в ходе которых налогам стали облагаться не только (как прежде) поля общин, но и новые, частные поля. Частное землевладение, таким образом, признавалось равноправной частью общественной экономики.

Широкое распространение частной собственности на землю в Китае в VI—IV вв. до н. э. не подлежит сомнению. Трудней установить в настоящее время, как обстояло дело с собственностью на средства производства в Китае до VI в. до н. э. Недостаток надежных источников приводит историков, специально изучающих этот период (Л. С. Васильева, Ф. Текен, отчасти также М. В. Крюкова), к подчас противоречивым и недостаточно убедительным выводам по отдельным вопросам¹². Тем не менее некоторые факты истории китайского общества периода XV—VII вв. до н. э. можно считать твердо установленными.

Несомненно, что в то время была широко распространена общинная собственность и рядом с ней постепенно росло частное землевладение на целинных землях. Было распространено и рабовладение. В какой мере оно было частным рабовладением, государственным или общинным — еще не вполне ясно. Во всяком случае, учитывая, что процесс формирования частного землевладения, каким оно пришло к своей победе в VI—IV вв. до н. э., не мог не быть длительным, нет оснований полагать, будто китайское государство в первый период своего существования (примерно с середины второго тысячелетия до н. э. вплоть до середины первого тысячелетия до н. э.) возникло и развивалось в условиях отсутствия частной собственности на средства производства.

Следует иметь в виду, что в древнейший период наряду с индивидуальным владением рабами и землей значительную роль играли также общинное владение и эксплуатация одних общин другими. Это явление получало развитие в периоды завоевания одних племен другими, например иньцев чжоусцами в XI в. до н. э. В этом случае собственность оформлялась как право определенной группы общин (в данном случае чжоусцев) на присвоение части продукта, производимого другой группой общин (иньцев). Это тоже частная собственность на землю и рабов, хотя и не индивидуальная, однако рядом с ней получает все большее разви-

¹² Тем более нельзя согласиться с тем, когда из разрозненных сведений, например о семейно-родственных отношениях в Китае за тысячу лет до н. э., делаются решительные выводы, которые затем прямо переносятся на китайское общество второй половины XX столетия, минуя все промежуточные стадии (за три с лишним тысячи лет): «Китай на протяжении веков, по существу, не знал частной собственности на землю. Коллективная собственность в ее азиатской форме, вырвавшаяся из родоплеменного быта, сохранялась и после распада родовых отношений» (А. А. Стербалова. Традиционный и современный Китай — особенности социального развития. «Вопросы философии», 1969, № 8, стр. 38). «Неповторимая специфика экономического уклада Китая определяла и совершенно особые, уникальные формы образования господствующих слоев и групп, которые причудливо переплелись между собой на основе интереса к земле. Существование такого рода неклассовых социальных общностей породило уже в новое время понятие «помещик»...» (там же, стр. 40). «Отсутствие экономически самостоятельных классов предопределило такую закономерность социально-экономической организации китайского общества, как непосредственное взаимодействие централизованной административной власти и массы простых производителей продукта» (там же, стр. 41). Трудно представить более абстрактную и менее документированную постановку и решение серьезных исторических проблем.

тие индивидуальная. Такие формы эксплуатации на ранней стадии классового общества и государства отнюдь не являются особенностью одного Китая (например, Спарта).

Таким образом, мы пришли к заключению, что в древнем Китае период формирования государства полностью совпадал с периодом, когда возникла и развивалась частная собственность на средства производства (на рабов и на землю). Поэтому о государственной собственности на землю в этот период говорить не приходится, исключая относительно кратковременный промежуток захвата иньских земель чжоусцами и раздела их между победителями.

Стремление государства в Китае взять в свои руки основное средство производства — землю, наблюдается приблизительно в начале нашей эры, когда складывается так называемая надельная система, при которой государство формально объявляет себя собственником земли и раздает надельные участки как крестьянам, так и крупным землевладельцам, учитывая ту службу или повинность, которые они выполняют. Но надельная система в Китае была главным образом средством распространения земель среди класса помещиков, формировавшегося в течение нескольких веков. В VIII в. н. э. переход земель огромной части крестьян в собственность помещиков был узаконен. Хотя в моменты внешних потрясений и крестьянских войн сектор частного землевладения порой резко ослабевал, а государственный возрастал, но факт остается фактом — крупное землевладение в китайской деревне с VIII в. сохраняется (формально и фактически) до аграрной революции 1946—1952 гг.

Следовательно, тезис авторов разбираемой статьи об отсутствии в истории Китая частной собственности на землю ни на чем не основан. Кто хотя бы бегло знаком с историей Китая, знает о гигантских размерах богатств, скапливавшихся у частных лиц, о пропасти, пролежавшей между имущими и неимущими в старом Китае, и об ожесточенной классовой борьбе, сотрясавшей китайское общество. Поэтому остается только удивляться содержащимся в послесловии к статье утверждениям, будто новейшая эпоха, начавшаяся с Великой Октябрьской социалистической революции, застала «многие общества [Востока] еще не расставшимися с первобытным коллективизмом и лишь вступившими на путь эволюции в сторону частнособственнического строя»¹³ и что проблемы дальнейшего развития этих «многих стран» можно якобы успешно решить, лишь научно анализируя социальный «генотип» Востока, классически чистым образцом которого, как мы видели выше, объявляется китайское общество. Китай — образец страны, лишь в XX в. вступившей «на путь эволюции в сторону частнособственнического строя»! Вся китайская история за три тысячи лет вопиет против этого тезиса¹⁴. Что касается всего остального Востока, то авторы статьи без какого бы то ни было научного основания, но с исключительной смелостью разделяются с ним простой ссылкой на Китай — если это было в Китае, то было это и на всем Востоке.

Добавим, что и положение об особой роли искусственного орошения как основы традиционной китайской экономики невозможно подтвердить фактами, хотя регулирование рек, конечно, играло и продолжает играть для китайского сельского хозяйства большую роль. Но зем-

¹³ «Новый мир», 1972, № 12, стр. 220.

¹⁴ Ср. в другом месте: «...азиатский способ производства... обозначает целую переходную эпоху к классово антагонистическому строю в странах Востока и доколумбовой Америки» (см.: «Новый мир», 1972, № 12, стр. 219).

леделне в Китае в отличие, например, от Египта вполне возможно и без искусственного орошения.

Ю. Островитянов и А. Стербалова ссылаются на то, что К. Маркс в середине XIX в. в некоторых своих высказываниях о Востоке имел в виду особое общество, основанное на «азиатском способе производства», отличающемся от первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального. Это было такое общество, согласно Марксу, в котором полностью отсутствовала частная земельная собственность, оно было основано на общинных производственных отношениях при господстве сильного деспотичного государства. Однако следует учесть, что К. Маркс в своих высказываниях о Востоке основывался на уровне развития науки своего времени¹⁵. А в середине XIX в. в европейской науке, как известно, преобладало мнение, будто государства Азии действительно не знали частной собственности на землю. Неправильный подход нескольких поколений европейских ученых того времени к восточному обществу обуславливался ограниченным буржуазным представлением о собственности. Они искали привычные для Европы формы частной земельной собственности в странах Азии и, естественно, не находили их. Феодальные формы собственности на землю, давно изжитые и частью забытые в передовых странах Западной Европы, не воспринимались европейскими путешественниками как таковые, и поэтому частная собственность на землю в восточных странах ими отрицалась. Вынужденный считаться с этим преобладавшим в то время мнением, К. Маркс в своих работах 1853—1859 гг. сделал попытку объяснить своеобразие восточного общества пережитками особого, еще не изученного наукой «азиатского» способа производства, исторически предшествовавшего рабовладельческой и феодальной формациям. Эта гипотеза Маркса была первой попыткой объяснить историю Востока материалистически: поставить ее в цепь общемировых явлений, подчиняющихся единой исторической закономерности.

Во второй половине XIX в. появились новые исследования Л. Г. Моргана, М. Т. Ковалевского и других, по-новому представившие проблемы докапиталистических обществ. Выяснилось, что первобытнообщинная формация, не знавшая частной собственности и государства, покоилась на родовых связях. Все более ясным становилось, что частная собственность на землю с древнейших времен была свойственна государствам не только Запада, но и Востока. Рабство в древности предстало как мировое явление. К концу жизни К. Маркса основоположники материалистического понимания общественных явлений завершили выработку своей концепции смены общественных формаций во всемирной истории. Согласно этой концепции, человечество в целом прошло через первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический. На очередь дня встал социализм. Государство, согласно этой концепции, появляется с возникновением первого классового антагонистического общества, являясь продуктом непримиримости классовых противоречий.

Марксистская теория всемирно-исторического процесса была в этом виде представлена Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Написанная через год после смерти К. Маркса, работа эта, по словам Энгельса, являлась «в известной мере выполнением завещания» К. Маркса и излагала результаты исследований Л. Г. Моргана методом материалистического изучения истории

¹⁵ Подробно об этом см. «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока», М., 1971. Противоположную точку зрения см.: М. А. Виткин, Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.

К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁶. Гипотеза «азиатского» способа производства была к тому времени заменена К. Марксом и Ф. Энгельсом теорией, согласно которой страны Востока, как и Европы, знали в докапиталистическое время три формации: первобытнообщинную, рабовладельческую и феодальную. «В азиатской и классической древности, — писал Ф. Энгельс, — преобладающей формой классового угнетения было рабство...»¹⁷.

В. И. Ленин в своих произведениях принял концепцию основных этапов всемирной истории К. Маркса и Ф. Энгельса в ее окончательном виде. Ленин еще более категорически, учитывая новейшие достижения исторической науки, подчеркнул единство основных путей общественного развития всего мира. Он показал, что этап рабовладельческого общества был общим для народов Востока и Запада¹⁸, а также со всей определенностью констатировал, что в Китае вплоть до начала XX в. господствовали отношения феодального общества¹⁹ (а не какие-либо отношения «азиатского способа производства»). Ленинские положения, всесторонне обсужденные и усвоенные марксистскими историками, легли в основу советских китаеведческих работ.

Между тем во второй половине XIX в., то есть именно тогда, когда К. Маркс и Ф. Энгельс сняли гипотезу «азиатского» способа производства, среди отдельных марксистских авторов впервые обнаружилась тенденция не следовать за ними в этом вопросе. К. Каутский, а затем Г. В. Плеханов, формально основываясь на работах К. Маркса и Ф. Энгельса 50-х годов, продолжали развивать теорию «особого азиатского общества». По мере своего отхода от марксизма К. Каутский и Г. В. Плеханов пытались использовать устаревшее положение об «азиатском способе производства» для отрицания союза пролетариата с крестьянством, объявляя крестьянство реакционной силой, способной породить лишь деспотические режимы.

Нельзя отрицать, что события, происшедшие в Китае за период после 1957—1958 гг., могли вновь содействовать распространению односторонних представлений о крестьянстве, особенно о крестьянстве восточных государств. Однако такие представления неправильны. Они основываются на недооценке не только революционно-демократической стороны самого крестьянского движения, но и могучей силы воздействия пролетариата на него.

После К. Каутского и Г. В. Плеханова гипотеза «азиатского способа производства» не раз еще использовалась в политических целях, в том числе крайними реакционерами, такими, как ренегат Виттфогель — самая правая фигура современной американской синологии, порвавший с марксизмом в 30-е годы. В дискуссии 60—70-х годов сходную эволюцию проделывает Роже Гароди, изображающий маонизм в виде особой, свойственной якобы только Китаю модели социализма.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что приверженность теории «азиатского способа производства» отнюдь не равнозначна отходу от марксизма. Ряд марксистских авторов в 20—30-х годах, в ходе современной дискуссии добросовестно стремились и стремятся использовать гипотезу

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. 21, стр. 25.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Рабочее движение в Америке. Предисловие к американскому изданию «Положение рабочего класса в Англии», Соч., т. 21, стр. 348.

¹⁸ В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.

¹⁹ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 403—404.

«азиатского способа производства» для определения путей, по которым идут освободившиеся от колониализма народы. В этом направлении ведут поиски Ю. Островитянов и А. Стербалова. Но хотелось бы, чтобы исследователи исходили из достоверных фактов, поскольку из извращенных фактов следуют выводы, которые вряд ли могут внести позитивный вклад в теорию или практику общественного развития. Беда современных сторонников теории «азиатского способа производства» как раз и состоит в том, что их выводы не соответствуют фактам, известным сегодня исторической науке. Не соответствует фактам и их утверждение, будто основоположники марксизма-ленинизма всегда были сторонниками концепции «азиатского способа производства».

Некоторые из современных сторонников данной концепции сами признают, что выводы Ф. Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» и в работах В. И. Ленина несовместимы с гипотезой «азиатского способа производства».

Но они без достаточных оснований отвергают точку зрения, выраженную В. И. Лениным в 1919 г. в лекции «О государстве». «Распространение (В. И. Лениным. — В. Н.) рабства как господствующего способа производства на все народы, — пишет, например, историк ГДР Р. Эйфлер, — не может быть подкреплено новейшими исследованиями и потому может быть оставлено в стороне»²⁰. Мы совершенно не согласны с таким выводом. Современная историческая наука располагает данными, которые полностью подтверждают концепцию В. И. Ленина.

* * *

Итак, многие важные факты, из которых выводят свою концепцию Ю. Островитянов и А. Стербалова, представляются нам не соответствующими действительности. Какие же непосредственные политические выводы делаются авторами из этих «фактов»?

По разъяснению автора послесловия, Ю. Островитянов и А. Стербалова «удачно избежали не только схематизации, но и модернизации явлений, дав в то же время дополнительную пищу для размышлений о возможностях и причинах такого социального феномена, как социал-милитаристская и гегемонистски-шовинистическая практика группы Мао Цзэ-дуна»²¹. Стремление авторов дать ответ на вопрос, над которым думают многие люди современного мира, вполне понятно. Однако объяснение возникновения маоизма возрождением в Китае загадочного «азиатского общества» не кажется нам ответом на вопрос. Оно не объясняет, в частности, больших успехов марксизма в Китае после Великой Октябрьской социалистической революции, большой роли китайского пролетариата в национально-освободительном движении, существовании и борьбы интернационалистического направления в рядах китайской компартии.

Можно согласиться с авторами статьи в том, что развитие капитализма в китайском обществе было затруднено, но это вполне объяснимо условиями огромной феодальной страны, далеко отставшей в своем развитии от капиталистических держав и ставшей их полуколонией.

Конкретные исследования марксистских ученых доказывают, что развитие капиталистических отношений и зарождение предпосылок не-

²⁰ Rudolf Eifler. Vorkapitalistische Klassengesellschaft und aufsteigende Folge von Gesellschaftsformationen im Werk von Karl Marx. — „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“, 1972, № 5, S. 595.

²¹ «Новый мир», 1972, № 12, стр. 219.

капиталистического пути происходили в Китае на основе тех же общих закономерностей, что и в других странах. Закон последовательной смены общественно-экономических формаций действовал в Китае и других странах Азии и Африки подобно тому, как он действовал во всей мировой истории. Отрицание этого факта объективно ведет к переоценке частного, специфичного в истории Китая, к придумыванию для Китая неких особых закономерностей.

Тема, затронутая Ю. Островитяновым и А. Стербаловой, гораздо шире, чем формы современного прогресса восточных стран. Она касается главных принципов материалистического понимания истории: смены общественно-экономических формаций, взаимоотношений между базисом и надстройкой. Весь этот комплекс проблем сложен и не может быть исчерпан даже в ряде статей. Потребуются еще многие статьи и, несомненно, монографии, чтобы решить актуальные задачи, стоящие перед исторической, политэкономической, философской науками.

Но при всем этом хочется сказать авторам статьи, что нельзя не помнить того, что уже было предметом исследования в советской науке, и нельзя старые концепции, давно развенчанные и теорией и жизнью, гальванизировать и выдавать за нечто оригинальное.

Борьба за единый национальный фронт в Китае

(к 50-летию III съезда КПК)

В. И. Глушин,
кандидат исторических наук

Тактика единого национального фронта в Китае, разработанная Коминтерном в соответствии с ленинским учением о национально-освободительной революции, сыграла огромную роль в развитии и победе китайской революции. Опыт борьбы за осуществление этой тактики значительно обогатил теоретический и политический арсенал международного коммунистического движения. Этот опыт сохраняет свое значение и на современном этапе национально-освободительного движения. Его актуальность подтверждается также непрекращающимися попытками идейных противников ленинизма — от буржуазных идеологов до троцкистов и маоистов — опорочить тактическую линию Коминтерна в Китае¹. Вместе с тем история борьбы за единый национальный фронт в Китае убедительно демонстрирует исключительно важную роль интернационального фактора для становления и развития коммунистического движения как в самом Китае, так и в странах со схожей с ним социально-экономической структурой.

Одним из ярких примеров этого может служить III съезд КПК, состоявшийся 50 лет назад, в июне 1923 г. Съезд проходил в очень сложной и противоречивой обстановке временного поражения и спада рабочего движения, с одной стороны, и нараставшего антиимпериалистического подъема — с другой, в обстановке идейного и организационного разброда в партии и острой внутривнутрипартийной борьбы.

В то время китайские коммунисты только еще нащупывали пути к правильному осмысливанию общих проблем китайской революции, к выработке и проверке на практике политической программы, стратегии и тактики КПК в период буржуазно-демократической революции. Одним из самых трудных вопросов для КПК была теоретическая и тактическая проблема сочетания и взаимодействия национальных и классовых моментов революционного движения, то есть проблема единого национального антиимпериалистического фронта, находившая свое конкретное выражение в вопросе об отношении к национально-революционной группе гоминьдана, возглавляемой Сунь Ят-сенем.

Первоначально значительная часть руководящих кадров и актива партии, включая тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПК Чэнь Ду-сю, Чжан Го-тао и Цай Хэ-сэня, а также Мао Цзэ-дуна, имевших

¹ См. об этом, например, содержательную статью Л. А. Березного «Ленинская идея единого национального фронта и буржуазное китаеведение». — «Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература», 1973, № 2, выпуск 1, стр. 21—27.

превратные представления о характере и движущих силах китайской революции, заняли «лево»-сектантскую позицию в вопросе о едином фронте. I съезд КПК, исторической заслугой которого было организационное оформление политической партии китайского рабочего класса и принятие программных установок на завоевание диктатуры пролетариата и союз с мировым революционным движением, не смог решить вопроса о союзниках пролетариата в революции. Но в рядах партии имелась также и влиятельная группа сторонников ленинской тактики единого фронта, поддерживавших политику Коминтерна, — Ли Да-чжао, Цю Цю-бо, Чжан Тай-лэй и др. Благодаря разъяснительной работе и помощи Коминтерна, ВКП(б) и В. И. Ленина, а также усилиям интернационалистских сил в КПК II съезд партии (1922 г.) сумел преодолеть сопротивление сектантов и одобрить принципиальную установку Коминтерна на союз с революционными элементами гоминьдана, группировавшимися вокруг Сунь Ят-сена, при сохранении полной организационной самостоятельности и политической независимости КПК².

Однако, будучи неполностью уверенными в необходимости единого фронта, сектантски настроенные руководящие кадры партии всячески тормозили практическое осуществление тактики сотрудничества с гоминьданом. Чтобы преодолеть опасные «лево»-сектантские настроения в КПК, Коминтерну пришлось принять специальные постановления, конкретно развивавшие применительно к Китаю ленинские решения его II и IV конгрессов по национально-колониальному вопросу, — резолюцию ИККИ от 12 января 1923 г. «Об отношении Коммунистической партии Китая к партии гоминьдан» и «Директиву ИККИ III съезду Китайской компартии» от 24 мая 1923 г. В этих документах китайским коммунистам была предложена сформулированная в развернутом виде марксистско-ленинская трактовка таких кардинальных проблем китайской революции, как тактика единого фронта, крестьянский и военный вопросы³. Эти установки Коминтерна сыграли решающую роль в преодолении разброда в партии и помогли ее интернационалистским силам занять правильную позицию в той ожесточенной полемике, которая развернулась накануне и во время III съезда КПК между сторонниками и противниками единого фронта.

Осмысливание общих теоретических посылок, лежавших в основе тактики единого национального фронта, а также вытекавших из нее конкретных политических решений происходило внутри КПК довольно сложными путями, о чем свидетельствовало содержание легального политического еженедельника партии «Сяндао», решение об издании которого было принято II съездом КПК.

Сам факт издания «Сяндао» был определенным шагом вперед на пути к реализации идеи единого фронта. В заявлении от редакции, опубликованном в первом номере журнала, партия китайского пролетариата декларировала свою решимость вести последовательную борьбу против империализма и милитаризма, за демократизацию и национальное освобождение страны. Основные политические лозунги, провозглашенные журналом — «объединение, мир, свобода, независимость», — носили не классово-пролетарский, а общедемократический характер, они выражали волю «всего народа», а не одного какого-либо класса⁴.

² См.: В. И. Глунин. К 50-летию II съезда Коммунистической партии Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, стр. 118—128.

³ Анализ этих документов см.: В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае. — «Коминтерн и Восток». М., 1969, стр. 254—266.

⁴ «Сяндао», № 1, 1922, стр. 2.

Вместе с тем эти лозунги отражали и правильно понятые классовые интересы китайского пролетариата, его стремление к активному участию в общенациональной освободительной борьбе. Руководители КПК разъясняли, что достигнуть указанных целей можно только на путях решительной революционной борьбы, развертывания массовой пропаганды и организации, тесного сотрудничества с Советской Россией⁵.

Основные этапы борьбы за создание объединенного, демократического, независимого китайского государства представлялись руководству КПК в следующем виде:

- 1) организация «подлинно национальной армии»;
- 2) развертывание «политической войны», то есть «национальной революции», совместными силами двух основных классов (буржуазии и пролетариата);
- 3) образование «всекитайского единого демократического правительства»;
- 4) развитие экономики путем использования «государственного социализма», а не частнокапиталистического производства⁶.

Изложенный Чэнь Ду-сю план был заметным шагом к сближению позиций КПК и национально-революционной группировки Сунь Ят-сена, хотя необходимость союза между буржуазией и пролетариатом в интересах национальной революции понимали тогда далеко не все китайские коммунисты⁷.

В связи с тактикой единого фронта руководство КПК уделяло в этот период большое внимание теоретической разработке проблемы взаимоотношений между буржуазией и пролетариатом, роли и месту обоих классов в китайской революции. Особенно много на эту тему писали Чэнь Ду-сю и Цюй Цю-бо⁸. Эта же проблема так или иначе, особенно в связи со взаимоотношениями между КПК и гоминьданом, затрагивалась в многочисленных выступлениях Цай Хэ-сэня, Чжан Го-тао и других руководителей КПК, а также в статьях Сунь До⁹.

Теоретические воззрения всех руководителей КПК в этот период были весьма уязвимы для строгой научной марксистской критики. Но для нас в настоящее время более существенно отметить определенный прогресс в политических взглядах руководства КПК в сторону более трезвого понимания задач буржуазно-демократической революции в Китае, роли и значения рабочего класса, национальной буржуазии и революционно-демократической партии гоминьдан. Анализ первых 30 номеров журнала «Сяндао» (сентябрь 1922 — июнь 1923 г.) позволяет отчетливо выявить в отношении КПК к гоминьдану по крайней мере две

⁵ (Чэнь) Ду-сю. Федерация самоуправляющихся провинций и политическое положение Китая. — «Сяндао», № 1, 1922, стр. 2—4; (Цай) Хэ-сэнь. Объединительный заем и гоминьдан. — Там же, стр. 4—6.

⁶ (Чэнь) Ду-сю. О строительстве государства. — «Сяндао», № 2, 1922, стр. 9—10.

⁷ Л. П. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, стр. 76.

⁸ См.: (Чэнь) Ду-сю. Буржуазная революция и революционная буржуазия. — «Сяндао», № 22, 1923, стр. 162—164; Чэнь Ду-сю. Национальная революция в Китае и классы китайского общества. — «Цяньфэн», 1923, № 2, стр. 1—9; Цюй Цю-бо. Современный китайский парламентаризм и милитаристы. — «Цяньфэн», 1923, № 1, стр. 10—23; Цюй Вэй-то. Развитие китайской буржуазии. — Там же, стр. 23—39; Цюй Вэй-то. Методы империалистической агрессии в Китае. — Там же, стр. 40—50; Цюй Вэй-то. Восточная культура и мировая революция. — «Синь циннянь», № 1, 1923, стр. 67—76; Цюй Цю-бо. От демократизма к социализму. — «Синь циннянь», № 2, 1923, стр. 79—102.

⁹ Под этим псевдонимом, возможно, выступал Г. Маринг. Последняя из статей, опубликованных за подписью Сунь До в «Сяндао», появилась в журнале № 33 от 18. VII. 1923 г. К этому же времени относится и отъезд Маринга из Китая.

основные тенденции. Во-первых, достаточно ясно различимое сближение политических позиций КПК и Сунь Ят-сена. Во-вторых, столь же отчетливое критическое отношение китайских коммунистов к теории и практике суньятсенизма, к политической программе и тактике гоминьдана, стремление КПК «толкать гоминьдан влево», к сближению с народными массами, с китайским и международным пролетариатом. Вместе с тем в ряде критических выступлений руководителей КПК в адрес гоминьдана по-прежнему сквозили «лево»-сектантские нотки. Особенно это относится к статьям Цай Хэ-сэня и Чжан Го-тао, хотя по ряду вопросов они открыто полемизировали друг с другом¹⁰.

Имевшиеся в КПК разногласия по вопросу о тактике единого фронта дали себя знать и на III съезде партии.

III съезд КПК проходил легально в Кантоне с 10 по 19 июня 1923 г. В работе съезда принимали участие 30 делегатов, в том числе 19 делегатов с решающим голосом¹¹ (40 голосов), представлявших 420 членов партии¹², и «неофициальные» делегаты. В числе делегатов съезда были Ли Да-чжао, Мао Цзэ-дун, Цай Хэ-сэнь, Цюй Цю-бо, Чжан Го-тао, Чжан Тай-лэй, Чэнь Ду-сю. На съезде были представлены партийные организации Пекина, Шанхая, Кантона, Чанша, Пиншаня, Ханькоу, Цзинани, Пукоу, Ханчжоу, Таньшаня, Чансиньдяня, Харбина и Москвы (китайские студенты, обучавшиеся в Советской России). Представителем от Коминтерна на съезде был Г. Маринг.

Повестка дня съезда включала следующие вопросы: 1) тактика партии, 2) программа партии, 3) аграрный вопрос, 4) постановка профсоюзной пропаганды, 5) молодежное и женское движение, 6) урегулирование конфликтов в партийных организациях Пекина, Ханькоу и Кантона, 7) регламент партии и ЦК. Главным был, конечно, вопрос о тактике партии, то есть о вступлении коммунистов в гоминьдан, хотя он обсуждался в конце съезда.

По стоявшим в повестке дня вопросам форум китайских коммунистов принял следующие решения: 1) декларацию III съезда КПК, 2) резолюцию по докладу делегата от партии на IV конгрессе Коминтерна, 3) об отношении к национальному движению и гоминьдану, 4) о рабочем движении, 5) по аграрному вопросу, 6) о движении молодежи, 7) о женском движении, 8) о пропаганде и просвещении, 9) изменения в Уставе партии. Из всех решений была опубликована только декларация¹³.

С отчетным докладом на съезде выступил Чэнь Ду-сю. Состояние партии в его докладе характеризовалось следующими данными: из 420 членов партии, имевшихся к началу съезда, за первые пять месяцев 1923 г. вступило 200 человек, то есть около половины; 40% членов партии составляли рабочие, причем из 164 рабочих-коммунистов 130 вступили в партию в 1923 г. Таким образом, широкий (по тогдашним масштабам) приток рабочих в партию начался только в 1923 г. Около 10%

¹⁰ См., например: (Ч ж а н) Г о - т а о. Должен ли гоминьдан вновь создать революционное правительство? — «Сяндао», № 10, 1922, стр. 80—81. О борьбе в КПК по вопросу о тактике единого фронта и о роли Коминтерна в этой борьбе см. подробнее: В. И. Глушин. Помощь Коминтерна Коммунистической партии Китая в разработке тактики единого фронта (1920—1923 гг.). — «Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна», М., 1969, стр. 263—288.

¹¹ По другим данным, 17 делегатов с решающим голосом (см. «Минбао», 1966, № 10, стр. 78).

¹² Из них в Хунани имелось 84 члена партии, в Пекине — 81, в Шанхае — 74, в Хубэе — 63, в Кантоне — 44.

¹³ См. «Сяндао», № 30, 1923, стр. 228.

членов партии (37 человек) составляли женщины, более 10% (44 человека) находились за границей, 10 человек — в тюрьмах.

Улучшение в первой половине 1923 г. социального состава партии, судя по докладу Чэнь Ду-сю, было результатом кратковременного подъема рабочего движения в 1922 — начале 1923 г. и не вызывало у докладчика большого оптимизма, так как в целом связи партии с рабочим классом ко времени созыва съезда ослабли. Рабочее движение в Шанхае шло «с невероятным трудом». Партийные организации на Пекин-Ханькоуской ж. д. распались, а на Пекин-Пукоуской ж. д. стали «пустой формой». Лишь в Хубэе и Хунани коммунисты сохранили влияние на профсоюзы. Внутри партии также явственно ощущался холодок в отношениях между рабочими и интеллигенцией. КПК уделяла мало внимания крестьянскому движению, молодежи, не вела совсем работы среди солдат.

Большую тревогу у докладчика вызывали разобщенность, групповщина, фракционность внутри партии. В партийных организациях, по словам Чэнь Ду-сю, существовала «сильная индивидуалистическая тенденция», «члены часто не вполне доверяют партии», среди коммунистов распространена взаимная подозрительность, нет чувства товарищества. Коммунисты, как правило, не платили членских взносов, и поступления в партийную кассу были «ничтожны»; расходы КПК почти целиком покрывались из внешних источников.

Говоря о тактике партии, Чэнь Ду-сю в своем отчетном докладе заявил, что раньше политика КПК была «идеалистична и фантастична» и лишь под влиянием Коминтерна опустилась с небес на землю. В частности, большой популярностью пользовался призыв КПК к борьбе с милитаризмом, в то время как лозунг антиимпериалистического движения «не оказал еще большого влияния». В целом же, подвел итог докладчик, «наша политическая концепция не ясна». Хотя партия уже определила свою позицию в поддержку национально-революционного движения, однако оставались невыясненными формы и методы этой поддержки. По этому вопросу среди коммунистов имелись серьезные разногласия, часть их, в частности, сопротивлялась вступлению в гоминьдан. Вследствие глубоких расхождений по тактическим вопросам в руководстве партии Чэнь Ду-сю не смог сообщить съезду единого мнения ЦК.

Программы партии, как намечалось, III съезд не принял. Проект программы был по поручению ЦК составлен Цюй Цю-бо. Текст проекта до нас не дошел, но отдельные выдержки из него, приведенные в работе Цюй Цю-бо «Спорные проблемы китайской революции», заслуживают внимания. «В этой революции,— писал Цюй Цю-бо,— только пролетариат является единственной самой реальной, самой передовой и самой последовательной силой... Без участия крестьянства невозможна победа революции... Пролетариат должен приложить все усилия к участию и содействию развитию национальной революции, поднятию сознательности крестьянства и вместе с ним контролировать буржуазию, которая является непоследовательной силой»¹⁴. При этом Цюй Цю-бо исходил из правильной предпосылки, что буржуазно-демократическая революция в Китае носит антиимпериалистический и антифеодальный характер. Чэнь Ду-сю, видимо, в целом одобрил проект, но внес в него ряд поправок, сглаживавших категорические формулировки Цюй Цю-бо о роли пролетариата, крестьянства и буржуазии¹⁵. Но дискуссии по проекту

¹⁴ Цюй Цю-бо. Спорные вопросы китайской революции (на кит. яз.), Б. м., 1928, стр. 93.

¹⁵ Там же.

программы на съезде не было. По словам Маринга, «конференция, чувствуя, что ее силы недостаточны для обсуждения, решила послать его (проект) местным группам для обсуждения и в исправленном виде послать в Москву для окончательного решения». Фактически же проект был похоронен, и к нему больше не возвращались.

Не было на съезде серьезного разговора и по аграрному вопросу, несмотря на то что он впервые включался в повестку дня всекитайского съезда КПК. Как сообщал Маринг, материал по аграрному вопросу, представленный съезду, «был очень ограничен, состоял из информации с мест и статьи Чэнь Ду-сю»¹⁶. В краткой резолюции по аграрному вопросу съезд ограничился констатацией того, что «жизнь крестьян становится все тяжелее», благодаря чему «дух мятежа растет в крестьянстве. Выступления против налогов и арендной платы свидетельствуют о мятежном духе». Исходя из этой посылки, было принято общее «решение об организации бедняков, арендаторов и батраков для борьбы с империалистами, которые оккупировали Китай, и для свержения милитаристов и развращенных чиновников, а также для выступления против джентри с целью охраны интересов земледельческого населения и для укрепления национального движения». Никаких конкретных мер для решения аграрного вопроса резолюция не предлагала. Более того, были даже сняты требования сокращения налогов и снижения арендной платы, утвержденные на II съезде КПК. III съезд, следовательно, в крестьянском вопросе сделал шаг назад»¹⁷.

В резолюциях по рабочему, молодежному и женскому движению также не содержалось ничего принципиально нового по сравнению с развернутыми решениями II съезда. В резолюции по рабочему движению вследствие изменившейся обстановки уточнялось, что «китайское рабочее движение может теперь придерживаться лишь оборонительной тактики», и это было совершенно правильно. Съезд внес частичные изменения в Устав партии. Впервые был введен кандидатский стаж: 3 месяца для рабочих и 6 месяцев для остальных. Был также расширен состав ЦК до 9 членов и 4 кандидатов (но избрано было 5 кандидатов).

В резолюции по докладу делегата КПК на IV конгрессе Коминтерна был подтвержден принятый II съездом партии лозунг защиты Советской России от посягательств империалистов, в связи с чем было указано, что это является «самой важной задачей для мирового пролетариата». В резолюции также содержалось обязательство КПК «выполнить все решения IV конгресса». В соответствии с этими решениями съезд особо подчеркнул «двойную задачу, возложенную на пролетариат колоний и полуколоний: с одной стороны, бороться за национальную революцию, за победу национальной независимости и, с другой стороны, организовать рабочих и крестьян для борьбы за их классовые интересы и использовать антагонизм, существующий в буржуазно-демократическом лагере».

Главная дискуссия на съезде развернулась вокруг вопроса о вступлении коммунистов в гоминьдан. Основой дискуссии служила резолюция ИККИ от 12 января 1923 г. Директива ИККИ III съезду КПК была доставлена в Китай лишь через месяц после его окончания и, естествен-

¹⁶ Маринг, вероятно, имел в виду статью Чэнь Ду-сю «Крестьянский вопрос в Китае», опубликованную 1 июля 1923 г. в журнале «Цяньфэн» № 1. В другом документе Маринг сообщал, что Чэнь Ду-сю «сделал интересный доклад о крестьянском движении», но вероятнее всего, что и в этом случае он имел в виду упомянутую статью Чэнь Ду-сю, так как никаких упоминаний о докладе в других материалах о III съезде нет.

¹⁷ Подробно об аграрной политике КПК в период III съезда см.: Л. П. Делюс и н. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, стр. 75—97.

но, не оказала на работу форума китайских коммунистов никакого влияния¹⁸.

Г. Маринг обрисовал круг дискуссионных проблем следующим образом: «а) должны ли мы стать членами гоминьдана или служить национально-революционному движению концентрацией наших сил; б) должны ли мы надеяться на массовые рабочие организации; в) имеет ли китайская буржуазия революционное значение или все придет от рабочих и крестьян». Проблема вступления в гоминьдан, таким образом, связывала в тугой узел целый комплекс коренных вопросов китайской революции, не сходявших с повестки дня в течение двух с лишним десятилетий.

Дискуссия на III съезде о форме и тактике единого фронта представляет огромный интерес не только потому, что на ней обсуждался целый ряд важных проблем. Маоистская историография, систематически фальсифицирующая историю борьбы двух линий в КПК, в угоду культу личности и «особому курсу» Мао Цзэ-дуна представляет в совершенно искаженном виде и эту дискуссию. Китайская историко-партийная и пропагандистская литература утверждает, что на съезде якобы произошло столкновение трех течений: «марксистско-ленинского большинства» во главе, конечно, с Мао Цзэ-дуном, которое дало отпор «правому оппортунизму» Чэнь Ду-сю и «левому» оппортунизму Чжан Го-тао, обеспечив тем самым принятие правильных решений. С действительно правильными и имевшими большое историческое значение резолюциями III съезда маоистская историография связывает также возникновение якобы «пролетарской» линии Мао Цзэ-дуна. В подтверждение этой версии, однако, не приводится никаких фактов. Что касается роли Коминтерна в подготовке и проведении съезда, то она старательно замалчивается либо значительно приуменьшается и извращается¹⁹.

В действительности на съезде вели между собой борьбу две основные группировки: большинство, включавшее Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэя и др., а также представителя Коминтерна Г. Маринга, отстаивавшее указанные выше рекомендации ИККИ, и меньшинство во главе с Чжан Го-тао и Цай Хэ-сэнем, атаковавшее линию Коминтерна с «лево»-сектантских позиций²⁰.

Позиция Чэнь Ду-сю в изложении Г. Маринга выглядела так: «Чэнь Ду-сю выработал детальные тезисы согласно тезисам» Коминтерна²¹ — «развить гоминьдан по всей стране», «критиковать гоминьдан за его феодальную тактику», «толкнуть и направить эту партию на путь революционной пропаганды, образовать в ней левое крыло из рабочих и крестьян. Массовая партия из рабочих — это утопия. Крестьяне (он сделал интересный доклад о крестьянском движении) могут быть теперь только на стороне национального движения. Мы будем продолжать нашу организационную работу среди профсоюзных организаций, но мы должны знать, что политические интересы рабочих выразятся в национальном

¹⁸ Утверждение Дова Бинга, будто Маринг, возвращаясь из Москвы в Китай «в мае 1923 г.» после консультации с ИККИ по китайскому вопросу, «имел в кармане» директиву от 24 мая (см.: D o v B i n g. S p e e c h e s a n d t h e E a r l y Y e a r s o f t h e C C P. — "The China Quarterly", 1971, № 48, p. 694), не соответствует действительности, так как Маринг уже в середине апреля прибыл в Кантон.

¹⁹ Ху Ця-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. Пекин, 1952, стр. 11—12; Мяо Чу-хуан. Краткая история Коммунистической партии Китая. М., 1958; стр. 29—30; Хэ Гань-чжун. История современной китайской революции. М., 1959, стр. 100—105.

²⁰ См. «Минбао», 1966, № 10, стр. 78—81.

²¹ То есть резолюции ИККИ от 12. I. 1923.

движении. Рабочие, имеющие какие-либо политические интересы, должны поддерживать левое крыло гоминьдана. Наша партия остается как сильно централизованная организация, которая по всему Китаю будет работать за национальное движение». Аналогичную точку зрения развивал и Ли Да-чжао в статье «Распространить гоминьдан по всей стране», опубликованной 18 апреля 1923 г.²²

Что же противопоставляли позиции большинства и линии Коминтерна «левые» во главе с Чжан Го-тао и Цай Хэ-сэнем? Исходной посылкой их оппозиции вхождению в гоминьдан и вообще единому фронту с буржуазией было убеждение, что главной и фактически единственной целью национальной революции в Китае является борьба против империалистического господства. Они отрицали засилье феодальных пережитков в экономической и политической жизни страны и, следовательно, антифеодальные задачи революции. Преувеличивая уровень капиталистического развития Китая и степень классовой дифференциации, они пришли к ложному выводу, будто главной целью китайского рабочего класса является борьба одновременно против иностранной и отечественной буржуазии. Из этой концепции логически следовало утверждение, что китайская национальная буржуазия не может играть революционную роль, а потому вся революционная работа ложится на плечи одного только пролетариата и его партии. Чжан Го-тао заявил на съезде: «Мы не можем ожидать, что буржуазия будет играть революционную роль и будет бороться против империалистов». Аналогичной точки зрения придерживался и Цай Хэ-сэнь, подчеркивавший, что «буржуазия не будет иметь революционного значения», что нужно создать «Независимую рабочую партию». Хотя формально «левые» вели на съезде спор лишь против якобы «чрезмерного увлечения» гоминьданом и, памятуя об указаниях ИККИ, соглашались на вступление части коммунистов в наиболее влиятельные гоминьдановские организации, чтобы «кое-что получить» от них, то есть отобрать у них массы, по существу же, сторонники этой политической платформы были принципиальными противниками тактики единого фронта²³.

Мао Цзэ-дун, выступая в прениях по вопросу о вступлении в гоминьдан, заявил, что «не только невозможна массовая организация из рабочих, созданная коммунистами, но и национальная партия (то есть гоминьдан.— В. Г.) не сможет создать такой организации», сейчас невозможно создать «ни национальной, ни коммунистической массовой партии», «капитализм в Китае может быть только иностранного характера», «революцию в Китай может принести с собой только русская армия с севера», «только через военную деятельность, которая была бы поддержана Советской Россией, может быть осуществлена революция в Китае». Мао Цзэ-дун утверждал также, будто «рабочие не имеют никаких политических интересов». Подобную теоретическую и политическую путаницу трудно квалифицировать иначе, как самое настоящее ликвидаторство. И в этом смысле Мао Цзэ-дун шел намного дальше, чем даже «левые» сектанты вроде Чжан Го-тао. Мао Цзэ-дун вначале поддержал резолюцию «левых», внесенную Чжан Го-тао. Но когда она была от-

²² «Сяндао», № 21, стр. 154—155.

²³ Попытка Цай Хэ-сэня задним числом снять с себя и Чжан Го-тао справедливое обвинение в «детской болезни» «левизны», предпринятая в известной работе «История оппортунизма в Коммунистической партии Китая», является совершенно необоснованной («Проблемы Китая», № 1, 1929, стр. 4—5). То же самое относится и к Чжан Го-тао, который в своих мемуарах вновь подверг нападкам линию Коминтерна на вступление коммунистов в гоминьдан под флагом критики Маринга. См. «Минбао», 1966, № 10, стр. 78—81.

вергнута большинством, Мао проголосовал за резолюцию Чэнь Ду-сю²⁴.

Резолюция «Об отношении к национальному движению и гоминьдану», подготовленная Чэнь Ду-сю, собрала 21 голос, против было подано 16 голосов. Как видим, вопрос о вступлении коммунистов в гоминьдан был решен на III съезде положительно незначительным большинством, что отражало сильную оппозицию в партии этому решению. После голосования Цай Хэ-сэнь заявил, что «подчиняется решению большинства», и только Чжан Го-тао остался непреклонен²⁵, в результате чего он был забаллотирован при выборах нового состава ЦК, получив всего 6 голосов.

Ввиду того что позиция большинства III съезда и линия Коминтерна грубо фальсифицируется китайской историографией, целесообразно подробнее рассмотреть эту основную резолюцию съезда²⁶.

Общей исходной посылкой тактических решений III съезда КПК было понимание того, что «в настоящее время правящим классом в Китае являются феодалы-милитаристы, а не буржуазный класс», в стране на данном этапе «возможна только национальная революция», а не пролетарская социалистическая революция. «Поэтому полуколониальный Китай должен считать национально-революционное движение своей центральной задачей с целью сбросить внешний и внутренний гнет».

Тактика вступления в гоминьдан обосновывалась, во-первых, необходимостью избежать раскола единого фронта, во-вторых, невозможностью вследствие слабости рабочего движения создать пока массовую компартию, которая могла бы быть готовой к революции в ближайшем будущем. Важно также отметить, что III съезд отнюдь не идеализировал гоминьдан, считая его «только относительно национально-революционной партией». Приведем тактическую аргументацию съезда в пользу вступления в гоминьдан полностью:

«3. Согласно существующим социальным условиям в настоящее время в Китае, рекомендуется образовать сильную централизованную партию — штаб национально-революционного движения. Среди политических партий, существующих в настоящее время в Китае, гоминьдан можно считать только относительно национально-революционной партией; в то же самое время очень трудно создать новую, более широкую и более революционную партию, чем гоминьдан, принимая во внимание разнородность общественных классов. Даже если бы нам удалось создать такую партию, то мы таким путем произвели бы раскол в едином фронте и (нанесли бы ущерб) концентрации национально-революционных сил.

4. В результате отсталости китайской промышленности рабочий класс еще находится в периоде детства. Концепция рабочих еще соответствует патриархальному обществу — аполитичность еще очень сильна. Только очень малое количество промышленных рабочих видит необходимость национального движения, а рабочих, которые могли бы понять коммунизм и необходимость коммунистической партии, еще меньше. Поэтому рабочее движение не стало той социальной независимой силой, которая поняла бы необходимость национально-революционного движения в настоящее время в Китае.

²⁴ «Минбао», 1966, № 10, стр. 79—80.

²⁵ Там же, стр. 79.

²⁶ Примечательно, что основная резолюция не включена ни в один из сборников документов по истории КПК, изданных в КНР. Выдержки из резолюции цитируются рядом буржуазных авторов на основании обвинительного акта против коммунистов, направленного в июне 1924 г. правыми гоминьдановцами Сунь Ят-сену. См.: Ван Цзянь-минь. Очерки истории КПК (на кит. яз.). Тайбэй, 1965, т. 1, стр. 80, 120—125.

5. Ввиду того что рабочий класс не является еще сильной и крупной силой, понятно, что невозможно развить сильную компартию — массовую партию, которая в силах была бы встретить необходимость революции в ближайшем будущем. Исходя из этого, ЦК КПК решил, что деятельность компартии и гоминьдана должна быть объединена и все коммунисты должны вступить в гоминьдан. ЦК КПК, признавая необходимость этого решил провести в жизнь это решение».

Содержание основной резолюции III съезда полностью опровергает также утверждения «левых», маоистов и троцкистов о том, будто Г. Маринг, Чэнь Ду-сю и другие «правые оппортунисты» вели дело к растворению компартии в гоминьдане, превращали партию в политический придаток последнего. В резолюции категорически подчеркивалось, что КПК полностью сохраняет свою организационную и политическую независимость, сохраняет право критики гоминьдана, готовит фундамент для будущей массовой коммунистической партии.

«6. Хотя мы вступаем в гоминьдан, но мы должны остаться самостоятельной организацией, и мы должны приложить все усилия для вовлечения в нашу партию революционных и классово-сознательных элементов из рабочих организаций и из левого крыла гоминьдана для постепенного увеличения нашей партии и введения строгой дисциплины, создавая фундамент для сильной и большой коммунистической массовой партии.

7. Внутри гоминьдана мы должны уделить внимание следующим 4-м * пунктам:

а) в политической пропаганде мы сохраняем за собой условие отказа от каких бы то ни было компромиссов с империалистами и милитаристами;

б) мы должны помешать гоминьдану в концентрации всех своих сил на военных действиях, пренебрегая политической пропагандой в массах; мы также должны бороться против тенденции компромиссов в политической деятельности, имеющейся в части гоминьдана, и против реформистских тенденций в рабочем движении;

в) члены Китайской коммунистической партии и (Союза) социалистической молодежи, вступившие в гоминьдан, должны действовать обща как в своих выступлениях, так и в действиях.

8. Мы должны стараться расширить гоминьдан по всему Китаю и концентрировать все революционные силы Китая в гоминьдане, чтобы справиться с нуждами китайской революции. В то же самое время нашей специальной задачей является создание независимой организации — Всекитайского генерального профсоюза — для борьбы на экономическом и политическом фронтах.

...Необходимо также развить общую пропаганду среди масс за необходимость защиты интересов рабочего класса в национальном движении».

Критическое отношение КПК к гоминьдану ничуть не скрывалось и в декларации III съезда. Так же как и в резолюции о вступлении в гоминьдан, в этом документе подчеркивалось, что сотрудничество КПК с гоминьданом может стать успешным лишь в том случае, если «китайский гоминьдан решительно порвет со своими прошлыми взглядами», то есть в корне изменит свою политическую ориентацию. В декларации говорилось:

«Партия гоминьдан должна быть центральной силой национальной революции и занимать в ней руководящее положение. К сожалению, ки-

* Так в тексте.

тайский гоминьдан постоянно придерживается следующих двух ошибочных взглядов: 1) он возлагает надежды на помощь китайской национальной революции извне (то есть империалистических держав.— В. Г.). Подобным исканием помощи у врагов он не только теряет лицо лидера национальной революции, но и ведет народ к зависимости от иностранных сил, вследствие чего подрывает веру нации в свои силы и независимость; 2) он концентрирует все свои силы на военных акциях и пренебрегает пропагандой среди масс. Вследствие этого, если он будет полагаться только на военные дела, он не только потеряет положение политического руководителя, но и не сможет обеспечить себе симпатии со стороны всего народа и никогда не добьется успеха.

Мы по-прежнему верим, что все революционные элементы общества сконцентрируются в гоминьдане в целях обеспечения быстреего развития национально-революционного движения. В то же время мы надеемся, что китайский гоминьдан решительно порвет со своими прошлыми взглядами опоры на иностранные силы и военные акции, уделит большее внимание политической пропаганде среди масс и не будет пренебрегать ни одной возможностью этой пропаганды, с тем чтобы стать действительно центральной силой борьбы за счастье нации и занять руководящее положение в национальной революции.

Коммунистическая партия Китая, учитывая политическую и экономическую обстановку в мире и внутри страны, а также нужды и требования общественных классов страны (рабочих, крестьян, торговцев и промышленников), считает, что Китаю настоятельно необходима национальная революция. При этом мы не можем ни на йоту пренебрегать защитой насущных интересов рабочих и крестьян. Наша особая задача — пропаганда среди рабочих и крестьян и организация их»²⁷.

Дополнительной гарантией организационной и политической самостоятельности коммунистов, работавших в гоминьдане, должно было служить внесенное Чэнь Ду-сю и принятое съездом без обсуждения предложение о партийных фракциях внутри гоминьдана. Это предложение предусматривало, что все коммунисты, функционирующие в гоминьдане, должны войти в коммунистические партийные фракции с целью обеспечения единства своих действий и выступлений внутри гоминьдана²⁸.

В состав нового ЦК партии были избраны (перечисляются в соответствии с числом полученных за них голосов): Чэнь Ду-сю (40), Ли Да-чжао (37), Цай Хэ-сэнь (37), Ван Хэ-бо (34), Мао Цзэ-дун (34), Чжу Шао-лян (32), Тань Пин-шань (30), Хуан Дэ-лун (27), Ло Чжан-лун (25); кандидатами — Дэн Чжун-ся, Ли Хань-цзюнь, Сюй Мэй-чун, Тэн Цзо-чан (Дэн Пэй), Чжан Лян-гун. Новым в составе ЦК было то, что в него впервые вошли рабочие (6 человек из 14: Ван Хэ-бо, Сюй Мэй-чун, Тэн Цзо-чан, Хуан Дэ-лун, Чжан Лян-гун, Чжу Шао-лян). В составе ЦК было образовано Центральное Бюро из 5 человек (Чэнь Ду-сю — председатель Бюро, Мао Цзэ-дун — секретарь, Ло Чжан-лун — казначей)²⁹. Генеральным секретарем ЦК КПК в третий раз избран Чэнь Ду-сю; за Цай Хэ-сэнем были сохранены посты заве-

²⁷ «Справочные материалы по истории китайской революции» (на кит. яз.). Пекин, 1957, вып. 1, стр. 38—39; «Сяндао», № 30, стр. 228.

²⁸ «Минбао», 1966, № 10, стр. 79.

²⁹ Именно это Бюро большинством авторов ошибочно принимается за новый ЦК. Сведения некоторых авторов об избрании в ЦК Цюй Цю-бо документами не подтверждаются. Сам Цюй Цю-бо в своих предсмертных записках, составленных в гоминьдановской тюрьме, сообщает о своем избрании в ЦК КПК на IV, а не на III съезде партии. См.: Х а т а н о К э н т и. История КПК (на японск. яз.). Токио, т. 5, 1961, стр. 114.

дующего отделом пропаганды и редактора центрального политического журнала «Сяндао»; пост заведующего организационным отделом ЦК перешел от Чжан Го-тао к Мао Цзэ-дуну; Цюй Цю-бо было поручено редактирование центрального теоретического журнала «Синь циньнянь» и нового теоретического журнала «Цяньфэн».

III съезд КПК, проходивший в острой борьбе интернационалистского партийного ядра против «левых» оппортунистов, включая Мао Цзэ-дуна, сыграл крупную роль в жизни партии и истории китайской революции. Его решения, принятые в соответствии с рекомендациями Коминтерна, явились одной из важных предпосылок, обеспечивших организационное оформление единого фронта, открывших коммунистам дорогу к массам рабочих и крестьян и выведящих молодую партию китайского пролетариата из состояния изоляции на арену широкой политической борьбы. Вместе с тем ход и результаты этого съезда еще раз подтвердили, насколько большое, поистине жизненно важное значение для Коммунистической партии Китая, для судеб китайской революции имели тесные связи и сотрудничество с международным коммунистическим движением, а именно помощь Коминтерна в преодолении различных антипролетарских течений в рядах партии, в разработке марксистско-ленинской стратегии и тактики китайского национально-освободительного движения.

Советские ученые о чжурчжэнях

Э. В. Шавкунов,

кандидат исторических наук

История чжурчжэней, равно как и история их предшественников, мохэсцев и бохайцев, еще сравнительно недавно была известна в самых общих чертах, да и то лишь в пределах тех немногочисленных сведений, которые сохранились до наших дней на страницах китайских письменных источников. Если же учесть, что эти письменные источники не отличались полнотой и объективностью (особенно когда речь шла о соседних некитайских народах и племенах), то нетрудно представить себе, насколько порой могут быть далеки от истины те или иные факты и события, которые, как об этом в свое время предупреждал выдающийся русский ученый-востоковед В. П. Васильев, очень часто намеренно искажались в интересах правящей династии¹.

Справедливости ради необходимо отметить, что иногда подобные искажения фактов вызывались и чисто субъективным восприятием реальной действительности со стороны древних летописцев. Приведем хотя бы такой пример. Предводитель чжурчжэней Угунай с целью повышения боеспособности своих войск предпринял массовую закупку железа и железного оружия. Данный факт был расценен летописцем не больше и не меньше как отсутствие в XI в. у чжурчжэней собственного железа². А это в свою очередь дало основание некоторым буржуазным исследователям считать, что расцвет каменного века на территории Приморья и соседней с ним Маньчжурии приходился непосредственно на добохайский период, т. е. на V—VII вв. н. э., когда здесь обитали племена мохэ³, предки бохайцев и чжурчжэней.

Между тем, как показали результаты археологических исследований последних лет, железо на территории Дальнего Востока стало известным еще в начале первого тыс. до н. э. Что касается чжурчжэней, то они в IX в. имели уже вполне налаженное железоплавильное и кузнечное производство, о чем свидетельствует не только обилие шлаков, но также железных орудий труда, оружия и просто обломков железных предметов, найденных на городищах указанного периода. Открытие же на Шайгинском городище, расположенном в долине р. Сучан на юге Примор-

¹ В. П. Васильев. Сведения о маньчжурах во времена династии Юань и Мин. — «Годичный акт С.-Петербургского университета. 1858», СПб., 1859, стр. 101.

² А. Г. М а л я в к и н. Цзин-ши. — «Сборник научных работ пржевальцев». Харбин, 1942, стр. 44.

³ А. В. Гребеншиков. К изучению истории Амурского края по данным археологии. — Юбилейный сборник «Музей Общества изучения Амурского края за первые 25 лет своего существования». Владивосток, 1916, стр. 57; В. К. Арсениев. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края. Соч., т. IV, Владивосток, 1947, стр. 279.

ского края и датируемом концом XII — началом XIII вв., ремесленных мастерских с развитой системой плавильных печей и горнов и, как показал анализ археологических находок, со сложной технологией обработки цветных и черных металлов, а также довольно широкий ассортимент железных изделий и следов железоплавильного производства, обнаруженных на мохэских поселениях VI—VII вв.⁴, свидетельствует лишь о том, что как чжурчжэни, так и предшествующие им мохэские племена не только знали и имели в достаточных количествах железо, но и умели получать его из местных руд.

Некритическое восприятие со стороны некоторых современных исследователей работ маньчжуро-китайских придворных историографов также способствовало появлению различного рода несуразностей. В подтверждение этому можно привести такой пример. Установив свое господство в Китае, маньчжурские императоры вынуждены были вести жестокую борьбу с оппозиционно настроенными против иноязычного владычества кругами китайской общественности. Чтобы обосновать законность прихода к власти в Китае маньчжурской династии Цин и, согласно тексту одного из указов маньчжурского императора Юнчжэна (1723—1736 гг.), «внушить народу должное уважение к своим правителям и предкам»⁵, вновь были переизданы и значительно переработаны династийные хроники. При этом многие исторические факты и события подвергались умышленной фальсификации и искажениям. Именно с этой целью маньчжурские историографы всеми правдами и неправдами стремились доказать, что чжурчжэни, а следовательно, и маньчжурский правящий дом, берут свое происхождение от древних племен сушеней, т. е. чуть ли не со времен легендарных китайских императоров Яо и Шуня. А для того, чтобы придать этой концепции большую весомость, были предприняты попытки на филологической основе доказать тождество древнего названия «сушень» с названиями «чжушень», «чжуличжэнь», «чжурчжэнь»⁶. Впоследствии эта гипотеза была воспринята многими западными исследователями как непреложный факт.

Как раньше, так и теперь имелись также попытки связать с древним этнонимом «сушень» происхождение этнонима «чосон»⁷ — древнего названия Корейского полуострова и населявших его племен.

Однако трудно согласиться с доводами сторонников как первой, так и второй точек зрения, поскольку локализация древних сушеней на территории современной Маньчжурии находится в явном противоречии с данными древнекитайских письменных источников.

Согласно «Истории Поздней Хань» («Хоуханьшу»), сушени представляли собой одно из племенных объединений «дун и», т. е. «восточных иноземцев», и во времена иньского императора У-и (1198—1194 гг. до н. э.) проживали в долинах рек Хуай и Дай⁸. Иначе говоря, они занимали территорию к югу от устья реки Хуанхэ в районе Китайской низменности около гор Тайшань и, возможно, частично на полуострове Шань-

⁴ Ж. В. Андреева. Основные этапы развития культур железного века в Приморье. — Сб. «Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока». Владивосток, 1965, стр. 68—69; е е ж е. «Древнее Приморье. Железный век». М., «Наука», 1970, стр. 129.

⁵ С. Л. Тихвинский. Маньчжурское владычество в Китае. — Сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 13.

⁶ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 258; А. В. Гребеншиков. В Бутху и Мэргень по р. Нонни. «Вестник Азии», 1910, № 4, стр. 153—154.

⁷ Л. Р. Концевич. Исторические названия Кореи. — Сб. «Этнонимы». М., 1970, стр. 67—68.

⁸ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах..., стр. 221.

дун. Вопрос о расселении в раннечжоуское время племен группы «дун и» примерно в этом же плане решает и М. В. Крюков на основании результатов анализа этнонимов, зафиксированных в письменных памятниках древних китайцев. При этом он отмечает, что древние китайцы подразделяли соседние с ними «варварские» племена на четыре основные группы по сторонам света. Такая «четырёхполюсная модель эйкумены», — пишет М. В. Крюков, — сохранилась и в ханьское время», но в связи со значительным расширением к этому времени границ Китайской империи «се восточный полюс был искусственно сдвинут к северо-востоку, в пределы современной Маньчжурии»⁹. Так же искусственно племена Маньчжурии и Корейского полуострова были причислены к группе «дун и», а вслед за этим на некоторые из них были даже перенесены и этнонимы, принадлежавшие когда-то соседним с Инь и Чжоу восточным «иноземцам». Именно так обстояло дело с названием «сушень»¹⁰, ставшим уже во времена династии Поздняя Хань своего рода синонимом этнонима «нлоу».

Все это может свидетельствовать лишь о неправомерности какого-либо отождествления этнонимов «сушень» и «чжурчжэнь». Вместе с тем приведенные выше примеры показывают, к каким ошибочным выводам можно прийти без критического восприятия летописного материала, без перепроверки его на материалах археологических исследований. Игнорирование или просто недооценка открытых марксизмом-ленинизмом основных закономерностей развития человеческого общества, стремление со стороны реакционных буржуазных исследователей во что бы то ни стало опровергнуть марксистское понимание общественного прогресса способствовали появлению огромного количества разнообразных антинаучных теорий, мешали выработке единой точки зрения по кардинальным вопросам истории советского Дальнего Востока.

Особенно большую путаницу внесли буржуазные исследователи в вопросы об условиях и предпосылках возникновения средневековых государственных объединений на территории советского Дальнего Востока и соседней с ним Маньчжурии, о характере и путях развития культуры населявших ее древних тунгусо-маньчжурских племен.

Так, большинство буржуазных исследователей из-за огульного отрицания либо в результате неведения основных положений исторического материализма о законах развития человеческого общества не могли придумать ничего лучшего, как декларативно объявить, что образование мохэского государства Бохай и чжурчжэньской империи Айсинь (Цзинь) стало возможным лишь благодаря культурному и политическому воздействию на местные племена со стороны древней Кореи и Китая. Впервые эту точку зрения в русской исторической литературе сто с лишним лет тому назад высказал В. Горский, который писал: «Еще до завоевания (чжурчжэнями. — Э. Ш.) Северного Китая они усвоили тамошний быт с его многообразными оттенками. Устройство государства, управления и властей, этикет двора, обряды веры, правила общественной жизни и народного воспитания — все, чем Китайская империя возвышалась над окружающими ее владениями и народами, мгновенно перенесено было в Маньчжурию и быстро принялось на ее благословенной почве»¹¹.

⁹ М. В. Крюков. Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II—I тысячелетия до н. э. — Сб. «Этнонимы», М., 1970, стр. 40—42.

¹⁰ Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, стр. 23.

¹¹ В. Горский. Начало и первые дела Маньчжурского дома. — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I, СПб, 1852, стр. 24.

В более завуалированном виде эта же точка зрения была взята на вооружение современными японскими буржуазными историками, в том числе и профессором Ямамото Тацуро, который утверждает, что соседние с Китаем государства, в частности Бохай и Айсинь-гурунь, «поднимались и гибли как под политическим, экономическим и культурным влиянием Китая, так и под воздействием совершенно различных культурных и социальных условий каждой из этих стран»¹². Хотя профессор Ямамото и не решается полностью игнорировать наличие «отличных культурных и социальных условий» в соседних с Китаем странах, он тем не менее утверждает, что буддизм вместе с китайской административной и законодательной системой явились якобы решающими факторами «в деле государственного объединения всех окружающих Китай стран»¹³.

Некоторые же горе-исследователи пытаются, как и древнекитайские летописцы, доказать, что своими военными успехами в войнах с киданями и сунским Китаем, а также своим возвышением в качестве одной из ведущих политических сил средневекового Дальнего Востока чжурчжэни обязаны прежде всего существованию у них первоклассной по тем временам боевой конницы. Не имея чжурчжэни развитого коневодства и не будь они «искусными наездниками», утверждают сторонники этой концепции, им никогда бы и ни за что не достичь того, чего они достигли¹⁴.

Несмотря на кажущееся различие в подходе к решению вопроса о причинах роста политического и экономического могущества чжурчжэней, исследователей, о которых шла речь, объединяет общее стремление искать объяснение исторических явлений не во внутренних факторах социально-экономического характера, а в последствиях различного рода внешних воздействий и влияний. Отсюда чрезмерная идеализация буддизма, а также китайской административной и законодательной систем — именно им отводится чуть ли не главенствующая роль в деле образования собственной государственности у бохайцев и чжурчжэней.

Так, буржуазные исследователи вопреки историческому материализму пытаются определить и объяснить характер общественного развития чжурчжэньских племен лишь на основе некоторых надстроечных явлений, и прежде всего на основе религии и формы правления, рассматриваемых вне всякой связи с вызвавшим их к жизни экономическим базисом. Причина этого кроется в стремлении буржуазных исследователей во что бы то ни стало противопоставить марксистско-ленинскому учению об основных закономерностях развития человеческого общества свои собственные концепции и таким образом скрыть классовую сущность государства как специального аппарата «для поддержания господства одного класса над другим»¹⁵.

Отвергая ленинскую трактовку государства, согласно которой оно «...как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы...»¹⁶, эти исследователи, касаясь вопроса образования государства у чжурчжэней, пренебрегают изучением внутренних социально-экономических процессов, имевших место в чжурчжэньском обществе в догосударственный период, так как, по их мнению, эти процессы явились проявлением внеш-

¹² С. Л. Тихвинский. Китай в эпоху развитого феодализма (периоды Тан и Сун) и соседние государства Восточной Азии. — Сб. «Китай, Япония. История и филология». М., 1961, стр. 72.

¹³ Там же, стр. 74.

¹⁴ T a o J i n g - s h e n. The horse and the rise of the Chin dynasty. — Papers of the Michigan Academy of Science, Arts, and Letters. Vol. LIII, part II, 1968, p. 183—189.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73.

¹⁶ В. И. Ленин. Указ. соч., стр. 69.

них культурных и политических воздействий со стороны Китая. Между тем Ф. Энгельс, как известно, блестяще обосновал и научно доказал, что государство «...ником образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу»¹⁷.

И действительно, согласно результатам новейших исследований, процесс образования государства у чжурчжэней проходил без какого-либо внешнего воздействия, а весьма своеобразным путем, приведшим уже в XI в. к формированию у них довольно оригинальной формы государственной власти. Лишь спустя несколько десятилетий, когда чжурчжэни овладели значительной частью территории Китайской империи, они вынуждены были в связи с изменившимися социально-экономическими и политическими условиями заимствовать у китайцев веками выработанный слаженный чиновничье-бюрократический аппарат вместе с давно проверенными китайскими административной и законодательной системами, призванными защищать интересы стоящих у кормила власти феодалов во главе с императором¹⁸.

Таким образом, это заимствование произошло спустя длительное время после образования чжурчжэньского государства, на что, кстати говоря, указывают и некоторые японские исследователи¹⁹. Следовательно, эта система не могла оказать решительно никакого влияния на процесс образования государства у чжурчжэней.

Что же касается буддизма, то в XI в., т. е. в период формирования чжурчжэньской государственности, он вообще не был известен подавляющему числу чжурчжэней. Более того, после завоевания Северного Китая чжурчжэньские императоры предприняли ряд мер, которые в значительной степени подорвали экономическое могущество буддийских монастырей. Особенно ярко выраженную отрицательную окраску по отношению к буддизму, так же как и к даосизму, получает внутренняя политика императора Улу. Он не раз в самых резких формах обвинял проповедников буддизма и даосизма в обмане и лжи²⁰, не без основания усматривая в их лице потенциальных союзников китайской династии Южная Сун.

Многочисленные предметы шаманского культа, обнаруженные во время раскопок памятников чжурчжэньской культуры, убедительно свидетельствуют о том, что господствующим религиозным мировоззрением подавляющей части населения у чжурчжэней как в XI, так и на протяжении всего XII в. был шаманизм. К числу предметов шаманского культа следует отнести железные конусовидные подвески от шаманского пояса, обнаруженные вместе с кладом бронзовых зеркал в долине р. Сицы у г. Сучана. Такие же подвески в большом количестве встречаются и на Шайгинском городище в жилищах рядовых общинников.

О широком распространении среди чжурчжэней в XII—начале XIII в. шаманизма свидетельствуют и другие материалы, в том числе многочисленные факты принесения жертвенной пищи духам в виде остатков пищи: пережженные кости животных и птиц в золе очагов, остатки каши в жертвенных сосудах, соляные знаки на керамике

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 169.

¹⁸ Е. И. Кычанов. К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней. — Труды ДВ филиала СО АН СССР, т. VI, Владивосток, 1968, стр. 180.

¹⁹ Нихон бунка си тайкэй (Очерки по истории культуры Японии), т. 5. Токио, 1943, стр. 339.

²⁰ «История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 год». Перевод с манчжурского Г. Розова. Архив ЛО ИВ АН СССР, раздел I, оп. 1, № 3, стр. 208-а. См. также: А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 240.

и т. д. К числу предметов шаманского культа следует отнести также обнаруженные на Шайгинском городище бронзовые антропоморфные фигурки духов-предков, бронзовое навершие шаманского головного убора в виде родового дерева с сидящими на ветвях птицами — вместилницами духов будущих соплеменников, которые должны еще родиться, а также бронзовые фигурки всадников, представляющих собой антропоморфизированные изображения солища — верховного духа и божества, — различного рода талисманы и обереги.

Что касается памятников, имеющих прямое отношение к буддизму, то их на территории Приморья известно не так уж много. Это прежде всего остатки буддийских монастырей на Николаевском, Западно-Уссурийском и Богуславском городищах, остатки кумирен на левом берегу р. Суйфин напротив Красноярского городища и у поселка Майского в Ханкайском районе, а также кумирня в честь богини милосердия и деторождения Авалокитешвары в пещере «Спящая красавица» в Шкотовском районе. Все перечисленные памятники буддийского культа расположены вблизи крупных чжурчжэньских торгово-ремесленных и административных центров городского типа, что отнюдь не случайно, так как именно в городах проживало чиновничество и представители местной знати, многие из которых, согласно свидетельствам письменных источников, исповедовали буддизм²¹.

Таким образом, характер и условия нахождения различных культовых памятников, а также всевозможных предметов культа позволяют заключить, что в то время, как основная масса чжурчжэней была и оставалась шаманистами, лишь небольшая часть населения, главным образом из числа привилегированных слоев общества, исповедовала буддизм. Если учесть отрицательное отношение к буддизму со стороны некоторых чжурчжэньских императоров и предпринимаемые ими время от времени меры по ограничению роста политического и экономического влияния буддийских монастырей не только на родине чжурчжэней, но и в оккупированных ими землях Китая, то станет очевидным, что буддизм никогда не играл и не мог играть решающей роли в духовной, а тем более в политической жизни чжурчжэней, особенно в начальный период их истории, о чем убедительнейшим образом свидетельствуют не только материалы археологических исследований, но и данные письменных источников.

Поэтому выдвинутая японскими буржуазными исследователями концепция, согласно которой государство чжурчжэней возникло якобы исключительно лишь благодаря влиянию китайских административной и законодательной систем, а также буддизма, представляется явно несостоятельной.

Выше уже отмечалось, что для буржуазной историографии вообще присуще объяснять многие исторические процессы и общественные явления как результат неких «заимствований» и «внешних влияний». Особенно часто к этому приему прибегают буржуазные исследователи в тех случаях, когда речь идет о культуре чжурчжэней, которую они даже склонны считать производной от китайской, считая, например, что чжурчжэни под влиянием китайской культуры утратили свою собственную культуру и язык. Такой точки зрения придерживался, в частности, русский востоковед И. Захаров. Он писал, что «чжурчжэни, подобно киданям, как ни старались сохранить свой язык, нравы и развивать национальную письменность, — все их усилия сокрушились под напором кн-

²¹ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. СПб., 1857, стр. 205.

тайской цивилизации... При конце айсиньского царства чжурчжэни совершенно окитаились и забыли свой язык и письменность»²². В этом высказывании имеется какая-то доля истины, но она применима лишь по отношению к крайне небольшой части чжурчжэньской знати, прочно обосновавшейся на оккупированной китайской территории. Однако из этого отнюдь не следует, что такая же участь постигла вообще всех чжурчжэней, а тем более тех из них, которые проживали на своих исконных землях.

Отрицание этнической самобытности и культурной самостоятельности чжурчжэней привело к тому, что многие буржуазные исследователи (например, американский историк Карл Витфогель и китайский Фэн Цзя-шэн) склонны рассматривать появление на исторической арене чжурчжэньской империи Айсинь (Цзинь), более известной в исторической литературе под китайским названием Цзинь, или Гинь, просто как приход к власти «следующей великой китайской династии»²³.

В свете сказанного выше становится понятным, почему многие современные китайские археологи, касаясь в своих работах тех или иных чжурчжэньских памятников, избегают прямо указывать на их этническую принадлежность и обычно ограничиваются заявлением о том, что рассматриваемый памятник относится к «эпохе Цзинь» или принадлежит «цзиньцам», игнорируя тот факт, что в состав империи Айсинь (Цзинь) входили не только собственно чжурчжэньские племена, но и целый ряд покоренных ими тюрко- и монголоязычных племен, а также корейцы и китайцы.

Нет необходимости доказывать, что входившие в состав чжурчжэньской империи народы и племена обладали собственной, весьма отличной от чжурчжэньской культурой. Следовательно, не будет ошибкой сказать это, имея в виду рассматриваемый период, например, о китайской или киданьской культуре эпохи Цзинь. Точно так же под словами «памятники эпохи Цзинь» можно подразумевать не только собственно чжурчжэньские, но киданьские и китайские памятники культуры периода чжурчжэньского владычества в Восточной Азии. Но если речь заходит о чжурчжэньских памятниках «эпохи Цзинь» и при этом не указывается их этническая принадлежность, то в таком случае мы сталкиваемся с преднамеренной обезличкой указанных памятников, по сути дела с замаскированной уловкой, позволяющей представить историю многонационального Китая как историю исключительно лишь ханьского, т. е. собственно китайского народа.

Примером такого подхода к исторической действительности может служить археологическая выставка, открытая в январе 1963 года в г. Ляонинь, краткая информация о которой была опубликована в разделе «Хроника» журнала «Вэнь у» («Памятники культуры») ²⁴. Согласно этой информации, на выставке были представлены многочисленные памятники культуры гуннов (сюнну), ухуань, сяньби, мохэсцев, бохайцев, киданей, чжурчжэней и маньчжуров. Как видно из приведенного перечня, выставка была посвящена истории и культуре древних тюрко-, монголо- и тунгусоязычных народов, населявших когда-то территорию Маньчжурии. В связи с этим не может не вызвать удивления слишком уж претенциозное ее название — «Выставка китайской истории и культуры». Как

²² И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. Предисловие. Спб., 1875, стр. VI—VII.

²³ К. О. Wittfogel and Feng China-sheng. History of Chinese society Liao. — Transactions of the American Philosophical Society. New series, vol. 36, Philadelphia, 1946, p. 409.

²⁴ «Вэнь у», № 4, 1963, стр. 51.

отмечается в информации о ней, она якобы убедительнейшим образом показала, что культуру перечисленных народов связывают с культурой ханьского народа «тысячи и десятки тысяч нитей». Эти слова, так же как и название самой выставки, весьма красноречиво свидетельствуют о целях ее устроителей любыми средствами доказать, что история соседних с Китаем стран и народов развивалась на протяжении тысячелетий под непрерывным и прямым культурным, экономическим и политическим влиянием Китая, что культура этих народов является якобы неотъемлемой частью культуры собственно китайского народа. А ведь от таких утверждений всего один шаг до «исторических обоснований» и на территориальные притязания.

Другим примером подобного отношения к истории входящих в состав КНР народов является статья Фан Чжуан-ю «К вопросу о развитии китайского плуга с эпохи Борющихся Царств»²⁵. В этой статье автор, касаясь вопроса о конструкции железных сошников, пишет, что в настоящее время известно сравнительно большое количество сошников эпохи Цзинь, обнаруженных в Пекине и в провинциях Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян, а также сошников эпохи Сун, найденных в Пекине и в провинциях Хэнань, Цзянсу и Хэбэй. Как указывает далее Фан Чжуан-ю, форма сошников не одинакова. Это, по его мнению, следует объяснить крайне неравномерным характером развития плужного земледелия в каждом из перечисленных регионов, что не могло не повлиять на создание различных систем плугов, а следовательно, и сошников. Мысль, казалось бы, сама по себе правильная. Однако Фан Чжуан-ю почему-то «забывает» отметить, что сошники эпохи Цзинь из провинций Ляонин, Гирин и Хэйлунцзян являются не китайскими, а чжурчжэньскими, в чем, собственно говоря, и кроется основная причина их отличия как от сошников эпохи Цзинь из Пекина, так и от сошников эпохи Сун из того же Пекина и провинций Хэнань, Цзянсу и Хэбэй.

Это обстоятельство весьма примечательно и может свидетельствовать о том, что развитие системы плужного земледелия у чжурчжэней, равно как и материальной культуры в целом, шло своими, отличными от Китая путями, обусловленными весьма существенными различиями как в культурно-этническом, так и в почвенно-климатическом отношении.

Подобные противоречащие фактам тенденции в современной китайской археологической и исторической литературе, унижающие достоинство и национальную гордость народов не китайского происхождения, обычно маскируются с помощью различного рода чисто пропагандистских трюков или же путем прямой фальсификации истории. Но, как бы они ни маскировались, налицо совершенно определенный отход современных китайских историков, служащих маоизму, от основополагающих принципов исторического материализма.

С несколько иных позиций, но примерно в том же духе трактуют вопрос об истоках и путях развития культуры народов Центральной Азии и советского Дальнего Востока буржуазные исследователи. Они также чересчур преувеличивают роль культурного влияния Китая на соседние с ним народы. Так, вслед за американским этнографом Бертольдодом Лауфером²⁶ русский этнограф И. А. Лопатин считал, что истоки орнаментального искусства нанайцев и других народов Приамурья следует

²⁵ «Каогу», 1964, № 7, стр. 355—363.

²⁶ B. Laufer. The decorative art of the Amur Tribes. — Memoirs of the American Museum of Natural History. Vol. VLL, New York, 1902; B. Laufer. Jade. A study in Chinese archaeology and religion. Chicago, 1912, p. 164.

искать в Китае, с культурой которого они в лице древних чжурчжэней впервые познакомились в XII в.²⁷ Этой же точки зрения придерживался и другой русский буржуазный этнограф С. М. Широкогоров²⁸. Несостоятельность и ошибочность подобных взглядов была доказана на богатейшем этнографическом материале советским этнографом С. В. Ивановым, который совершенно справедливо отмечает, что орнамент народов советского Дальнего Востока «представляет собой вполне оригинальную и исключительно богатую по формам и колориту область декоративного искусства». Наряду с этим С. В. Иванов указывает, что искусство народов советского Дальнего Востока «развивалось не изолированно, а в тесной связи с искусством других народов»²⁹.

По сравнению с перечисленными выше западными и русскими буржуазными исследователями некоторые японские буржуазные историки подходят к решению вопроса о характере культуры чжурчжэней, равно как и бохайцев, в целом несколько объективнее, отмечая, что обе культуры берут свое начало от культуры мохэских племен и обладают самобытными, присущими исключительно лишь им чертами³⁰. Однако многие ученые, признавая самобытный характер чжурчжэньской культуры, в то же время чрезмерно преувеличивали роль культурного влияния Китая на бохайцев и чжурчжэней: они считали, например, что культуру последних следует в целом относить к системе культур средневекового Китая³¹. Этой широко распространенной в 20-х годах ошибочной точки зрения придерживается и ряд современных японских историков.

Ошибочность данной точки зрения отнюдь не случайна и обусловлена тем, что ее сторонники в своих исследованиях опирались исключительно лишь на материал, собранный во время раскопок буддийских храмов, дворцов и склепов, т. е. памятников, принадлежавших светской и духовной знати. Но последняя, как известно, желая подчеркнуть исключительность своего привилегированного положения, свое якобы приращенное превосходство над простым народом, сознательно шла на отказ от собственной культуры в пользу чужеземной. С этой целью чжурчжэньская знать по примеру китайских, корейских и киданьских вельмож возводила для себя пышные дворцы и храмы, перенимала принятый при императорских дворах Японии и Китая церемониал со всеми присущими ему атрибутами почитания верховной власти, насаждала у себя в стране буддизм, даосизм и другие чуждые простому народу формы религиозного мировоззрения, призванные защищать интересы эксплуататорских классов. Все это, естественно, не могло не отразиться на характере археологических памятников культуры чжурчжэньской знати. Именно для этих памятников как раз и присущи те самые архитектурные формы и отдельные элементы декоративного искусства, которые и дали повод японским археологам считать, что по своему характеру культура чжурчжэней в целом может быть отнесена к системе культур средневекового Китая.

²⁷ И. А. Лопатин. Голды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. — «Записки Общества изучения Амурского края», т. XVII. Владивосток, 1922, стр. 333.

²⁸ S. M. Shirokogoroff. Psychomental complex of the Tungus. London, 1935, p. 111—112.

²⁹ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — «Труды Института этнографии им. И. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. 81, М.—Л., 1963, стр. 322, 328, 333, 424, 478.

³⁰ Нихон бунка си тайкэй (Очерки по истории культуры Японии), т. 5. Токио, 1943, стр. 335—336, 339—340.

³¹ Ито Сэйдзо. Син Мансю-коку кэнтэйку си (История архитектуры нового Маньчжоу-го). «Маммо», 1932, № 8, Токио, стр. 72—84 и № 12, стр. 62—78. Хинно Кайдзабуро. Тоёо тусэй си (Средневековая история стран Тихого океана), т. III. Токио, 1939, стр. 476—477.

В этой связи возникает вопрос о правомерности отождествления культуры чжурчжэньской знати с общеплеменной культурой в период расцвета классовых отношений.

Ответ на этот вопрос мы находим в произведениях В. И. Ленина. Анализируя классовый характер культуры в капиталистическом обществе, он указывал, что каждая национальная культура, по сути дела, состоит из двух культур — из культуры трудящихся и эксплуатируемых масс и буржуазной культуры³², т. е. культуры эксплуататорского меньшинства. Данное положение В. И. Ленина о классовом характере культуры всецело применимо для определения характера культуры любого классового общества, где она всегда носит двуединый характер, в том числе, в частности, и для чжурчжэньской культуры XII века.

Это двуединство культуры чжурчжэней выражается в том, что она состоит как бы из двух неравных составных частей, причем первая, основная ее часть представлена общеплеменной, этнически однородной культурой эксплуатируемого большинства, берущей свое начало от культуры древних мохэсцев, тогда как другая, меньшая ее часть представлена культурой правящих классов, т. е. культурой аристократии и высшего чиновничества. Но эта последняя, будучи в значительной мере искусственно изолированной от общеплеменной культуры и в определенной степени подвергшаяся влиянию со стороны иноземных культур, уже не может претендовать на этническую чистоту и, следовательно, служить критерием в определении характера и отличительных особенностей культуры чжурчжэней в целом.

Этого как раз и не учли японские буржуазные исследователи, которые, как правило, основной упор делали на изучение остатков таких внешне эффектных археологических памятников, как буддийские и даосские храмы, дворцы и склепы светской знати, различного рода административные учреждения и т. д. Но как раз именно эта категория археологических памятников меньше всего дает фактических данных для раскрытия подлинного характера и выяснения истоков культуры чжурчжэньских племен.

Советские же исследователи, приступая к изучению археологических памятников чжурчжэньской культуры на территории Приморья, основное свое внимание обращали на памятники, имеющие непосредственное отношение к производственной деятельности и жизни трудового люда, т. е. на жилые и производственные комплексы внутри того или иного городища. Полученные при этом результаты превзошли все ожидания, а собранный археологический материал оказался исключительно разнообразным и богатым по своему содержанию, научную значимость которого трудно переоценить.

Поскольку подробное описание и анализ имеющегося в настоящее время в нашем распоряжении археологического материала не входят в задачу этой статьи, ограничимся лишь кратким перечнем главных выводов, к которым мы пришли в процессе исследований и которые так или иначе касаются затронутых выше вопросов.

Прежде всего необходимо отметить, что, как показали результаты археологических исследований, культура чжурчжэней обладает ярко выраженными самобытными чертами и генетически связана, с одной стороны, с культурой предшествующих им мохэ-бохайских племен, а с другой — с культурой современных нанайцев, удэгейцев и орочей.

³² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121, 129.

О культуре мохэских племен мы можем сейчас в какой-то мере судить по материалам раскопок поселений железного века в Приамурье³³ и на Синих Скалах в Ольгинском районе Приморского края³⁴. Поселение на Синих Скалах Ж. В. Андреева относит к VII—VIII вв. н. э.³⁵. Благодаря ее любезности мы имели возможность непосредственно ознакомиться с некоторыми материалами раскопок поселения Синие Скалы и установить наличие ряда аналогий с материалами чжурчжэньских памятников XI—XII вв., которые убедительно свидетельствуют о наличии прямой преемственности между культурами чжурчжэней и мохэских племен. В частности, небезынтересно будет отметить, что вафельный оттиск, встречающийся на керамических сосудах из поселения на Синих Скалах³⁶, является весьма характерным и для чжурчжэньской керамики XI века. Кроме того, среди чжурчжэньской керамики встречаются сосуды, венчики которых имеют такую же форму, что и венчики сосудов с поселения на Синих Скалах. Еще больше аналогий можно бы привести на примере бронзовых и железных изделий. Но здесь достаточно будет отметить, что некоторые из этих изделий обнаруживают почти полное тождество с аналогичными изделиями с чжурчжэньских городищ.

С декоративным искусством современных народов советского Дальнего Востока культуру чжурчжэней связывает прежде всего общность орнаментальных композиций и ее составных элементов. В настоящее время орнамент чжурчжэней широко представлен на поясных пряжках, накладных поясных наконечниках и целом ряде других металлических украшений, обнаруженных на Шайгинском городище и на городище Круглая Сопка. В большинстве случаев орнамент на этих вещах нанесен пунктирным чеканом, столь характерным для декоративного искусства удэгейцев и эвенков. Встречается также орнамент, выполненный техникой точечного чекана, линейной резьбы, зубчатой нарезки по нижнему краю украшений, что тоже весьма характерно для народов Приморья и Приамурья³⁷.

К настоящему времени археологическими раскопками вскрыты остатки более чем семи десятков чжурчжэньских жилищ XI—начала XIII в., которые как по своей планировке, так и по конструкции зачастую представляют точную копию нанайских, удэгейских и ульчских жилищ XIX и начала XX в. Если же учесть, что многие конструктивные особенности жилищ чжурчжэней, в том числе и отопительная система кан, были характерны для жилищ эпохи раннего железного века, то становится очевидной полная несостоятельность утверждений И. А. Лопатина о том, что существовавший когда-то у нанайцев тип жилища, известный в этнографической литературе под китайским названием «фанза», был будто бы

³³ А. П. Деревянко. К истории Среднего Амура в железном веке. (По раскопкам поселения в местности Польце, у с. Кукелево, 1963 г.) — «Сибирский археологический сборник». Материалы по истории Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 229—242; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области. — «Сибирский археологический сборник». Материалы по истории Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 243—258; Е. И. Деревянко. Мохэский могильник у с. Троицкого Амурской области. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, 1971, № 1, вып. 1, стр. 97—104.

³⁴ Ж. В. Андреева. Древнее Приморье. Железный век. М., 1970, стр. 96—129.

³⁵ Ж. В. Андреева. О датировке последнего этапа железного века в Приморье. — Сб. «Вопросы истории советского Дальнего Востока», вып. II. Владивосток, 1965, стр. 15.

³⁶ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 г. — «Краткие сообщения Института археологии», вып. 88, 1962, стр. 98, рис. 31—7, 8.

³⁷ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 339—344.

заимствован ими у китайцев³⁸. Между тем дело происходило как раз наоборот, иначе трудно было бы объяснить то удивление и тщательную детализацию в описаниях чжурчжэньских жилищ, которые мы находим у китайских летописцев XII—XIII вв., современников чжурчжэней рассматриваемого периода³⁹.

В заключение необходимо отметить, что в памятниках культуры чжурчжэней, так же как и древних мохэцев, прослеживается сравнительно мощный центральноазиатский культурный пласт, свидетельствующий о длительных связях мохэцев, а впоследствии бохайцев и чжурчжэней с древними тюркскими и монгольскими племенами. Вместе с тем, как показали результаты археологических исследований, культурное влияние китайцев на чжурчжэней было весьма поверхностным и сказалось прежде всего в области фундаментальной архитектуры⁴⁰, хотя и здесь чжурчжэни сумели внести много нового, своего⁴¹. В декоративном же искусстве влияние Китая почти не прослеживается.

Таким образом, собранный в результате изучения памятников чжурчжэньской культуры археологический материал совершенно по-новому раскрывает картину далекого прошлого народов советского Дальнего Востока и вместе с тем позволяет не только критически переосмыслить и уточнить свидетельства средневековых источников, но и показать всю несостоятельность и надуманность различного рода реакционных теорий, выдвигаемых буржуазными исследователями в защиту своих узкоклассовых интересов, в целях подмены марксистско-ленинского учения об основных закономерностях развития человеческого общества субъективистскими по характеру и идеалистическими по содержанию историческими концепциями.

³⁸ И. А. Лопатин. Указ. соч., стр. 77.

³⁹ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. СПб, 1857, стр. 196—215; Е. И. Кычанов. Чжурчжэни в XI в. — «Сибирский археологический сборник». Материалы по истории Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 273.

⁴⁰ Э. В. Шавкунов. Основные итоги изучения сучанского комплекса памятников эпохи чжурчжэней. — Сб. «Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока». Владивосток, 1965, стр. 69—75; его же. Раскопки на Николаевском городище. — «Сибирский археологический сборник». Материалы по истории Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 286—296.

⁴¹ «Дружба», 1957, № 3, стр. 25.

Япония наступает: новое в японо-американских экономических отношениях

(второе письмо из США)

*И. А. Латышев,
доктор исторических наук*

В первом письме, опубликованном в предыдущем номере журнала, сообщалось о глубоких трениях, возникших в американско-японских отношениях вследствие неукротимого наплыва японских товаров на внутренний рынок США и появления огромных диспропорций в американско-японском торговом балансе. Дальнейшее усиление трений между обоими партнерами побудило правительственные круги США пойти в начале 1973 г. на отдельные действия, призванные положить конец японскому торговому наступлению. В феврале правительство Никсона неожиданно для японцев объявило о девальвации доллара на 10%. Одна из важнейших целей, которую преследовало это решение, состояла в том, чтобы сделать американские товары более конкурентоспособными и в то же время ослабить на внутреннем рынке страны конкуренцию иностранных товаров, прежде всего японских.

На девальвацию доллара Токио ответил отказом от прежнего обменного курса (1 долл. за 308 иен) и переходом к свободно колеблющемуся курсу иены, в результате чего цена доллара снизилась в марте 1973 г. до 265 иен, то есть более чем на 16%. В целом же по сравнению с 1971 г. доллар подешевел в сравнении с иеной на 36%, что соответственно повысило стоимость японских товаров на американском рынке¹.

Одновременно американское правительство и деловые круги усилили по всем линиям давление на своих японских партнеров, требуя дальнейшей «либерализации» рынка Японии, включая отмену импортных квот и прочих протекционистских барьеров на сельскохозяйственную продукцию, электронно-вычислительные машины и ряд других промышленных изделий, находящихся в списке товаров, оберегаемых японскими властями от иностранной конкуренции. В феврале — марте 1973 г. состоялся ряд встреч представителей американского правительства с ответственными государственными деятелями Японии, в ходе которых американцы поставили в известность своих японских партнеров о подготовке конгрессом законопроекта об ограничении ввоза иностранных товаров и о неминуемом утверждении этого законопроекта в случае, если японская сторона не ограничит «добровольно» свой экспорт в США.

Эти угрозы возымели свое действие: в ходе переговоров с Киссинджером, состоявшихся в феврале 1973 г., премьер-министр К. Танака, по сообщениям японской печати, «обещал сделать все от него зависящее, чтобы сократить диспропорции японо-американского торгового баланса»². В первом квартале 1973 г. в результате введения японцами жестких экспортных квот на автомобили, радиотехнические изделия и другие товары дальнейший рост японского экспорта в США был приостановлен. Впервые за последние несколько лет прирост американского экспорта в Японию оказался в этом квартале в два раза больше прироста японского экспорта в США³. При активном содействии правительства путем внеэкономического нажима на своих конкурентов американским монополиям удалось таким образом приостановить на некоторое время наступление японских монополий на внутренний рынок страны.

¹ "The New York Times", 17.IV.1973.

² "The Japan Times Weekly", 24.II.1973.

³ "The New York Times", 17.IV.1973.

Тенденция к сокращению наметилась и в японских валютных запасах: в марте 1973 г. валютные запасы Японии сократились на 942 млн. долл.— их общая сумма составила к концу месяца 18,1 млрд. долл.⁴

Новая стратегия японцев — упор на инвестиции капиталов в США

В тесной связи с торговой и валютной проблемами, столь сильно волнующими деловые и политические круги обеих стран, развивались на протяжении последних двух лет события и в другой сфере американо-японских деловых связей — в сфере инвестиций капиталов и совместной предпринимательской деятельности. Состояние дел в этой области не привлекало пока большого внимания общественности, а между тем именно здесь произошли в 1971—1972 гг., пожалуй, наиболее существенные качественные сдвиги.

Характерная особенность американо-японских связей в области совместного предпринимательства и инвестиций капиталов состояла прежде, как известно, в том, что они носили довольно односторонний характер: активной действующей стороной в этих связях выступали американские монополии, в то время как японские деловые круги занимали довольно пассивную позицию. На протяжении 50—60-х годов американские монополии настойчиво стучались в японские двери, добиваясь снятия ограничений на иностранные инвестиции в японскую экономику, а японские деловые круги с присущим им упорством препятствовали широкому вторжению иностранного капитала в сферу своей предпринимательской деятельности. К этому японцев побуждали опасения потери контроля над экономикой собственной страны. В результате внедрение американских монополий в японскую экономику шло с большим трудом, хотя в этом деле участвовало немалое число крупных американских фирм. В 1971 г. 83 из 200 крупнейших компаний США (то есть 42%) имели в Японии либо свои филиалы, либо участвовали своими капиталами в предприятиях японских компаний⁵. Тогда в Японии насчитывалось более тысячи иностранных фирм, из которых 70% представляли интересы американского капитала⁶.

Внушительное число американских фирм, завязавших деловые контакты с Японией, свидетельствует о большом интересе американских бизнесменов к вложению своих капиталов в Японии. Однако далеко не все из этих фирм преуспевают на Японских островах. Об этом говорят сравнительно ограниченные размеры американских инвестиций в стране. К 1970 г. прямые инвестиции США в Японии составляли 1491 млн. долл., то есть на 40% меньше, чем во Франции (2588 млн. долл.), в три раза меньше, чем в Западной Германии (4579 млн. долл.), в пять раз меньше, чем в Англии (8015 млн. долл.), и в 18 раз меньше, чем в Канаде (22 801 млн. долл.)⁷. В настоящее время только отдельным монополистическим компаниям удалось развернуть свой бизнес в Японии в масштабах, соответствующих размерам этих компаний⁸.

Сравнительно ограниченной остается в пределах Японии и деятельность банковского капитала США. По данным печати, в 1972 г. в Японии имели свои отделения 12 американских банков и 9 компаний ценных бумаг, а еще 16 американских банков имели там своих представителей⁹. Однако доля иностранных банков составляла 0,3% всех банковских депозитов страны, а общая сумма их кредитов равнялась 1,4% всех кредитов японских банков¹⁰. Все это служит определенным свидетельством тому, что реальные достижения американских монополистических компаний в инвестировании своих капиталов в Японии остаются пока гораздо скромнее тех надежд, которые возлагались и возлагаются ими на своего партнера.

С другой стороны, довольно малыми оставались до недавнего времени и размеры японских зарубежных капиталовложений. В конце 1969 г. в общей сумме зару-

⁴ "The New York Times", 17. IV.1973.

⁵ "U.S./Japan Outlook. A Digest of American Views of Japan", Chicago, Fall 1971, vol. 1., No. 3, p. 20.

⁶ Там же.

⁷ "Statistical Abstract of the United States. 1972". U.S. Department of Commerce, Social and Economic Statistics Administration, p. 767.

⁸ К их числу относятся электротехническая фирма «Текзас инструмент компани», компания электрического машиностроения «Джапан Ай-би-эм», нефтехимическая компания «Джапан петролеум рефатинг», продовольственная фирма «Джапан кока-кола» и несколько других, сумевших стать в один ряд с ведущими японскими фирмами (там же, стр. 14—15).

⁹ "The Japan Times", 30.XI.1972. Supplement: "International Money Market".

¹⁰ Там же.

банных инвестиций пяти стран: США, Англии, Франции, Западной Германии и Японии, исчислявшейся в 116 246 млн. долл., японские капиталовложения составляли 2683 млн. долл., то есть около 2,3%, хотя их рост на протяжении второй половины 60-х годов шел быстрее, чем у других указанных выше стран¹¹.

Однако в последние два года положение изменилось коренным образом: с конца 60-х и начала 70-х годов японские деловые круги при активной поддержке правительства взяли курс на форсированный вывоз своих капиталов за пределы страны, и в том числе в США. В результате за два с половиной года, с декабря 1969 по март 1972 г., японские зарубежные капиталовложения возросли чуть ли не в два раза и составили почти 4,5 млрд. долл., причем наибольшая доля этих капиталовложений (25,5%) приходилась на Северную Америку¹². Еще более осязаемый скачок в том же направлении произошел в минувшем бюджетном году, то есть с апреля 1972 г. по 31 марта 1973 г. По данным газеты «Нью-Йорк таймс», полученным из японских источников, зарубежные инвестиции Японии возросли за указанный период на 2,5 млрд. долл. и составили в целом к концу марта 1973 г. около 7 млрд. долл.¹³.

В соответствии с другими данными американской печати, японские капиталовложения в США в конце 1972 г. достигли примерно полутора млрд. долл.¹⁴.

Активное содействие этому броску капиталов за рубеж оказало правительство Японии. Свидетельством тому может служить следующее: на протяжении 1969—1971 гг. правительство трижды сокращало существовавшие прежде ограничения на вывоз капиталов и наконец устранило их полностью, приняв решение о введении системы так называемого «автоматического утверждения» зарубежных инвестиций¹⁵.

Какие же причины побудили японские монополии и правительственные круги ускорить столь крутой вывоз капиталов за пределы страны?

Исходной предпосылкой послужило, конечно, возрастание экономической мощи японских монополий, которые почувствовали себя достаточно сильными, чтобы в широком масштабе вести конкурентную борьбу с монополиями других стран на их же собственной территории (имеются в виду США и Западная Европа). Но есть и более определенные обстоятельства, обусловившие нынешний резкий рывок японских инвесторов за океан. Одно из них связано с внутризкономическими факторами: нехваткой дешевой молодой рабочей силы, а также с возрастанием в стране цен на землю и ограничениями на строительство новых промышленных предприятий в индустриальных зонах. Все это заставило бизнесменов активнее искать более выгодные условия для приложения своих капиталов за рубежом. Вторым обстоятельством явилось стремление японских монополий обойти протекционистские барьеры, воздвигнутые в зарубежных странах на пути японских товаров. Производя товары не в Японии, а на территории США и других стран, японские компании получают возможность не включать эти товары в экспортно-импортные квоты и избегать их обложения таможенными пошлинами.

В-третьих, движущим стимулом стали расчеты японской монополистической олигархии закрепить за собой зарубежные рынки, ибо присутствие в других странах «своих» капиталов и «собственных» предприятий обеспечивает монополиям при прочих равных обстоятельствах большую надежность и стабильность в торговле с соответствующей страной.

Наконец, еще одно обстоятельство, определившее курс на ускоренное увеличение зарубежных инвестиций. Оно связано со стремлением правительства и делового мира Японии выровнять платежный баланс страны и сократить непомерно разбухшие валютные резервы путем перемещения части валютных фондов в виде инвестиций за рубеж, чтобы таким путем уйти от дальнейшей ревальвации иены¹⁶. Немалую стимулирующую роль сыграло при этом и благоприятное отношение правительственных кругов и монополистических фирм США, а также некоторых других высокоразвитых стран к капиталовложениям и участию японских концернов в совместных предприятиях на территории упомянутых стран.

Руководствуясь в этом вопросе стремлением к выравниванию своего платежного баланса, правящие круги США в то же время подталкивали японцев на ответные шаги, а именно на «либерализацию» иностранных капиталовложений в Японии и предоставление более широкого доступа в японскую экономику американским монополиям. Если прежде японские бизнесмены с опаской относились к такому взаимному раскрытию дверей для капиталовложений, то в начале 70-х годов эти опасения отступили

¹¹ "The current state of Japan's overseas investments. Background Information". Overseas Public Relations Division. JETRO. Tokyo, 14.XI.1972, p. 69.

¹² Там же, стр. 1—2.

¹³ "The New York Times", 16.IV.1973.

¹⁴ "U.S. News and World Report", 18.XII.1972, p. 44.

¹⁵ "The current state of Japan's overseas investments", op. cit., p. 69.

¹⁶ См. «Тоё Кэйдзай», 29.VIII.1972, стр. 39; см. также «Цусё Хакусё, 1971». Изд. «Цусан сангёсё». Токио, 1971, стр. 377—378.

на задний план. Сегодня японская сторона не без оснований рассчитывает на собственный конечный выигрыш в состязании с американцами, ибо она держит инициативу в своих руках.

Новый курс японских монополий на форсированный вывоз капиталов за рубеж, и в том числе в США, нашел свое официальное оформление в программе «ускоренного увеличения зарубежных инвестиций» (тайгай тоси сокусин)¹⁷, принятой в мае 1972 г. правительством Японии, которая предусматривает ряд мер, облегчающих вывоз японских капиталов за границу. По прогнозам японского правительства в ходе выполнения этой программы японские инвестиции достигнут к концу семидесятих годов суммы в 25 млрд. долл., что выведет Японию на второе место после США по размерам зарубежных капиталовложений¹⁸.

Методы японского наступления

В какие же области американской экономики устремились японские капиталы? На Гавайях и Гуаме — территориях, ближе всего расположенных к Японии, японские капиталы направляются прежде всего в сферу скупки земельных участков и недвижимой собственности. Японские дельцы последовательно скупают землю на этих островах, владея уже сейчас значительной частью их территории. Одновременно здесь же большие капиталовложения делаются японцами в сферу торговли и обслуживания.

Вместе с тем на других территориях США наблюдается тенденция ко все большему увеличению капиталовложений в промышленные, рыболовные, банковские предприятия. На Аляске и в районе Сиэтла японцы ведут разработку леса, минеральных ископаемых, нефти, а также рыболовный промысел. В Калифорнии их капиталы вложены в производство телевизоров, грузовиков, электронно-вычислительных машин и различного промышленного оборудования; в Южной Каролине — в производство станков для текстильной промышленности; в Вайоминге — в разработку урановой руды; в Иллинойсе — в шарикоподшипниковые предприятия; в Техасе — в авиационную промышленность, в Северной Каролине — в швейные предприятия; в Вирджинии — в угледобычу; в Коннектикуте — в производство электронно-вычислительных машин и т. д.

Одновременно так же, как на Гавайях и Гуаме, японские дельцы занимаются на Американском материке скупкой земель. В Калифорнии, например, компания «Сумитомо Риалти энд девелопмент корпорейшн» (не главная контора находится в Токио) заплатила 3 млн. 600 тыс. долл. за 46 акров земли в заливе Хантингтон близ Лос-Анджелеса с целью строительства там крупного фешенебельного жилого комплекса. «Американские бизнесмены, уже потрясенные применением со стороны Токио скоростных методов увеличения экспорта, — пишет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», — оказались перед лицом нового вторжения — на этот раз оно представляет собой вторжение в землевладение и в другие сферы деловой активности США... Японские производственные предприятия, уже действующие или находящиеся в процессе становления, распространились по всей Америке — от Коннектикута до Калифорнии и от Вашингтона до Южной Каролины... Если смотреть в будущее, то японские капиталовложения с учетом возможного появления других предприятий, принадлежащих японцам, со временем могут свободно вырасти в миллиарды долларов. При всех обстоятельствах поворот в этом направлении уже сделан»¹⁹.

Возглавляют вторжение японских монополий в деловую жизнь США такие крупные монополистические фирмы, как компания «Сони», наладившая производство цветных телевизоров в Сан-Диего; компания «Мацусита дэнки», построившая телевизионный завод в Пуэрто-Рико для беспощинной продажи продукции по всей территории США; компания «Тоёта», начавшая сборку автомобилей в Лос-Анджелесе, и т. д.²⁰

Создавая в США свои собственные предприятия, японские дельцы в то же время охотно идут на совместное участие своими капиталами в предпринимательской деятельности американских фирм. Так, например, японцы вложили средства в строительство дополнительных мощностей завода по переработке соевых бобов в штате Висконсин, а также в строительство колбасного завода в штате Айова²¹.

Вслед за предпринимательскими компаниями втягиваются в деловую активность на американской территории и крупнейшие японские банки. Так, например, группа

¹⁷ «Кэйдзай Хёрон», 1972, № 11, стр. 15.

¹⁸ "The current state of Japan's overseas investments", op. cit., p. 1.

¹⁹ "U.S. News and World Report", 18.XII.1972, p. 44.

²⁰ "The current state of Japan's overseas investments", op. cit., p. 17, 38—39.

²¹ "The Japan Times", 23.XI.1972.

японских банков, включая «Сумитомо», «Дайити», «Кёва», «Мицуи» и другие, произвела в начале 1972 г. покупку 300 тыс. акций Американского банка. В апреле 1972 г. банки «Сумитомо», «Фудзи», «Токай» и «Ясуда» купили 90 тыс. акций американской компании «Фёрст нэшнл сити корпорэйшн», а в июле другая группа банков, «Мицубиси», «Мицуи», «Тиба» и др., закупила 105 тыс. акций банковской корпорации «Чейз Манхэтэн корпорэйшн». Тогда же японские банкиры (банк «Мицубиси», «Фудзи» и другие) предоставили американской корпорации «Ай-би-эм» кредит в 300 млн. долл.— самый крупный кредит, предоставлявшийся когда-либо японцами иностранным фирмам²².

Осенью 1972 г. курс японских монополий на крупные инвестиции капитала в бизнес ведущих концернов США получил свое дальнейшее развитие. В частности, было принято решение о предоставлении группой японских банков («Фудзи», «Мицубиси», «Мицуи» и других) кредита нефтяной компании «Эссо» в сумме 115 млн. долл. В декабре 1972 г. руководство корпорации «Крейслер» сообщило о намерении продать часть своих акций банкам Японии, включая такие банки и компании ценных бумаг, как «Мицубиси», «Сумитомо», «Мицуи», «Ясуда», «Тоё», «Тюо» и другие. Согласно сообщениям печати, общая сумма продаваемых акций компании «Крейслер» составит 30 млн. долл.²³.

Наглядным примером успешного внедрения японского финансового капитала в деловую жизнь США может служить деятельность «Сумитомо бэнк оф Калифорния», который занял в 1972 г. 161-е место среди 13750 банков США (Токийский банк занял 145-е место)²⁴. Как явствует из отчета указанного банка за 1971 г., на протяжении пяти предыдущих лет в деятельности этого американского филиала японского концерна «Сумитомо» произошел исключительно быстрый рывок вперед. С 1967 по 1971 г. его депозиты возросли со 165 млн. долл. до 420 млн. долл.; кредиты соответственно — со 110 млн. долл. до 298 млн. долл.; доходы, составившие в 1967 г. 657 тыс. долл., в 1971 г. равнялись 3680 тыс. долл. Стоимость ценных бумаг банка возросла за тот же период с 49 млн. долл. до 102 млн. долл.²⁵.

* * *

Интенсивный приток японского банковского капитала в деловую жизнь США — это новое знаменательное явление в японо-американских экономических взаимоотношениях. Оно свидетельствует о намерении японских монополий идти на еще более тесное сближение и даже сращивание с американским большим бизнесом в расчете на преодоление таким путем все более усиливающихся американско-японских экономических противоречий. Эта новая стратегия монополий Японии получила название курса на «интернационализацию» национального капитала. Сегодня этот курс положен в основу внешнеполитической программы японских монополий.

Деятельность японских бизнесменов на американской территории вызывает в деловом и политическом мире США довольно разноречивую реакцию. Правительственные круги, озабоченные прежде всего выравниванием платежного баланса, видят угрозу национальным интересам США лишь в сфере торговли, где японский экспорт превалирует над импортом, и поэтому склонны даже оказывать содействие японским капиталовложениям в американские промышленные предприятия и банки. Ряд крупных монополистических корпораций страны, будучи достаточно сильными, чтобы не опасаться японской конкуренции, проявляют также заинтересованность в дальнейшем, еще более широком привлечении фирм Японии к деловым операциям в США в качестве держателей акций своих компаний и даже совладельцев отдельных предприятий²⁶. Заодно с правительством эти корпорации выступают за расширение деловых контактов с Японией.

С другой стороны, немалое число американских дельцов, занятых в производстве текстильных товаров, бытовой электротехники, автомобилей и т. д., испытывают глубокую тревогу в связи с нарастающей конкуренцией японцев и начинают все громче и откровеннее выражать свое недовольство и антияпонские настроения. Равным образом глубокое недовольство и озабоченность испытывают дельцы, терпящие неудачи в попытках конкурировать с японцами в области торговли, предпринимательства и банковского дела на территории Японии²⁷.

²² "The current state of Japan's, overseas investments", op. cit., p. 45-46.

²³ "The Wall Street Journal", 12.XII.1972.

²⁴ Материалы беседы автора с вице-президентом банка «Сумитомо бэнк оф Калифорния» Томимаса Накано.

²⁵ "The Sumitomo Bank of California. Annual Report", 1971, p. 7-9.

²⁶ "The Current state of Japan's overseas investments", op. cit., p. 5-6, 26.

²⁷ Примером тому может служить статья вице-председателя токийского филиала «Банка Америки» Д. Друмрайта в газете «Джапан таймс» с критикой стремления японцев ограничить деятельность иностранных банков в Японии ("The Japan Times", 30.XI.1972. International Money Market Supplement).

Процесс расширения американско-японских деловых связей и сращивания монополий обеих стран протекает, таким образом, на фоне обострения противоречий между их отдельными группировками. Включение США в зону интенсивного наступления японских монополий чревато дальнейшим обострением этих противоречий. Зарождающиеся в деловом мире США антияпонские настроения начинают постепенно просачиваться и в более широкие сферы американского общества. Об этом говорят, например, данные опроса общественного мнения, проведенного в ноябре 1972 г. институтом Гэллага по просьбе японского телевидения. В итоге опроса выяснилось, что если в 1971 г. рядовые американцы были склонны в большинстве своем представлять себе Японию в образе лисы, то спустя год (в 1972 г.) большинство опрошенных предпочло сравнивать Японию уже не с лисой, а с тигром²⁸.

Немалую озабоченность проявляют по поводу нынешнего состояния и будущего развития японо-американских отношений и американские эксперты. Один из них — профессор Р. Скалапино — в книге «Американо-японские отношения в эпоху перемен», вышедшей в конце 1972 г., делает вывод: «В вопросах, касающихся будущего американо-японских отношений, нельзя ни о чем говорить твердо. Следует признать, что, возможно, произойдет их дальнейшее ухудшение»²⁹. В том же духе высказываются и японские специалисты. Газета «Санкэй симбун» — орган деловых кругов страны — выступила в 1972 г. со статьей, посвященной перспективам взаимоотношений Японии и США, в которой пишется: «Представляется вероятным, что японо-американские отношения будут развиваться в форме сложного, двуединого процесса борьбы и сотрудничества»³⁰. Таков прогноз, который представляется весьма реальным. Открытым остается только вопрос, что будет преобладать в отношениях между этими странами: сотрудничество или борьба. Ближайшее будущее покажет это.

г. Сан-Франциско, апрель 1973.

²⁸ "The Japan Times", 27.XI.1972.

²⁹ Robert Scalapino. American-Japanese Relations in A Changing Era. The Washington Papers 2. New York, 1972, p. 116.

³⁰ «Санкэй симбун», 8.XI.1972.

И ценное наследие, и тяжкое бремя

О связях китайской письменности
и культуры

*М. В. Софронов,
доктор филологических наук*

Китайские иероглифы — исключительное явление среди современных письменностей мира. Сложность начертания иероглифов давно уже давала повод говорить о «непостижимой китайской грамоте». Однако, несмотря на очевидное несоответствие китайской иероглифической письменности требованиям современности, ее судьба еще не решена и проблемы ее реформы все более настоятельно требуют серьезного изучения. Его необходимость диктуется еще и тем, что за четыре тысячелетия своего существования китайская письменность приобрела глубокие связи с китайским языком и культурой. Эти связи настолько тесны, что реформа китайской письменности может привести к радикальным изменениям в лингвистической ситуации, к значительным преобразованиям современной китайской культуры, к новой постановке проблемы культурной традиции в Китае.

О связях китайской письменности и культуры, о важности реформы иероглифической письменности для культурного развития Китая и пойдет речь в этой статье.

Письменность в китайской культуре

В течение четырех тысячелетий исторического развития в Китае была создана национальная письменная культура, которая составляет важную часть мировой культуры. Эта культура хранилась и передавалась из поколения в поколение в виде текстов, на-

писанных иероглифами на письменном языке вэньяне (древний язык).

Китайская иероглифическая письменность представляла собой центр обширного круга специальных знаний и навыков, которыми должен был владеть человек, получивший традиционное образование. В этот круг входило знание сложной орфографии иероглифической письменности и вариантов начертания одного и того же знака в различных стилях. Сюда входила также и сложная орфоэпия китайской письменности: образованный человек должен был знать несколько чтений одного и того же знака: на диалекте, «мандаринское», по фонетическому словарю¹. Помимо орфографии и орфоэпии, в этот круг входило знание группировки иероглифов по рифмам фонетического словаря.

Владение вэньянем, в основе которого лежат классические тексты V—II вв. до н. э., означало владение грамматикой и лексикой письменного языка, который уже на рубеже новой эры утратил связи с живым разговорным языком, знание скрытых цитат, литературных намеков, табуированных иероглифов, входивших в состав имени императора, членов его семьи, и т. п.

Человек, успешно преодолевший курс китайского традиционного образования, читал тексты тысячелетней давности с такой же легкостью, как и труды своих современников. Он был способен писать точно так же, как писали его предшественники за много столетий до него, то есть создавать вневременные, а точнее — всевременные тексты китайской традиционной культуры. Эти тексты — относятся они к VI в. до, допустим, к XIX в., — по своим лингвистическим характеристикам могут не отличаться друг от друга. Такое соотношение китайской средневековой культуры и средств ее письменного выражения было свойственно всем средневековым культурам Востока и Запада, языком которых был существенно отличающийся от повседневного разговорного письменный язык. В этих культурах также создавались вневременные тексты, которые по своему языку могли быть отнесены к любому времени существования культурной традиции².

¹ В. М. Алексеев. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932, стр. 9—12.

² С. С. Аверинцев. На перекрестке литературных традиций («Византийская литература: истоки, творческие принципы»). — «Вопросы литературы», 1973, № 2, стр. 154—155.

Китайская средневековая культура была доступна лишь тем, кто владел вэньянем и иероглифической письменностью. Однако престиж письменности в китайском средневековом обществе был выше престижа письменного языка. Письменность в ту эпоху затмевала язык, она выделялась на первый план как один из наиболее важных признаков китайской культуры. Примером отождествления культуры и письменности в китайском языке является значение слова «вэнь» («письмо»), которое имеет значения и «узор», и «письменность», и «культура». Такое отождествление существовало и в обществе.

Помимо письменной культуры, в Китае существовала и существует бесписьменная, народная культура. В отличие от элитарной унифицированной письменной культуры, непосредственно связанной с государственной организацией, народная культура, характеризующаяся отчетливо выраженными локальными признаками, основанная на фольклорной традиции, была по природе своей партикулярной и не связанной с государственной организацией. Здесь необходимо отметить, что при наличии высокой культуры свыше 90% населения средневекового Китая оставалось неграмотным и не подозревало о существовании большинства культурных ценностей, которыми владела привилегированная верхушка общества.

Сложная иероглифическая письменность служила надежной охраной привилегий правящего класса средневекового Китая в области образования и средством, закрепляющим различие между письменной и бесписьменной народной культурой.

Помимо этой чисто социальной причины сохранения иероглифической письменности, существовали также и социально-политические причины. Как известно, в китайском языке насчитывается значительное количество диалектов, которые объединяются в 7—10 больших диалектных групп³. На диалектах этих групп говорят от нескольких сотен до нескольких десятков миллионов человек. Различия между ними обычно сравнивают с различиями между близкородственными языками. В силу своей универсальности иероглифическая письменность явилась хорошим средством смягчения лингвистических трудностей в многодиалектном обществе средневекового Китая. В сочетании с вэньянем иероглифическая письменность была вполне удовлетворительным для средневекового Китая наддиалектным средством обще-

ния и символом лингвистического единства страны⁴.

В синтоцентрическом мире средневекового Дальнего Востока китайская культура была наиболее развитой и сильной; она оказала значительное влияние на культуры многих соседних народов. В связи с этим китайская иероглифическая письменность была первой письменностью, с которой познакомились народы Дальнего Востока. Универсальность иероглифической письменности не создавала принципиальных препятствий для приспособления ее к любому языку. Поэтому вполне естественно, что она была воспринята в наиболее развитых странах этого региона: в Японии, Корее, Вьетнаме⁵. Ею пользовались и некоторые этнические меньшинства внутри китайской империи⁶.

Таким образом, китайский письменный язык вэньянь и иероглифическая письменность на протяжении многих столетий представляли собой надязыковое средство для внутрикитайского и международного письменного общения на Дальнем Востоке. Единая письменность подчеркивала культурное единство народов, воспринявших ее. Она была символом культурного единства синтоцентрического мира.

Начавшееся с XVIII в. политическое ослабление Китая и, как следствие, застой в культуре привели к ослаблению китайского политического и культурного влияния на Дальнем Востоке. Это сказалось также и на судьбах китайской письменности в этом регионе.

Функции китайской письменности

Для того чтобы выяснить, как функционирует китайская иероглифическая письменность в китайском обществе, предварительно следует рассмотреть проблему связи китайского языка и китайской письменности.

Китайский иероглиф передает на письме морфему — минимальную значимую единицу языка — независимо от того, является ли она односложным словом или односложной частью слова. Для того чтобы китайская иероглифическая письменность смогла сделаться адекватным средством письменного выражения китайского языка, нужно каждой морфеме поставить в соответствие особый письменный знак. Однако живой китайский

⁴ А. Г. Шпринцин. Современные представления о путях исторического развития китайской иероглифической письменности. — «Страны и народы Востока», VII, стр. 132—135.

⁵ Ч. Лоукотка. Развитие письма. М., 1950, стр. 253—273.

⁶ А. А. Москалев. О чжуанской иероглифической письменности. — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 104—105.

³ Юань Цзя-хуа. Диалекты китайского языка. М., 1965, стр. 10; С. Е. Яхонтов. Классификация диалектов китайского языка. — «Исследования по филологии стран Азии и Африки». Л., 1966, стр. 128.

язык — это совокупность диалектов, о различиях между которыми говорилось выше. Общее количество морфем, которые могут там встретиться, практически неисчислимо. Поэтому в многодиалектном обществе иероглифическая письменность может функционировать либо как средство письма, приспособленное для каждого диалекта в отдельности, либо как средство письма, пригодное только для литературного языка, основанного на одном из его прошлых состояний или на одном из живых диалектов. Практически же ответ на эту альтернативу никогда не был последовательным: наряду с иероглифами, распространенными повсеместно, существовали знаки, предназначенные для записи специфических морфем отдельных диалектов, которые обычно никогда не встречались в литературных текстах.

Морфемный состав языка непрерывно меняется в ходе его истории: в языке появляются новые слова. Это означает, что в смену старых знаков должны быть созданы новые. Если бы развитие китайской письменности пошло по этому пути, состав иероглифической письменности непрерывно обновлялся в ходе истории китайского языка. Поэтому в пределах китайской культурной традиции, рассчитанной на многие века, иероглифическая письменность может функционировать либо как средство письма, приспособленное к любому периоду истории китайского языка, либо как средство письма, пригодное для обозначения языка определенного периода его истории. Как и в случае с диалектами, практически ответ на эту альтернативу также никогда не был последовательным: наряду с иероглифами, которые проходят через всю историю китайского письма, можно встретить знаки, имеющиеся в текстах одного определенного исторического периода.

В конечном счете, если бы китайская письменность отражала бы все пространственные и временные изменения языка, она превратилась бы в невероятно громоздкое сооружение, не соответствующее ни всевременным установкам китайской культуры, ни возможностям человеческой памяти. Поэтому для целей китайской культуры можно было обеспечить письменными знаками лишь одно историческое состояние одного диалекта или группы диалектов и сделать его письменным языком всей китайской культуры. В сущности, взъязынь, основанный на восточнокитайских диалектах V—III вв. до н. э., и явился таким языком. На нем были созданы классические произведения этого периода.

Примерно с XII в. в Китае получил признание другой литературный язык, байхуа, основанный на северных диалектах. Он сохранил новые грамматические формы и лексику, однако в дальнейшем стал отставать от общего развития живого языка. Поэтому и байхуа вскоре превратился в чисто письменный язык. На нем создавали художественные произведения различных жанров.

Таким образом, в истории китайского языка дважды создавался литературный язык, основанный на подлинном живом языке, однако этот язык по прошествии определенного времени становился чисто письменным средством общения, имеющим лишь косвенные связи с китайской лингвистической стихией. Поэтому, если бы исторические условия развития современного общекитайского путунхуа, весьма близко стоящего к северным диалектам современного китайского языка, оказались такими же, как и условия развития предшествующих литературных языков, он вряд ли сумел избежать их участи. Причиной такого направления в развитии китайских литературных языков является иероглифическая письменность, которая может быть эффективным средством письма только при наличии стабильного письменного языка.

Наконец, следует также помнить не только о потребностях текстов, создаваемых в разные периоды истории китайской культуры, но также и о человеческих возможностях и разумных сроках обучения письму. Китайские словари хранят все иероглифы, появившиеся в письменных текстах. Их число неуклонно возрастало. В первом словаре «Шовэнь цзецзы» содержалось около 10 тыс. знаков, в словаре XVIII в. «Канси цзядянь» — уже 45 тыс. Рассчитывать на то, что все эти знаки могут удержаться в чьей-либо памяти, было невозможно. Отсюда возникала очень важная проблема отбора из этого огромного запаса тех знаков, которые прежде всего необходимы для различных практических целей.

В средневековом Китае эта проблема решалась естественным путем с учетом принципов китайской средневековой культуры. Необходимость знания классических произведений обуславливала включение всех знаков, которые там встречались, в круг обязательных. И наоборот, среди обязательных знаков могли отсутствовать те, которые обозначали слова повседневного разговорного языка. В лексике взъязынь разных периодов его существования можно наблюдать некоторые перемены, и тем не менее число наиболее употребительных знаков, встречающихся в любой произвольно взятый отрезок времени, не превышало 10 тыс. Для практического владения китайской традиционной культурой достаточно было и 7 тыс. Знание такого количества иероглифов находилось в пределах интеллектуальных возможностей человека, но процесс их усвоения занимал очень много времени.

В новое время проблема отбора была поставлена с учетом двух противоречивых факторов: потребностей современной культуры — более богатой и разнообразной по сравнению с узкогуманитарной, средневековой культурой Китая, — которая требовала новых, более богатых и гибких средств выражения, потребностей современного образования. И расширения объема и сокращения сроков обучения. Так возник вопрос относительно количества иероглифов, достаточ-

ного для обеспечения нужд современной культуры.

Для ответа на этот вопрос важно предварительно выяснить количественные характеристики лексики вэньяня и современного китайского языка, потому что они связаны с различием в терминологии средневековой и современной культур.

Вэньянь — это язык, состоящий прежде всего из односложных слов. В соответствии с этой количественной лингвистической характеристикой вэньяня терминология культуры средневекового Китая была в значительной мере односложной. Это не значит, что в вэньяне многосложные слова отсутствовали всегда. Они создавались по словообразовательным моделям, общим для древнекитайского языка и для вэньяня. В современном китайском языке количество многосложных слов значительно больше, чем в вэньяне, хотя в разговорном языке продолжает сохраняться большое число односложной лексики. В этом смысле терминология современной культуры более однородна — как правило, она состоит из многосложных слов.

Создание новых слов и терминов современного китайского языка — это соединение двух или большего числа морфем по правилам словообразования. Иероглифы представляют собой средство письменной передачи этих лингвистических единиц, следовательно, число иероглифов, встречающихся в китайских текстах — древних или современных, — это число исходных единиц, с помощью которых можно создавать новые слова и термины.

Для оценки количества знаков китайской письменности, встречающихся в современных текстах, следует учитывать не только тексты популярных изданий на темы дня, но также и обширную научно-техническую литературу, лексика которой может существенно отличаться от повседневной. В состав этой лексики входят названия животных, растений, веществ, минералов, машин, механизмов, химических соединений, а также географические названия, исторические термины, имена исторических личностей и легендарных героев и т. п.

Многие слова этой специальной лексики встречаются редко или даже никогда не встречаются в повседневном разговорном языке, но тем не менее имеют важное значение в определенных областях знаний. Через прессу и научно-популярную литературу эти слова проникают в язык определенных кругов общества как «слова культуры». Поэтому иероглифы, обозначающие такие слова или входящие в состав многосложного термина, не могут быть исключены из числа употребительных, несмотря на то что в обычных современных текстах они встречаются редко.

Как мы видим, определение числа иероглифов, которые нужны для обеспечения потребностей современных текстов на китайском языке, то есть создание словаря,

отвечающего нуждам культуры, представляется весьма сложной задачей.

В 1956 г. Комитет по реформе китайской письменности КНР опубликовал «Предварительный список употребительных иероглифов» из 5948 знаков, составленный с учетом научно-технической лексики. «Об этой работе, — писал китайский ученый Чжоу Ю-гуан, — можно сказать, что она представляет собой первый опыт глубокого исследования китайской письменности. Однако этот список, составленный на основании словарей употребительных иероглифов, все еще не является полным списком знаков, встречающихся в китайских текстах. Предпринятые на его основе дальнейшие усилия, можно получить полный список знаков, встречающихся в современных китайских текстах. Когда же мы сможем наконец сказать, сколько встречается иероглифов в современных текстах и, следовательно, неисчислимость превратится в исчислимость — это станет великим событием в истории китайского письма»⁷.

Если сравнить данные «Предварительного списка употребительных иероглифов» с оценкой общего количества письменных знаков, встречающихся в текстах векового литературного наследия, то обнаружится, что разница в числе знаков составит примерно тысячу единиц. Принимая во внимание указанную Чжоу Ю-гуаном неполноту «Предварительного списка», обусловленную стремлением составителей к максимальной краткости, можно сказать, что как средневековая, так и современная культура требует около 7 тыс. знаков.

В основе этого парадокса лежит различие структуры китайской традиционной и современной культуры. Как уже указывалось, китайская традиционная культура была преимущественно гуманитарной. Современная культура, помимо традиционных гуманитарных, включает в себя ряд новых областей знания гуманитарного, естественно-научного, технического циклов, неизвестных в прошлом. Соответственно количество информации, которую несет современная китайская культура, несравненно выше количества, заложенного в традиционной.

Более развитая и многообразная по сравнению со средневековой современная китайская культура оперирует огромным количеством терминов и слов. Эти новые слова и термины, отсутствующие в традиционной китайской культуре, не заимствуются из иностранных языков, как это имеет место в западных культурах, а создаются из тех же самых морфем, из которых создавались термины средневековой культуры. Их источником стал вэньянь.

Вэньянь не умер окончательно. Его лексика оказалась огромным хранилищем, откуда по мере надобности извлекаются морфемы.

⁷ Ч ж о у Ю - г у а н. Очерк реформы китайской письменности. Пекин. 1964, стр. 332 (на кит. яз.).

принимавшие участие в создании новых терминов. Таким образом, в современном Китае роль взъятия аналогична роли латинского и греческого языка в современной западной культуре. Морфемы взъятия представляют собой исходный материал для образования терминов новой культуры путем их комбинации по правилам китайского словообразования. Массовое создание новых терминов, большинство которых представляет собой просто перевод терминов западной культуры, последовательный отказ от заимствований из иностранных языков представляют собой естественную приспособительную реакцию китайской культуры, благодаря которой она смогла использовать старую письменность в новых условиях. Однако следствием этого приспособления явилось то, что общее количество знаков, необходимое для создания текстов традиционной средневековой и современной культуры, осталось примерно одинаковым. Оптимальное количество знаков китайской письменности, необходимое для нормально функционирования китайской культуры, является в основном постоянным и измеряется 7—10 тыс. иероглифов.

Отсюда следует несколько очень важных выводов, касающихся китайского общества в целом. Для овладения им китайской культурой и для приобретения возможности ее развития необходимо знание все тех же 7 тыс. иероглифов, как и в средневековом Китае. Конечно, специализация в определенной области человеческой деятельности позволит многим обойтись меньшим числом знаков. Однако потребности развития современной культуры требуют наличия в обществе некоторого количества специалистов, например филологов, писателей, владеющих обширным списком иероглифов, встречающихся в современных текстах. Так, иероглифическая письменность — составная часть элитарной средневековой культуры — в новых исторических условиях предопределяет элитарность современной китайской культуры, поскольку лица, получившие всесторонние знания письменности, легко могли бы превратиться в интеллектуальную элиту, отличающуюся от лиц со специализированными знаниями или вообще читающими только материалы текущей прессы.

Особое значение в связи с этим приобретают в Китае проблема минимума знания письменности и проблема культурного уровня тех, кто этим минимумом владеет. Статистические исследования популярных текстов общественно-политического и бытового содержания показывают, что количество знаков, которое в них встречается, не выходит за пределы 3 тыс. Существует несколько минимальных списков знаков. Их авторы подходили к своей задаче с несколько различных позиций, поэтому количество знаков варьирует в них от 1,5 до 3,5 тыс. После образования КНР минимум знаков, подлежащих усвоению для ликвидации неграмотности, определен в 1,5 тыс. для

крестьян и 2 тыс. для рабочих и служащих⁸. Такой запас иероглифов дает возможность читать только материалы прессы, общественно-политическую литературу популярного характера и народные издания с упрощенным языком.

В описанной выше ситуации аналогия со стратификацией культуры в обществе, пользующемся алфавитной письменностью, носит лишь внешний характер. Условия культурной мобильности в этом обществе более благоприятны, чем в обществе, пользующемся иероглифической письменностью. В первом случае для перехода на более высокий культурный уровень личность должна пройти обучение с целью усвоения новых культурных ценностей. Во втором эта задача усложняется тем, что всякое повышение культурного уровня наряду с содержательным обучением должно сопровождаться усвоением новых знаков письменности, без которых обучение невозможно.

Особенности восприятия, усвоения, воспроизведения знаков китайской письменности таковы, что наибольшие шансы овладеть широкими знаниями в этой области имеет тот, чья деятельность связана с письменностью ежедневно. В памяти сохраняются прежде всего те знаки, которые чаще всего используются в профессиональной деятельности. Поэтому, до тех пор пока будет сохраняться китайская иероглифическая письменность, наибольшими шансами на овладение высшими уровнями современной китайской культуры будут обладать прежде всего те, кто имеет наилучшую школьную подготовку. Хорошее знание письменности с детских лет освобождает время для содержательного усвоения культуры в дальнейшем и дает преимущество перед теми, которые должны содержательное изучение культуры совмещать с пополнением своих знаний в области письменности. Все это означает, что надежды на создание высокой культуры для широких масс китайского народа при сохранении иероглифической письменности, вероятно, не смогут оправдаться. Народная бесписьменная культура еще долгое время будет существовать в среде неграмотных масс.

Итак, даже беглое рассмотрение функций иероглифической письменности в современных условиях Китая приводит к заключению, что она отнюдь не является пассивной формой национальной культуры. Наоборот, она предопределяет элитарность культуры, пользующейся иероглифической письменностью для составления текстов, а язык этих текстов обнаруживает тенденцию к превращению в письменный язык. Поэтому одним из путей к созданию новой демократической культуры социалистического Китая является реформа иероглифической письменности.

⁸ Чжоу Ю-гуан. Цит. соч., стр. 326—329.

Первая реформа — упрощение

После того как передовые люди Китая ознакомились с европейской цивилизацией, стало ясно, что при всех своих достижениях и значительном вкладе в мировую культуру китайская средневековая культура не в состоянии помочь стране в достижении новых национальных целей. Для превращения Китая в современное государство наряду с многими прочими условиями нужна была новая культура, в которой большее место (по сравнению с прошлой культурой) отводилось бы естественным наукам. В отличие от старой, элитарной, новая культура должна быть доступна более широким кругам китайского народа. Однако доступность новой культуры в значительной мере ограничивала иероглифическая письменность — отличительная черта средневековой элитарной культуры⁹. В публицистике конца XIX в. о китайской иероглифической письменности говорилось как об одном из существенных препятствий на пути современного развития Китая и превращения его в сильное, богатое, процветающее государство¹⁰. Вместе с публицистическими выступлениями стали появляться многочисленные проекты реформы китайской письменности. С начала нынешнего века эти проблемы стали предметом активной дискуссии, которая с перерывами продолжается до настоящего времени. В ходе дискуссии были выяснены пути реформы и примерно оценены ее последствия.

Основные опасности, таящиеся в немедленной ликвидации китайской иероглифической письменности и замене ее фонетическим письмом, состоят в следующем. Ликвидация иероглифической письменности приведет к разрыву культурной традиции, и, таким образом, неминуем ущерб не только китайской, но и мировой культуре, так как многие культурные достижения Китая должны принадлежать всему миру. После немедленной ликвидации иероглифической письменности китайский язык превратился бы в совокупность взаимонепонятных диалектов, не имеющих ни устного, ни письменного общего средства общения. В литературном китайском языке, основанном на разговорной норме, имеется значительное число омонимов, вызванных наличием там лексики вэньяня, которые легко различаются на письме с помощью иероглифов. В случае немедленной ликвидации иероглифов различение омонимов оказалось бы тяжелой проблемой, разрешение которой потребовало бы глубоких перемен в привычном литературном стиле.

⁹ А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900—1917 гг. М., 1972, стр. 36.

¹⁰ Лян Ци-чао. Изначальные звуки, благодетельствующие мир. Пекин, 1936, стр. 3 (на кит. яз.).

Подобные опасности настолько серьезны, что вопрос о ликвидации иероглифической письменности и замены ее фонетическим алфавитом до сих пор обсуждается лишь в теоретическом плане. Усилия же деятелей, занимающихся практическими проблемами культуры и просвещения, всегда были направлены на поиски путей облегчения существующей письменности.

Первым шагом к облегчению пользования иероглифической письменностью явилось сближение языка и письменности, к которому призывал Лян Ци-чао. Для этого было нужно разрушить комплекс знаний и навыков, сложившийся вокруг иероглифической письменности: сложная орфография, орфоэпия, знание фонетических словарей, сложной синонимики, табу и пр. После того как в 1905 г. система государственных экзаменов была отменена, потребность в этом комплексе исчезла. Вместе с тем исчезла и потребность в классическом образовании, имевшем целью готовить людей к государственным экзаменам.

Дальнейшее сближение языка и письменности должно было пройти через борьбу против вэньяня. В этом состояло одно из основных направлений «литературной революции» — част широкого демократического революционного движения «4 мая» 1919 г. В результате «литературной революции» вэньянь был вытеснен из художественной литературы в сферу деловой переписки и отчасти научных текстов.

Переход в 0-х годах к новой системе образования, в которой значительное место отводилось предметам естественнонаучного цикла, сузил круг классических текстов, изучаемых в школе. Это позволило уменьшить количество обязательных для выпускников средних школ иероглифов до 5,5 тыс.¹¹. Среди этих иероглифов большинство обозначало слова живого разговорного языка и лишь часть из них представляла собой слова, встречающиеся только в текстах на вэньяне. Развитие современной китайской культуры привело к появлению значительного количества текстов различного содержания на разговорном языке, поэтому знаний иероглифической письменности, которые давала средняя школа, было достаточно для того, чтобы читать современную литературу.

После того как в 1949 г. правительство КНР перестало пользоваться вэньянем как языком официальных документов, программа сближения языка и письменности оказалась выполненной. С того времени китайская иероглифическая письменность использовалась только для записи текстов на живом языке. Это дало возможность несколько сократить количество иероглифов, которые полагалось знать выпускникам средней школы, и несколько расширить преподавание предметов естественнонаучного цикла.

¹¹ Ай Вэй. Проблемы китайской письменности. Шанхай, 1949, стр. 75—85 (на кит. яз.).

Итогом периода сближения письменности и языка является и значительный рост грамотности в Китае — с 5% в начале века до 20% в 1945 г. Среди получивших образование в 20—40-х годах лишь немногие могли читать классические тексты с полным пониманием их содержания. Это объясняется меньшим вниманием к вопросам традиционной культуры в учебных планах, ориентированных в первую очередь на современность, и более слабым знанием иероглифической письменности. После победы революции в 1949 г. время на изучение традиционной культуры, отведенное в учебных планах, неуклонно сокращалось, поэтому число выпускников средней школы, понимавших классические тексты, соответственно уменьшалось. Это означало образование постепенно расширяющегося разрыва между традиционной и современной культурой. Иероглифическая письменность сама по себе, без комплекса знаний и навыков классического образования, не обеспечивала сохранение связи между старой и современной культурой. Как и в европейских странах, в Китае владение традиционной культурой оказалось делом специалистов — посредников между классическим наследием и современной культурой: филологов и историков.

После того как возможности облегчения письменности (в результате сближения языка и письменности) были исчерпаны, появилась необходимость приступить к облегчению начертания иероглифов, к сокращению их количества.

Как уже говорилось выше, один и тот же знак китайской письменности мог иметь несколько вариантов начертания, которые считались полными. Кроме того, в курсиве и скорописи применялись их сокращенные и видоизмененные формы. Унификация стандартных вариантов и сокращение наиболее сложных знаков в соответствии с их курсивными формами представляет собой первый и наиболее надежный резерв упрощения китайской письменности.

В теоретических трудах по реформе китайской письменности обычно говорится о повышении ее способности передавать звучание лингвистических единиц, обозначенных иероглифами, как об одном из направлений ее упрощения. Как известно, иероглифическая письменность отличается от фонетических письменностей прежде всего принципом связи письменного знака с соответствующей лингвистической единицей. Поэтому иероглифическая письменность, последовательно передающая звучание обозначаемых лингвистических единиц, превращается в одну из разновидностей алфавитного письма и тем самым теряет универсальные свойства иероглифической письменности.

Китайская иероглифическая письменность была создана для обозначения единиц живого языка и поэтому не могла не приобрести некоторых связей с их звучанием. Эти связи выразились в создании иероглифов так называемой фонетической категории, состоящих из фонетической части, указывающей

на чтение знака в целом, и ключа, указывающего на предметную область его значения. В момент создания иероглифов фонетической категории их чтение действительно могло быть определено по фонетической части; однако по прошествии многих столетий связи между чтением фонетической части и действительным чтением знака в целом сохранились далеко не всегда. Авторы проектов упрощения китайской письменности, стремящиеся повысить ее способность к передаче звучания обозначенных иероглифами лингвистических единиц, предлагали различные варианты ее развития путем построения знаков фонетической категории.

Наиболее известный проект упрощенной китайской письменности, состоящей только из иероглифов фонетической категории, был разработан Тан Ланем. В упрощенной китайской письменности, согласно его проекту, сохранялись 800 старых иероглифов, остальные же представляли собой новые знаки, построенные по принципу иероглифов фонетической категории. Они состояли из старых ключей и современных фонетических частей. Последние состояли из двух компонентов, описывающих чтение знака в целом. Для описания чтения иероглифов на путунхуа требовалось всего 67 таких компонентов¹².

Проект Тан Ланя радикально сокращал количество иероглифов, находящихся в употреблении, и упрощал их начертание. Однако он не столько упрощал старые, сколько создавал новые иероглифы. По существу, предлагалась новая письменность, составленная из элементов наличного китайского письма. Проект Тан Ланя предлагал фонетическую письменность, где для различения омонимов были предусмотрены специальные ключевые знаки. Как и всякая фонетическая письменность, она была пригодна только для одного определенного диалекта и не годилась для остальных диалектов китайского языка. В ней не было ни простоты фонетической письменности, ни наддиалектных свойств иероглифической. Этот проект никогда не рассматривался как реальный вариант упрощения китайской письменности.

В январе 1955 г. был опубликован проект упрощения китайской письменности, разработанный Комитетом по реформе китайской письменности, содержащий 798 упрощенных знаков. После обсуждения этого проекта в печати и государственных организациях появился официальный «Проект упрощения китайской письменности», содержащий 515 знаков и 54 графических элемента, изданный Государственным советом 28 января 1956 г. С 1 февраля 1956 г. первый список сокращенных знаков был введен в употребление во всех книгах и рукописных текстах, включая древние письменные памятники. В дальнейшем был введен в употребление второй список сокращенных знаков и список упрощенных графических элементов.

¹² Чжоу Ю-гуан. Цит. соч., стр. 333—335.

Так была проведена первая за последние две тысячи лет реформа китайской письменности. Эта реформа, конечно, никак не поколебала основы иероглифической письменности. Она лишь немного упростила ее.

Упрощенная письменность на Дальнем Востоке и в ООН

В функциях упрощенной китайской письменности присутствует также и международный аспект. Как уже указывалось выше, китайская иероглифическая письменность в средние века была распространена по всему Дальнему Востоку. Ее начертание было единым повсеместно и во всем этом районе. Появление национальных вариантов совпадает с крушением синоцентрического мира. Опыт Японии был учтен при подготовке проекта упрощения китайской письменности. Однако стремления к унификации китайской и японской иероглифической письменности авторы проекта не обнаружили. Китай пошел своим путем упрощения письма, поэтому многие упрощенные иероглифы в Китае и Японии не совпадают.

В настоящее время существуют три варианта китайской письменности: традиционная китайская письменность (на Тайване), упрощенная китайская письменность в КНР и упрощенная китайская письменность в Японии. Вместо единой международной иероглифической письменности на Дальнем Востоке образовались три письменности, различие между которыми углубится еще более, если будут проведены дальнейшие независимые упрощения в указанных странах.

В настоящее время правительство КНР активно распространяет упрощенный вариант китайской письменности за пределами страны. Помимо китайского населения КНР и на Тайване, имеется еще и многочисленная китайская эмиграция, поддерживающая с ними активные связи. Китайская эмиграция располагает своей системой образования, культурными центрами, печатными изданиями. В связи с политическим расколом в среде китайской эмиграции, выбор полного тайваньского или упрощенного варианта китайской письменности КНР для своих печатных изданий является знаком политической ориентации.

Распространению упрощенного варианта китайской письменности за пределами КНР способствовало принятие ее в ООН. С этого момента публикации ООН на китайском языке — одном из официальных языков ООН — стали осуществляться с помощью упрощенной китайской письменности. После установления США дипломатических отношений с КНР публикации правительственных учреждений США на китайском языке тоже будут осуществляться с помощью упрощенной китайской письменности. Примеру США, вероятно, последуют правительства

других капиталистических стран, установивших дипломатические отношения с КНР.

Правительство КНР принимает меры к тому, чтобы распространить упрощенную письменность среди китайских эмигрантов через систему образования. В настоящее время известно об организации в Нью-Йорке воскресных школ для детей китайских эмигрантов, где будет изучаться упрощенная письменность. Не исключено, что этот опыт в дальнейшем будет распространен и в других местах концентрации китайских эмигрантов. Распространение упрощенной китайской письменности среди эмигрантов внушает страх той их части, которая связала свои судьбы с тайваньским режимом. В переломной статье гонконгской «Синдао жибао» 6 июня 1972 г. говорится об опасности отрыва молодого поколения китайских эмигрантов, обучившихся грамоте на упрощенной письменности, от китайской традиционной культуры и ослаблении связи между ними и Тайванем. Газета обращается к тайваньскому комитету по делам эмиграции принять меры к тому, чтобы молодое поколение эмигрантов знало традиционное китайское письмо.

Итоги упрощения и перспективы развития

Умеренное упрощение китайской письменности, проведенное в КНР, несомненно, облегчило пользование ею, однако и в таком виде она еще не может служить орудием всеобщей грамотности в Китае. Оценка результатов кампании по ликвидации неграмотности в Китае была дана в 1964 г. президентом Академии наук КНР Го Мо-жо в статье, изданной затем отдельной брошюрой. Он указал на широко распространенную вторичную неграмотность населения, охваченного в свое время движением за ликвидацию неграмотности, и призвал к дальнейшему упрощению китайской письменности как эффективному, по его мнению, средству ликвидации неграмотности¹³.

Начавшаяся в 1966 г. «культурная революция» привела работу над упрощенной письменностью к застою. Только в 1972 г. появилась первая публикация на эту тему — небольшая заметка Го Мо-жо в апрельском номере журнала «Хунци» по поводу письма в редакцию. Он одобрил деятельность бывшего Комитета по реформе китайской письменности в области распространения и популяризации латинского алфавита, как средства письма и пекинского диалекта как стандартного языка. Эту деятельность он охарактеризовал как создание предпосылок для перехода на фонетический алфавит. До перехода к фонетической письменности дол-

¹³ Го Мо-жо. Реформа китайской письменности в Японии и механизация письма. Пекин, 1964, стр. 12—13.

жен пройти длительный переходный период, в течение которого должна постоянно вестись работа по упрощению китайской письменности и сокращению количества иероглифов¹⁴.

В качестве установки для всей деятельности в области реформы китайской письменности Го Мо-жо приводит указание Мао Цзэ-дуна, которое относится к июню 1951 г.: «...письменность должна быть непременно реформирована, она должна пойти по общему для письменностей мира направлению к фонетическому письму»¹⁵. Как известно, это указание Мао Цзэ-дуна не цитировалось полностью с 1956 г., а в докладе Чжоу Энь-лая о задачах реформы письменности 10 января 1958 г. не упоминалось вообще. О будущем китайской иероглифической письменности Чжоу Энь-лай тогда сказал только то, что «я не собираюсь долго останавливаться на этом вопросе, так как он не входит в рамки задач реформы письменности в настоящее время»¹⁶.

Чем же объяснить, что Го Мо-жо вспоминает старую установку Мао Цзэ-дуна и го-

ворит вслух о перспективах реформы письменности, о которых не стал говорить Чжоу Энь-лай 15 лет назад?

Темпы ликвидации неграмотности и повышения культурного и образовательного уровня в Китае были медленными всегда, они замедлились еще больше в период «культурной революции», парализовавшей систему просвещения. Поэтому облегчение пользования китайским письмом может несколько ускорить этот процесс. Китайские лингвисты и деятели народного образования вполне сознают особенности нынешней ситуации и ищут выхода, так как развитие событий в Китае показывает, что время, на которое можно отложить радикальную реформу китайской письменности, не так велико, как полагал Чжоу Энь-лай в 1958 г.

В большинстве азиатских стран, вставших на путь независимости примерно в одно время с Китаем, проблема грамотности постепенно решается. В этом немалую роль сыграло то, что во всех этих странах приняты фонетические письменности. При сохранении существующих темпов ликвидации неграмотности Китай в следующем десятилетии может оказаться на последнем месте по уровню грамотности в Азии. Это положение, наносящее ущерб внешнеполитическому престижу КНР, грозит в дальнейшем перерасти в отставание в других областях общественной жизни и производства.

Видимо, тяжелое положение с подъемом образовательного и культурного уровня китайского народа вместе с опасностью ущерба международному престижу Китая и побуждает Го Мо-жо выступить с более радикальными предложениями.

¹⁴ Го Мо-жо. Как относиться к новым сокращенным знакам, распространяющимся в массах? — «Хунци», 1972, № 4, стр. 84.

¹⁵ У Юй-чжан. Речь на учредительном заседании исследовательского Комитета по реформе китайской письменности «Чжунго юйвэнь», 1952, № 1, стр. 5.

¹⁶ Чжоу Энь-лай. Задачи реформы письменности в настоящее время. «О реформе китайской письменности» (сборник материалов). Пекин, 1958, стр. 26.

Об отражении общественного сознания в литературе средневекового Китая

Л. З. Эйдлин,
доктор филологических наук

III век — время падения рабовладельческого ханьского государства — в достаточной мере условно в истории китайского общества знаменует собою начало средневековья. Китайские средние века, конечная зыбкая граница которых проходит в XVII—XVIII столетиях, вместили в себя огромные пласты культуры, во многом ждущей своего раскрытия и исследования.

Одна из старых культур мира, китайская культура оказалась наделенной счастливой судьбой. Не зная разрывов среди войн, распада страны и прочих превратностей на протяжении прошедших тысячелетий, а впитывая в себя чужие культуры и отдавая себя им, она сохранилась не как мертвое достояние музеев, а во всей животворности непрекращаемой традиции.

Как могло это получиться в Китае, столько раз на длительное время захватывавшемся другими народами и управляемом чужеземцами? Дело в том, что во все времена до XIX в. захватчики находились на низком уровне развития и, вторгшись в Китай, бывали покорены культурой угнетаемого ими народа. Так, подчинившие себе в IV—V вв. Северный и Северо-Западный Китай кочевники сянби приняли китайскую обрядность, носили китайское платье, назывались китайскими именами, не считая себя при этом китайцами и выделяя себя из среды покоренного населения¹. В XII в. чжурчжэни, в XIII—XIV вв. монголы, в

XVII и дальнейших веках маньчжуры — все они, завоевывая китайцев, воспринимали до мелочей китайскую культуру, без знания которой им невозможно было бы править страной.

Культура Китая поныне заметна в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии — Японии, Корее, Вьетнаме, — самобытная культура которых создавалась в добровольном, а то и насильственном общении с феодальным соседом.

Длительность китайской культуры способствовала ее устойчивости, создававшей обманчивое впечатление как бы неизменяемости. На самом же деле поступательное ее движение было непрекращаемым, и задача исследователя — проникнуть за стены и в самую глубь «недвижного Китая», чтобы понять законы ее развития.

Столетиями культура Китая составляла предмет гордости народа, ее создавшего, и только вторжение европейцев и знакомство с европейской цивилизацией заставило часть китайской интеллигенции на этот раз пристрастными глазами взглянуть на свою родину и, заметив ее отсталые стороны, распространить это свое недовольство на все, в том числе и достойное положительной оценки². Европейцы же, узнавая Китай, рекомендованный им миссионерами, как правило, вначале идеализировали его, восхищаясь цветением наук и искусств. Не говоря уже о Вольтере и Дидро, в какой-то малой степени не избежал этого даже такой знаток Китая, как наш ученый XIX в. академик В. П. Васильев. Может быть (что прежде всего касается французских просветителей XVIII столетия), одной из главных причин подобного восприятия китайской культуры было знакомство с идеями Конфуция в их первоначальном выражении безотносительно к многовековому претворению их в жизненной и государственной практике.

Конфуцианство, основные идеи которого изложены в книге «Луньей», объявило себя продолжателем традиций древности. Эти традиции определяют идеальный путь жизни (*дао*) просвещенного человека (*цзюньцзы*). Совершенствуя и поднимая себя до моральных высот цзюньцзы, человек следует нормам поведения, указанным ему Конфуцием как образец старинной правды, содержащей в себе гуманность (*жэнь*), справедливость, долг (*и*) и воплощенной в слове (*вэнь*). Идея подчинения старшему — в семье отцу, в стране государю — выразилась

¹ Ша и Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959, стр. 168, 169.

² Лю Шу-я. Как сменились мои идеалы (Из одной китайской автобиографии). — «Восток», кн. 5. М.—Л., 1925, стр. 184—201.

также в воспринятом конфуцианством от предшествующих ему веков культе предков. Конфуцианство установило образ жизни, повлияло на характер мышления, проникло в культуру китайского общества, а со II—III вв. до н. э. стало официальной государственной религией, в дальнейшей длительной истории своего существования и практического применения претерпев ряд изменений.

Вообще же конфуцианство как учение почти не знает существования в чистом виде без примеси буддизма и даосизма, смягчивших сухость и разнообразивших прямоту его. Современный китайский синолог Чэнь Инь-цюэ замечает, что, по существу, конфуцианство никогда не было собственно религией и его нельзя рассматривать в одном ряду с буддизмом и даосизмом и что ученые-конфуцианцы могли негласно исповедовать буддийскую религию или тайно придерживаться даосских воззрений, в чем не было ничего противоречивого³. Е. В. М. Алексеев китайская культура объясняется «прежде всего как конфуцианский универсальный комплекс, но затем и как буддийский инфильтрат, питающий своими соками не только китайский быт, но и, например, всю китайскую литературу, и, наконец, как культура даосская, без которой конфуцианство, очевидно, было бы лишь безжизненным педантизмом»⁴. История показала, что в жизни и культуре Китая истинное конфуцианство и как будто противостоящий ему даосизм, по существу, неразделимы. Глубоко прав В. М. Алексеев, рассматривая обе главные системы китайской классической мысли — конфуцианскую и даосскую — как «находящиеся в совершенно близком родстве, хотя это родство — родство антиподов и единство противоречий», и отделяя от этих двух систем хотя и органически прижившуюся на китайской почве, но по природе своей чужеземную — буддийскую, «как вовсе гетерогенную и при всех попытках «автогенного» слияния с двумя древними китайскими системами всегда дававшую сектантство и «курьез»»⁵.

* * *

Важная черта средневековой китайской культуры (и это, исходя из всех ее предпосылок, вполне понятно) есть обращение к древности как к источнику добра, или правды, или классической простоты, по-разному, в зависимости от времени. Проще говоря, в известной нам истории Китая нет такой

древности, которая не находила бы образец для себя в древности еще более глубокой. Древнее — идеал будущего! Почему могло оно стать таковым? Должны же были оказаться к тому причины жизненного порядка, а не только заветы Конфуция и его учеников. Так оно и было. И если украшенные народной фантазией Яо и Шунь — образец мудрой справедливости в управлении государством, то почти вся прочая древность, влекущая к себе из глубин веков, запечатлена на страницах китайской истории и оставила следы своих усилий в китайской культуре. Не древность только потому, что она древность, а самое лучшее в ней призывалось в наставники. И если взять область литературы как непосредственно нас интересующую, то это Цюй Юань, Тао Юань-мин, даже Ли Бо, Ду Фу для следующих за ними поколений, когда медлительность изменений в неторопливо и длительно движущемся китайском обществе давала возможность «древности» быть чуть не непосредственным учителем того позднейшего времени, которое в ней, «древности», нуждалось.

Достижения «древности» воплотил в себе первый великий поэт китайского средневековья Тао Юань-мин (365—427). В его творчестве нет наивности, способной вызвать улыбку нашего современника. Его стихи содержат уже те черты, которые больше всего характеризуют классическую китайскую поэзию. Именно к нему можно отнести замечание ученого-литератора XVII—XVIII вв. Шэнь Дэ-цяня о том, что «в ханьских и вэйских стихах одно сплошное кружение, только со времени Цзинь появляются способные привлечь внимание прекрасные строки»⁶. Победы поэзии и мысли Цао Чжи (192—232), Жуань Цзи (210—263), Цзо Сы (250—305) предопределили подъем китайской поэзии, отмеченный гением Тао Юань-мина.

Цао Чжи и Жуань Цзи, а рядом с ними и многим другим принадлежит честь утверждения в китайской поэзии пятисловного стиха, которым с редкой свободой и уверенностью распорядился Тао Юань-мин. Пятисловный стих явился на смену шизинновскому, четырехсловному, уже ко времени этих поэтов, ограниченному в своих возможностях и не дававшему доступа в поэзию элементам разговорного языка. Прозопоэтические же странные жанры *цы фу*, существовавшие рядом с четырехсловным стихом, оказались выпяченными, расплывчатыми и запутанными в своей многословности. Таким образом, пятисловный стих следует рассматривать как проникновенные поэзии в жизнь, как новое художественное видение мира, одним словом, как часть и знак общественного прогресса. По-видимому, в подобном понимании не будет чего-то специфически относящегося только к Китаю. Американский синолог Б. Уотсон эпиграфом к одной из глав книги о китайской лирике

³ Чэнь Инь-цюэ. Тао Юань-мин чжи сысян юй цин тань чжи гуаньси. Бэйпин, 1945, стр. 38.

⁴ В. М. Алексеев. Советская синология (архив В. М. Алексеева).

⁵ В. М. Алексеев. Новый метод и стиль переводов на русский язык китайских древних классиков (архив В. М. Алексеева).

⁶ Шэнь Дэ-цянь. Шо ши цзуй юй. — «Цин шихуа». Пекин, 1963, стр. 532.

ставит слова Т. С. Эллиота: «Мало таких событий в жизни народа, которые по важности своей могли бы сравниться с изобретением новой формы стиха»⁷. Родился пятисловный стих, как и четырехсловный, несомненно, в народном сознании и пришел в литературу поэзию, в частности в созданные просвещенными авторами — представителями общественной верхушки — «древние стихотворения», из народных песен.

Внимательное чтение средневековой китайской литературы позволяет нам увидеть в ее творениях, в смене жанров постепенно изменяющееся, требующее все большей углубленности отношение поэта к находящемуся рядом человеку и человека к окружающему его миру. Какова бы ни была специфика этой литературы, ее особенности — не достоинства и недостатки, а именно то, что делает ее такой, а не иной, — все они связаны со взглядом людей на современный им мир. Их мир формировался задолго до них, и в характерном для Китая и уже упомянутом нами почитании древнего меньше всего абстрактности: древнее даже в материальном его выражении — в виде утвари, одежды, предметов искусства — оставалось живым в современности.

Конфуций учил тому, чтобы, веря в древность и любя древнее, пересказывать, а не вымышлять⁸. Последний тезис не вызовет удивления: он соответствует уровню восприятия литературы также человеком западной древности или средневековья, не делавшим разницы между историей и вымыслом, в котором он всегда подразумевал историческую достоверность. До сочинителя выдумок в китайской средневековой литературе — в наивных дотанских рассказах, в танской новелле и даже в народной сунской повести — доискаться трудно, потому что каждый из рассказчиков, сообщая точные годы, географию происшествий и имена участников его, был твердо уверен в том, что он не «вымышляет», а лишь «пересказывает» тем или иным путем дошедшее до него, не раз призывая в свидетели людей, существование которых несомненно.

Место действия обуславливалось и временем. Одна из единиц измерения времени — человеческий век, обозначавшийся ста годами. Еще в древней песне «Шицина» вдова говорит, что «через сто лет», то есть после ее человеческого века, присоединится она к умершему мужу, вернется в его обиталище⁹. В «Шицине» же как некое огромное протяжение времени существования человечества есть сто поколений: «Потомки Просвещенного царя, Вэнь-вана — корни и ветви на сто поколений»¹⁰. И наконец, в том же «Шицине» время, что ухо-

дит далеко в грядущее, — характерные для Китая тысяча и чаще всего десять тысяч лет: если наделенный добродетелями человек являет собою пример для всей страны, то почему не продлить это на десять тысяч лет!¹¹

Все эти «меры времени» пришли из древности в средневековье и в его литературу со свойственной им неопределенностью. Проследим их хотя бы на стихах Тао Юаньмина. Люди жили в мире малых скоростей и не считали свое время строгими минутой или даже часом. Они знали миг — «суйной»: «В тихой заводиле челн ни на миг не могу я спрятать». Они видели передвижение тени на солнечных часах: «Людам прежних веков было жаль и кусочка тени». Но все это, как бы сказать, не для каждогодневного, а скорее, для философского пользования, для размышлений о быстротечности жизни. Дни, складывающиеся в месяцы, во времена года и, наконец, в годы, — вот наиболее употребимый отсчет времени в мышлении средневекового человека и в его литературе. Они кажутся столь быстрыми, что он способен заметить лишь смену дня ночью и не в состоянии точно поделить их на меньшие величины: «А годы и луны торопятся как в погоне...», «Солнце с луною никак не хотят помедлить, / Торопят друг друга четыре времени года». Но и отсчет лет тоже, в общем, приблизителен: «Шу — старшему сыну — исполнилось дважды восемь» или «И лет ей от силы три раза по пять миновало». (Что идет еще от «древних стихотворений»: трижды пять (то есть в пятнадцатый день) — полная луна, четырежды пять (то есть в двадцатый день) — обиталище жабы и зайца на ущербе.) Так и в танской новелле, и в сунской повести, и в литературе XVII—XVIII вв., традиционно продолжающей особенности старого рассказа, например в произведениях Пу Сунлина.

Когда же появляется необходимость указать на количество прошедшего времени — меньше чем день, или утро, или полдень, или вечер, то средневековый автор прибегает к измерению обыденно-привычным действием, требующим определенной протективности. В новелле танского Шэнь Цзинци хозяин постоялого двора варит кашу. Перед нами проходит весь жизненный путь героя новеллы. Но оказывается, что все это лишь во сне, и, когда герой просыпается, он с удивлением видит, что каша еще не сварилась и, значит, все, что в долгой его жизни произошло с ним, было лишь кратким сном. Сном, мерилом длительности которого явилось время, необходимое для того, чтобы сварить кашу.

Так и у находящегося близко к завершению средневековья автора «Рассказов Ляо Чжа» о чудесах — «По прошествии времени, нужного приблизительно для варки проса...» («Хэцзяньский студент») или

⁷ В. Watson. Chinese Lyricism. N.Y.—L., 1971, p. 15.

⁸ «Луньюй» (серия «Ши сань цзин чжу шу»). Пекин, 1957, стр. 153.

⁹ «Шицин» (серия «Ши сань цзин чжу шу»). Пекин, 1957, стр. 553.

¹⁰ Там же, стр. 1290.

¹¹ Там же, стр. 658.

«Прошло этак с время, нужное для обеда...» («Бесовка Сяо-сё»), или «Так прошло время — ну, чтобы поесть...» («Прокказы Сяо-шуй»).

Литература средневекового Китая знает и субъективное восприятие времени. Из древности пришло ощущение нескончаемости ночи. «От многих забот узнала, как ночь длинна», — жалуется тоскующая жена в семнадцатом «древнем стихотворении». У Фу Сюаня (218—278): «Человек, что в печали, знает, как ночь длинна!» У Тао Юань-мина: «Оттого, что не сплю, нескончаемость ночи узнал» или «И от дома вдаль бесконечна весенняя ночь». Бо Цзюй-ин не знает, «как вытерпеть самую длинную ночь». От «древних стихотворений» унаследована и всячески развиваемая в так называемых «стихах о разном» многих средневековых поэтов мысль о невозвратности быстроебегущего времени, ярче всего выраженная Тао Юань-мином: «В жизни время расщепляется никогда не приходит снова. Да и в день тот же самый трудно дважды взойти заре», «И уходит-уходит все быстрее и дальше время. С этой жизнью своєю разве можешь встретиться снова?»

Как бы ни были переплетены между собой мыслительные и религиозные системы Китая — конфуцианство, даосизм, буддизм, — в основе китайской литературы лежит нравственность, опирающаяся прежде всего на конфуцианские нормы. Здесь следует различать внутреннюю сущность явления и внешнее его выражение, остерегаться себя от распространения внешних противоречий на внутреннее единство.

У Чжуан-цзы умерла жена; он сидел и шел, ударяя в таз. На упрек пришедшего к нему с соболезнованиями Хуэй-цзы он ответил, что смерть жены его, конечно, печальна, но когда он подумал, что она, покоясь ныне в огромной обители, какую является мир, прошла череду естественных превращений и до рождения и при жизни, и смерть лишь в том числе, и что оплакивать ее — значит не понимать законов жизни, — когда он задумался над этим, то перестал плакать¹².

Смерть и Конфуцием воспринималась как естественное явление. Он тоже далек был от возмущения смертью: «Все живое должно умереть, умершее должно вернуться в землю»¹³. Но распевать песни при этой грустной неизбежности? «Если учитель трапезовал рядом с похоронившим близкого, он никогда не ел досыта. Учитель не пел в тот день, когда он плакал»¹⁴. Здесь поведение Конфуция, близкое к человеческой природе, противопоставлено очевидной внешней странности Чжуан-цзы, за которой скрывается, однако же, все та же людская печаль по ушедшему из жизни, в данном случае пронизывающая

всю китайскую мораль категория верности — родителям, мужу, другу, государю.

Смерть — одна из главных тем китайской поэзии, начиная с древних песен. Смертью завершается путь человека, смерть подытоживает его деяния. «Циский гун Цици владел тысячей четверок коней; в день, когда он умер, народ не увидел ни одной добродетели, за которую можно было бы воздать ему хвалу. Бо-и и Шу-ци умерли голодной смертью у подножья горы Шоуян, народ же и поныне прославляет их»¹⁵. Так сказано в древней книге «Лушьюй», но и поэзия всего средневековья полна размышлений над тем, как же все-таки отнестись к этому року, с которым рождается каждая человеческая жизнь. В разные времена относилась она к нему по-разному, но никогда не рассматривала смерть как благо, освобождающее от человеческих тягот. Она могла искать избавления от смерти в снадобьях бессмертия или с мудрой, недоверчивой усмешкой встречать эти пустые усилия, призывая к добрым свершениям в жизни, но никак не признавала за смертью роли освободительницы.

Какого же освобождения ждал для себя человек китайского средневековья? Какое чаяние отразила литература? Это не простой вопрос, потому что «большая поэзия» создавалась в танское и сунское время верхушкой общества, как и танская новелла, в сунскую же повесть вошли настроения если не низов, то, во всяком случае, более демократической части населения страны. И все же даже при наличии крестьянских восстаний, длившихся годами, не надо забывать, что в сознании человека тех веков все бедствия объяснялись не несовершенством социального строя, а только несправедливостью чиновников, и когда повстанцы временно побеждали, вождь их, как правило, объявлял себя новым государем.

Вот почему одной из главных форм освобождения от жизненных невзгод стало отшельничество. Отшельничество могло быть полным отдалением от жизни, могло быть и символическим, содержащим в себе активный протест. В одном из хрестоматийных стихотворений Тао Юань-мина поэт поставил свой дом в самой гуще людских жилищ, но минует его стук повозок и топот коней. «Вы хотите узнать, отчего это может быть? Вдаль умчешься душой, и земля отойдет сама». Пристрастие к Лао-цзы и Чжуан-цзы, даосским мыслителям, сгущая настроение печального одиночества, не приводило к равнодушию, и, например, восемьдесят два стихотворения Жуань Ци, объединенные названием «Пою о своих чувствах», так или иначе восставали против современной поэту действительности.

Можно было не только дом свой поставить «в самой гуще людских жилищ», но и

¹² «Чжуан-цзы цзиньзе» (серия «Чжуан-цзы цзинь», т. 3). Пекин, 1956, стр. 110.

¹³ «Лицзи» (серия «Шань сань цзинь чжуан-цзы»). Пекин, 1957, стр. 1944.

¹⁴ «Лушьюй». Пекин, 1957, стр. 155.

¹⁵ Там же, стр. 380.

самому не уходить даже формально от самых вершин государственной жизни. Поэт Ван Кан-цзюй в IV в. предвосхитил обстоятельства танского и сунского времени, поделив отшельничество на малое и большое, когда «малый отшельник уединяется среди гор и вод, великий же отшельник — при дворе и на рыночной площади». «Малое» отшельничество — жизнь «среди гор и вод», когда, по выражению поэта Цзо Сы, «ни к чему струна и бамбук — горные воды содержат чистые звуки, нет нужды в человеческой песне — чаща лесная сама печально поет», такая жизнь в некоторых случаях сочеталась с «великим» отшельничеством — обязанностями сановника, как у Бо Цзюй-и во время его службы вдали от двора.

Отшельничество могло соединяться и с неудовлетворенным конфуцианским стремлением к государственной службе. Пример тому «луньский отшельник» Мэн Хао-жань (689—740). В отшельничестве не главенствовала религиозная сущность. Даже буддийский монастырь — если отшельник-поэт оказывался буддистом — был лишен строгости христианского монастыря. Китайский отшельник никогда не был «старцем, удалившимся в пустынь», или схимником. Это все-таки больше всего отшельничество мысли. Поэтому китайский поэт-отшельник, ученый-отшельник, презирая богатство, но и не теша гордыню нищетой, мог знать и семейные радости, и веселье в кругу друзей. «Отшельник» Тао Юань-мин вслед за Цзо Сы и другими своими предшественниками ввел в стихи жену, детей, родных, что после него стало принадлежностью танской поэзии. Отшельничество в таком широком смысле повлияло на тему дружбы в средневековой китайской литературе, тему, большое место захватившую в поэзии.

Китайский отшельник не искал непременно одиночества. Он не мнил себя единственным, выше других. Выше его самого всегда стояла древность, сравняться с которой и было его мечтой. Рядом с ним жили или приходили к нему его друзья, то есть люди, мыслившие, как он, древними категориями. И ничто не могло быть привлекательнее этой основанной на принципиальном единомыслии дружбы. Дружбы иной, нарушающей единомыслие, в идеале не существовало. «И если мы с кем-то не равных стремлений, / Способны ли с ним быть мы родственно-близки?» — говорит Тао Юань-мин. Дружба, идущая вразрез с жизненными правилами праведника, отвергается. У того же Тао Юань-мина о «бедном ученом»: «В меру сил и старания, не сходя с колеи старинной, / Разве тем не обрек себя на лишения и на голод? / А вдобавок и дружества если более не узнаешь, / Что случится от этого, и какая нужда в печали?..»

Не явилась ли тема дружбы причиной приглушения темы любви в средневековой китайской поэзии? Лишь до некоторой степени, потому что любовь в китайской лите-

ратуре не поступилась своим местом, предопределенным социальными условиями и прямыми народному характеру особенностям. Раннее средневековье, а именно дотанское время «Шести династий», наиболее богато любовной поэзией в народных стихотворениях *юэфу* и в авторских подражаниях им. Присущая им целомудренная стыдливость выразилась в том, что о любви подчас говорится не прямо. В любовных народных песнях используется омонимичность китайского языка — о любви, о расставаниях и встречах надо догадываться, находя их в одинаково с ними звучащих словах. В этом известное всем отличие китайской любовной поэзии от ближневосточной или индийской, откровенно восхищающейся красотой любой части тела¹⁶. В китайских любовных стихотворениях нет и описаний, особенно присущих древней и средневековой индийской поэзии¹⁷. «Я желал бы стать поясом к нижней одежде твоей, чтобы стягивать тонкое тело скромнейшей затворницы-девы...» — пишет Тао Юань-мин, и это вершина откровенности, осужденная его биографом в VI в. Можно прямо сказать, что, несмотря на ряд стихотворений танского времени, несмотря на творчество Ли Шан-иня (812—858), любовная тема в поэзии танского государства оскудевает, приобретает несравненно большее значение с расцветом поэтического жанра *цзы*, вначале посвященного жизненным печалям и любви, а затем стараниями Су Ши (1037—1101) охватившего разные явления жизни.

Средневековая проза чаще всего традиционно восхваляла романтическую сторону любви, жертвенность и верность, сочувствовала юнкнутым и осуждала забывших, оплакивала разлуку и радовалась соединению. Когда же пришла пора откровенных описаний в XVI—XVII вв. в части повестей, собранных Лин Мэн-чу, или в романах, подобных «Цзинь, Пин, Мэй», то оказалось, что плотские удовольствия в них заместила чувство любви. Дань официальной морали отдана непререкаемым наказаниям распутных героев¹⁸. Откровенность более позднего Пу Сун-лина в его «Рассказах Ляо Чжао о чудесах» намного сдержаннее.

Любовь и в поэзии неотделима от юности. А китайская средневековая поэзия с ее поучительными функциями, идущими еще от древнего «Шинцзина», есть поэзия мысли, жизненных наставлений, прямых или косвенных. В них входят раздумья о смерти, предупреждающей человека «инеем на вьсках», который «растопить весне не удастся» (Бо Цзюй-и), белым знаком — ярлыком

¹⁶ B. Watson. *Shinese Lyricism*, p. 1971. p. 99.

¹⁷ «Ригведа. Избранные гимны». М. 1972, стр. 225.

¹⁸ Д. Н. Воскресенский. К вопросу об особенностях развития творческой мысли в Китае XVI—XVII вв.—«Вестник Московского университета, Востоковедение». № 2, 1971, стр. 36, 37.

пролажи, когда «Знак этот белый отметил голову вашу, /И путь перед вами с тех пор все уже и уже» (Тао Юань-мин). Китайский поэт отмечает время уже начиная с сорока лет, дарованных ему как предел, за которым наступает поэтизируемая им (в полном соответствии с конфуцианской традицией) старость — символ зрелости, но и предмет печали, предвестник «превращения», как называлась смерть. «И вдруг, встречая новый день, я лет своих пугаюсь. До сорока сегодня мне один лишь год остался», — жаловался Бо Цзюй-и. В сорок лет Оуян Сю (1107—1072) стал именовать себя в сочинениях «пьяным старцем»¹⁹. У старости свои заботы — радости созерцания природы, бесед с друзьями, воспитания детей и внуков, дум о стране и о ее людях, внимания к дому и жене в нем, печали о собственном несовершенстве, о неуклонном приближении к кончине. Все это — проникновенная поэзия, мало места оставляющая чувству к женщине. Такова особенность средневекового китайского поэта, на протяжении ряда веков воспевавшего старость, настоящую или мнимую.

Чувство старости приходило к китайскому поэту раньше старости физической и было «иерархией» старости, состоянием душевной зрелости, концентрации жизненного опыта, именуемым старостью для конфуцианского почитания.

В этом раннем чувстве старости может быть повинна и относительная медленность течения жизни, как бы увеличенная объемность проходящего времени: тот миг, которым начинала с «древних стихотворений», поэты отмеряли человеческий век, был больше умоглядным, чем реальным. Мы ведь и в нашей русской истории литературы подчас удивляемся тому, как по сравнению с нынешним столетием рано выросли герои книг XVIII—XIX вв. Что же говорить о китайской древности или далеком средневековье?

Почитание старости в китайской поэзии отразилось также акцентированием черт, отличающих старость. При характерной для китайской лирики склонности к раздумьям над превратностями человеческого существования, внимание поэтов, пожелавших заявить свое право на старость, обратилось к старческому печалю. Печальные стихи о старости нашли множество подражателей, имитировавших старость. Однако настоящая, а не кажущаяся старость подарила китайской поэзии стихи о радости восприятия жизни. У танского Бо Цзюй-и в стихотворении «На Цзюйцзяне»:

На берегу и над рекой
опять весенний ветер,
И среди тысячи цветов
один почтенный старец.

Цветам он рад, и рад вину,
и опьянел немного.
Что о печалях толковать?
Их разве перескажешь?

Возможно, что в заключении содержится не только нежелание говорить о печалю среди прекрасной природы, радующей чувства поэта, но и неодобрение тех, для кого воспевание собственных печалей стало привычным.

Сунская поэзия, благодаря свойственно ей стремлению к поискам связи явлений, помогает нам отделить так распространенную в китайской лирике кажущуюся старость с ее демонстративными печалюми, названными впоследствии «беспричинными вздохами», от старости подлинной, не старающейся выставить напоказ свои горести.

Стоит привести хотя бы одно из стихотворений Синь Ци-ци (1140—1207) в жанре *цы* из ряда тех, в которых он любит говорить о бездумии молодости и опасениях старости в выражении своих чувств в поэзии по отношению к разлуке и другим человеческим невздам:

Помню, в юные годы, когда не знал,
что такое печалю горечь,
Я, бывало, любил
на башню взойти.
Я, бывало, любил
на башню взойти,
И стихи сочинить, в которых себе
пел о выдуманных печалюх...
Вот теперь, когда я познал до конца,
что такое печалю горечь,
Рассказать бы о них,
но о них молчу.
Рассказать бы о них,
но о них молчу.
А про то говорю, как прохладен день,
до чего приятна осень!

На первый взгляд Синь Ци-ци противопоставляет юность старости. Но противопоставление это глубже: в нем разоблачение мнимой, кажущейся старости на предмет утверждения той, наиболее почитаемой.

Нами указаны некоторые устойчивые черты средневековой китайской литературы, сохранившиеся (но и изменившиеся) за долгое время ее развития приблизительно от III до XVII—XVIII вв. Ограничив себя пока XIII столетием, мы таким образом останавливаемся на том пороге, за которым находятся «юаньская драма» и «минская драма», а также китайский роман со всем присущим ему разнообразием. Но и на нашу долю остаются стихотворные жанры *ши* и *цы*, прозапоэтические сочинения, танская новелла — *чаньци* и сунская повесть — *хуабэнь*. Одни из этих жанров шли на смену друг другу, другие же, видоизменяясь или приобретая иное содержание, продолжали соседствовать.

Раннее средневековье подготовило к VI в. огромную литературу — тонкую и

¹⁹ «Оуян Юн-шу цзи». Шанхай, 1958, кн. I, Няньпу, стр. 9.

глубокую по восприятию мира поэзию и несколько осмысливающих ее трактатов, в первом из которых, принадлежащем поэту Цао Пи (187—226), говорилось о бессмертии писаного слова. Тогда еще веяло свежестью от безымянной народной поэзии, в дальнейшем влившейся в стихи средневековых авторов. Окрепла пейзажная лирика, исподволь занимавшая предназначенное ей место и окончательно утвердившаяся в творчестве Се Лин-юня (385—433). Вот-вот должна была подняться и укрыть собою всю танскую и сунскую поэзию умолкшая на полтора столетия слава Тао Юань-мина.

В конце VI в. Китай после трехсот лет разрозненности был объединен династией Суй. Система централизованного управления, введенная первым суйским государем, в общем, сохранялась и в танское и в сунское время²⁰. С танского государства, основанного в 618 г., начинаются наиболее просвещенные столетия в истории Китая. Экзамены на чиновничью должность, формально существовавшие со II в. до н. э., в танском государстве приобрели действительный характер. Отсутствие словесных ограничений дало возможность держать экзамены всем тем, кому состоятельность позволяла пройти длительный курс обучения. Специфический характер требуемых знаний — конфуцианские книги и поэзия — привел к тому, что на высоких должностях пребывали не всегда способные к государственной деятельности люди. Знание поэзии требовало многих трудов, и подготовка чиновников сливалась с подготовкой поэтов. Как правило, те поэты, стихи которых вошли в изданное в XVIII в. «Полное собрание танских стихотворений», состоящее из сорока восьми тысяч произведений двух тысяч двухсот авторов, были государственными чиновниками или только случайно не стали ими, не сумев пройти экзамены.

Танский литератор знал все, что было написано до него, и воспринимал традицию как современность или, вернее, как импульс для отражения поэтом своей современности, уже резко отличной даже по размерам огромной страны от той, удельной или деревенской «древности». И все-таки «древность» оставалась в современности традицией чувств и нравственных положений, а отсюда и взгляд на нее как на находящуюся рядом. Примеров тому множество. Хань Юй (768—824), желая привести мысль к ясности, а литературу к простоте (что тоже имело традицию, в развитии которой он оказался результативнее предшественников), провозгласил «возврат к древности». Для того чтобы понять жизненность именно такого призыва на танской почве, достаточно взять стихотворения поэта, — они вне деклараций. В восьмом из одиннадцати стихотворений Хань Юя, «Осенние думы», автор говорит о стихах, творцы которых не

нынешние люди. Они отдалены от поэта тысячей лет, но в их словах есть то, что и сейчас трогает его душу, что заставляет его и печалиться вновь и размышлять о жизни.

«Возврат к древности» Хань Юя и Лю Цзун-юаня, звавший к приближению прозы поэтических сочинений к живой жизни, по существу, смыкается с до удивления открытым и бурным возмущением в поэзии, произведенным «Новыми народными песнями» Бо Цзюй-и, Юань Чжэня. Поэзия встала на защиту крестьянина, не боясь вторжения в прозу жизни, углубляясь в труд послынных экономических подсчетов и сравнений с прошлыми временами, что является для нас еще одним свидетельством многих функций средневековой китайской поэзии, не давая нам оснований резко отделять ее от науки тех времен.

Основанное в 960 г. сунское государство удерживало свои границы сто шестьдесят лет. В 1127 г. вторгшиеся еще ранее в Китай чжурчжэни заняли столицу Кайфын, захватив свыше трети территории страны. С 1127 по 1279 г. — время существования южносунского государства со столицей в Ханчжоу. Несчастья страны не снизили напряженности, а лишь изменили направление ее духовной жизни. Действия и произведения той части общества, которая считала себя ответственной за судьбы страны, вышли из пределов внутренних беспокойств и обличений: особую силу в литературе приобрела тема самого существования родины.

Если задаться целью определить сущность различия между танским и сунским образом мышления, то, как ни неизбежно грубым будет наше заключение, ибо слишком над многим да вдобавок еще и пока неизвестным нам придется задуматься, все же на основании хотя бы литературы в самом развернутом ее понимании — от поэзии до деловых бумаг — можно сказать, что конкретность танских суждений в сунское время развивается в сторону большей широты обобщения. Именно сунскому времени принадлежит неоконфуцианство, названное В. М. Алексеевым конфуцианским Ренессансом XI—XII вв., представители которого известнейшие литераторы, «стараясь сложить свое конфуцианское миропонимание, доведя его до той отчетливой высказываемости, которая свойственна буддийским и даосским книгам, и сообщить ему религиозно-философскую округлость»²¹. В конечном итоге неоконфуцианцы, выразителем и объединителем идей которых стал Чжу Си (1130—1200), представили существующий общественный порядок как проявление вечного разума — *ли*.

Тяга сунского времени к философскому, теоретическому осмыслению действительности и искусства проявилась во многих областях жизни и породила, в частности, та-

²⁰ «История стран зарубежной Азии в средние века». М., 1970, стр. 62.

²¹ В. Алексеев. Китайская литература. — Сб. «Литература Востока», вып. II. Пб., 1920, стр. 26, 27.

кой замечательный критический жанр, как *шихуа*, а затем *цыхуа* — заметки о стихах, обращение к которым дает нам чрезвычайно много для изучения китайской поэзии всех времен.

Сунская поэзия огромна по своему объему. В принадлежащих Ли Э (1692—1752) «Записках о сунских стихах» упоминается три тысячи восьмисот двенадцать поэтов, чуть не вдвое больше, чем известных нам танских поэтов. Более сохранным оказалось и сунское наследие. Так, например, до наших дней дошло девять тысяч двести стихотворений Лу Ю (1125—1210). В 1927 г. Лу Синь статью «Лекарство бессмертия и вино в образе жизни и литературе Вэй и Цзинь» начал с сетований на трудности в изучении древней китайской литературы в связи с недостаточным количеством нужных материалов²². За 46 лет, прошедших с этого времени, появились и истории литературы и монографии о писателях, но до сих пор синология не может похвалиться даже приближением к удовлетворительной изученности дотанской и особенно сунской поэзии, столь много значащих для истории китайского общества²³.

В сунское время китайская поэзия поднялась еще на одну ступень в присущем ей внимании к человеку, приобрела большую широту, более тесную связь с интересами всего общества, в котором многие поэты были вершителями государственных дел. Есикава Кодзиро главное отличие сунской поэзии от всех предшествующих ей видит в изменении самого отношения к жизни, в отказе от настроения поэта, печалующегося о неизбежном конце жизненного пути: «Человек больше не влачит ничтожное существование, по крайней мере не столь ничтожное, как это изображалось в поэзии всех времен — от Хань до Тан. Он больше не беззащитное творение, дергаемое нитями судьбы и брошенное на дорогу, ведущую только к могиле»²⁴. Если даже здесь есть некоторое преувеличение, то все же заметим себе сравнительную оптимистичность или философскую усложненность сунской поэзии, более спокойной (ниидань), внешне менее страстной, чем танская.

Борьба с несправедливостью и утверждение гордости за родину в сознании человека — вот две главные гражданские линии сунской поэзии, и если первая из них унаследована от танского времени, то вторая преимущественно принадлежит сунскому, а точнее — южносунскому. Ван Ань-ши (1021—1086) в стихотворении «Отбирают соль» говорит о мучительной бедности ост-

ровных жителей, вынужденных выпаривать соль и тем нарушающих государственную монополию. Он укоряет чиновников, которые отнимают эту тяжким трудом добытую соль. Поражают заключительные строки стихотворения о ценности человеческой жизни и о том, что не стоит благородному мужу вырывать у бедняка заработанную им малость²⁵. Здесь звучит новая нота — уважения к труженнику, а не только жалость к нему, не только боль за него, так частая в танской поэзии. Патриотическая тема в сунской поэзии помогла осознанию возможности для того времени целостности китайского общества, потому что в существе поэзии, обличающей несправедливости, лежала защита крестьянина, поэзия же, призванная к борьбе с внешним врагом, по самой идее своей уже предполагала единение с этим крестьянином.

Традиционные поэтические, а в особенности прозаические жанры, несмотря на значение, которое имела в их развитии народная поэзия, на протяжении всего средневековья были литературой верхнего слоя общества, той литературой, для овладения которой нужны были десятилетия и которую народ мог знать лишь в отрывках, отдельными строками. Этой литературе присуща народность, хотя народ и не мог читать ее — не только из-за неграмотности простого человека, но и потому, что писалась она не на разговорном языке. Однако необходимо указать на упрощение и прозаизацию южносунской поэзии, заметную у Ян Вань-ли и у некоторых других авторов. Именно сунскому времени принадлежит народная повесть — *хуабэнь* — на языке понятном неученому человеку деревни и города.

Китайский средневековый город... Чань-ань или Лоян — западная и восточная столицы — в танское время. Оживленные улицы. Разноплеменная, утихающая лишь к ночи толпа. Торговые ряды. Базарные площади. Огромные расстояния. Для взгляда полная противоположность тихой деревне, прилежно и безмолвно трудящейся на полях. А на самом деле то же безропотное подчинение единой централизованной власти, отсутствие городского самоуправления, жесткая регламентация внутренней и внешней жизни со стороны государства, владеющего всей городской землей, то есть та же безусловная зависимость, не позволяющая горожанину резко отделиться в своем политическом развитии от деревенского жителя²⁶.

Таким образом, хотя внешние признаки китайского средневекового города иные, чем деревни (ремесло, торговля), но сама социальная сущность его, духовное состояние городского человека оставались во многом теми же, что и в деревне, как это ни

²² Лу Синь. Лу Сюнь цюань цзи. Пекин, 1956, т. 3, стр. 379.

²³ Чжань Чжи. Предисловие. — «Гудянь вэньсюэ яньцзю цыляо хуэйбянь. Ян Вань-ли, Фань Чэн-да цюань». Пекин, 1964, стр. 2.

²⁴ Yoshikawa Kojiro. An Introduction to Sung Poetry. Cambridge, Massachusetts, 1967, p. 27.

²⁵ «Линь-чуань сяньшэн вэнь цзи». Пекин, 1959, цз. 12, стр. 177.

²⁶ «История стран зарубежной Азии в средние века». М., 1970, стр. 220.

покажется странным тому, кто привык к европейской истории, живописующей нам вольные города с их ремесленниками и торговцами, издевающимися над монахом и при случае без колебаний отделяющими рыцаря. И недаром в китайской средневековой поэзии полностью отсутствует поэтизация города.

В сунских городах появляются новые производства. Введенный в XI в. наборный шрифт позволил развиваться книгоиздательскому делу. Город изменился и внешне. В танское время жилые кварталы отделялись от рыночных и запирались на ночь, прекращая уличную жизнь, при Сунах же в Кайфыне, Лояне, Янчжоу, а потом в Ханчжоу и в Чэнду шла торговля на ночных рынках и общение между жилыми и рыночными кварталами не прерывалось круглые сутки. Но оживленность города не изменила главного — подвластности ремесленников и торговцев городским феодальным властям. Ремесленники и торговцы были в этом бесправном городе, где собственность могла быть в любую минуту отнята государственными чиновниками, самыми бесправными людьми. Э. П. Стужина на основании изучения большого китайского, японского и западного материала, посвященного средневековому китайскому городу, приходит к выводу: «Можно выделить следующие характерные черты китайского феодального города: 1) расположение на государственной земле; 2) полное отсутствие городской общины и самоуправления; 3) деление городов на административные районы и кварталы со строгим подчинением властям; 4) контроль государства над всеми формами торгово-ремесленной деятельности. В Китае не было ничего аналогичного хотя бы «обельным» слободам Московской Руси, пользовавшимся налоговым иммунитетом... Китайский город действительно стал частью бюрократической машины и почти ей не противостоил»²⁷.

Удивительные и прекрасные истории, составляющие содержание танских новелл, дают нам некоторое представление о городе VII—IX вв. и об установлениях, регулирующих его жизнь. Мы читаем о запирающихся на ночь кварталах, о времени, когда отворяются утром ворота («История Жэнь Шэнь Цзи-цзи»), об очень многом другом, рисуя нам нравы той далекой поры. Но рассказ почти никогда не ограничивается рамками города: его герой путешествует из конца в конец страны. Потому что герой имеет эту возможность. Он не торговец и не крестьянин, а чаще всего тот, кто еще держит экзамены, иногда проваливается на них (так сложны они, что неудача не позор) или уже занимает чиновничью должность. Мы узнаем («Внутри изголовья» Шэнь Цзи-

цзи), что можно стать чиновником и не принадлежать к наследственному сословию, а лишь обладая достаточными средствами для подготовки к экзаменам, и это важные сведения, если мы хотим понять состояние танского общества во взаимоотношениях людей.

Такие герои не требуют рассказа о себе в разговорной форме площадей и улиц. Танская новелла в своем развитии остановилась на языке, почти не отличном по грамматическим особенностям от языка прозаический сочинений *гуэнь*, использующего не разговорный танский язык, а древнекитайский²⁸. И потому, что новелла, по существу, была таким же высоким жанром, как и поэзия, нам остались известны имена ее авторов, к которым принадлежали также известные поэты.

Новеллы назывались рассказами об удивительном — *чуаньци*, — и многое из того, что происходит в них, действительно необыкновенно. Конечно, рядом с удивительным есть совершенно реальные вещи, но и удивительное реально: все удивительно кем-то увидено (иной раз и самим автором), иначе не было бы рассказа. Автор повествует об услышанном и ссылается на очевидцев или сам свидетельствует достоверность события.

Документальность свою танская новелла подтверждает и тем, что волшебный, потусторонний мир, рисуемый ею, представляет собою отражение мира человеческого с его сословной иерархией. Ничего неожиданного, и это убедительно. Вообще в танской новелле для ее читателя неожиданного было мало. Все, что рассказывалось, имело свою традицию, идущую от коротких рассказов о необычайном III—VI вв., от записей в династийных историях. И герои были традиционны — студенты, красавицы, оборотни, — только что на такие просторы они выступили впервые. Как и прежде, они были типизированы, но безлики, различаясь между собою положением в обществе, возрастом, теми или иными способностями, судьбой. Индивидуализированной оставалась лишь речь персонажей.

Танской новеллой представлен новый жанр сравнительно пространный повествования с захватывающими сюжетными ходами, с удивительными приключениями, с интересными, отразившими время бытовые подробностями, со стилистически тонкими описаниями, жанр, ушедший далеко в сравнении с короткими рассказами III—VI вв. Достижение танской новеллы таково и в том, что незаметно для самих авторов старая попытка уверить читателя в достоверности событий повествования, как бы необычайны они ни были, факт или кажущийся факт пусть робко, но начинает заме-

²⁷ Э. П. Стужина. Политика китайского государства по отношению к городу (XI—XIII вв.). — «Народы Азии и Африки», 1971, № 6, стр. 44.

²⁸ С. Е. Яхонтов. Письменный и разговорный китайский язык в VII—XIII вв. и. э. — «Жанры и стили литератур Китая и Кореи». М., 1960, стр. 85.

щаться присущим художественной литературе вымыслом. При этом танская новелла не произвела замену известных уже героев (студентов, красавиц, чиновников разных рангов, полководцев) другими, не обогатила мышление средневекового человека новыми идеалами. Как это легко заметить, по социальному звучанию танская поэзия, даже принадлежа кисти тех же авторов, была впереди прозы.

XII—XIII вв. следует считать периодом окончательного оформления сунской народной повести — *хуабэнь*, записанной на разговорном языке своего времени. Во многом наследуя народный сказ — *шохуа*, — она тем не менее связана с танской новеллой сюжетами, образностью, а подчас и заимствованной манерой описания. Эта повесть подвинула, как говорит Лу Синь, «между рынком и колодезем»²⁹, то есть на рыночной площади, где она рассказывалась собравшемуся люду.

Сунские повести создавались в бесправной городской среде унижения, обезличивания человека, сопротивление которого было по большей части пассивным: XI в. знал всего одно вооруженное восстание в городе Бэйчжоу³⁰. Читая сунские повести о торговцах, чиновниках, студентах, монахах, разбойниках, мы видим, как произвол беззакония воспитывает рабскую психологию. Человек полностью зависим и беззащитен.

Повесть увлекает и самим сюжетом, и сложностью проникновения в сюжет, и многоплановостью, что осуществляется без выделения психологических деталей, а лишь через поступки героев, проявляющих свойственный им характер поведением в критических обстоятельствах. Рисую внешность героев, рассказчик прибегает к уже использованному танской новеллой типовым обозначениям, которые сохранились в китайской литературе надолго.

Сунская повесть строга. Она завершается победой нравственности даже при невозможности соединения героев или возвращения их к жизни. В этой повести нет героя, с веселым смехом рвущего путы надоевшей старины, так хорошо известного нам по европейскому городскому рассказу. В красочной повести — *хуабэнь*, как и в новелле — *чиньци* нет идей изменения жизни.

²⁹ Лу Синь. Чжунго сяошо шилуэ. СМ. «Лу Сюнь цюань цзи». Пекин, 1957, т. 8, стр. 85.

³⁰ Г. Я. Смолни. Восстание тайного общества Минцзяо под руководством Ван Шэ (1047—1048 гг.). — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы научной конференции восточного факультета». Л., 1965, стр. 83, 84.

Авторы повести хотят немало — справедливости, но она твердо обосновывается на конфуцианских уложениях, которым не препятствуют ни буддийская религиозная направленность, ни даосское волшебство. Это — типичная средневековая повесть, очень совершенная в своем роде и при всей ее наблюдательности, виртуозности описаний, живости ее и крайней занимательности, не переступающая черту, ограничивающую жанр. Тот городской житель, для которого она создавалась, пока еще и экономически и политически находился во власти феодального общества и представлений, присущих этому обществу.

К XVI в. народная повесть стала авторской — появились в большом количестве подражания *хуабэнь*, как в свое время после народных песен — *юэфу* и наряду с ними появились *юэфу*, принадлежавшие поэтам, а в танское время определился даже жанр «новых юэфу».

Китайское средневековье знает и такие замечательные жанры, как развившийся из народной повести роман, как берущая начало из прозапоэтических сказов (*чжунгундяо* и др.), а также из танской и сунской прозы драма, вслед за повестью — *хуабэнь*, посвятившая себя изображению жизни широких слоев населения и очень похожая на *хуабэнь* неулыбчивым, строгим отношением к действительности. Оба эти достойные внимания исследователя жанра приходят к своей зрелости — драма в конце XIII в., роман позже — и развиваются в последующие столетия, здесь не затрагиваемые нами.

Китайская средневековая литература необыкновенно богата и количественно и по содержанию. Синология (прежде всего китайская) своими трудами открыла во многом эти богатства, но слова Лу Синя о трудностях изучения китайской литературы и поныне остаются в силе, так как непознанное и ждущее руки исследователя все еще превышает известное нам.

Анализ китайской средневековой литературы убеждает нас в единстве человеческой истории и в нашедшем свое яркое выражение в художественных произведениях своеобразии народа, путь которого входит в эту историю. Анализ китайской средневековой литературы еще раз свидетельствует, что литература — самый большой источник сведений о состоянии общества, ушедшего в прошлое. Эти сведения могут быть правильно и непристрастно поняты лишь в тесной взаимосвязи со сведениями, добытыми исторической наукой, и при условии непременности заранее законов развития хорошо известных нам литератур на литературу, изучаемую нами.

Чего хотят во дворце Чжуннаньхай?

Эрнст Генри

Нет никакого смысла писать эту статью, руководствуясь одним лишь чувством горечи или раздражения; это ни к чему серьезному не ведет. Горечь редко помогает в политическом исследовании, раздражение — еще реже. Я пишу, побуждаемый одним: желанием спокойно, по-деловому проследить цепь фактов о нынешней внешней политике Китая, установить их логический смысл и сделать неизбежные заключения, о чем бы они ни говорили. Думать о международной политике всерьез иначе нельзя. Думать же о ней, следить за ней сегодня — особенно важно. Жизнь приучила советских людей, прошедших за время одной человеческой жизни небывалый в истории по жертвам и достижениям путь, относиться к международным проблемам с величайшим вниманием, и последняя треть текущего века никак не располагает к снижению настороженности. Каждый из нас чувствует это. Несмотря на разрядку, силы, стоящие на пути прогресса, с дороги не сходят, проблем меньше не становится. Марксисты всегда знали, что должны быть готовы к новому и не всеми предвиденному. В этом их сила.

Современная история ставит перед людьми все новые проблемы. Временами она допускает такие неожиданные изгибы и осложнения, какие не предусматривал ни один историк — как ни один профессор-физик до Эйнштейна не мог по-настоящему предугадать и оценить нынешнюю атомно-космическую эру. Тем не менее глядеть вперед, и глядеть смело, бесстрашно, как всегда требовал В. И. Ленин, мы обязаны изо дня в день и теперь.

Вопрос о внешней политике Китая можно, несомненно, считать одним из самых важных вопросов современности. Ни о каком другом государстве в мире в последние годы так много не гадали и не ворожили, как о КНР и ее планах. Чего хотят во дворце Чжуннаньхай¹? На что рассчитывают в Пекине? Шум вокруг замыслов пекинской дипломатии не стихает по сей день.

Я думаю, историк вправе выразить по этим вопросам свое личное мнение.

* * *

Правда ли, что руководители китайской внешней политики не думают ни о чем другом, как лишь о том, чтобы обеспечить своей стране ее законное, соответствующее ее значению и весу место в мире?

Так иногда утверждают друзья Пекина за рубежом. Если бы речь действительно шла об этом, то ни один мыслящий человек, тем более ни один советский человек, не стал бы спорить с маоистами. Китайский народ — великий народ не только по своей численности, но и по своей тысячелетней истории, по богатству своего культурного наследия, по жертвам, которые он принес в борьбе за свое освобождение. То, что Китай должен занимать подобающее ему место в мире, ясно всем.

Но о каком месте идет речь?

О месте великой державы или о месте гегемонистской сверхдержавы?

Об укреплении всеобщего мира при деятельном участии Китая или о новейшей форме старого агрессивного шовинизма, на этот раз с китайской стороны?

Вот в этом и стоит разобраться, взяв за основу не утверждения пропагандистов, не дипломатические речи, а сухие факты.

Материала для этого сейчас достаточно, и у исследователя есть возможность говорить о главных вопросах вполне объективно, как уже сказано, без раздражения, без запальчивости и, уж во всяком случае, без той брани, которая так часто заполняет страницы пекинской печати и передачи пекинского радио, когда речь заходит о СССР.

¹ Чжуннаньхай — императорский дворец в Пекине, ныне резиденция маоистского руководства.

Всегда трудно сказать, что несет будущее; оно своевольно и очень часто вносит в прогнозы внезапные коррективы. Но исследовать то, что уже есть, дозволено каждому.

Внимательное изучение маоистской внешней политики за последние 10—15 лет — начиная еще с периода до «культурной революции» — приводит автора к выводу, что наиболее экстремистски настроенные деятели в Пекине ставят перед собой в долгосрочном порядке прежде всего следующие цели:

Создать еще в этом веке под «социалистической» вывеской великоазиатскую «систему» с огромной территорией, огромными демографическими ресурсами и мощным ракетно-ядерным потенциалом, хотя и с низким уровнем жизни населения и без перехода к развитому социалистическому обществу.

Вести политику сговора с империалистическими державами.

Одновременно подрывать сплоченность социалистического содружества государств, мирового коммунистического движения.

Маскировать эту политику двойной игрой: игрой с национально-освободительным движением в развивающихся странах под лозунгом «окружения мирового города мировой деревней» и одновременно игрой с отдельными государствами под лозунгами сопротивления «гегемонии» двух «сверхдержав» — США и СССР, то есть ставкой на дипломатические коалиции агрессивного Китая с разными странами.

Без стеснения, скрыто или открыто предавать национально-освободительное движение каждый раз, когда это кажется выгодным великоханьской дипломатии (как это недавно произошло в отношении Бангладеш).

Систематически, день за днем, пытаться обострять международную обстановку, накалять атмосферу в каждом «локальном» очаге напряженности, создавать на разных континентах новые очаги, препятствуя мирному урегулированию, срывая возможность разоружения, разжигая огонь конфликтов.

Повсюду, где и когда только можно, пытаться спровоцировать конфликты между социалистическими странами и империалистическими державами, в первую очередь между СССР и США, используя любой повод, любой случай, не останавливаясь ради этого ни перед чем.

В какой-то взрывчатый для международной атмосферы момент попытаться толкнуть обе системы в огонь термоядерной войны, самим оставаясь в стороне.

Установить после такой истребительной войны, кончающейся, по маоистским расчетам, уничтожением за пределами Китая сотен миллионов людей, гегемонию Китая над миром.

Приступить вслед за тем к маоизации оставшейся в живых части человечества по методам, уже практикующимся сегодня в самой КНР.

Таковы, судя по целому ряду фактов, в том числе опубликованных маоистских высказываний, некоторые из главных пунктов сокровенного, долгосрочного плана внешней политики пекинских экстремистов. Этим их программа, разумеется, не исчерпывается. Завтра, возможно, придется говорить и о других замыслах и расчетах тех же сил. Пусть те или иные из вышеприведенных выводов автора не подтвердятся. Это, несомненно, было бы лучше всего. Но сейчас многое говорит за то, что в Чжуннаньхае долгосрочные цели внешней политики КНР представляют именно так.

Читателю, надо думать, нелегко прийти к себе; ему просто не верится. Перед ним как будто сногшибательный и довольно примитивный фантастический роман, а не политическая программа большого государства, руководители которого называют себя коммунистами. И все-таки не следует недооценивать значение этой программы и легкой рукой сбрасывать ее со счетов.

Сверхдержавная политика маоистов не случайно возникла в умах тех или иных лиц в Пекине и не может считаться просто плодом болезненной фантазии. Дело обстоит серьезнее. Исторические корни этой программы — старая политика китайских богдыханов, древний великоханьский «китаецентризм». Но теперь «китаецентризм» пытаются возродить в условиях XX в., применяя современные средства, добываемые за счет огромной, 750-миллионной страны. Двигатель «китаецентризма» в наши дни — силы, порвавшие с марксизмом. Подобные повороты всегда мстят за себя. Совершившись во внутренней политике, они не могут не привести и к изуродованной, роковой внешней политике. Одно неизбежно вытекает из другого.

Другой вопрос — осуществимость планов, поставленных этой внешней политикой. Отказать в некоторой «логической» последовательности ее перечисленным пунктам как будто нельзя. Но любому нормальному, здравомыслящему человеку ясно, что «логика» эта в конечном счете — логика абсолютного, непревзойденного безумия. Что и у безумия может быть своя логика, известно не только психиатрам.

Ясно, что подобная программа, с каким бы упорством, какой бы изезитской хитростью она ни проводилась, нереальна, неосуществима. Ясно, что доведенный до такой точки горения политический авантюризм сам себя сжигает. Ясно, что люди, вынашивающие подобные планы, не могут считаться дальновидными государствен-

ными деятелями. Но тому же здравомыслящему читателю наших дней, современнику 70-х годов, все же следует кой о чем вспомнить.

Еще совсем не так давно ему или его родителям, его стране и всему миру в результате таких же или очень сходных чудовищных планов, таких же сумасшедших политических проектов пришлось перенести небывалую трагедию. Она стоила миру 50 млн. угасших и сотни миллионов разбитых жизней. Многие из живых не оправились от нее и по сей день.

Нельзя считать, что история в нашу текущую эпоху, свыше четверти века спустя, уже навсегда покончила с политической эпилепсией, навсегда освободилась от явлений, которые когда-то покажутся нашим потомкам невероятными фантазмагориями. Действительность общества, овладевшего мощью атома, химическим синтезом и силой ракет, но еще не перешагнувшего за порог дикого империализма, расизма и ультра национализма, далеко оставляет позади воображение Герберта Уэллса. Варварское прошлое живет и действует рядом с величайшим по человеческой силе настоящим. Мне, как и другим публицистам, нередко приходится упоминать об этом противоречии, за которое все мы расплачиваемся. Но мир еще не выбрался из его тисков, и за преодоление таких противоречий, за искоренение тяжелого наследия прошлого мы боремся.

Конечно, в приведенной выше внешнеполитической схеме маоистов речь идет не о программе на завтра, а о долгосрочном плане, задуманном на десятилетия вперед. Мы еще раз подчеркиваем это: публицист-историк вправе нацеливать даже простые заметки на столь длинные сроки. Но долгосрочность кем-то задуманных авантюристических планов не снижает необходимости постоянной напряженной внимательности к ним уже теперь. Каждому мыслящему человеку надо продумать внешнюю политику Пекина до конца, а не только на ближайшее время. Жизнь обязывает всех сторонников прогресса и социализма ясно дать себе отчет в том, к чему в конечном счете стремятся во дворце Чжуннаньхай, в чем сокровенный смысл маоистских планов. Когда читаешь последние известия из Пекина, надо помнить об основном содержании маоистской программы, а не только о тех или иных ходах в дипломатической игре.

И главное — ни в коем случае нельзя считать, что конец или перерыв «культурной революции» означает отказ от этой внешнеполитической программы. Наоборот. Теперь ту же программу стараются проводить с еще большей цепкостью, большей гибкостью и большей осторожностью, чем раньше. Чему-то в Пекине за последние несколько лет все-таки научились: отнюдь не марксизму-ленинизму и здравому уму, а довольно типичному, хотя и ветхому, великодержавному макиавеллизму. Маоистские дипломаты, видимо, считают себя хитрейшими прагматиками, для которых принципы ничто, а практическая удача — все. Им кажется, что умнее всех, ловчее всех передвигают пешки на международной шахматной доске именно они. И все-таки прагматизм — не политический реализм.

Правда, о сокровенных долгосрочных планах в столице КНР вслух, по крайней мере громко, не говорят. Тем не менее где-то за сценой, в тайниках политических, военных, диверсионных и пропагандистских ведомств, программа, разработанная еще в конце 50-х годов, «усовершенствованная» и подновленная в 60-х, остается в силе. В кругах ее авторов о ней могут спорить и даже вести борьбу из-за тех или иных деталей, предлагать изменения или «модернизацию» тех или иных подразделов, но сути дела не трогают. Идея создания великокитайской сверхдержавы по-прежнему довлеет над мышлением во дворце Чжуннаньхай. Действительность подтверждает это день за днем, месяц за месяцем. Вся игра Пекина с капиталистическими державами, например, служит той же программе. Обрисовать контуры запроектированной в Пекине маоистской сверхдержавы на основе китайских источников и общеизвестных фактов нетрудно.

Правда ли, что в Пекине мечтают о создании сверхдержавы? Можно ли поверить, что люди, десятилетиями участвовавшие в коммунистическом движении и даже числившиеся среди руководителей народной революции в Китае, стали продолжателями политики феодальных богдыханов? Многие в мире с волнением задают сегодня такие вопросы. Поверить действительно нелегко.

Мы слишком хорошо знаем, о чем идет речь, когда слышим слова «сверхдержавы», по-старому — «империя». Империи задумывались, строились, расширялись и рушились с того времени, как возникло классовое общество. В каждую эпоху на сцене появлялись алчные классы и одержимые манией величия люди, стремившиеся захватить чужие страны, покорить другие народы, объявить себя хозяевами всемогущих держав. Так было при Хаммурапи и Навуходоносоре, при Александре Македонском и Цезаре, при византийских Палеологах и монгольских Чингизидах, при Каролингах и Наполеоне; так еще недавно было при Гитлере. Среди строителей империй были рабовладельцы, феодалы и ставленники финансового капитала. Но еще никогда в истории создание гегемонистской мировой империи не проектировалось государством, называющим себя революционным или социалистическим. Приоритет, безусловно, принадлежит маоистам.

Еще некоторое время назад они почти не скрывали, что задумали, хотя и облекли эти замыслы для общественности в почти «поэтические» формы. «Великий социалистический Китай во весь гигантский рост стоит на Востоке земного шара»,— писала «Жэньминь жибао», давая понять, что тень гиганта начинает заволакивать и Запад. В другой раз в Пекине так прямо и сказали: «Весь земной шар являет собой картину того, что ветер с Востока усиливается, а ветер с Запада ослабевает». «Мы будем гордо взирать на пять континентов»,— заявил один из пекинских деятелей. «Сегодняшний Китай есть завтра всего мира»,— подтвердила «Жэньминь жибао».

Но фундаменту всего здания все же предназначено стоять на Востоке. Лозунг «Азия для азиатов» — под эгидой Китая, разумеется,— в ходу в Пекине по сей день. Мысль о создании новой великоазиатской сверхдержавы в масштабах древнего государства Чингисхана и шире считается среди маоистских посвященных совершенно естественной и своевременной. Китайский журнал «Синь цзяньшэ» писал еще до «культурной революции»: «Нельзя расширение территорий считать агрессивией, а слабые, гибнущие национальности объявлять объектами агрессии, сочувствовать им. Действия сильной нации или государства, направленные на расширение своей территории, соответствуют законам общественного развития своего времени».

Мало того. Высказываниями в китайских газетах и журналах дело не ограничивается. В опубликованной некоторое время назад в КНР в назидание соотечественникам «Карте Китая в период его наивысшего могущества» в законную территорию Китая включалась, как известно, не только вся Азия, но и большая часть Европы: все страны, куда в то или иное время заходили войска Чингисхана и Батыя.

Это тоже документальные данные, а не домыслы или умозаключения. Подобными высказываниями или их обоснованиями можно было бы заполнить целую книгу, а не одну статью. Но допустим, что и этого мало. Попытаемся с большей точностью обрисовать контуры той азиатской сверхдержавы, которая мерещится современным пекинским ученикам древних завоевателей.

Факты указывают на то, что для задуманной долгосрочной экспансии в маоистском масштабе определены четыре главных направления: на юго-восток, юго-запад, восток и север.

Не по всем этим направлениям пекинские политики ведут или планируют наступление одновременно и не во всех действуют с одинаковой настойчивостью и агрессивностью. Стратегия и тактика меняются сообразно с обстоятельствами; и для кнута, и для пряника свое время. Так всегда поступали строители империй независимо от того, чем они кончались.

В последние годы, например, острие политики дворца Чжуннаньхай было как будто направлено на юго-запад, на сторону Индостанского полуострова. Но если говорить о планах Пекина, рассчитанных на длительное время, то главным направлением экспансии там, видимо, все же считают юго-восток. Именно этот выступ Азии, охватывающий территории от Южнокитайского моря до Бенгальского залива, рассматривается маоистскими стратегами как ключ к созданию их великоханьской «системы». Речь, конечно, идет сейчас не о каком-либо захвате Юго-Восточной Азии Китаем — даже пекинские фанатики пока не доходят до таких галлюцинаций,— а о создании здесь некой устойчивой маоистской «сферы влияния».

Дело не только в том, что здесь обитают сотни миллионов трудолюбивых людей — среди них миллионы лиц китайского происхождения — и что в недрах этой зоны хранятся богатые залежи важнейшего сырья, в частности нефти, каучука, олова, никеля, не говоря уже о рисовых полях. Политически и стратегически Юго-Восточная Азия представляет собой одну из важнейших позиций в мире. Отсюда могут в значительной степени решиться дальнейшие судьбы мирового национально-освободительного движения, и здесь же может произойти важный сдвиг к изменению соотношения военных сил в Тихом и Индийском океанах.

Так или иначе, превращение этой зоны в особую, «неприкасаемую» сферу влияния маоистского Китая сразу бы, по мнению его руководителей, сделало его сверхдержавой. К этому уже годами и ведут дело в Пекине, без какого-либо учета воли народов этой зоны, более того — вопреки их ясно выраженной стремлению к самостоятельной государственности и независимости. Для проведения и обоснования такой политики используется любой аргумент и любой повод. В одних случаях Китай изображается как естественный и законный покровитель народов Юго-Восточной Азии в их борьбе против американского империализма. Так, например, говорят в Пекине о Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Но, хотя у КНР прямая граница с Вьетнамом и Лаосом, а Камбоджа расположена рядом, со стороны Пекина годами делалось все, чтобы воспрепятствовать совместному отпору социалистических стран американским агрессорам. Об этом знали все — и друзья, и враги Вьетнама. Но, фактически не способствовав прекращению войны в Индокитае, Китай все же продолжает изображать себя в роли «защитника» стран этого района.

В то же время государства Юго-Восточной Азии «вписываются» в китайскую сферу влияния на основании неких исторических «традиций» или преданий, уходя-

щих в средневековье, а то и дальше, в глубь прошлого. Так, к древним вассалам китайских императоров по примеру великоханьских националистов прошлого причисляют тот же Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Бирму и другие самостоятельные государства, которые Китай якобы также призван опекать или поучать. На несогласие народов этих стран с такой точкой зрения в Пекине не обращают никакого внимания. Права азиатских наций, их чаяния и другие принципиальные вопросы маоистов вообще не интересуют. Все дело для них — в установлении своей гегемонии в Азии, и только в этом. Так, один из видных государственных деятелей Юго-Восточной Азии в 1967 г. заявил, что КНР оспаривает право его суверенного государства быть хозяином своей страны.

В других случаях в Пекине, как известно, пытались действовать еще проще: силой. В странах Юго-Восточной Азии устраивались заговоры и чисто авантюристические восстания. Все они, как правило, ни к чему, кроме провалов и бедствий, не вели. Организованный в сентябре 1965 г. военный путч в Индонезии привел к разгрому не только 3,5-миллионной Компартии Индонезии, к гибели сотен тысяч преданнейших коммунистов, но и приходу к власти правых генералов. Здесь имперский план маоистов прямо на глазах у всех обернулся против жизненных интересов коммунистического движения. В Бирме, в Малайзии, в Таиланде, на Филиппинах организованные с санкции Пекина разрозненные вооруженные выступления продолжались годами без всякого успеха, но сигнала к прекращению этих авантур из столицы КНР не давали.

Разумеется, территориальных притязаний ко всем этим странам в Пекине не выдвигают. Во дворце Чжуннаньхай считают, что рассматривать их как «естественную» сферу китайского влияния вполне достаточно.

Что, хотя бы чисто демографически, значит такая юго-восточно-азиатская «сфера влияния» для маоистов, видно из следующих цифр. Если сложить площадь и население государств этой зоны, то получится территория объемом около 3500 тыс. кв. км, населенная 240 млн. жителей. Это больше трети объема нынешнего Китая и треть его нынешнего населения. Взять под тем или иным прикрытием такой «массив» под опеку великоханьской державы ее проектировщикам, очевидно, хочется так же страстно, как в свое время рабовладельцам, феодалам и магнатам капитала хотелось создавать их царства.

С несколько иных, но все же типично гегемонистских позиций подходят во дворце Чжуннаньхай к Южной Азии — району между Гималаями и Индийским океаном. Здесь главный упор делается на подрыв позиций нейтралистских азиатских государств и цель одна: устранить их с великодержавной дороги маоистов. Тут пекинскими стратегами применяется другой «классический» метод великодержавной политики: наталкивание одной страны на другую.

Острые в этом районе было уже давно направлено на главное нейтралистское государство в Азии — необъятную Индию с ее более чем полумиллиардным населением. В прошлом речь шла не просто о том, чтобы вовлечь Индию в большую, длительную войну с ее соседом на севере, ослабить и изнурить ее, а и о том, чтобы в подходящий момент таким путем открыть дорогу в Индостан самому Китаю. Отсюда неоднократные предложения Пекина Пакистану перейти к отношениям «вечной дружбы» с КНР и в то же время разительное для маоистов решение не включать Пакистан в «зону революционных бурь». Отсюда сделанное Пекином летом и осенью 1965 г., во время индо-пакистанского конфликта из-за Кашмира (тогда же, между прочим, когда они подталкивали развитие событий, что привело к известным последствиям в Индонезии), предложение оказать Пакистану «любую помощь» в «любое время», и китайский ультиматум Индии, нацеленный на расширение вооруженного столкновения Китая с Индией в Гималаях в районе того же Кашмира.

Все было направлено к одному: поставить Индию на колени. Мы знаем, что большая война в Гималаях была тогда предотвращена во многом благодаря посредничеству Советского Союза на встрече в Ташкенте. Но мы знаем и то, что в Пекине с того времени не успокоились. Вот почему в дни индо-пакистанского конфликта в декабре 1971 г. правители КНР делали все, чтобы раздуть этот конфликт.

Военно-стратегические базы для ударов по Индии строились или проектировались по крайней мере в полудюжине районов. С помощью КНР была построена шоссейная дорога, соединяющая пакистанскую часть Кашмира с китайским Синьцзяном, вблизи индийской границы, и позволяющая китайцам в случае конфликта за несколько часов перебросить войска из Кашгара в расположенный близ границы индийский город Гилгит, а оттуда — еще за несколько часов — дальше, к находящемуся в 650 км от Дели городу Лех. В феврале 1971 г. была открыта Каракоранская железная дорога, связывающая КНР с Пакистаном в том же районе. Еще раньше была построена дорога, которая может служить для переброски китайских войск в Индию из Тибета. По некоторым сведениям, в свое время предпринимались даже попытки создать китайскую военно-морскую базу, нацеленную на Индию с юга.

Характерно, что маоистский генеральный штаб вообще во многом явно копирует антииндийские диспозиции японских милитаристов в годы второй мировой войны.

Отсюда, очевидно, то особое внимание, которое уделяется маоистами строительству ракет средней дальности полета, достигающих Индии. И отсюда же, наконец, хотя и в другом плане, подстрекательство из Пекина местных восстаний, вспыхивавших в свое время на севере Индии, вблизи границ с Китаем и Пакистаном. Такие же авантюристические операции проводились промаоистскими группами под разными «левыми» флагами и в соседней с Индией Бирме, где проживает около миллиона китайцев.

Посмотрим дальше на запад от Гималаев. Не оставляют без внимания в маоистской главной квартире Арабский Восток: казалось бы, такой край, который удален от Китая на тысячи километров и никогда не имел с ним никаких вассальных, расовых или религиозных отношений, но тем не менее и Арабский Восток считается пекинскими специалистами неотъемлемой сферой влияния задуманной ими «системы». На это, с их точки зрения, есть две причины.

Во-первых, арабские страны должны дать этой «системе» в неограниченных количествах то, чего ей в настоящее время не хватает,—нефть. Во-вторых, Ближний Восток важен тем же политикам как крайне западный фланг задуманной сверхдержавы: со стороны Персидского залива, Средиземного, Черного и Каспийского морей. Все это, очевидно, связано с разработанной в этих кругах большой, направленной против Советского Союза «глобальной» стратегией. Отсюда, во всяком случае, непрерывные попытки маоистов во что бы то ни стало сорвать мирное урегулирование на Ближнем Востоке, завербовать себе сторонников в этом районе. Известно даже о китайских замыслах прийти на смену англичанам на западном побережье Персидского залива. Несомненно, пекинские архистратеги понимают, что добиться цели здесь им еще намного труднее, чем в других районах Азии. Но от долгосрочных планов политического наступления на арабские земли они не отказываются.

Только британский империализм проводил в свое время столь агрессивную великодержавную политику в Западной, Центральной и Южной Азии. Похоже на то, что в нынешнем Пекине весьма старательно изучают захватнический опыт английских завоевателей и японских милитаристов в Азии. Ясно, однако, что там намерены действовать на свой лад.

Мы говорили о планах экспансии КНР на юго-восток, юг и запад Азии. Сейчас нет нужды распространяться о двух других запроектированных направлениях китайской экспансии, на север и северо-запад. Судя по всему, например упорно поддерживаемому в Пекине мифу об «угрозе с Севера», такие диспозиции по-прежнему держатся наготове.

Мы начали с вопроса: кто хочет стать сверхдержавой? Ответ, по нашему мнению, сомнений не вызывает. Факты, предельно убедительные, не допускающие иных толкований, налицо. События вновь и вновь подтверждают выводы. Никакие «идеологические» ярлыки и ультралево или псевдомиролюбивые вывески — а их вывешивают и чередуют все время — не могут скрыть того, что становится все яснее даже невооруженному глазу. Люди нашего времени уже приучены к тому, чтобы реалистически смотреть на вещи, и реже позволяют застилать себе зрение дымовыми завесами.

Если собрать воедино все страны, территории и «сферы влияния», которые в Пекине рассчитывают включить в эту систему в одной лишь Азии, то — вместе с КНР, но без Японии, Ближнего и Среднего Востока и каких-либо советских территорий — получится конгломерат размером 19 млн. кв. км с населением (по сегодняшним данным) 2 млрд. человек. Это вдвое больше нынешней территории КНР и почти втрое больше нынешнего населения КНР. Большинство населения земного шара входило бы в эту систему.

Надо по-настоящему учесть, что значат эти цифры. Такой державы в мире еще не было. Подчинив своему влиянию десятки азиатских государств и угрожая другим на разных континентах термоядерным смерчем, с одержимыми политиками у руля, она действительно могла бы попытаться стать мировым гегемоном, как в свое время пытались стать другие.

Фантастика? Несомненно! У маоистов нет и никогда не будет сил и возможностей добиться подобной цели. Но автору, которому уже неоднократно приходилось касаться таких тем и планов, хочется сказать еще раз: удивляться нечему. В XX в. от тех, кто хочет безмерной власти над людьми, можно ожидать всего.

Но мы не ответили еще на один вопрос, быть может самый важный. Как в Пекине мыслят создание задуманной гегемонистской сверхдержавы? Как вопреки воле народов, вопреки нынешнему соотношению сил предполагается подчинить маоистам хоть бы одну лишь Азию от Тихого океана до Персидского залива?

Ведь, в конце концов, дело решается не словесными прокламациями, не рыканием против «бумажных тигров» и даже не закулисными заговорами. Китай обладает большим демографическим потенциалом, но его экономический потенциал все еще сравнительно весьма слаб, тем более для поставленных его внешней политикой фантастических целей. Его военный потенциал растет за счет жизненных нужд народа, но и

тут сравнительные перспективы — не в пользу агрессивной политики. Есть ли у сторонников этой политики в КНР в таких условиях шанс на успех?

Экстремисты среди них, видимо, считают, что есть. На этом сейчас и строится в конечном счете их «высшая», «глобальная» политика. Стоит поразмыслить и о ней.

Одно дело измышлять политические фантазмагории, другое — их осуществлять. Каждому ясно, что сколотить такую деспотическую, захватническую державу можно было бы только в том случае, если бы все остальные государства и народы оказались либо парализованными, либо стоящими на коленях перед гегемонистским Китаем. Другой возможности нет. Чингисхановы времена кончились семь веков назад. Что же могло бы расчистить путь великодержавным политикам в Пекине? Очевидно, только одно: большая, истребительная термоядерная война, в которой сам Китай в основном не участвовал бы.

Уже давно не секрет, что в кругах высшего маоистского руководства не только мечтают, но временами прямо говорят о необходимости или «неизбежности» именно такой войны. Мало того, на протяжении последних 15 лет со стороны Пекина систематически делались попытки вовлечь Советский Союз и другие социалистические страны в термоядерную войну с западными державами.

Перелистываем страницы недавней истории. Вспомним о том, что было на наших глазах. Забывать о таких вещах нельзя.

1957 г. — в СССР запускается первый в истории космический спутник. В те же дни маоисты предлагают прервать социалистическое строительство и испробовать силу. На Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве Мао Цзэ-дун пытается доказать, что это будет выигрышем для социализма, даже «если половина человечества будет уничтожена», ибо «за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше чем наполовину».

1958 г. — китайское правительство отдает своей армии приказ ввязаться в авантюру в Тайваньском проливе и начать массированный обстрел прибрежных островов Мацзудао и Цзиньмэньдао, оккупированных войсками Чан Кай-ши. Приказ из Пекина отдается без консультации с Советским правительством. Американское командование немедленно усиливает группировку своих войск в этом районе и приводит их в боевую готовность. Как выясняется позднее, решаясь на эту операцию, маоистские руководители считают с возможностью возникновения «локальной войны» с применением атомного оружия. Так, чтобы на каком-то этапе в нее оказался вовлеченным СССР.

1959 г. — маоисты доводят свой конфликт с Индией до прямого вооруженного столкновения в районе Гималаев. Расчет строится на том, чтобы тогдашнее индийское правительство обратилось за военной помощью к США, а Китай был бы поддержан Советским Союзом.

1960 г. — новое совещание коммунистических и рабочих партий в Москве. Китайский представитель выступает с речью, в которой требует отказаться от политики мирного сосуществования, заменить ее политикой балансирования «на грани войны» и дать «решительный» бой империализму.

1962 г. — карибский кризис, вызванный агрессивными замыслами США против Кубы. Завтра кризис может перерасти в вооруженный мировой конфликт. В этот момент Пекин возобновляет и расширяет военные операции против Индии. Возникает угроза серьезной войны и в этом районе. Расчет снова строится на том, что СССР откажется от мирного сосуществования и будет так или иначе втянут в схватку с США. Когда Советский Союз добивается мирного разрешения кризиса, маоисты развертывают против него бешеную кампанию.

Пропускаем три года.

1965 г. — война Вьетнама с американскими интервентами разгорается. Советский Союз делает все, чтобы помочь вьетнамцам снаряжением. Китайские руководители делают все, чтобы воспрепятствовать провозу военных грузов из социалистических стран во Вьетнам через китайскую границу. Расчет: заставить СССР посылать эти грузы морским путем, чтобы столкнуть советские суда с крейсирующим в Индийском океане 7-м американским флотом. Тогда же, в 1965 г., предпринимаются новые попытки разжечь большую войну в Южной Азии и как-нибудь вовлечь в нее Советский Союз.

Мы привели конкретные факты. Каждый из них вписан в историю, ни один не может быть оспорен. Такова суть плана маоистской группы, та дорога, идя по которой она рассчитывает осуществить свою идею создания великоханьской сверхдержавы. Что им до судеб «половины человечества»!

Но для тех, кому и этого мало, — я знаю по опыту, что не верящих в действительность всегда достаточно, — можно добавить еще кое-что.

Скрывает ли сам глава маоистов расчеты на то, чтобы толкнуть мир в термоядерную войну, сохраняя в то же время в самом Китае какое-то демографическое и военно-техническое ядро для осуществления гегемонистских целей? Не всегда. В 1965 г. он беседует с американским журналистом Эдгаром Сноу, которым часто пользовался как рупором. Вот что после этой беседы пишет с одобрения Мао Цзэ-дуна Э. Сноу:

«Другие народы могут быть полностью уничтожены в результате атомной войны, но в Китае останется несколько сот миллионов, которые смогут начать с нуля».

Сюда явно необходимо внести поправку. Американский журналист Э. Сноу мог полагать, что Китай и тогда сам намеревался принять участие в мировой термоядерной войне. Но кто поручится за то, что предполагал Мао Цзэ-дун? Гораздо точнее выразил существо внешнеполитических планов маоистов еще в 1963 г. итальянский журнал «Эпока». Его обозреватель А. Гуэрриери писал, что в случае атомного конфликта воюющие стороны стремились бы взаимно уничтожить друг друга, но «китайцы оставались бы в стороне. В конце концов Китай... стал бы властелином превратившегося в развалины мира».

Итальянский журналист понял замыслы маоистов лучше американского. Так, а не иначе проектировали будущее в Пекине. Не так, конечно, ответит Пекину будущее. Дело не только в том, что КНР не смогла бы остаться вне зоны огня и радиации в ходе мировой термоядерной войны. Думать так могли только люди, которые либо слепы, либо на грани безумия. Главное в том, что социалистическое содружество никогда и никому не позволит завлечь себя в ловушку — не позволит ни ястребам империализма, ни изменникам дела социализма.

Видимо, кое-кто в Пекине в последние годы все-таки начал это понимать. Не потому ли там теперь так старательно ищут новых путей к старой цели? Не потому ли самым различным государствам капиталистического мира со стороны КНР уже усиленно предлагали вступить не то в блоки, не то в альянсы против СССР? Если не удалось втянуть в термоядерную войну Советский Союз, то, может быть, тем или иным путем, в тот или иной момент удастся толкнуть на этот путь капиталистические державы? С пекинской точки зрения не так важно, кто начнет, был бы результат.

Еще не так давно маоисты почти открыто предлагали Японии построить «ось Пекин — Токио», обещая подарить ей за это, неизвестно каким образом, советские тихоокеанские острова. Потом из столицы КНР завели очень активную и очень любопытную игру с правыми кругами в ФРГ. Западногерманским реваншистам в Пекине всерьез предлагали стать на их сторону против ГДР. Теперь заигрывают с Вашингтоном. В то же время из Китая делала все от него зависящее, чтобы помешать мирному урегулированию на Ближнем Востоке и в Индостане, ухудшить атмосферу международных отношений повсюду, где уже пахнет гарью. Цель всегда одна и та же: готовить пожар, охватывающий большую часть земного шара. Слепота или безумие?

«Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти», — говорил древний китайский философ Лао-цзы. Нам кажется, тем деятелем в Китае, которые еще сохранили способность к нормальному политическому мышлению, следовало бы пораздумать над этими словами.

Надо понять, что измена социализму — не просто измена, которая тем и кончается. Как правило, она ведет к неизлечимому политическому разложению и в конце концов — к политическому самоубийству. Нельзя, хотя бы в чадку культа личности, менять идеи как перчатки и от марксизма прямо переходить к великодержавному гегемонизму.

Крестьянам в Китае долгое время говорили: «Несколько лет упорного труда — 10 тысяч лет счастья». Мы не считаем десятками тысячелетий. Но мы видим, что уже только за десять лет нынешней маоистской внешней политики Китай столкнулся с серьезным политическим кризисом. Что принесет ему еще один десяток лет? Куда идет Китай? Нельзя играть с судьбой великого народа, уже пережившего столько бедствий.

Здесь мы касаемся лишь внешней политики КНР. Совершенно ясно — скажем еще раз, — что авантюристические планы ее нынешних руководителей нереальны. При нынешнем соотношении сил в мире они еще менее осуществимы, чем были в свое время маниакальные идеи Гитлера. Миру нужны не новые империи, а новое общество.

Никто не вправе исключать и того, что дальнейший ход событий в Китае изменит к лучшему его политику. Но считаться с нынешней действительностью на международной арене, в том числе и с безумными замыслами авантюристических политиков как на Западе, так и на Востоке, все же необходимо. Этому продолжает учить нас современная история, отнюдь не отличающаяся излишним благодушием.

Советские люди всегда дружелюбно относились к китайскому народу. Так было, так будет и впредь. «Мы хотим видеть Китай процветающей социалистической державой. — сказал Л. И. Брежнев. — Но когда это произойдет, зависит от самого Китая».

Китай — великая страна, китайцы — великий народ. Выдвинутая Советским Союзом Программа мира — основа для мирного сосуществования и сотрудничества между всеми государствами. Совершенно ясно, что КНР должна занять подобающее ей место в мире и играть должную роль в международных отношениях. Ни один разумный человек не может не понимать этого. Но для того, чтобы Китай занял такое место, надо вести правильную политику, а не бросаться в одну авантюру за другой и предавать идеи, во имя которых КНР была создана. Заниматься авантюризмом в наше время можно месяцами, годами, но никак не десятилетиями. В конечном счете нынешняя маоистская внешняя политика направлена против самого Китая. Надо надеяться, что трезвые люди в КНР это поймут.

Из болтовни выздоравливающего

Лу Синь

Данное произведение с продолжением («Еще из болтовни выздоравливающего») было впервые напечатано в ежемесячном шанхайском журнале «Литература» («Вэньсюэ»), № 2, 3 за 1935 г., в значительно сокращенном виде. Подготавливая его к переизданию, писатель восстановил все цензурные изъятия, отметив их точками, значение которых близко к курсиву или жирному шрифту в русском тексте. Произведение полностью вышло уже после смерти Лу Синя, в 1937 г., в сборнике «Наполовину экстерриториальная беседа» («Це цзе тин»). Это название образно передавало горькую иронию писателя в раздумьях над судьбой своей страны: один дом, как тот, в котором Лу Синь жил в Шанхае, здесь мог выходить одной частью в китайский квартал, а другой — в иностранный селтмент, жилец же — подчиняться различным властям.

Сами названия, «Из болтовни выздоравливающего», «Еще из болтовни выздоравливающего», свидетельствуют об оригинальной творческой манере и мастерстве автора. Подчеркивая внешне, будто делится с читателем лишь несерьезными, случайно пришедшими в голову мыслями, он поднимал, по существу, важнейшие проблемы своего времени. В подобных фрагментах, похожих на заметки из записной книжки писателя, Лу Синь развивал один из старинных китайских литературных жанров — род воспоминаний, мемуаров. На этот жанр автор указывал и сам, упоминая собрание «Новые речи наших современников» (V в.), «Из преданного забвению в Аньлуэ» (XVII в.) — книгу, запрещенную в XVIII в., и др. Создатели таких сборников приобретали репутацию «неблагонадежных» уже оттого, что интересовались народным творчеством, записывая также побасенки и анекдоты — те «уличные толки и рассказы», в которых Конфуций находил «порушение добродетели». Однако с течением времени этот жанр все более развивался, и тяга к запретным с точки зрения конфуцианства темам продолжала расти. «Неофициальные» или «дикие записки» — это китайское название жанра — противопоставляли себя «официальным», отражавшим интересы власть имущих и конфуцианских идеологов, «династийным историям» с «высочайше утвержденной» коллегией редакторов. Традиции, выражавшиеся в том и другом видах литературы, нередко были настолько антагонистичны, что, сопоставляя конкретные книги, Лу Синь заявлял: «Одна из них убивала другую»¹.

Лу Синь неустанно собирал такую оппозиционную, зачастую запрещавшуюся литературу, пропагандировал ее. Такие обличительные вольнодумные произведения, по сути дела, представляли передовую демократическую традицию, которую писатель развивал в своем творчестве. Один из примеров тому — публикуемые ниже заметки.

Случайно попавшая под руку книга дает Лу Синю повод вспомнить рассказы о ранних поэтах-вольнодумцах. От условий жизни в средние века он возвращается к современности, к быту и социальным порядкам Шанхая, в котором живет.

Жанровые зарисовки и воспоминания сопровождаются у Лу Синя острыми публицистическими отступлениями. Прошлое рисуется в резких контрастах: невежественные знахари противопоставляются владеющим анатомией палачам, повстанцы — императору и придворным. При этом выясняется, что в попытках самому «жестокому» из разбойников далеко до изощренности наиболее «просвещенного» из монархов. Писатель воспроизводит картины зверских казней, раскрывает тайны своеобразной китай-

¹ Лу Синь. Собр. соч. М., 1955, т. 2, стр. 287.

ской инквизиции и, наконец, разоблачает «благородного мужа», который добивается, чтобы «забылась правда и родилась вера в ложь».

Лу Синь развенчивал авторов, целью которых стало «воспевание доблести маньчжуров» в эпоху династии Цин (1644—1911 гг.). Проводя аналогию с чанкайшистами, писатель напоминал о «самом коварном» — о фальсификации всего китайского наследия, завершившей деятельность появившихся с середины XVII в. «литературных судилищ». Гонения на литературу, как известно, тогда не ограничились сожжением книг. «Все письменные памятники Китая подверглись поруганию в «Высочайше утвержденном собрании всех книг» («Сыку цюань шу») — одни были изъяты, другие оставлены, но даже разрешенные тексты были «строжайше отобраны» и «высочайше утверждены». Одобрялись лишь те экземпляры, в которых фальсифицировалось все, касавшееся иноземных династий, даже чжурчженей и монголов»².

Одним из писателей, ревностно служивших династии маньчжуров, был Юй Чжэн-се. Опровергая взгляды его, Лу Синь доказывал, например, что «завоеватели не делили рабов на низших и высших», ибо превращали в рабов всех, «даже бывших китайских рабовладельцев». Лу Синь показывал, сколь совершенна была политика «оглупления народа» при маньчжурах, разоблачал систему господства и подчинения, постоянно напоминая, что правящие классы в Китае, кроме физического уничтожения передовых писателей и их произведений, широко применяли также тактику замалчивания и клеветы. Писатель требовал пересмотра всего литературного наследия Китая, очищения письменных памятников от фальсификации, восстановления подлинной истории народа и его революционных традиций.

Заметки «Из болтовни выздоравливающего» были созданы в пору наибольшей политической зрелости писателя, когда знакомство с марксистско-ленинским литературоведением позволило ему перейти от отбора и систематизации историко-литературных фактов к широким обобщениям. Его выводы, несомненно, пронизаны мыслью В. И. Ленина о «двух культурах» в каждой национальной культуре. Лусиневское обличение деятелей и событий прошлого вполне можно характеризовать словами В. И. Ленина о том, что «хранить наследство вовсе не значит еще ограничиваться наследством»³.

В Советском Союзе, как известно, произведения Лу Синя давно уже стали достоянием широких читательских масс. Однако многое еще осталось непереуведенным. Изучение его наследия продолжается, и предлагаемая ниже публикация его заметок, ранее не печатавшихся на русском языке, позволит убедиться в том, что Лу Синь остается и сегодня злободневным, открывает читателю и исследователю новые горизонты.

Л. Д. Позднеева,
доктор филологических наук

I

Немного поболеть — это даже счастье, но лишь при двух условиях: чтобы болезнь была несерьезная — не дизентерия, холера, чума или менингит; чтобы были хоть какие-то деньги и не пришлось лежать голодным. Иначе тебя могут признать человеком грубым, недостойным беседы об изысканности легкого недомогания.

Когда я был еще любопытным и водил знакомство со многими людьми, мне казалось, что в каждом из них таилось какое-то заветное желание, свойственное, собственно говоря, любому, но иногда настолько туманное, что сам человек не мог ни определить его, ни высказать. Особенно отличились двое моих знакомых. Одному хотелось, чтобы все в Поднебесной умерло и остался бы лишь он со своей красавицей да еще продавец больших лепешек. Другой же мечтал, чтобы осенью его, страдающего слабым кровохарканьем, слуги вывели на крыльцо полюбоваться цветущим хайтаном при закате солнца. Такие мечты на первый взгляд показались бы странными, но на самом деле они продуманы, и очень тщательно. Оставим пока первую и займемся второй. «Слабое кровохарканье» — как это верно! Ведь талантливые люди много болеют, но частые болезни не бывают тяжелыми. Если каждый раз терять по чашке или по литру крови, то через несколько дней больному будет не до эстетства.

² Лу Синь. Собр. соч. М., 1955, т. 2, стр. 319.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 494.

Раньше я редко болел, но в прошлом месяце мне все же случилось прихворнуть. Каждый вечер поднималась температура, появилась слабость, пропал аппетит. Так продолжалось с неделю, а улучшения не наступало, и пришлось обратиться к врачу. Он нашел у меня грипп. Грипп так грипп. Но время шло, а температура не снижалась. Когда доктор достал из своего солидного портфеля стеклянную трубочку, чтобы взять кровь, я огорчился: уж не тиф ли? Но на другой день выяснилось, что тифозных микробов нет. Врач внимательно выслушал меня — легкие были в порядке, а сердце превосходным. Это поставило его в тупик. Когда я заметил о возможном переутомлении, он как будто не возражал, но промямлил, что в таком случае температура должна бы быть пониже.

После ряда обследований было установлено, что заболевание не смертельно и до похоронного плача дело не дойдет. Мне же общая слабость, температура по вечерам, отсутствие аппетита, как и «слабое кровохарканье», сулили одни наслаждения. Завещания писать не приходилось, боли особенной не было — значит, можно отдохнуть несколько дней от серьезных книг, от счетов на дрова, на рис и понежится под таким приятным предлогом, как выздоровление. Теперь я и сам стал находить в этом нечто изысканное. От безделья мне и вспомнился талантливый юноша с его мечтой о «слабом кровохарканье».

Но предаваться мыслям о том о сем тоже не дело. Лучше взяться за легкое чтение — иначе пропадет вся прелесть выздоровления. В такие моменты я предпочитаю китайские издания прошивной брошюровки — еще одно свидетельство того, что я начинаю становиться эстетом. Книги в переплетах на иностранный манер, хорошо сохраняются, удобны для полок, и неудивительно, что такие накрахмаленные воротнички и кожаные башмаки надели не только двадцать пять — двадцать шесть династийных историй⁴, но даже и «Сыбу бэйяо»⁵. Однако для томов в твердых переплетах нужны сила и молодость, читать их следует серьезно, за столом. Когда лежишь, книга кажется тяжелым кирпичом, руки вскоре начинают неметь, ее приходится со вздохом откладывать и приниматься за поиски старых китайских изданий.

Тут я и наткнулся на кипу давно забытых томиков старинных побасенок вроде «Новые речи наших современников»⁶, которые читались легко, без напряжения. Перед глазами как живые вставали герои династий Вэй и Цзинь⁷ с их вольным, смелым и дерзким поведением. Мне вспомнилось, как Жуань Цзи⁸ попросился командиром в пехоту, услышав, что солдатский повар славится приготовлением вина; как Тао Юань-мин⁹, став начальником уезда Пэнцзэ, приказал на всей казенной земле сеять сорго для вина и только после скандала, устроенного женой, разрешил посадить немного риса. Вот это — неподдельная, естественная прелесть! До нее далеко нынешним деятелям, которые «кричат, стоя на краю облака»¹⁰, не оглядываясь на собственный тыл. Ведь и для изысканности существуют какие-то границы, которые переступать нельзя, ибо она присуща лишь людям с положением. Если Жуань Цзи мог проситься в командиры, а Тао Юань-мин — стать уездным начальником, значит, они не были простыми смертными. Тао Юань-мин создал прекрасные строки:

Хризантемы нарву у Восточной стены,
Посмотрю я на Южные горы вдали...

⁴ Двадцать пять — двадцать шесть династийных историй — официальные истории каждой из царствовавших в Китае династий (некоторые в двух редакциях), составлялись по образцу «Исторических записок» Сыма Цяня (II—I в. до н. э.) особой, утверждавшейся императором комиссией. В переплетах они переиздавались в 20-х и 30-х годах.

⁵ «Сыбу бэйяо» — предпринятое в 30-х годах переиздание канонических, философских произведений и поэтических сборников. Всего в нем представлено 351 название в виде 2500 отдельных книг или 100 томов в европейском переплете.

⁶ «Новые речи наших современников» — записи эпизодов из жизни известных поэтов и литераторов, анекдотов о них, собранные Лю И-цином (403—444).

⁷ Вэй и Цзинь — династии, правившие соответственно в 220—264 и 265—420 гг.

⁸ Жуань Цзи (210—263) — принадлежал к группе поэтов-вольнодумцев, прозванных «Семь достойных из бамбуковой рощи», которые отрицали древние конфуцианские обряды. «Жуань Цзи оставалось лишь побольше пить и поменьше говорить», — писал Лу Синь, напоминая об оригинальном средстве, найденном поэтом, чтобы отказать сватам узурпатора («Жуань Цзи пропьянствовал целых два месяца, не давая возможности завести речь о сватовстве». Лу Синь. Соч. Шанхай, 1948, т. III, стр. 498, 500).

⁹ Тао Юань-мин (365—427) — поэт, создатель знаменитого произведения «Персиковый источник». См.: Тао Юань-мин. Стихотворения. Пер. с кит. яз. Л. Эйдлина. М., 1973.

¹⁰ Выражение, введенное буржуазным литератором Линь Юй-таном в статье «Как шлифовать литературу на живом языке» («Жэнь-цзянь ши», 1934, № 13).

Однако нам в Шанхае подражать ему невозможно. Южных гор здесь нет, их, пожалуй, можно заменить строкой «Посмотрю на отели заморской постройкой вдали» или «Посмотрю на фабричные трубы вдали». Но чтобы рвать хризантемы, нужен дом и сад с оградой из бамбука. Арендная же плата за такой дом сто лан¹¹ серебром плюс четырнадцать процентов полицейского налога, то есть четырнадцать лан. Только по этим двум статьям, без счетов за воду и электричество, потребуется сто четырнадцать лан в месяц. Один лан по курсу стоит юань и четыре цзяо¹², это составит сто пятьдесят девять юаней и шесть цзяо. Рукописи же в наше время совсем не ценятся, самая низкая оплата за тысячу знаков — четыре-пять цзяо, но, поскольку стихи принадлежат эстету, подражателю Тао Юань-мина, за тысячу слов ему дадут три юаня, конечно, без оплаты знаков препинания, абзацев и иностранных слов. Для одних только хризантем ему придется ежемесячно писать или переводить до 53 200 знаков. А на еду добывать другим путем, иначе он, пожалуй, запоет:

Голод гонит меня,
Но куда мне идти, я не знаю¹³

И в старину, и в наши дни изысканность требовала положения и денег. В старину она, правда, доставалась дешевле, но достигалась такими же приемами: книги выставлялись на полках или разбрасывались по полу, на стол подавались чарки с вином, счета убирались в ящик или же — что еще лучше — их просто запоминали. Вот это-то и называлось безмятежностью.

II

Распространяться по поводу изысканности я не собирался, значения ее не умалил, но обнаружил собственную «грубость».

Ван И-фу¹⁴ избегал говорить о деньгах, но все же не был безупречным. Подсчеты, конечно, не приносят вреда изысканности, но эстету приходится иногда убирать счета или лучше на время забывать о них: тогда в речи у него зазвучит одухотворенность, а в смехе — непринужденность. Постоянные же заботы о земных благах могут привести его к «группе хайо, хайо»¹⁵. В этом-то и заключается все различие между изысканным и грубым, возвышенным и низменным. Одни умеют моментально отвлекаться «от земных благ», а другие прикованы к ним навсегда. Между ними, вероятно, такая же разница, как между мужем, который, не теряя ни мудрости, ни достоинства, свое временно выполняет свой супружеский долг, и так называемым «развратником», даже днем мечтающим о любимой. Поэтому мне и придется, пожалуй, расписаться в собственной «грубости», ибо, перелистав «Новые речи наших современников» и дойдя до строчки «Рыба резвится в чистом пруду»¹⁶, я сделал то, чего делать не полагается: перешел от «выздоровления» к «расходам на лечение» — встал с кровати и принялся писать письма, торопя с уплатой гонорара и процентов за переиздание. Подобный поступок отдалил меня от эпохи Вэй и Цзинь, и если бы в этот момент ко мне явились Жуань Ци или Тао Юань-мин, мы, конечно, не сумели бы столкнуться.

Тут я взялся и за другие книги, что-то вроде неофициальных записок конца династии Мин и начала маньчжурской — Цин¹⁷. Эпоха ближе и читать интереснее. Первой попавшейся мне под руку оказалась «Кровопротитие в Сычуани»¹⁸. Эту книгу вместе с другой,

¹¹ Лан — старая денежная единица (около 30 гр. серебра).

¹² Юань — основная современная в Китае денежная единица; цзяо равно 0,1 юаня.

¹³ Начало стихотворения Тао Юань-мина «Прошу подаяния».

¹⁴ Ван И-фу (255—311) известен тем, что не говорил о деньгах из-за жадности своей жены, пытавшейся разжечь в нем корыстолюбие.

¹⁵ «Хайо, хайо» — трудовой возглас; здесь намек на прогрессивных авторов, получивших в 20-х—30-х годах название пролетарских писателей.

¹⁶ «Рыба резвится...» — «Новые речи наших современников», гл. 25. В серии «Чжу цзы цзи чэн». Шанхай, 1935, т. 8, стр. 212.

¹⁷ «Конец династии Мин и начало маньчжурской — Цин» — формулировка, обозначающая события 1644 г.: свержение китайской династии Мин занявшими столицу повстанцами, предательство феодалов, открывших ворота полчищам маньчжур, завоевание ими Китая и основание маньчжурами своей династии, названной по-китайски Цин.

¹⁸ «Кровопротитие в Сычуани» — книга, судя по предисловию автора, написана в 1682 г. В ней, как и в официальных изданиях, с большим преувеличением изображались казни, совершавшиеся повстанцами в провинции Сычуань.

«Сычуаньское зеркало»¹⁹, подарил мне приехавший из Чэнду Шу-бин²⁰. Обе они посвящены бедствиям в провинции Сычуань во время восстания Чжан Сянь-чжуна²¹. Познакомиться с ними следовало бы всем китайцам, а не только сычуаньцам. Жаль, что отписки нечетки, да и опечаток в них немало.

Перелистывая эти записки, я заметил в третьей главе следующий отрывок:

«Еще сдирают кожу. Кожа разрезается на спине от головы до конца позвоночника, и палач отделяет ее, отворачивая к груди, точно расправляет крылья птицы. Казненный, как правило, умирает через день. Но если смерть наступает мгновенно — палача казнят как соучастника». Возможно, потому, что я сам был болен, мысли мои сразу же обратились к анатомии. Знать физиологию и анатомию следовало и лекарю и палачу. В Китае же дело обстоит очень странно. Стыдно признаться, как небрежно и ошибочно изображались внутренности человека в медицинских книгах. От описаний же казней создавалось впечатление, будто палачи еще в древности владели современной наукой. Известно, например, что уже в I тысячелетии до н. э. мужчин кастрировали. Но мало кто знал, что и для женщин существовало подобное же наказание, отнюдь не означавшее, что их подвергали заключению. Недавно я как будто разобрался в этой операции и был поражен не только жестокостью, но и знакомством палачей с анатомией человека. А по книгам о гинекологии почти нельзя понять строения тела: живот в них изображен большим, наполненным чем-то непонятным мешком.

В Китае существовали различные способы для одного только сдиранья кожи. Выше приводился способ Чжан Сянь-чжуна, но был и другой — Сунь Кэ-вана²². О последнем я узнал почти одновременно в книге Цюй Да-цзюня «Из преданного забвению в Аньлуне»²³, где говорилось о том, как укрывался от маньчжуров император Юн-ли²⁴. События относились к шестому году правления Юн-ли (девятому году правления маньчжурского императора Шунь-чжи)²⁵.

В то время цензор Ли Жу-юэ подал императору доклад — обвинение князя Сунь Кэ-вана в убийстве Чэнь Бан-чуаня с сыном. В докладе говорилось о том, что самовольно учинив расправу над заслуженным полководцем, Сунь Кэ-ван совершил преступление против высшего. Император же, напротив, наказал не Сунь Кэ-вана, а цензора, приказав дать ему сорок ударов палками. Но и на этом дело не закончилось. О докладе цензора узнал Чжан Ин-кэ, прихвостень Сунь Кэ-вана, и донес обо всем последнему.

«Тогда Сунь Кэ-ван приказал Чжан Ин-кэ немедленно казнить цензора, содрав с него кожу при стечении народа. Ли Жу-юэ был схвачен, связан и приведен к боковым воротам дворца, у которых уже были приготовлены корзина с известью и связка рисовой соломы.

— К чему все это? — спросил Жу-юэ.

— Чтобы набить твою шкуру соломой! — ответили ему.

— Слепой раб! — вскрипел Жу-юэ. — В каждом ее стебле будет храниться история, в каждом листике будет жить преданное сердце!

Стоя на ступенях у ворот с приказом Сунь Кэ-вана в руках, прихвостень князя крикнул, чтобы Ли Жу-юэ опустился на колени.

— Мне ли становиться на колени перед разбойником? — в гневе закричал Жу-юэ. — Я подчиняюсь только императору!

Приблизившись к центральному воротам, он дважды поклонился приворотным башням... Понукаемые Чжан Ин-кэ, палачи укладывали Жу-юэ на землю, разрезали ему кожу на спине, а он, негодуя, кричал:

— Как прохладно, как весело умирать! — и осыпал бранью Сунь Кэ-вана.

Ли Жу-юэ ругался не переставая, пока ему обрубили ноги и руки, сдирали кожу с груди; но вот голос его ослабел; умер же он только после того, как ему перереза-

¹⁹ «Сычуаньское зеркало» — книга, по времени и по содержанию близкая предшественной.

²⁰ Шу-бин — псевдоним писателя Сюй Цинь-вэня.

²¹ Чжан Сянь-чжун — один из вождей восстания, павший в бою с маньчжурами в 1646 г. Клевету на него в названных выше книгах вскрывал Лу Синь.

²² Сунь Кэ-ван — приемный сын Чжан Сянь-чжуна. После гибели отца оказался в числе защитников трона китайского монарха и в 1651 г. получил титул князя; затем пытался основать собственную династию, а в конце концов сдался маньчжурам (1657 г.), за что получил княжеский титул.

²³ «Из преданного забвению в Аньлуне» — автор книги Цюй Да-цзюнь после поражения Минов обрил голову и укрылся в монастыре, а затем снова вернулся в мир. Эта книга, посвященная событиям в одной из временных столиц Минов на юге, была сожжена и запрещена вместе с другими сочинениями Цюй Да-цзюня в XVIII в. и переиздана только в 1916 г.

²⁴ Юн-ли — годы правления последнего из Минов, провозглашенного императором в 1646 г., бежавшего в Бирму в 1659 г. и убитого в 1662 г.

²⁵ Шестой год Юн-ли, девятый год Шунь-чжи — соответствует 1652 г.

ли горло. Затем его кожу посыпали известкой, набили соломой, зашили и вывесили чучело на Северных воротах, выходящих на многолюдную улицу...»

У Чжан Сянь-чжуна были казни, присущие «бродячему разбойнику». Сунь Кэ-ван тоже вышел из разбойников, но в то время уже превратился в оплот династии Мин в ее борьбе с маньчжурами и был награжден саном князя Цинь. Когда же Сунь Кэ-ван перебежал к маньчжурам, те тоже пожаловали ему княжеский титул. Поэтому его приемы казни вполне можно назвать правительственными. Ведь точно таким же способом в начале царствования Минов узурпатор Юн-ло²⁶ содрал кожу с Цзин Цина²⁷ — сановника, оставшегося верным императору Цзянь-вэню. Династию Мин, следовательно, можно назвать великой и неизменной: со сдирания кожи начала и сдиранием кожи закончила.

Насколько врезались в память «императорские милости», можно себе представить по поговорке «снимут шкуру и набьют соломой», которая до сих пор еще слышится в шаосинских мистериях²⁸ среди деревенского люда. Неудивительно, что человек чувствительный не хочет слушать подобных былей, читать неофициальные записки. Да и вправду сказать, некоторые факты в них предстают настолько бесчеловечными, что волосы встают дыбом, а сердцу наносятся неисцелимые раны.

Жестокость существовала всегда, и, чтобы не нарушалось душевное равновесие, о ней лучше не думать. Не случайно изречение «благородный муж избегает кухни»²⁹ в наши дни более популярно, чем свободолобивые и смелые записки известных авторов, созданные незадолго до маньчжурского нашествия. Ведь для кристаллизации эстетства требуется изысканная обстановка. Поза Ли Жу-юэ с обращенным вниз лицом, когда с цензора сдирали кожу, хорошо подходит для чтения, но вряд ли Ли Жу-юэ стал бы читать. Душевное равновесие у него было нарушено, и понять художественное мастерство даже в «Гуанчжуане» Юань Чжун-лана³⁰ он был бы не в состоянии.

И все же достойные люди в Китае обладали какой-то утонченностью. Как поэтично звучат последние слова Ли Жу-юэ:

В каждом ее стебле будет храниться история,
В каждом листике будет жить преданное сердце!

Сколько патриотов и в старину, и в наши дни создавали стихи перед казнью! Совсем недавно Тань Сы-тун³¹ написал:

Заприте ворота, забросьте втулки в память о Чжан Цзяне!³²

Сложила стихотворную строку и Цю Цзинь³³:

Осенний дождь, осенний ветер скорбят о загубленных героях.

Но такие произведения за деньги не продавались. Как недостаточно изысканные, не вошли они ни в один из поэтических сборников.

²⁶ Юн-ло — название годов правления минского императора (1403—1424), который сверг своего племянника Цзянь-вэня, взойшедшего на трон в 1399 г., а затем, по легендам, скрывавшегося в странах Южных морей.

²⁷ Цзин Цин — был предан казни за покушение на Юн-ло.

²⁸ Шаосинские мистерии — о них Лу Синь писал в своих воспоминаниях (см.: Лу Синь. Собр. соч. М., 1955, т. 3).

²⁹ «Благородный муж избегает кухни» — цитата из конфуцианского канона «Мэн-цзы» (гл. 1, § 7), заключающая рассказ о гуманности царя: не в силах вынести предсмертный трепет увиденного быка, он приказал заменить быка бараном, которого не видел, но не отменил самого заклания, совершившегося для того, чтобы окропить колокол кровью жертвенного животного.

³⁰ Юань Чжун-лан (Хун-дао) — писатель конца XVI — начала XVII в.

³¹ Тань Сы-тун (1865—1898) — наиболее левый из участников реформаторского движения в конце XIX в.; был казнен после поражения реформаторов.

³² Чжан Цзянь — мелкий чиновник, которого укрывали в народе после обвинения его в «образовании клики» — преступлении, за которое в 169 г. было казнено более ста человек.

³³ Цю Цзинь (1875—1907) — землячка Лу Синя, его соученица по Японии и товарищ по тайному революционному обществу. Была выдана провокатором и казнена в Шаосин за подготовку восстания против маньчжур.

III

При власти маньчжуров преступников четвертовали, уничтожали со всем родом, но кожи с них не сдирали, и китайцы, прибежавшие к этой казни, должны были бы устыдиться.

Но потом маньчжуры доставили пищу умам своими жестокими гонениями — литературными судилищами. Под этими судилищами понимался целый ряд сложных мероприятий, разбирать которые здесь подробно не нашлось бы места. Остановлюсь лишь на том зле, от которого мы и сейчас страдаем, — на изъятиях и фальсификации древних произведений, на запрещении многих авторов, живших при Минах и позже. «Из преданного забвению эстета, невыносимо грубы. Однако доставать издания «Зала Цзяе» — дело нелегкое. Этой весной, как-то после полудня, я с большим трудом отыскал издательство на улице Айвэнь. Мне пришлось довольно долго стучать в большие железные ворота, пока наконец в них не открылось квадратное оконце, за которым оказались китайский привратник, китайский полицейский и белогвардеец-телохранитель. На вопрос полицейского, что мне нужно, я ответил, что пришел купить книгу.

Этой книгой не ограничивалось переиздание запрещенной при маньчжурах литературы. Господин Лю выпустил еще «Собрание сочинений» Цюй Да-цзюня и «Записки на досуге бездельника рыболова» Цай Сяня³⁴. Последнего за эту книгу приговорили к немедленному расчленению пополам, казнили за соучастие и его учеников. Но, внимательно прочитав ее, я не нашел в ней ничего крамольного.

Я очень признателен издателю за почерпнутые из этих книг сведения, хотя такие познания, с точки зрения эстета, невыносимо грубы. Однако доставать издания «Зала Цзяе» — дело нелегкое. Этой весной, как-то после полудня, я с большим трудом отыскал издательство на улице Айвэнь. Мне пришлось довольно долго стучать в большие железные ворота, пока наконец в них не открылось квадратное оконце, за которым оказались китайский привратник, китайский полицейский и белогвардеец-телохранитель. На вопрос полицейского, что мне нужно, я ответил, что пришел купить книгу.

— Конторщик вышел, продавать некому, приходите завтра, — сказал он.

Я объяснил, что живу далеко и подожду, но ждать он мне не разрешил и захлопнул окошечко.

Через два дня я снова направился туда, на этот раз до полудня, решив, что в это время конторщик будет на месте. Но этот визит привел меня в полное отчаяние.

— Книг больше нет! Все проданы! Не продаются! — отрезал полицейский.

После такого решительного отказа я больше туда не ходил.

Запрещенные при маньчжурах издания и в наши дни приходится доставать только через друзей или книжные магазины. По знакомству я их и приобрел.

Послесловие в каждой такой книге принадлежит хозяину издательства «Зал Цзяе», господину Лю Чэн-каню. Он очень сочувствует авторам, оставшимся верным Минам, и возмущается гонениями на литературу при маньчжурах. Но в его послесловиях поражает противоречие: издавая книги уже при республике, он пишет в стиле тех, кто остался верным маньчжурам, — благоговейно соблюдает табу для имени свергнутого маньчжурского императора Пу И³⁵. Но ведь в произведениях авторов, верных Минам, смена династии стоит на втором плане, главное у них — борьба с маньчжурами как с завоевавшим Китай чужеземным племенем. Поэтому их можно понять, лишь проникнувшись идеей национального освобождения.

Издатель же кичится своей верностью маньчжурской династии, к которой питал ненависть автор, верный китайской династии. Считая, что поет с ними в унисон, господин Лю лишь твердит слово «верный», не разбирая, к какому народу и к какой эпохе относится эта верность. Его «верность ради верности» может составить хорошую пару стороннику «искусства для искусства» в литературе.

Нельзя сказать, чтобы подобные личности, питаясь древностью, не умели ее переварить. Вряд ли наши «благородные мужи» не усваивали такой пищи, как упоминавшееся выше «Сычуаньское зеркало». Ведь автор этой книги подражал стилю летописи «Весна и осень»³⁶.

Записи «В первой луне первого года правления премудрого гуманнейшего владыки императора Кан-си»³⁷ он предпослал следующее славословие:

«При династии Мин поднялись страшнейшие бунты! Какие бедствия они причинили! Как тогда мечтали о порядке! Кто знал об этом лучше моего деда и меня, ис-

³⁴ Цай Сянь — приговор, вынесенный на основании его книги, содержащей якобы «клевету» и «разжигание смуты», зафиксирован в документах «литературных судилищ» в 1767 г. Эта книга была переиздана в 1915 г.

³⁵ См.: Пу И. Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И — последнего императора Китая. М., 1968.

³⁶ «Весна и осень» — самая ранняя из сохранившихся в Китае летописей (722—481 гг. до н. э.).

³⁷ Кан-си — девиз годов правления маньчжурского императора Шэн-цзу (1662—1722).

пытавших все на себе! И вот, как «Нравы» в «Книге песен»³⁸ закончились на «царстве Бинь», а «Оды» — на «Небе благом», так и год, в который был положен конец смутам, справедливо и без лести вошел в историю первым годом правления Кан-си. Мне посчастливилось жить в это славное царствование, величия которого не выразить в словах. Оказанных мне высочайших милостей не забуду до гроба, ибо я сподобился лицезреть начало деяний, водворивших в стране мир».

В древней летописи «Весна и осень» такого стиля не найти. Стрела маньчжурского князя Су, пронзив вождя восстания Чжан Сянь-чжуна, привела к покорности многих «ученых мужей» и даже изменила стиль летописи «Весна и осень».

IV

Эти книги в конце концов нагнали на меня меланхолию. Но они же открыли мне глаза на то, как некоторые умники и теперь умеют находить покой среди моря крови.

Записки «Кровопротитие в Сычуани» достаточно печальны, но за предисловием в них следует еще комментарий господина Ло Чжая: «По красоте древнего стиля эта книга подобна тем, что созданы в эпохи Вэй и Цзинь». Такие необъятные способности и спокойствие мертвеца прогнали мою меланхолию.

Отложив книгу, я закрыл глаза и стал раздумывать о том, как бы научиться подобному спокойствию. Это вам не прием «избегать кухню» у «благородного мужа». «Благородный муж» посетил «кухню» собственной персоной, закрыл глаза и, поразмыслив, нашел, как сохранить душевное равновесие: во-первых, относиться ко всему на свете, как к «солнечным зайчикам» — понимать, но не до конца, заботиться, но не искренно, и поскорее обо всем забывать; во-вторых, затыкать уши, закрывать глаза на факты и, ничего не воспринимая, охладеть до полного оцепенения. Вначале потребуются некоторая тренировка, а затем все пойдет само собой. Первый прием не слишком красив; зато второй настолько важен при затяжной болезни, что о нем не избегали говорить даже древние конфуцианцы. Такова большая дорога, но есть тропинки и поудобнее: лгать, обманывая и других и себя.

Бывают вещи, на которые невозможно намекать. «Благородные мужи» ненавидят простых людей как раз за то, что они режут правду в глаза. Ведь когда «благородный муж избегает кухни», он уже обманывает и себя и других. «Благородный муж» не может не питаться говядиной, но, будучи гуманным, не выносит предсмертного трепета быка и обходит бойню. Когда же мясо зажарено, он принимает его смаковать: отбивная котлета не затрепещет, не осквернит его «гуманности». Справедливость соблюдена, душевное равновесие не нарушено, и от обилия «естественной прелести» он станет ковырять в зубах и поглаживать себя по животу — «для меня, мол, создана вся природа».

Обоудная ложь отнюдь не нарушит «изысканности». Ведь и до сих пор весьма уточненным считается анекдот про Су Дун-по³⁹ и навестившего его в Хуанчжоу гостя. Хозяину захотелось поговорить о нечистой силе, но гость отказался: черти, мол, не существуют.

— Так выдумайте что-нибудь! — ответил Су Дун-по.

Небольшая ложь — и скука рассеяна, меланхолия исчезла, правда забылась, и родилась вера в ложь. Справедливость соблюдена, душевное равновесие не нарушено, все полно «естественной прелести».

Восшествие на престол узурпатора Юн-ло часть знати встретила неприязненно, но еще более враждебно была встречена жестокость, с которой он казнил преданных свергнутому Цзянь-вэню сановников. С Цзин Цина содрали кожу, Те Сюаня бросили в кипящее масло, а двух его дочерей отдали на поругание в «веселый квартал», опозорив тем самым всю знать. Но впоследствии пошли слухи о том, что Юн-ло узнал о стихотворениях, поднесенных этими женщинами следователю, помиловал их и выдал замуж за чиновников.

«Пьеса закончена, добродетель восторжествовала». Невинный помилован, император остался мудрым, и можно было вздохнуть спокойно. Обреченные на позор в пользу казны⁴⁰ оказались талантливыми поэтами. Хотя отец и был сановником, верным трону, его дочерям выйти замуж за простых чиновников не расценивалось

³⁸ «Книга песен» — «Шицзин» — свод древнейших китайских песен, сохранившийся в записи II в. до н. э. Здесь ссылка на песни и разделы «Книги песен» («Нравы», «Оды») звучала как святотатство, ибо автор записок приравнял китайских императоров к «злодеям», а покончивших с ними маньчжурских — к «праведникам».

³⁹ Су Дун-по — китайский поэт XI в.

⁴⁰ «В пользу казны» — в ту эпоху «веселые кварталы» находились в ведении министерства обрядов (или церемоний).

как бесчестье. Однако пора перестать «ловить солнечных зайчиков». Лучше не думать — не то вспомнятся такие жестокие и коварные эдикты Юн-ло, что он предстанет отнюдь не благодетелем, меценатом и просвещенным монархом. Даже знаменитая молитва Чжан Сянь-чжуна при жертвах богу города Цзытун — Чжан Фэю⁴¹: «Угощайся! Моя фамилия Чжан и твоя — Чжан. Мы с тобой из одного рода!» — покажется настолько возвышеннее и утонченнее эдиктов императора Юн-ло, что удостоится опубликования в первоклассных журналах Европы и США.

В «веселых кварталах», о которых говорилось в императорском эдикте, жены и дочери казенных были лишены права выбирать посетителей⁴². По порядку, установленным самим императором Юн-ло, этих женщин переводили из одного солдатского лагеря в другой, оставляя в каждом по несколько дней, чтобы они произвели на свет побольше «незаконнорожденных», «ублюдков». Как видно, целомудрие, ставшее ныне модной проблемой, в те времена являлось привилегией лишь благонадежных подданных.

Как можно было возродиться, как можно было создавать стихотворения в таком аду?

Этот красивый обман разоблачается в «Исправлении искажений» (часть «Продолжение и дополнения», гл. I) у Хан Ши-цзюня⁴³:

«...Исследование показало, что приводимое ниже стихотворение «Старая гетера», которое приписывалось старшей дочери Те, написал Фань Чан-цин, родом из У, по прозвищу Поющий феникс:

Попала в веселый квартал и умылась слезами.
 Душа молодая, как роза, увяла.
 Послышится прежняя песня, и гнев закипает в груди.
 Вернуться бы в старый наш сад — только нет никого из родни.
 Рассыпались волосы-тучи, у бронзы зеркальной сжух.
 И слезы сбегают ручьями на шелк моей красной одежды.
 Найти бы еще одного Бо Цзюй-и,
 Чтоб «Лютню»⁴⁴ сложил обо мне.

Это стихотворение помещено Чжан Ши-юэ в «Гочао вэньцзуань» вместе со стихами Ду Цюна «Без названия» на ту же рифму, а поэтому совершенно ясно, что оно не могло принадлежать Те.

Второй дочери Те приписывают следующие строки:

Пришла весна — роса и дождь, морская глубина.
 Сейчас я замужем за Лю — он лучше, чем Юань...

Ничего похожего на судьбу Те в них нет.

Если некоторые любители подделали всю поэзию, связанную со скитаниями императора Цзянь-вэня в странах юго-запада, то о стихотворениях дочерей Те нечего и говорить... Таково мнение Му Цзэ — начальника дворцового приказа». Стихотворения второй дочери Те не нашел даже Хан Ши-цзюнь, «Гачао вэньцзуань» я сам не видел — серьезный источник, которому можно верить, хотя он и развенчал поэтическую легенду, передававшуюся из уст в уста. Исследование всегда ближе к истине, чем само раздутое событие со всеми любопытными и внешне красивыми подробностями.

Кто первый приписал стихотворение Фань Чан-ци старшей дочери Те — не известно. Но этот обман и самообман легко объясняется привычкой «ловить зайчиков». Из разоблачения, сделанного Хан Ши-цзюнем, становится ясно, что уже с первой строки в нем говорилось о старой блуднице, а не о только что отданной на поругание женщине. Однако некоторым «ученым мужам» в Китае нравится украшать все цветами, выдумывая истории, которых в жизни не бывает. Они славят не только мирные времена, но и эпохи мрака. Ложь о дочерях сановника Те — это еще мелочь. Ведь даже во времена убийств и грабежей монгольских завоевателей, в годы резни и поджогов маньчжурских затхатчиков находились любители воспеть каких-то покончивших с собой героинь, отыскать стихотворения и романсы, начертанные этими мученицами на стене. Один сочинит биографию красавицы, другой приплетет что-нибудь на ту же рифму. Такие сказки вдохновляли их гораздо сильнее, чем великие бедствия: разва-

⁴¹ Чжан Фэй — прославленный полководец II—III вв., эдиктом императора был возведен в ранг бога города.

⁴² Право выбирать посетителей признавалось за гетерами в Китае даже в XX в.

⁴³ Хан Ши-цзюнь (1696—1773) — ученый, автор работ по источниковедению.

⁴⁴ «Лютня» — поэма, в которой Бо Цзюй-и (772—846) воспел состарившуюся певицу-гетеру (см.: Бо Цзюй-и. Лирика, пер. с кит. яз. Л. Эйдлина, изд-во «Художественная литература», М., 1965, стр. 190).

лины мирных жилищ, муки народа, его позор. Тиснут сборник, поместят туда и свой стих, да на том и покончат.

Пока я писал, болезнь прошла, и необходимость в завещании отпала. Но мне все же захотелось воспользоваться этим случаем, чтобы выразить друзьям свою волю.

Если в Китае, когда я умру, еще будут разрешаться траурные собрания, прошу ни в коем случае не устраивать по мне поминок и не издавать о них книги. Ведь это лишь повод для соперничества в выступлениях и в похоронных надписях. Чтобы удивить мир своим красноречием и искусством слагать параллельные фразы, кое-кто из литературных светил не пожалеет глупых слов, а в результате появится какая-то книжонка, которая не принесет пользы ни мне — мертвому, ни живым читателям, ни писателям. Самая прекрасная похоронная надпись останется лишь похоронной надписью.

Если же у моих друзей найдутся деньги на покупку бумаги, туши и белой материи, пусть они истратят их на переиздание избранных неофициальных записок или «диких» историй эпохи Мин, маньчжурского владычества или же современных нам авторов. Вот это принесет всем большую пользу.

Но к делу нужно отнестись серьезно, найти для него время и не допускать ошибок в знаках препинания.

11 декабря 1934 г.

*Перевод с китайского и ком-
ментарии Л. Д. Позднеевой*

Корейский народ строит социализм

(к 25-летию провозглашения КНДР)

В. П. Ткаченко

9 сентября исполняется 25-я годовщина образования Корейской Народно-Демократической Республики. Провозглашение пераого в истории Кореи подлинно демократического государства явилось величайшим завоеванием корейского народа, славным итогом его длительной и мужественной борьбы за свободу, национальную независимость и социальный прогресс.

Нелегким был путь трудового народа Кореи к созданию своего национального государства. Почти полвека японские колонизаторы беззастенчиво угнетали и грабили Корею, превратив ее в свою колонию. Страна была лишена элементарных признаков государственности, грубо попирались национальное достоинство, культура и гражданские права корейцев.

Однако ни полицейский террор, ни жестокие расправы над борцами за национальную независимость не сломили стремления трудящихся к свободе. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России идеи марксизма-ленинизма стали широко проникать в Корею. Под их влиянием пробуждалось классовое сознание рабочих, крестьян, передовой интеллигенции, а национально-освободительное движение корейского народа вступило в качественно новый этап борьбы. Оно приобрело все более наступательный характер и в начале 30-х годов переросло в активное партизанское движение, которое возглавили коммунисты во главе с товарищем Ким Ир Сенем. «Современная история корейского народа и его судьба, — отмечал товарищ Ким Ир Сен, — непосредственно связаны с революционными историческими событиями, возникшими под влиянием Октября. Слившись с великим потоком революционной борьбы мирового пролетариата, став на путь, начертанный Октябрем, корейский народ нашел путь к своему освобождению»¹.

В августе 1945 г. Советская Армия нанесла сокрушительный удар по Квантунской армии и освободила Корею от господства японских колонизаторов. В ходе освобождения Кореи были решены первоочередные задачи этапа национально-освободительной борьбы — ликвидация системы колониального правления, изоляция внутренней реакции, создание предпосылок для активного участия демократических сил в строительстве нового общества.

Корейским коммунистам, создавшим вскоре после освобождения страны Трудовую партию Кореи, с первых дней пришлось решать целый ряд больших и сложных задач, связанных с осуществлением антиимпериалистической, антифеодальной революции, проведением коренных социальных преобразований, установлением народной власти, опирающейся на союз рабочего класса и крестьянства. Руководствуясь марксистско-ленинским учением о социалистической революции, творчески применяя ее общие закономерности в конкретных условиях страны, Трудовая партия Кореи использовала в ходе демократического строительства возможность широкого сотрудничества пролетариата с рядом других политических партий, стоящих на позициях демократического свободного развития нации, объединила и сплотила все прогрессивные силы общества в единый фронт и уверенно повела трудящихся к социализму.

Демократическое переустройство корейского общества поставило в качестве актуальной задачи создание власти, выражающей интересы пролетариата, всего трудового народа.

Сразу же после освобождения по инициативе масс в Корее повсеместно стали возникать народные комитеты, которые представляли широкий фронт патриотических сил нации с рабочим классом во главе. Помимо трудящихся города и деревни, в их состав входили представители интеллигенции, мелкие и средние предприниматели и

¹ Ким Ир Сен. Торжество идей Великого Октября, «Правда», 22. X. 1957.

торговцы. Активное участие в образовании народных комитетов принимали коммунисты.

В Южной Корее, оккупированной американскими войсками, созданные волей трудящихся народные комитеты были отстранены от управления страной командованием оккупационных войск, а затем ликвидированы. Сохранение на Юге колониальной системы и ее аппарата, закрепление позиций реакционных кругов — буржуазии и помещиков, явилось серьезным препятствием на пути демократического развития Кореи и создания суверенного корейского государства. В этих условиях Северная Корея стала, по существу, базой борьбы всего корейского народа за демократию и независимость.

Для обеспечения единства руководства органами народной власти на местах и демократического преобразования общества в феврале 1946 г. в качестве временного высшего органа власти был создан Временный Народный комитет Северной Кореи. В соответствии с выработанной политической программой, главной целью которой было создание народно-демократической республики, этот комитет осуществил крупные демократические преобразования. В течение 1946 г. были приняты законы о земельной реформе, о труде рабочих и служащих, о равноправии женщин, о национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков. В результате проведения таких мер в Северной Корее были реализованы основные антифеодальные общедемократические задачи революции, заложены основы для постепенного социалистического переустройства общества. Одновременно были созданы благоприятные предпосылки для развития экономики и культуры, роста политической активности трудящихся, деятельного участия их в государственном строительстве. Окреп союз рабочего класса и крестьянства, возросла роль компартии как организатора и руководителя единого фронта демократических сил нации.

Демократическое строительство в Корее проходило в специфических условиях расчленения страны, глубоких классовых противоречий между северной ее частью, ставшей на путь народно-демократического развития, и южной, где эксплуататорские реакционные круги пользовались покровительством американских оккупационных властей. США взяли курс на раскол Кореи, на создание сепаратного южнокорейского правительства. В обстановке массового протеста населения в мае 1948 г. они навязали народу Южной Кореи грубую фальсификацию выборов, в результате которых было сфабриковано марионеточное правительство. Первым его внешнеполитическим актом явилось подписание военного соглашения с США, которое установило неограниченный контроль американской военщины в Южной Корее.

После создания на Юге сепаратного реакционного режима отстаивать интересы национальной независимости, интересы широких масс трудящихся можно было только путем образования народно-демократической республики. Состоявшееся по инициативе Трудовой партии совещание руководителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи решило на основе проведения свободных выборов на Севере и Юге создать центральное правительство из представителей обеих частей страны. В конце августа 1948 г. на Севере и Юге Кореи в обстановке высокого политического подъема состоялись выборы депутатов в Верховное народное собрание. На Севере в голосовании за кандидатов Единого демократического национального фронта участвовало 99,97% избирателей. Несмотря на террор со стороны марионеточных властей, 77,52% избирателей Южной Кореи приняли участие в голосовании². Из 572 депутатов Верховного народного собрания 360 было избрано в Южной Корее³.

Проходившая 2—9 сентября 1948 г. в Пхеньяне первая сессия Верховного народного собрания провозгласила создание Корейской Народно-Демократической Республики, приняла Конституцию и образовала правительство республики. Народно-демократический строй и демократические завоевания корейского народа были закреплены в законодательном порядке. Образование КНДР явилось большой победой корейского народа в его суровой и длительной борьбе за свободу и независимость, оно открыло новый этап в многовековой истории Кореи. На Корейском полуострове впервые образовалось подлинно народное государство, ставшее для всего корейского народа оплотом свободы, национальной независимости и социального прогресса. С появлением в Азии нового государства народной демократии упрочились международные позиции сил социализма. Советский Союз был первым государством, признавшим КНДР и установившим с ней дипломатические отношения.

Восстановление разрушенной японскими колонизаторами экономики, нормализация хозяйственной жизни, упрочение демократических завоеваний были неотложными задачами, которые пришлось решать молодой республике. Глубокие изменения в общественной и экономической сферах жизни на Севере в корне подорвали возможность развития капиталистических элементов, открыли простор для развития страны по социа-

² «Корейская Народно-Демократическая Республика» (сборник на русском языке). Пхеньян, 1958, стр. 95.

³ «Современная Корея». Москва, 1971, стр. 127.

листическому пути. В этот период в экономике республики сложились три общественно-экономических уклада — социалистический, мелкотоварный и частнокапиталистический. Наличие капиталистического и мелкотоварного укладов не позволяло ликвидировать до конца источники эксплуатации, освободиться от системы старых производственных отношений. «Поэтому, — отмечает товарищ Ким Ир Сен, — для того чтобы полностью избавить людей от всякой эксплуатации и притеснений и быстрее развивать производительные силы страны, после завершения демократической революции мы должны были сразу же осуществлять социалистическую революцию»⁴.

Принятый сессией Верховного народного собрания КНДР двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства был направлен на устранение колониальной направленности структуры экономики и тех последствий, которые возникли в результате прекращения традиционных экономических связей между Севером и Югом страны. Двухлетний план при этом предусматривал преимущественное развитие государственного сектора. Уже к концу 1949 г. социалистический уклад, имевший в своем составе государственный и кооперативный секторы, занимал ведущее место. Удельный вес его в общем объеме валовой продукции промышленности в 1949 г. составил 90,7%⁵. Начались отчасти социалистические преобразования и в корейской деревне, где в опытно-порядке создавались государственные и кооперативные хозяйства.

Однако начавшаяся в 1950 г. война, навязанная корейскому народу американскими империалистами и их южнокорейскими союзниками, помешала развитию социалистической революции в КНДР. К переводу общественно-экономического уклада на социалистические рельсы корейскому народу пришлось приступить заново после войны. Корейский народ сорвал замыслы империалистических агрессоров и отстоял свободу и независимость своей родины. В этой справедливой борьбе на его стороне была помощь и поддержка социалистических стран, всего прогрессивного человечества. Героическая борьба корейского народа завершилась победой, агрессоры были вынуждены подписать соглашение о перемирии.

Тяжелые потери и разрушения понесла республика во время войны. Ущерб, причиненный народному хозяйству, по приблизительным подсчетам составил 420 млрд. вон, что в шесть с лишним раз превышало общую сумму национального дохода Кореи в 1949 г.⁶ Были полностью разрушены все ведущие предприятия страны, города и села превращены в руины. За небольшой период времени — 8 лет, прошедших после освобождения от ига японских колонизаторов, республика дважды пережила тяжелый этап восстановления, что, естественно, не могло не отразиться на процессе хозяйственного и политического развития молодого государства в начальный период его существования. В 1953 г. промышленное производство КНДР составило всего лишь 64% уровня довоенного года⁷.

Задачи восстановительного периода в соответствии с трехлетним планом (1954—1956 гг.) были выполнены благодаря самоотверженному труду народа досрочно. Среднегодовой прирост промышленной продукции за этот период составил 41,7%⁸. Последовательное проведение Трудовой партией Кореи (ТПК) курса на преимущественное развитие тяжелой промышленности и одновременное развитие легкой промышленности и сельского хозяйства дало возможность к концу восстановительного периода в два раза превзойти довоенный уровень производства валовой продукции государственной и кооперативной промышленности, заложить материальную основу для последующей индустриализации страны.

Состоявшийся в апреле 1956 г. III съезд Трудовой партии Кореи наметил широкую программу экономического и социального развития республики, явившуюся решающим этапом социалистической революции. В сравнительно короткие сроки был завершён процесс социалистического переустройства мелкотоварного уклада в городе и деревне. Движение за кооперирование сельского хозяйства, частных торговцев и мелких предпринимателей закончилось одновременно в 1958 г. и привело к безраздельному утверждению социалистических производственных отношений во всех отраслях народного хозяйства. Победа социалистического строя в КНДР открыла широкие перспективы для дальнейшего социального, экономического и культурного строительства, повышения материального благосостояния народа.

Одобренный III съездом партии первый пятилетний народно-хозяйственный план (1957—1961 гг.) положил начало этапу индустриализации страны, созданию материально-технической базы социализма. Задачи социалистической индустриализации продолжали оставаться главным звеном хозяйственной политики партии и в последующие

⁴ Ким Ир Сен. Еще более укрепим социалистический строй в нашей стране. Речь на первой сессии ВНС КНДР пятого созыва 25. XII. 1972. Пхеньян, 1972.

⁵ Ф. И. Ш а б ш и н а. Очерки новейшей истории Кореи. Москва, 1958, стр. 176.

⁶ «Современная Корея», стр. 131.

⁷ «Корейская Народно-Демократическая Республика», стр. 184.

⁸ «Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства КНДР». Пхеньян, 1961, стр. 37.

годы — в период выполнения семилетнего (1961—1967 гг.) плана развития народного хозяйства. На протяжении 14 лет индустриального строительства промышленное производство росло высокими темпами. В среднем ежегодно оно увеличивалось на 19,1%⁹. В ходе индустриализации произошли серьезные качественные изменения в отраслевой структуре экономики КНДР, способствовавшие комплексному развитию всех отраслей народного хозяйства. Наибольший прогресс был достигнут в области машиностроения и металлообработки, ставшими к концу семилетки ведущими отраслями индустрии. Объем производства в машиностроении за годы народной власти возрос в 100 раз, а его удельный вес достиг одной трети общего объема промышленного производства¹⁰. В стране, где до освобождения не было ни одного машиностроительного предприятия, выпускаются станки, тракторы, автомобили, электровозы, морские суда, горное, химическое и строительное оборудование, сельхозмашины, приборы, средства связи и автоматизации.

В 1970 г. годовая выработка электроэнергии в республике достигла 16,5 млрд. квт-ч, добыча угля — 27,5 млн. т, выплавка стали — 2,2 млн. т, производство химических удобрений — 1,5 млн. т, цемента — 4 млн. т, тканей — 400 млн. м. Доля промышленности в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства за годы индустриализации возросла с 34 до 74%, а в национальном доходе — с 25 до 65%. Ныне промышленность КНДР за 12 дней выпускает столько продукции, сколько производилось за весь 1944 г.¹¹. Достижения в экономическом развитии позволили ТПК на V съезде (ноябрь 1970 г.) прийти к выводу о том, что в стране успешно решена историческая задача социалистической индустриализации.

За годы народной власти неузнаваемо изменился облик корейской деревни, улучшились условия труда крестьян и повысился уровень технической оснащенности сельского хозяйства. Крупным достижением в этой отрасли явилось осуществление задач ирригации, механизации и электрификации. В условиях ограниченности посевных площадей на Севере Кореи интенсивные методы ведения сельского хозяйства были единственно верным путем к увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Сооружение крупных ирригационных систем дало возможность увеличить площадь орошаемых земель в 8 раз по сравнению с 1944 г., обеспечить устойчивые урожаи главной зерновой культуры — риса. В КНДР завершена электрификация и радиофикация всех сельских районов, достигнуты существенные сдвиги в деле механизации. В настоящее время сельское хозяйство республики потребляет 1 млрд. квт-ч электроэнергии, или примерно 7% ее общего потребления¹². На полях страны работает свыше 30 тыс. тракторов. За минувшую четверть века сбъем валовой сельскохозяйственной продукции вырос почти в три раза¹³.

Неуклонно повышается материальный и культурный уровень жизни трудящихся. Только за период 1961—1969 гг. в городах и селах было построено свыше 800 тыс. благоустроенных квартир¹⁴, на 31,5% в среднем повышена заработная плата рабочих и служащих¹⁵, почти в два раза выросли реальные доходы крестьян¹⁶. Крупные успехи достигнуты в развитии социалистической культуры Кореи, народного образования. В стране введено обязательное девятилетнее техническое обучение и ведется подготовка к переходу ко всеобщему полному среднему образованию. В учебных заведениях всех ступеней народного образования обучается свыше 2,7 млн. человек, или почти четверть всего населения республики. Общая численность инженерно-технических работников и специалистов во всех отраслях народного хозяйства достигла 500 тыс. человек¹⁷.

25-летний юбилей КНДР трудящиеся республики отмечают новыми достижениями в реализации заданий шестилетнего плана развития народного хозяйства, выработанного V съездом ТПК и призванного упрочить материально-техническую базу социализма. Итоги большого и славного пути, который прошла республика за четверть века, итоги исторических перемен в ее политическом, экономическом и культурном развитии нашли выражение в новой, социалистической конституции КНДР, принятой Верховным народным собранием в декабре 1972 г. Конституция юридически закрепила социалистические завоевания корейского народа, заложила прочную основу для дальнейшего процветания республики. В области внешней политики конституция КНДР провозгла-

⁹ Ким Ир Сен. Еще более укрепим социалистический строй в нашей стране. Пхеньян, 1972, стр. 36.

¹⁰ «Современная Корея», стр. 180.

¹¹ Ким Ир Сен. Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой партии Кореи V съезду партии. Пхеньян, 1970, стр. 7—11.

¹² Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК V съезду партии, стр. 14.

¹³ «Современная Корея», стр. 166.

¹⁴ Ким Ир. О шестилетнем (1971—1976 гг.) плане развития народного хозяйства КНДР. — «Нодон синмун», Пхеньян, 11. XI. 1970.

¹⁵ «Нодон синмун», 1. IX. 1970.

¹⁶ Ким Ир. О шестилетнем (1971—1976 гг.) плане развития народного хозяйства КНДР. — «Нодон синмун», 10. XI. 1970. Пхеньян.

¹⁷ Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК V съезду партии, стр. 22.

шает курс на развитие отношений дружбы и сотрудничества с социалистическими странами на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Корейская Народно-Демократическая Республика проводит миролюбивую внешнюю политику, выступает за мир и дружбу между народами. Это способствует росту ее авторитета на международной арене, укреплению и развитию политических, экономических и культурных связей со многими странами мира.

Одним из конкретных проявлений миролюбивой политики КНДР является курс ее правительства на мирное объединение Кореи, провозглашенный с первых дней образования республики, который получил широкое международное признание, всегда пользовался активной поддержкой Советского Союза и других социалистических государств как курс, отвечающий коренным интересам всего корейского народа, интересам мира и безопасности в Азии. Борьба корейского народа за объединение своей родины стала составной частью общей борьбы прогрессивных сил мира за национальное освобождение, мир и социализм.

Правительство КНДР неоднократно выдвигало конструктивные предложения, в которых идея мирного демократического объединения приобретала характер конкретных шагов в направлении постоянного сближения между Севером и Югом и преодоления раскола. Вскоре после окончания войны КНДР выступала с инициативой сокращения численности армий, принятия взаимных обязательств о неприменении вооруженных сил друг против друга, созыва совещания политических партий Севера и Юга, установления экономического и культурного обмена между двумя частями страны. В 1956 г. КНДР в одностороннем порядке сократила численность своей армии на 80 тыс. человек и предложила в качестве переходного этапа к объединению создать конфедерацию Севера и Юга при сохранении политических систем, существующих в обеих частях Кореи¹⁸.

Реализация программы мирного объединения Кореи подразумевала также создание необходимых внешних условий для того, чтобы корейский вопрос решался самими корейским народом на основе принципов национального самоопределения, без всякого вмешательства извне. Основным препятствием к осуществлению этого законного требования корейского народа является присутствие американских войск в Южной Корее, вмешательство империалистических сил в ее внутренние дела. Вовлечение Южной Кореи в систему военных блоков империализма существенным образом затруднило проблему объединения страны, стало источником постоянной напряженности на Корейском полуострове. Орудием вмешательства в дела корейского народа служит также созданная вопреки его желанию так называемая «Комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи». Поэтому правительство КНДР неизменно исходило и исходит из того, что для обеспечения объединения страны мирными средствами необходимо прежде всего добиться вывода американских войск из Южной Кореи, роспуска Комиссии ООН, то есть создать первоочередные внешнеполитические предпосылки для решения корейского вопроса без вмешательства извне.

Программа самостоятельного мирного объединения Кореи на демократической основе, выдвинутая ВНС КНДР в апреле 1971 г., еще раз подтвердила наступательный, инициативный характер политики КНДР в этих вопросах. В ней был обобщен предыдущий опыт борьбы за демократическое объединение, заложена конструктивная основа для поэтапного решения проблемы объединения, в том числе и путем создания конфедерации Севера и Юга. Программа предусматривала урегулирование военных, экономических, культурных вопросов, установление политических контактов. Впоследствии правительство КНДР заявило о готовности провести переговоры с представителями различных политических сил Юга, в том числе и правящей Демократическо-республиканской партии. Программа мирного объединения вызвала благоприятный резонанс в демократических кругах южнокорейского общества, была поддержана в Советском Союзе и других странах социализма, а также широкой международной общественностью.

Позитивные процессы в мировой политике, ставшие возможными благодаря последовательной борьбе социалистического содружества за разрядку напряженности, создали реальные предпосылки для упрочения безопасности в Азии, в том числе и на Корейском полуострове. В результате инициативных шагов КНДР в 1971 г. между Севером и Югом Кореи впервые были налажены официальные контакты. Вначале они были установлены между организациями Красного Креста КНДР и Южной Кореи по вопросам розыска и воссоединения членов семей, проживающих в разных частях страны. Летом 1972 г. состоялся ряд встреч на уровне представителей администрации Севера и Юга, в ходе которых были согласованы принципы самостоятельного объединения Кореи мирными средствами, а также меры по оздоровлению обстановки на Корейском полуострове. По предложению КНДР в октябре того же года был создан Координационный комитет Севера и Юга, который призван разрабатывать практические меры по устранению военной напряженности, налаживанию политического, экономического и культурного обмена. Начавшийся между КНДР и Южной Кореей диалог объективно способ-

¹⁸ «Современная Корея», стр. 141.

ствопал переводу корейской проблемы в русло мирного демократического урегулирования посредством переговоров.

В последнее время правительство КНДР прилагает усилия к тому, чтобы устранить состояние военного перемирия, а по сути дела — военного противоборства на Корейском полуострове. Из всех проблем, существующих в Корее, вопросы ослабления военной напряженности являются наиболее актуальными, а их благоприятное разрешение, несомненно, способствовало бы дальнейшему поиску путей к объединению страны с помощью создания атмосферы взаимного доверия сторон. Состоявшаяся в апреле 1973 г. сессия ВНС КНДР внесла целый ряд предложений, реализация которых явилась бы существенным вкладом в разрядку напряженности в Корее. В принятом на сессии обращении к парламентам и правительствам всех стран сформулированы первоочередные меры по упрочению мира в Корее, которые предусматривают: прекращение наращивания вооруженных сил и гонки вооружений, вывод всех иностранных войск из Южной Кореи, сокращение численности армий Севера и Юга до 100 тыс. человек, прекращение ввоза из-за границы оружия и военных материалов, заключение мирного соглашения между Севером и Югом. Правительство КНДР вновь решительно отклонило домыслы империалистической пропаганды о так называемой «угрозе с Севера», заявив, что у КНДР нет намерений «нападать на Юг». В подтверждение своей миролюбивой позиции правительство выразило готовность в одностороннем порядке сократить свою армию до 200 тыс. человек, если американские войска уйдут из Южной Кореи.

В письме председателей палат Верховного Совета СССР, направленном в ответ на обращение сессии ВНС КНДР, выражена твердая поддержка конструктивной программе мирного объединения Кореи, справедливым требованиям КНДР, всего корейского народа положить конец иностранному вмешательству в его внутренние дела, вывести американские войска из Южной Кореи, распустить «Комиссию ООН», являющуюся на деле инструментом империалистической политики. Справедливая борьба КНДР за установление прочного мира на Корейском полуострове, ликвидацию всех препятствий на пути восстановления единства Кореи, обеспечение ее мирного, независимого, демократического развития пользуется растущей симпатией в мире. Она всегда находит глубокое понимание и широкую поддержку в Советском Союзе. «Советский Союз, — отмечал товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде КПСС, — поддерживал и поддерживает предложения правительства КНДР о мирном демократическом объединении страны, требования корейского народа о выводе американских войск с юга Кореи»¹⁹.

Такова позиция КПСС, Советского правительства и народа по одной из сложнейших проблем, затрагивающей интересы не только Кореи, но и интересы Азии, интересы сохранения мира на земном шаре. Если же говорить о советско-корейских отношениях в более широком плане, то следует отметить, что с победой народно-демократического строя на Севере Кореи традиционные отношения дружбы, сложившиеся между советским и корейским народами в ходе совместной революционной борьбы, приобрели новое содержание. Они стали развиваться на принципиально новой основе, обусловленной общностью политической и социальной системы, единством целей в борьбе за социализм и коммунизм. История советско-корейских отношений богата примерами братской солидарности. «Каждый раз, — отмечал товарищ Ким Ир Сен, — когда корейский народ оказывался в трудном положении, народы Советского Союза и других стран социалистического лагеря оказывали ему моральную поддержку и бескорыстную экономическую и техническую помощь»²⁰.

В марте 1949 г., вскоре после провозглашения республики, между нею и СССР было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, ставшее первым межгосударственным договорным актом молодого государства. На основе этого соглашения получили развитие всесторонние связи и сотрудничество двух стран. Советский Союз оказал корейскому народу помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства, в культурном строительстве. За истекшие 25 лет при помощи и содействии Советского Союза в КНДР было восстановлено и построено заново свыше 50 промышленных предприятий и объектов²¹. Более 1600 советских специалистов участвовали в сооружении современных заводов и фабрик на корейской земле. Многие из них за самоотверженный труд были награждены орденами и медалями КНДР²².

Большим вкладом в дело упрочения советско-корейских отношений явилось подписание в июле 1961 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР. Договор воплотил в себе стремление народов обеих стран неуклонно укреплять политические, экономические и культурные связи, стал важным инструмен-

¹⁹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. — «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 10.

²⁰ Ким Ир Сен. Торжество идей Великого Октября. «Правда», 22. X. 1957.

²¹ «Современная Корея», стр. 217.

²² «Внешняя торговля», № 9, 1967.

том обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке. В соответствии с Договором обе страны осуществляют внешнеполитические консультации, обмен мнениями по наиболее актуальным международным проблемам, в том числе о предпринимаемых правительством КНДР мерах в целях достижения мирного объединения Кореи. Советский Союз и КНДР исходят из того, что совместная борьба социалистических стран, рабочего и коммунистического движения, сил национального освобождения в решающей мере способствуют упрочению дела мира, разрядке международной напряженности. Они считают, что сплоченность и солидарность всех антиимпериалистических сил представляют собой прочный залог дальнейших успехов в борьбе за мир, демократию, национальную независимость и социализм. В интересах обеспечения этой сплоченности КПСС и ТПК развивают взаимное сотрудничество, осуществляют контакты на партийном уровне, взаимно обмениваются опытом в различных сферах деятельности обеих партий. «Коммунистическая партия Советского Союза, — говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев, — считала и считает своим интернациональным долгом всемерно содействовать дальнейшему росту могущества мировой системы социализма. Мы стоим за то, чтобы сотрудничество братских стран становилось все более разносторонним и глубоким, охватывало бы все более широкие массы трудящихся, чтобы основательнее изучался конкретный опыт друг друга на всех уровнях государственной, общественной, хозяйственной и культурной жизни»²³.

Основываясь на марксистско-ленинском анализе закономерностей развития мировой системы социализма, социалистические государства исходят из того, что наряду с интенсивной мобилизацией сил и средств каждой отдельной страны важным фактором умножения могущества всего содружества, быстрого прогресса национальных хозяйств является всестороннее сотрудничество между ними. С созданием в КНДР прочной базы социалистической экономики, успешным осуществлением задач индустриализации советско-корейские экономические связи приобрели характер углубленного сотрудничества, способного содействовать решению крупных народнохозяйственных проблем.

Важнейшим элементом экономических взаимоотношений между обеими странами становится координация сотрудничества на длительную перспективу. Советский Союз и КНДР совместно вырабатывают рекомендации по таким вопросам, как развитие долгосрочного экономического, научно-технического и торгового сотрудничества. Ведущую роль в разработке перспективных планов сотрудничества в реализации договоренности и соглашений играет созданная в 1967 г. Межправительственная консультативная советско-корейская комиссия по экономическим и научно-техническим вопросам. Характерной особенностью экономического сотрудничества между СССР и КНДР является то, что благодаря ему в последней созданы и продолжают возникать совершенно новые отрасли или производства, которые в силу объективных обстоятельств не получили прежде должного развития. В результате создаются широкие возможности для комплексного развития народного хозяйства республики и ее все более активного участия в социалистической кооперации. Наглядный пример тому — строительство в КНДР первого нефтеперерабатывающего завода, которое ведется при техническом содействии СССР. Это предприятие не только удовлетворит потребности страны в различных видах топлива, но и послужит основой для развития другой новой для страны отрасли — нефтехимии.

Советский Союз оказывает содействие КНДР в создании прочной базы электроэнергетики, расширении производственных мощностей и модернизации в металлургии, угольной промышленности, машиностроения. В настоящее время СССР помогает в строительстве более 20 новых промышленных объектов²⁴, призванных сыграть важную роль в развитии народного хозяйства республики. Сооружаются крупные тепловые электростанции, современные металлургические предприятия, в том числе конверторы, мощный прокатный стан, установка непрерывной разливки стали. После завершения работ по расширению металлургического комплекса в Чонджине это предприятие одно будет выпускать столько металла, сколько его выплавлялось в стране несколько лет назад.

Наша страна поставляет КНДР комплектное оборудование для предприятий, станки, нефть, коксующийся уголь, хлопок, товары народного потребления. В поставках корейских товаров Советскому Союзу неуклонно возрастает доля продукции металлургии, машиностроения и химии.

Трудно переоценить взаимную выгоду, которую получают обе страны в результате обмена научной и технической информацией, а также производственным опытом. Задачи, выдвигаемые научно-технической революцией в наши дни, требуют в возможно короткие сроки и с меньшими затратами внедрить в производство новейшие достижения науки и техники. Естественно, что каждой стране в одиночку трудно было бы решить многообразные научно-технические проблемы, возникающие на пути к экономическому про-

²³ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. — «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 14.

²⁴ «Современная Корея», стр. 218.

грессу. Сотрудничество социалистических государств в этой области позволяет не тратить излишних средств и сил на длительные научные исследования и освоение новой техники. Советский Союз и КНДР взаимно обмениваются научными достижениями, технической документацией, образцами промышленной и сельскохозяйственной продукции, направляют специалистов и стажеров для ознакомления с производственными достижениями друг друга. Стороны осуществляют также совместные научные разработки, плодотворное сотрудничество ведется советскими и корейскими учеными в Объединенном институте ядерных исследований в г. Дубна.

Из года в год расширяются связи между обеими странами в области культуры, образования, спорта, контакты между общественными организациями, творческими коллективами.

Советские люди с глубоким удовлетворением встречают достижения братского корейского народа в строительстве социализма, неизменно солидарны с его справедливой борьбой за мирное объединение своей родины.

Накопленный за прошедшие четверть века опыт советско-корейского сотрудничества убедительно демонстрирует великую жизненную силу дружбы народов обеих стран, основанной на прочном фундаменте марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, отвечающей коренным интересам советского и корейского народов в их дальнейшем движении по пути социализма и прогресса.

Азиатская конференция по вопросам безопасности и сотрудничества

*А. Г. Яковлев,
член советской делегации
на Азиатской конференции*

Прогрессивная общественность различных стран активно ведет подготовку к Всемирному конгрессу миролюбивых сил, который состоится в Москве в октябре этого года. Крупным мероприятием в рамках подготовки к конгрессу явилась Азиатская конференция по вопросам безопасности и сотрудничества, проходившая 23—25 мая в Дакке — столице Народной Республики Бангладеш.

Эта конференция — большое событие в жизни народов Азии. Она стала первым широким общеазиатским форумом борцов за мир. Вместе с представителями стран Азии в конференции приняли участие делегации ряда социалистических государств Европы, а также международных организаций борьбы за мир, посланцы миролюбивой общественности Австралии, Канады, США, Франции, Гайаны. Советский Комитет защиты мира и Советский Комитет афро-азиатской солидарности направили в Дакку представительную делегацию во главе с депутатом Верховного Совета СССР, первым секретарем Кара-Калпакского обкома КПСС К. К. Камаловым.

Конференция обсудила кардинальные проблемы борьбы за безопасность и сотрудничество в Азии, пути обеспечения мира и прогресса на континенте. И не случайно она привлекла внимание прогрессивных сил не только в странах Азии, но и во всем мире. Руководители ряда стран и международных организаций направили в адрес конференции приветственные послания. В послании Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, в частности, говорилось: «Укрепление в Азии мира и безопасности для всех ее народов является важной неотъемлемой частью общей борьбы всех антиимпериалистических и миролюбивых сил за мир во всем мире... Советский народ будет и впредь вместе с народами Азии бороться против империализма и неоколониализма, за мир, демократию и социальный прогресс. И чем сплоченнее будут в Азии ряды борцов за эти благородные цели, тем прямее будет их путь к полному успеху»¹.

Работа конференции, проходившая в духе дружбы и взаимопонимания, завершилась принятием основного документа — Даккской декларации, а также ряда резолюций по наиболее актуальным проблемам борьбы за безопасность, сотрудничество и прогресс в Азии.

* * *

В декларации конференции недвусмысленно сказано, что источником напряженности на Азиатском континенте является империализм, продолжающий агрессию в Камбодже, саботирующий выполнение соглашений по Вьетнаму и Лаосу, использующий Израиль для агрессии против арабских стран, сохраняющий многочисленные военные базы в Азии, стремящийся активизировать ранее созданные им военные блоки и заключить новые военные пакты с участием азиатских государств. Даккская декларация отметила, что, «к сожалению, по тем или иным причинам империализму удалось заставить некоторые азиатские страны играть ему на руку».

В этом документе подчеркнута жизненная необходимость для народов Азиатского континента «заложить основы новой Азии, которую никогда больше не будет опустошать империалистическая агрессия и неоколониальная эксплуатация». Для достиже-

¹ «Правда», 23. V. 1973.

ния такой цели, указывается в Даккской декларации, азиатские страны должны совместно проводить политику взаимного сотрудничества и безопасности, основанную на следующих принципах: «1. Отказ от использования силы в отношениях между государствами, разрешение всех споров между странами путем переговоров, мирными средствами. 2. Уважение территориальной целостности и нерушимости существующих национальных границ. 3. Уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела других стран. 4. Широкое развитие экономических, культурных, научных и других форм сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды».

Международная азиатская конференция за безопасность и сотрудничество обратилась «ко всем миролюбивым и свободолюбивым народам и правительствам Азии с призывом сообща содействовать распространению идеи сотрудничества и взаимопонимания между странами Азии», а также отметила, что положительные сдвиги в обстановке на континенте достигнуты в результате длительной и упорной борьбы народов, положительного вклада, внесенного государствами, которые твердо следуют политике мира, дружбы и сотрудничества за безопасностью и сотрудничеством. «Договоры о мире, дружбе и сотрудничестве, заключенные между Индией и Советским Союзом, между Бангладеш и Индией, между Советским Союзом и Ираком, — подчеркнуто в декларации, — представляют собой наиболее значительный вклад в мирное сотрудничество между странами Азии. Сейчас эти договоры служат достойным подражанием примером дружественного сотрудничества между странами на основе равенства и суверенитета».

В Даккской декларации и в ряде других документов конференции указано, что положительные сдвиги в международной обстановке на Азиатском континенте и дальнейшие успехи движения за безопасность и сотрудничество в Азии следует рассматривать в контексте важных достижений сил мира в других частях света.

Даккский форум борцов за мир единодушно принял также резолюцию по Индокитаю, заявление о положении на Ближнем Востоке и в районе Арабского (Персидского) залива, резолюции по проблемам прочного мира на Индостанском субконтиненте, по вопросу о бенгальцах, находящихся в бедственном положении в Пакистане, об империалистических военных пактах и базах, о борьбе за экономическую независимость и высвобождение национальных ресурсов, о сотрудничестве между странами Азии в социальной и культурной областях.

Подчеркивая единство и неделимость движения народов за мир, против империалистических сил агрессии и войны, конференция в резолюции по Индокитаю записала, что заключение Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и Соглашения о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе является великой победой народов Индокитая, а также победой народов социалистических стран, народов Азии, Африки, Латинской Америки и всех людей, стремящихся к миру и справедливости. В этой резолюции сурово осуждаются нарушения правительствам США и сайгонской администрацией соглашений по Вьетнаму и содержится призыв к правительствам стран Азии и других континентов признать Временное Революционное правительство Республики Южный Вьетнам, являющееся подлинным представителем южновьетнамского народа. Резолюция требует прекращения военного вмешательства США и Таиланда в Лаосе, прекращения американской интервенции и агрессии против Камбоджи.

Касаясь положения на Ближнем Востоке, конференция обратила внимание миролюбивых и демократических сил мира на усиление напряженности в этом районе, что увеличивает угрозу миру и безопасности не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире. Участники конференции выразили уверенность в том, что «единство прогрессивных национальных сил в каждой арабской стране, общая позиция арабских прогрессивных режимов, провал всех попыток реакционеров и империалистов посорить их с их подлинными друзьями, и прежде всего с Советским Союзом, и солидарность сил освобождения и мира во всем мире могут сорвать американско-израильские планы». Конференция призвала все международные и национальные организации «присоединиться к широкой кампании, начатой повсюду Всемирным Советом Мира, который требует, чтобы Совет Безопасности наложил санкции на Израиль с целью заставить его уйти со всех оккупированных территорий, и настаивает на том, чтобы ООН исключила Израиль из числа своих членов, если он будет по-прежнему открыто нарушать Устав и резолюции ООН».

Напряженность и конфликты на Индостанском субконтиненте, препятствующие нормализации отношений между странами этого важного района Азии, вызвали особенно обстоятельные обсуждения в ходе конференции. Отметив, что в 1971 г. соотношение сил на субконтиненте «полностью изменилось в результате победоносной национально-освободительной борьбы народа бывшего Восточного Пакистана, завершившейся образованием независимого государства Бангладеш», и что эта победа открыла «колоссальные новые возможности для решительного сдвига в пользу сил антиимпериализма, мира, демократии и социального прогресса» на субконтиненте, конференция вместе с тем указала на опасность попыток врагов мира, сил империализма и неокolonизма воспрепятствовать мирному урегулированию проблем прежде всего между Индией и Бангладеш, с одной стороны, и Пакистаном — с другой.

В резолюции о прочном мире на Индостанском субконтиненте конференция отметила, что отказ Пакистана признать Бангладеш * «пользуется поддержкой и покровительством китайского правительства, которое выступило против освободительного движения в Бангладеш, само воздержалось от признания Бангладеш и голосовало против принятия ее в ООН, поставляя в то же время Пакистану большое количество военного снаряжения». Даккская конференция выразила надежду, что КНР откажется от недружественного отношения к Народной Республике Бангладеш «под воздействием мирового общественного мнения».

Указывая конкретные пути достижения прочного мира на Индостанском субконтиненте, конференция подчеркнула в своей резолюции необходимость оказывать отпор всем интригам неоколониалистов и нажиму иностранных держав, стремящихся извлечь для себя прямые или косвенные выгоды в ущерб коренным национальным интересам и суверенным правам азиатских стран, а также развивать двусторонние отношения и применять двусторонние процедуры для решения возникающих вопросов, в том числе и тех, которые в конечном счете направлены на создание системы коллективной безопасности в Азии. Отказ от присоединения к военным блокам и пактам, объединение усилий для превращения Индийского океана в зону мира, развитие более тесного экономического сотрудничества, использование на нужды развития стран субконтинента тех ресурсов, которые ныне расходуются на военные цели, всеобщее признание Бангладеш и принятие ее в ООН, добросовестное соблюдение буквы и духа соглашения, заключенного в Симле², — все это, по мнению участников конференции, будет способствовать установлению прочного мира на Индостанском субконтиненте.

В резолюции об империалистических военных пактах и базах Даккская конференция указала на опасность, которую представляют эти пакты и базы для мира в Азии и независимости азиатских стран, для дела всеобщего мира на земле, и призвала народы Азии и всего мира усилить борьбу за «расторжение всех империалистических военных пактов в Азии», за «ликвидацию всех империалистических военных и ядерных баз в Азии», за «провозглашение Индийского океана зоной мира». Конференция заявила решительный протест «против проведения ядерных испытаний над Азией и Тихим океаном», обратилась с призывом к народам мира «бороться за прекращение всех таких испытаний, а также за ограничение и полное запрещение всего ядерного и другого оружия массового уничтожения».

Рассмотрев основные пути борьбы за экономическую независимость и высвобождение национальных ресурсов, Даккская конференция в специальной резолюции указала, что «экономическая независимость может быть достигнута только в борьбе с многонациональными корпорациями и другими средствами неоколониального господства и только самой развивающейся страной, помогающей себе развивать свои национальные ресурсы самым эффективным и выгодным образом и получающей в этом деле помощь антиколониальных и антиимпериалистических стран». При этом в резолюции было подчеркнуто, что «наилучший путь достижения этой цели — одобрение развивающимися странами некапиталистического пути развития». Участники конференции высоко оценили помощь, которую «оказывают социалистические и антиимпериалистические государства развивающимся странам в области техники, управления и финансов». Сотрудничество с этими государствами, отметила конференция, имеет большое значение для того, чтобы развивающиеся страны смогли «ликвидировать в конце концов зависимость от империалистических рынков». Она зафиксировала в своей резолюции абсолютное право каждой страны «эксплуатировать, развивать и использовать все ресурсы на своей территории, «включая зону территориальных вод шириной 12 миль». Особо было подчеркнуто значение мер, «направленных на то, чтобы положить конец гонке вооружений, представляющей собой угрозу для мира и серьезное препятствие для экономического развития как стран Азии, так и стран Африки и Латинской Америки».

Даккская конференция наметила развернутую программу сотрудничества между странами Азии в социальной и культурной областях. В резолюции по этому вопросу она указала, что «в обстановке политического подъема и экономического развития, происходящих сейчас в странах Азии, более чем когда бы то ни было, необходима согласованная борьба за освобождение народов Азии в социальной и культурной областях» и что «это требует большего взаимопонимания и сотрудничества в области культуры между всеми азиатскими странами независимо от различий в их общественном строе». Отметив, что империалистические и неоколониалистские державы не прекращают попыток натравить одну азиатскую страну на другую и под прикрытием шедоро финансируемых проектов развития обменов в области культуры они все чаще прибегают к идеологическому проникновению в развивающиеся страны, конференция в це-

* 10 июля с. г. чрезвычайная сессия Национальной ассамблеи Пакистана высказалась за признание Бангладеш и дала правительству соответствующие полномочия на этот счет.

² Имеется в виду Соглашение о двухсторонних отношениях между правительствами Индии и Пакистана, подписанное в Симле 2 июля 1972 г.

лях отпора этим попыткам предложила целый ряд практических мер. В их числе — регулярные культурные обмены между азиатскими странами, сотрудничество в деле ликвидации массовой неграмотности, обмен опытом в деле улучшения народного здравоохранения, использование опыта СССР в обеспечении расцвета культуры многих десятков ранее отсталых народов, издание азиатского журнала для освещения жизни и культуры народов Азии, разработка плана написания истории Азии силами ученых разных стран и т. д.

Таково основное содержание документов, принятых Даккской конференцией, которая была призвана способствовать мобилизации прогрессивной общественности азиатских стран на борьбу за безопасность и сотрудничество в Азии, на пропаганду идеи создания системы коллективной безопасности в этом регионе, идеи, которая пробила себе дорогу в Европе и, несомненно, станет могучей силой в деле упрочения мира на Азиатском континенте.

* * *

Азиатская конференция за безопасность и сотрудничество от начала до конца проходила под знаком ясного понимания того, что движение миролюбивых сил Азии является органической частью всемирной борьбы народов против империалистической политики агрессии и войн, против всех тех, кто пытается ловить рыбу в мутной воде международных конфликтов, вражды и недоверия. В выступлениях делегатов и в резолюциях Даккской конференции прозвучали гневные слова осуждения не только в адрес империализма, но и пекинского руководства, отвергающего любые попытки в глобальном или региональных масштабах устранить напряженность в отношениях между государствами.

И хотя ныне Пекин объявляет себя поборником принципов мирного сосуществования, на деле он неизменно оказывается противником всех реалистических мер, предлагаемых на основе этих принципов и в духе этих принципов. Известно, например, что, когда КНР действительно проводила политику мирного сосуществования, китайское руководство активно поддерживало и пропагандировало идею создания системы коллективной безопасности в Азии. 30 июля 1955 г. КНР внесла предложение о том, чтобы страны Азии и района Тихого океана, в том числе и США, заключили пакт коллективного мира, который занял бы место антагонистических военных блоков и группировок в этой части земного шара. Развивая тезис об этом пакте, Чжоу Энь-лай 17 августа 1955 г. говорил в интервью японским корреспондентам, что цель пакта не в том, чтобы вызвать раскол и вражду между государствами, а побудить страны жить вместе в условиях мира и дружественного сотрудничества. 28 июня 1956 г. Чжоу Энь-лай заявил: «Идея замены антагонистических военных блоков коллективным миром, не исключаящим ни одну страну, приобретает все более и более реальное значение»³.

Вернувшись в конце 60-х годов к декларированию политики мирного сосуществования, пекинское руководство при этом уже выступило ярким противником идеи создания системы коллективной безопасности в Азии. В 1969—1970 гг. Пекин представлял советское предложение относительно создания такой системы как «сговор» между СССР и США в целях сколачивания «антикитайского блока». В дальнейшем пекинская «критика» этого предложения уже велась и ведется поныне исключительно в плане «разоблачения» замыслов «одной сверхдержавы», Советского Союза. В январе 1973 г. в беседе с японскими парламентариями Чжоу Энь-лай заявил, что Советский Союз якобы стремится подчинить Китай «с помощью своей идеи азиатской системы безопасности», но что эту идею невозможно претворить в жизнь. Клеветнический характер этих рассуждений очевиден.

Что же касается утверждения насчет невозможности претворить в жизнь идею коллективной безопасности в Азии, то ведь и в Европе были и есть политические деятели, которые считали бесполезным даже саму постановку вопроса о коллективной безопасности европейских стран. Между тем прошло время, и жизнь заставила многих из деятелей пересмотреть отношение к требованию времени, к требованию народов надежно обеспечить безопасность в Европе на коллективной основе. И если силы социализма и мира сумели вынудить империализм всерьез относиться к принципам мирного сосуществования, принять их как объективно неизбежную основу отношений двух мировых социальных систем, то они непременно принудят к этому и нынешних китайских апологетов «холодной войны». Это лишь вопрос времени.

Народы судят о политике государств отнюдь не по декларациям, а по конкретным делам. Именно поэтому могущественный пропагандистский аппарат международного антикоммунизма оказался в конце концов бессилем в попытках представить политику СССР как политику «красного империализма». Именно поэтому мирное наступление Советского Союза, всего мирового социалистического содружества на силы войны

³ «Материалы третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей», Госполитиздат, 1956, стр. 154.

и агрессивный шаг за шагом неуклонно завоевывало поддержку народов капиталистического мира. Именно поэтому политика социалистического содружества стала символом искренней и упорной борьбы за безопасность на земле.

Подхватив антисоветское знамя из слабых рук международного антикоммунизма, пекинские лидеры не нашли ничего лучше, чем использовать старые домыслы антикоммунистов: «Красный империализм» «превосходит стиль империализма старого образца»⁴, СССР «является нашим главным врагом»⁵, Советский Союз «опасней, чем империализм старого типа»⁶, «Советский Союз — наш смертельный враг»; противоречия с СССР «являются антагонистическими и самыми главными противоречиями в отношениях с внешним миром»⁷.

В этом наборе антисоветчины современный читатель сразу же узнает стиль маонистского пера. И будет прав. Но не до конца: первые две цитаты взяты из гоминьдановских изданий 1946—1947 гг., остальные — действительно из новейших откровений маонизма. Сходство по форме и по существу здесь так велико, что ошибиться может и искушенный эксперт-китаец. Но когда речь идет о том, кому выгодна политика Пекина, ошибку едва ли допустит даже человек, который не слишком силен в политике: уж очень резко расходятся «революционные» и «миролюбивые» декларации Пекина с его делами.

В связи с этим примечательно, что попытки китайского руководства использовать левацкие силы и маонистские группировки, действующие в Бангладеш, для дискредитации и даже срыва Азиатской конференции оказались тщетными. Их провокационные акции выглядели не более как попытки куском грязи остановить могучий поток общественного энтузиазма, вызванного в Бангладеш тем фактом, что местом проведения Азиатской конференции за мир была избрана именно Дакка — столица молодой Народной Республики Бангладеш.

* * *

Несомненный успех международной конференции за безопасность и сотрудничество в Азии во многом был обеспечен тем огромным вниманием, которое она встретила не только со стороны прогрессивной общественности, но и правительства Бангладеш и лично премьер-министра республики Шейха Муджибура Рахмана, обратившегося с приветственной речью к участникам конференции и официально объявившего начало ее работы.

Вручение ему медали Жюлио-Кюри на митинге по случаю открытия конференции вылилось в манифестацию миролюбивых сил страны, в демонстрацию народной поддержки политики мира и сотрудничества, проводимой правительством Бангладеш.

Азиатская конференция за мир явилась значительным шагом в деле мобилизации прогрессивной общественности азиатских стран на усиление борьбы за безопасность на континенте. Общие принципы и конкретные рекомендации, содержащиеся в Даккской декларации и резолюциях конференции, несомненно, будут важным руководством к действию для всех миролюбивых сил в Азии, стремящихся обеспечить прочный мир и плодотворное сотрудничество между странами континента и рассматривающих систему коллективной безопасности как надежное средство достижения этой цели.

⁴ Цит. по: «Международная жизнь», № 6, 1973, стр. 32.

⁵ Там же.

⁶ В 1972—1973 гг. эта фраза стала трафаретом, постоянно мелькающим в китайской печати и выступлениях политических деятелей КНР.

⁷ Цит. по: «Синдао жибао», 18. II. 1972.

Подъем и падение Цинской империи¹

В самом центре Пекина, на площади Тяньаньмынь, возвышается сооруженный в 1952—1958 гг. огромный обелиск — «Памятник народным героям». Двухметровые урочные барельефы, опоясывающие нижний ярус постамента, дают наглядное представление об одной из линий взаимосвязи старой и новейшей истории Китая — истории борьбы китайского народа за национальное, социальное и политическое освобождение своей страны, начиная с середины XIX в. (барельеф «Сжигание опиума») и до победы народной революции (барельеф «Формирование Янцзы»).

Однако «связь времен» осуществляется не только через ступени прогресса и революционной борьбы. На каждом этапе развития общество невольно наследует какую-то часть и того груза прошлых лет, против которого оно борется. Такого рода «отрицательная» взаимозависимость весьма четко прослеживается и на примере новой и новейшей истории Китая, где на всем протяжении новейшего периода до 1949 г. борьба против экономической и социально-политической структуры общества с его феодальными и полукOLONиальными пережитками и соответствующих культурно-исторических традиций являлась одной из главных задач революционных сил. Особенности развития Китая в новый период истории достаточно глубоко отразились и в мелкобуржуазной сущности, националистическом характере идеологии и политической практике маоистской группировки, порвавшей с международным коммунистическим и рабочим движением.

Скатываясь на позиции антикоммунизма, маонисты фальсифицируют новую и новей-

шую историю своей страны, а также ряд проблем всемирной истории². В то же время в буржуазной историографии Китая наметилась тенденция преувеличивать роль историко-культурных факторов в формировании нынешних националистических, великодержавных взглядов пекинских лидеров, наблюдаются попытки механически перенести прошлое в сегодняшний день Китая.

Появление за последние годы целого ряда специальных исследований по узловым проблемам новой истории Китая³, а вслед за ними и обобщающих работ, подготовленных советскими историками-китаеводами, не только помогает установить реальную степень влияния разнообразных факторов исторического прошлого на сегодняшние судьбы китайского народа⁴, но также способствует определению на базе марксистско-ленинской методологии действительной роли и места Китая в мировой истории на протяжении трех последних столетий.

Авторы коллективной монографии, подготовленной Отделом Китая Института востоковедения АН СССР, подразделяют но-

² См.: Р. В. Вяткин, С. Л. Тихвинский. О некоторых вопросах исторической науки в КНР.—«Вопросы истории», № 1, 1963; Историческая наука в КНР. М., 1971; К. В. Кукучкин. Великоханьские шовинисты — враги мирового прогресса.—«Проблемы Дальнего Востока», № 3, 1972; Ф. Б. Белелюбский. Маонистская концепция всемирной истории и подлинная история народов Востока.—«Народы Азии и Африки», № 5, 1972; Е. Жуков, В. Криво, В. Фетов. Всемирная история в кривом зеркале маонизма.—«Коммунист», 1972, № 16; Г. В. Астафьев, А. Л. Нарочник и Л. Женстория на службе великодержавных замыслов Пекина.—«Новая и новейшая история», № 1, 1973; К. В. Кукучкин. Апология пекинского гегемонизма.—«Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1.

³ Библиография этих работ приложена к рецензируемой книге.

⁴ Этот историзм в подходе к рассмотрению явлений новейшей истории Китая нашел отражение еще в «Очерках по новой и новейшей истории Китая» Г. В. Ефимова (М., 1951) и в полной мере был применен авторами коллективного труда «Новейшая история Китая» (М., 1972), где помещен и специально подготовленный В. Н. Никифоровым общий очерк истории Китая в новое время — «Китай в начале эпохи империализма».

¹ Новая история Китая, под ред. чл.-корр. АН СССР С. Л. Тихвинского, изд-во «Наука». М., 1972, 636 стр. с иллюстр.

вую историю Китая на четыре крупных хронологических периода, которым соответствует и структура частей книги: 1) 1644—1839 гг. — «Феодальная Цинская империя в XVII—XVIII вв.»; 2) 1840—1895 гг. — «Проникновение капиталистических держав в Китай. Крестьянские войны и восстания неханьских народов»; 3) 1896—1905 гг. — «Превращение Цинской империи в полуколонию империалистических держав и начало национально-освободительной борьбы китайского народа»; 4) 1906—1919 гг. — «Свержение цинской монархии и учреждение Китайской республики».

Эта периодизация является несомненным достижением авторского коллектива, ибо ее начальная и конечная грани определены на основе закономерностей развития всемирной истории. В отличие от распространенной в официальной китайской историографии методологии рассмотрения новой истории Китая начиная с 1840 г.⁵ данный подход позволяет глубже и точнее осветить основные этапы развития китайского общества, увязать их с общими процессами, протекавшими в странах Азии, Африки и Латинской Америки накануне и в период колониальной экспансии капиталистических держав.

Для Китая начало нового периода всемирной истории совпало с вторжением в страну завоевателей-маньчжуров и крушением национального китайского государства — империи Мин. Влияние навязанного маньчжурами национального гнета на все стороны жизни китайского народа, равно как и ряда других народов, насильственно включенных в состав Маньчжурской империи, явилось особенностью развития в новое время этой крупнейшей страны дальневосточного региона.

Первая часть книги посвящена периоду становления Цинской империи. Сравнительно немногочисленный народ чжурчженского происхождения — маньчжуры, — ведя на протяжении почти двух веков непрерывные войны, подчинили своему господству сначала ханства Южной Монголии, а затем Китай, совершили агрессию против русских владений на Амуре, захватили Халха-Монголию, сокрушили Джунгарское ханство, включили в состав своей империи Восточный Туркестан и, наконец, установили свое владычество в Тибете. Так сложилась последняя крупная восточная деспотия — им-

перия Цин. Основой маньчжурского господства в Китае и во «внешних провинциях» империи являлся классовый союз правящей маньчжурской верхушки с китайскими феодалами, направленный в первую очередь на подавление сопротивления китайского народа.

Авторы справедливо уделяют главное внимание борьбе китайского народа и других, входивших в состав империи народов против маньчжурского владычества. Свыше сорока лет длилось вооруженное сопротивление нашему народу маньчжуров в Китае, десятилетия шла война сопротивления маньчжурской агрессии в Монголии и Джунгарии, одно за другим всыхивали восстания как в собственно Китае, так и на территориях, населенных неханьскими народами. Все эти факты камня на камне не оставляют от антинаучных построений, распространяемых ныне китайской пропагандой, пытающейся утверждать, будто «еще более двух тысяч лет назад Китай стал уже единым многонациональным феодальным государством» и якобы «всегда как многонациональное государство существовал в мире независимо от того, как сменялись одна за другой феодальные династии и какая национальность была правящей в стране». Такого рода идеологические «решения» национальных проблем на феодальной основе не имеют ничего общего ни с марксистским подходом к национальному вопросу, ни с действительной историей феодализма в Китае.

Подводя итоги маньчжуро-джунгарских войн, авторы «Новой истории Китая» резюмируют: «Окончательный захват Джунгарии маньчжурами завершился кровавой расправой над ойратским населением, которое было почти поголовно истреблено. По данным китайского историка середины XIX в. Вэй Юаня, в ходе карательных экспедиций погибло $\frac{3}{10}$ населения этого края, $\frac{2}{10}$ вымерло от эпидемий и $\frac{1}{10}$ откопало в Россию» (стр. 38). Трагедия Джунгарского ханства достаточно подробно освещена и в специальной литературе⁶. Огромное количество документов свидетельствует о том, что высказывания маоистских идеологов, зачисляющих ойратов в «кочевые племена Китая» и утверждающих, что будто бы «усмирение Цинской династией Джунгарии относится к внутренним вопросам Китая...», не имеют ничего общего с действительностью. «Смелости» таких формулировок позавидовали бы император Хун Ли и его военачальники, пытавшиеся обосновать свои притязания на Джунгарию всего-навсего «священной волей предков».

Детальный анализ государственного устройства Цинской империи, ее экономической и социальной структуры, выполненный авторами в результате широкого привлечения китайских источников, архивных материа-

⁵ Не случайно и тяньаньмыньские барельефы начинаются с изображения Линь Цзэ-сюя, уничтожающего опиум. Но ведь патриот Линь Цзэ-сюй сам является продолжателем дела тех народных героев, которые до него на протяжении двух столетий боролись против иноземцев-маньчжуров, поработивших Китай. Эти века борьбы выпадают из новой истории страны, если придерживаться явно устаревшей и тенденциозной упомянутой точки зрения.

⁶ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758), М., 1964.

зов», опубликованной китайской, западной и советской литературы.

Особенно впечатляющей является картина полного разложения маньчжурской верхушки и превращения уже во второй половине XVIII в. некогда грозной армии завоевателей в касту сибаритов. В то время империя еще продолжала захватывать земли соседних народов. Фаворитизм и коррупция, являющиеся обычным порождением абсолютизма, в маньчжурской среде усугублялись психологией алчных завоевателей, постоянно страшившихся гнева поработенных народов. Примечательной является приводимая на страницах книги (стр. 82) история временщика Хэшэня, который с помощью чудовищных беззаконий и преступлений скопил богатств больше, чем покровительствовавший ему император Хун Ли.

Центральной темой второй части книги является столкновение Цинской империи с капиталистическими державами Запада, начавшими колониальную агрессию против Китая. Следует отметить, что буржуазное представление уже в течение длительного времени пытается объяснить причины возникновения «опиумных войн» и заключение после них целого ряда неравноправных договоров сохранением в политической структуре Цинской империи в середине XIX в. многих традиционных китайских институтов, берущих свое начало в древности и средневековье. Аргументированная критика подобного рода «институционалистских» построений уже дана в советской исторической литературе⁷.

Теперь же при ознакомлении с огромным фактическим материалом, приведенным в книге, читатель еще раз убеждается в том, что коренные причины конфликта лежат отнюдь не в отсутствии взаимопонимания между «людьми Запада» и «людьми Востока», а в столкновении интересов капиталистических государств, жаждавших захвата новых колоний, и маньчжурской верхушки, пытавшейся любой ценой сохранить феодальные порядки. Китайские трудящиеся страдали в равной мере и от той и от другой политики.

«В рамках нынешнего экономического строя китайского общества, — подчеркивал Маркс, — основным стержнем которого являются мельчайшее сельское хозяйство и устаревшая промышленность, не может быть речи о сколько-нибудь значительном импорте иностранной продукции. Все же Китай мог бы постепенно поглотить большее количество нынешнего количества английских и американских товаров... но лишь при усло-

вии уничтожения торговли опиумом»⁸. Однако единственной державой, решительно запретившей торговлю опиумом в Китае своим подданным, была Россия⁹. Это явилось отражением существенных отличий в политике царской России от колонизаторских устремлений Англии, Франции, США. Русское правительство до вступления России на путь империалистического развития на рубеже XIX—XX вв. проводило по отношению к Цинской империи политику сохранения на границах добрососедских отношений и взаимовыгодной торговли.

Вторжение в страну иностранных колонизаторов, социальный и национальный гнет цинского режима вызвали мощный подъем сопротивления широких масс китайских трудящихся, вылившийся в великую крестьянскую войну, которая на протяжении 18 лет потрясала самые основы господства в Китае Цинской монархии. Фактически в 50—60-х годах XIX в. Цинская империя оказалась расколотой на два противоборствовавших лагеря — правительство и реакцию, которую поддерживали колониальные державы, и революционного крестьянства, создавшего свое «Небесное государство великого благоденствия» — «Тайпин тяньго».

Базируясь на новейших публикациях документов и исследованиях, авторы детально воспроизводят все перипетии гражданской войны, разбирают отдельные боевые операции тайпинов. Большое место в главах, посвященных восстанию, уделено анализу социально-политической программы тайпинских руководителей и тем мероприятий, которые им удалось провести в жизнь.

Как известно, в первой половине 60-х годов историки КНР провели дискуссию о крестьянских войнах в Китае в период феодализма. Дискуссия была подчинена задаче навязать историкам маоистскую установку на «воспевание безграничной революционности» крестьянства, неправомерное раздувание исторической роли и значения крестьянских войн в общественном развитии страны, на подчинение научного анализа чисто конъюнктурным требованиям¹⁰.

Материалы этой дискуссии невольно вспоминаются, когда вновь прослеживаешь ход тайпинского восстания, а также сопоставляешь его с выступлениями вооруженных выступлений под руководством тайных обществ и мас-

⁸ К. Маркс. Англо-китайский договор. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 12, стр. 583.

⁹ Б. П. Гуревич. Политика России в опиумном вопросе в период англо-китайской войны 1839—1842 гг. — «Краткие сообщения Ин-та Народов Азии АН СССР», № 56. Международные отношения, М., 1963, стр. 130—142.

¹⁰ См. Е. Б. Поршнева. Дискуссия о крестьянских войнах при феодализме. — «Историческая наука в КНР», М., 1971, стр. 101—109.

⁷ См.: Л. А. Березный. Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М., 1972. Рецензия на эту книгу А. М. Дубинского. Колониальная экспансия в Китае и ее современные апологеты. — «Проблемы Дальнего Востока», № 3, 1972.

совых антиманьчжурских движений некитайских народов, населявших окраины Цинской империи и ведших вооруженную борьбу с Цинами еще в течение десяти лет после подавления тайпинов. Рассмотрение всего этого в совокупности показывает, насколько правы были те, кто призывал не преувеличивать энтузиазм масс, а исследовать те объективные причины, которые определяли слабость всех этих движений, приводили их к ошибкам и поражениям. Иначе невозможно понять, каким образом столь прогневивший и ненавидимый самым широким социальным слоем режим Цинов, терпевший одно за другим поражения от иностранных держав, смог все-таки на протяжении более четверти столетия вести вооруженную борьбу против восставших масс и в конечном итоге одержать победу. В рассматриваемой работе авторам на такого рода вопросы удалось дать убедительный ответ.

Пытаясь извлечь уроки из поражений, нанесенных Цинскому Китаю западными державами, а также из опыта подавления народных движений, правящие круги Цинской империи в 60—90-х годах XIX в. проводят политику «самоусиления». Краеугольным камнем этой политики являлось перевооружение армии по европейскому образцу, строительство современного флота, сооружение в стратегических пунктах арсеналов. Хотя официально политика «самоусиления» изобразилась как мера против натиска иностранных держав на Китай, однако на деле ее авторы видели в капиталистических странах своих союзников по борьбе с широкими китайскими народными массами (стр. 238). «Тезис о том, что главной опасностью для правящего режима является китайский народ, пронизывал всю внешнеполитическую деятельность Цинского правительства, в то время когда капиталистические державы проводили активную колониальную политику на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии» (стр. 242).

Этот антинародный характер политики «самоусиления» привел к дальнейшему упрочению позиций стран Запада в Китае, к ослаблению центрального аппарата империи, росту автономистских тенденций региональных военно-феодалных группировок, вступавших в прямой сговор с иностранными поработителями ради своих узкокорыстных интересов.

Поражение Цинской империи в японо-китайской войне 1894—1895 гг. свидетельствовало о полном крахе политики «самоусиления». Попытка создать военную мощь страны за счет народа и против народа привела Цинскую монархию на грань полной катастрофы. Нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что «основная причина поражения политики «самоусиления» заключалась в том, что она преследовала реакционную цель искусственной консервации общественных отношений в стране» (стр. 267), хотя некоторые экономические мероприятия, связанные с этой поли-

тикой, объективно перерастали рамки феодализма и способствовали развитию в Китае зачатков капитализма.

Таким образом, к третьему этапу своей новой истории Китай пришел, не сбросив с себя феодальные путы, влача груз военных и политических поражений, испытывая на себе всевозрастающее воздействие колониальной политики капиталистических держав. Прикрывая свою беззащитность средневековой доктриной «усмирять варваров руками варваров», он уже жаждал занять равное место среди великих держав, а может быть, даже и первенствовать среди них.

Эти чаяния молодой китайской буржуазии, части либерально-помещичьих кругов и появившихся новых слоев китайского общества в 90-х годах XIX в. привели к возникновению, с одной стороны, «движения за реформы», а с другой стороны, положили начало более широкому революционно-демократическому направлению борьбы. Специфические условия развития провинций Южного Китая способствовали тому, что именно Юг стал колыбелью, базой действий и реформаторов во главе с Кан Ю-вэем и первых революционеров-республиканцев, сгруппировавшихся вокруг Сунь Ят-сена.

События 1898 г. показали, что попытки реформировать Цинскую монархию путем ряда весьма ограниченных верхушечных мероприятий привели лишь к захвату власти наиболее реакционным крылом маньчжурской верхушки во главе с императрицей Цы Си. Поиск новых форм и путей борьбы привели великого китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена к осознанию необходимости свержения Маньчжурской династии революционным путем. «Теперьшний китайский режим и теперешнее правительство, — говорил Сунь Ят-сен, — абсолютно не способны ни к какому улучшению, ни к какой реформе. Их можно только уничтожить, но не улучшить» (стр. 325).

В 1898—1901 гг. Северный Китай был охвачен мощным антиимпериалистическим народным восстанием ихэтуаней, получившим свое наименование от названия организации «Ихэтуань» — «Союз мира и справедливости». Движение ихэтуаней было борьбой широких народных масс Китая против империалистического гнета. Однако правящей верхушке Цинской империи во главе с Цы Си удалось использовать народное патриотическое движение в своих корыстных целях — удержать пекинский трон в руках Цинской монархии. Немаловажную роль в этом сыграла позиция империалистических держав, которые в силу имевшихся между ними противоречий были вынуждены сохранить Цинов. Авторы справедливо подчеркивают, что «в тот период в Китае еще не сложились объективные условия для успешного завершения этой освободительной борьбы. Отсутствовал передовой класс, который мог бы возглавить движение» (стр. 359).

Но и в лагере реакции стали приходить к выводу о необходимости хотя бы минимальных изменений в устройстве политического аппарата власти. Проведение шипским двором так называемой «новой политики» (создание министерств по западным образцам, реформы в области просвещения, торговли и т. п.) было рассчитано на удовлетворение как требований иностранных держав, ибо эти меры облегчали их политическую и экономическую деятельность в Китае, так и настоящих умеренных кругов буржуазно-помещичьей оппозиции. Разумеется, эти верхушечные реформы не устраивали ни одно из противоречий, хотя пресоблаговозможностями были затронуты многие стороны политической, экономической и культурной жизни страны.

Одним из наиболее интересных аспектов рассматриваемой монографии является показ в ней широкой картины роста в течение первого десятилетия XX в. революционных антиманьчжурских сил как в самом Китае, так и в среде китайской эмиграции за рубежом. Возникновение многочисленных антиправительственных обществ и союзов, имевших различные политические взгляды на будущее страны, создание десятков газет и журналов, со страниц которых раздавались как прямые призывы к свержению монархии, так и одновременно изучали националистические, великодержавные ноты, — весь этот kaleidoscope событий, фактов, лозунгов обстоятельно проанализирован авторами, что позволило определить главные направления развития революционной борьбы в Китае. Благодаря этому среди разнообразных политических деятелей читатель не теряет из виду главных — революционных демократов во главе с Сунь Ят-сенем. Одновременно во всех деталях проявляется и сложность проблемы установления единства действий антиманьчжурских сил, выработки общей программы и форм борьбы.

Как далекими ни кажутся сегодня последние представители маньчжурской знати, судорожно цеплявшиеся за пекинский трон, тем не менее события Синьхайской революции, ознаменовавшие крушение государственности богдыханов, еще сохранились в памяти очевидцев и участников. В 1957 г. Шанхае был издан 8-томник документов и материалов «Синьхайская революция», изданный за ним в Ухани в 1957—1958 гг. вышли «Воспоминания участников Учанского восстания» в 3-х томах. В начале 60-х годов в связи с 50-летием революции (1911 г.)

Пекине наряду с «Материалами по истории Синьхайской революции» были опубликованы «Воспоминания о Синьхайской революции» в 6-ти томах. Эти и другие многочисленные источники позволили авторам обширной монографии всесторонне ос-

ветить центральное событие всей новой истории Китая — буржуазную революцию 1911 г., провозгласившую в стране республиканский строй. Четвертая часть книги как раз и посвящена подготовке и ходу революции, а так же последовавшей за ней политической борьбе между республиканцами и правым крылом помещичье-буржуазного лагеря, стремившегося к реставрации.

С драматическим напряжением читаются страницы, повествующие о том, как реакция вырвала из рук республиканцев плоды революции. «Трагедия буржуазных республиканцев заключалась в том, что они не обращались за помощью к народу. Оторванные от широких народных масс, под нажимом внутренних контрреволюционных сил и международного империализма, они сдавали одну позицию за другой, шаг за шагом уступая Юань Ши-каю». Эта оценка (стр. 511) дает ключ к пониманию того, почему Юань Ши-каю удалось все же «избрать» себя императором.

Но ни многочисленные ошибки республиканцев, ни их нерешительность и колебания, ни сам факт утраты ими власти и перехода ее в руки предателя Юань Ши-каю не лишают читателя чувства уверенности в конечном торжестве справедливого дела освобождения китайского народа. И с особой силой звучат в конце книги слова В. И. Ленина, который, оценивая значение Китайской республики, писал: «Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах»¹¹.

«Новая история Китая» не только нужная и полезная монография по одной из актуальнейших исторических проблем, это еще и интересная книга. В ней интересны многие страницы: и те, на которых с удовольствием читаешь о захватывающих событиях, и те, где помещена замечательная коллекция иллюстраций. В краткой рецензии нет возможности рассказать о всех достоинствах хорошей книги, думается, что читатель сам сумеет оценить их. В течение многих лет эта книга будет служить и пособием для специалистов и учебником для многочисленного отряда студентов и аспирантов-историков. В заключение остается сожалеть, что тираж этой полезной книги не соответствует потребности в ней.

В. С. Мясников

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 3.

Ученый, педагог, литератор

«Литература и культура Китая»* — так назван сборник, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося советского китаеведа академика В. М. Алексеева. Название может показаться слишком общим, по тем не менее оно как нельзя лучше выражает существо тех вопросов, которые составляют содержание многочисленных статей и материалов этой во многом примечательной книги. В ней участвует около тридцати авторов, которые были либо непосредственными учениками академика В. М. Алексеева, либо сформировались как ученые под влиянием его идей и его трудов, заложивших основы советской синологии.

Книга состоит из двух частей. Первую составляют статьи, в основу которых положены доклады, прочитанные в январе 1971 г. на научной сессии в Институте востоковедения АН СССР, посвященной 90-летию со дня рождения ученого, вторую — доклады на конференции по теоретическим проблемам изучения литературы Дальнего Востока, проходившей годом раньше.

Собранные вместе, дополняя друг друга, статьи сборника создают как бы всесторонний портрет выдающегося советского ученого, освещают различные стороны его многогранной научной, литературной и педагогической деятельности и вместе с тем раскрывают важные проблемы развития китайской литературы и культуры этой страны от древнейших времен до наших дней.

Прежде всего хочется отметить впервые публикуемую наиболее полную и хорошо проаннотированную библиографию трудов В. М. Алексеева и работ о нем, подготовленную В. В. Петровым, перечень важнейших дат жизни и деятельности ученого, отмеченных им самим, а также переписку В. М. Алексеева с А. М. Горьким, которая также впервые доступна теперь широкому читателю (Публикация Д. Белкина).

Первые встречи В. М. Алексеева с А. М. Горьким относятся к концу 1918 или началу 1919 г., когда сравнительно еще молодой ученый-китаист становится одним из деятельных помощников великого пролетар-

ского писателя, приступившего к осуществлению грандиозного плана организации издательства «Всемирная литература». С тех пор до весны 1936 г., как свидетельствует публикуемая переписка, не прерывается их общение. Письма (в сборнике публикуются 15 писем В. М. Алексеева и 5 писем А. М. Горького, хотя, судя по содержанию, их было больше) говорят о симпатии и искреннем уважении друг к другу.

Открывает сборник статья Л. З. Эйфлина. В ней автор дает характеристику В. М. Алексеева как ученого и литератора.

Указывая на тесную связь В. М. Алексеева с плеядой замечательных советских востоковедов — С. Ф. Ольденбургом, Ф. И. Щербатовским, Ю. К. Крачковским, — автор подчеркивает, что среди этих великих тружеников и организаторов науки, являвшихся учителями и старшими товарищами В. М. Алексеева, именно он обладал особенной широтой литературных интересов, самой тонкой артистичностью, благодаря которой его переводы китайской классики и поэмы сохраняют неуязвимую свежесть.

Ученый с мировым именем, он с первых и до последних дней своей полувековой научной и литературной деятельности был страстным патриотом своей страны. Вдали от родины, в увлечении Китаем, куда он впервые приехал еще в самом начале века, молодого ученого не покидают мысли о своей стране и ее великой культуре: «Я горд своим чудесным языком, я счастлив, что в моей стране растет нечто невероятно великое в умах ее лучших сынов... Скоро наступит переоценка всех ценностей. Слышны удары прибой, прибой новой жизни!» (стр. 11). Ученый горд своей Россией, но автор убедительно показывает, что эта гордость не затуманивает ясности его взора, что она лишена национальной узости и ограниченности и не мешает ему понять величие и непреходящее значение чужой культуры. В. М. Алексеев едва ли не первым из больших европейских синологов показал китайскую литературу как одну из великих литератур мира и вместе с тем сопоставил ее с другой мировой литературой.

Характеризуя основные черты, отличающие В. М. Алексеева как ученого, Л. З. Эйфлин подчеркивает особый профессионализм, высокую культуру и текстологическую доказательность его филологических исследований. Многочисленные труды В. М. Алексеева отличаются ясностью смелого ума, глубиной новаторской мысли, силой обширных знаний ученого, соединенные с тонкостью восприятия и мастерством поэта. Столь мощно выраженному сочувствию, пожалуй, в мировой науке примеров найдется немного, справедливо пишет автор статьи.

Полувековая деятельность В. М. Алексеева, включает он, заложившего основы советской синологии и ставшего учителем и воспитателем многих поколений китаистов, яркого литератора, страстного пропагандиста научных знаний и культуры китайского

* «Литература и культура Китая» — сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972.

возраста, имеет значение не только для нашей и мировой науки. Его деятельность имеет непреходящее значение для духовной связи нашего и китайского народа.

Не только вступительная статья, но и другие материалы сборника убедительно показывают, что В. М. Алексеев был подлинно советским ученым, представителем той передовой русской интеллигенции, которая встретила революцию уже в зрелом возрасте и уверовала в нее, отдавала все свои силы для ее торжества, совершенствуя свое мировоззрение и развиваясь вместе со своей страной.

В статье «В. М. Алексеев и изучение истории Китая» С. Л. Тихвинский обращает внимание на те стороны подхода В. М. Алексеева к изучению истории Китая и его культуры, которые решительно отличали его от представителей европейской буржуазной синологии. Это прежде всего любовь советского ученого к китайскому народу, к его культуре, ярко выраженное стремление к изучению культуры демократической, то есть культуры широких трудящихся масс, а не только высших слоев общества. Автор показывает, что, симпатизируя борьбе китайского народа против империализма и беспощадно изобличая «культура-трегерскую» деятельность иностранных миссионеров в Китае, В. М. Алексеев в то же время предостерегал против идеализации исторического прошлого Китая.

Тонкий анализ глубоких филологических исследований В. М. Алексеева, посвященных вопросам эстетологическим трактатам «Категории поэзии» Сыкун Ту, «Категории живописи» Хуан Юэ и «Категории каллиграфии» Ян Цзипи-чэна, содержится в интересной статье Н. Т. Федоренко (стр. 19—38).

Внимание В. М. Алексеева к этим выдающимся памятникам китайской эстетической мысли не случайно. В Китае на протяжении многих веков поэзия, живопись и каллиграфия развивались в тесном переплетении, взаимопроникая и обогащая смежные искусства. В. М. Алексеева особенно привлекало органическое единство этих трех видов искусства, составляющих, по меткому выражению автора, подлинное художественное триединство, так как именно здесь с особой силой проявились национальные художественные традиции.

По тщательности и глубине анализа труднейших поэтических текстов, пишет Н. Т. Федоренко, их интерпретации и комментарий (исследовало бы добавить — и по мастерству перевода) филологические труды В. М. Алексеева являются уникальными в мировом книговедении.

Ряд статей сборника, помимо уже названных, в той или иной мере освещает деятельность В. М. Алексеева не только как глубокого исследователя китайской культуры, но и как большого мастера художественного перевода, чьи достижения в этой области имеют принципиальное значение.

В статье О. Л. Фишман «В. М. Алексеев — исследователь и переводчик Ляо Чжая»

автор показывает, что В. М. Алексееву удалось сделать доступными широкому русскому читателю повелли Ляо Чжая (произведения настолько сложные и трудные для понимания, что и в самом Китае потребовались переводы их на современный, «слышимый» язык), потому что Алексеева — блистательного переводчика в этой работе дополнял Алексеев — глубокий исследователь и знаток китайской литературы и культуры. Четыре предисловия В. М. Алексеева к вышедшим в разное время сборникам переводов Ляо Чжая вместе со статьями «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии» и «К истории демократизации старинной китайской литературы (о новеллах Ляо Чжая)» — блестящее исследование личности и творчества Ляо Чжая, равного которому до сих пор еще не создано ни в Китае, ни в Европе.

Анализ особенностей Алексеева-переводчика повелл Ляо Чжая имеет и более широкое значение. Решительно избегая цветистости и экзотичности, столь характерных для переводов его предшественников, В. М. Алексеев создал переводы, где смысловая близость к оригиналу сочетается с воспроизведением основных особенностей стилистики Ляо Чжая, казалось абсолютно непередаваемой на чужом языке.

В. М. Алексеев был образцом ученого-энциклопедиста, обьяввшего все области китайской культуры, от сложнейших памятников эстетической мысли и утонченной поэзии до народного лубка и бытовой эпиграфики. Но, может быть, особенно близка его складу ученого-филолога была сфера языка, языковой культуры. «Слово соединяет нас жизнью всех времен... писал он... Все лучшее, что когда-либо было достигнуто человеком, запечатлено в слове...» Этой стороне деятельности В. М. Алексеева посвящает свою статью Д. Н. Воскресенский (стр. 60—66). Он показывает, что работы В. М. Алексеева — от монументального исследования «Китайская поэма о поэте» до оставшегося незавершенным «Большого китайско-русского словаря» — дают яркое представление о том, какой сложной и богатой жизнью живет слово в литературе, особенно в такой литературе, как китайская. Здесь поэтическое слово, как в этом убеждают работы В. М. Алексеева, наполнено особенно богатыми ассоциациями.

Но, говоря о неповторимом национальном своеобразии китайской литературы и культуры в целом, Алексеев неизменно подчеркивал, что ей свойственны «все те проблемы, которые искони веков мучили человека желанием найти правду и выразить ее в прекрасном слове».

О В. М. Алексееве — собирателе китайского фольклора рассказывает Б. Д. Рифтин (стр. 82—93). Автор подчеркивает, что китайский фольклор интересовал Алексеева как одно из звеньев культуры. Ученый стремился сам собрать достоверный фольклор-

ный материал и осмыслить его исходя из характерного для русской науки уважительного отношения к народу и его творчеству.

Одним из первых в мировой синологии В. М. Алексеев обратил внимание на крайне характерное для китайского быта явление религиозного синкретизма, специально и подробно описал его и, что весьма существенно, связал это явление с особенностями китайской социальной структуры, с характерными для Китая народными обычаями и культурными стереотипами. Об этом говорит в своей статье «В. М. Алексеев о религиозном синкретизме в Китае» Л. С. Васильев (стр. 94—102).

Еще одну и, может быть, наименее известную сторону многогранной деятельности ученого освещает Н. А. Спешнев в своей статье «В. М. Алексеев как фонетист» (стр. 67—72).

Основные работы В. М. Алексеева были созданы в 1910—1930 гг., отчасти в 40-е годы. С тех пор в развитии китайского общества произошли огромные перемены, в значительной мере преобразившие весь облик этой древнейшей страны, а жизнь рождает все новые проблемы, выдвигает перед исследователем все новые задачи. И закономерно возникает вопрос: в какой мере и в какой степени может способствовать их решению научное наследие Алексеева, созданное в иных условиях и в иное время? Попытку ответить на этот вопрос делает В. Ф. Сорокин в статье «Наследие В. М. Алексеева и современные проблемы китайской культуры» (стр. 103—107). Представляется, что автор совершенно прав, когда приходит к выводу, что работы В. М. Алексеева сохраняют свое значение и для наших дней. При этом автор справедливо выдвигает на первый план три момента, которые придают актуальность многочисленным работам Алексеева, посвященным исследованию различных аспектов китайской культуры.

Работы В. М. Алексеева важны прежде всего как пример комплексного, синтетического подхода к явлениям культуры. Решительно борясь против дилетантства в науке, понимая все значение специализации в современную эпоху, В. М. Алексеев вместе с тем не устал подчеркивать, что «для каждого из нас стремление к широкому синтетическому пониманию проблем культуры должно оставаться постоянно действующим фактором».

Наследие В. М. Алексеева важно еще и как пример подхода к явлениям культуры прошлого с позиций современности и в свете эволюции действительности. Такой подход, подчеркивает автор статьи, особенно важен сейчас, когда нам приходится отстаивать ценность китайской культуры в условиях продолжающегося нигилистического к ней отношения на ее родине. При этом очень важно отметить, что В. М. Алексеев одинаково страстно боролся как с попытками порвать с живыми многовековыми традициями

народа, так и с канонизацией тех рутинных форм, которые мешают созданию нового.

И наконец, третий момент, на который обращает внимание автор в наследии Алексеева — проблема определения места китайской культуры среди других культур мира. В. М. Алексеев решительно выступал против «перетолкования китайских понятий на европейский лад», а также против проповеди китайской национальной исключительности. Все это придает работам Алексеева особую актуальность в наши дни.

Приходится пожалеть, что эти справедливые тезисы изложены автором лишь в крайне сжатой форме, им не хватает живой плоти реальных фактов, которые работы Алексеева могли бы дать в подтверждение и обоснование авторской мысли. Впрочем, этот упрек можно сделать и другим статьям сборника. Недостаток этот отчасти объясняется тем, что в основу статей были положены доклады на научных конференциях, самый характер которых требовал от авторов сжатости изложения.

Обстоятельный обзор преподавательской деятельности В. М. Алексеева в Ленинградском университете, с которым ученый был теснейшим образом связан в течение полувека, дает в своей статье В. В. Петров (стр. 108—119). Из этой работы, основанной на тщательном изучении многочисленных архивных материалов, можно составить представление о том вкладе, который внес выдающийся советский китаевед в воспитание научной смены. За годы работы в Ленинградском университете он подготовил десятка высококвалифицированных специалистов, которые составляют ныне основной костяк советского китаеведения.

С не меньшим интересом читается и заключительный раздел сборника, который составили доклады, прочитанные на конференции, посвященной теоретическим проблемам изучения литературы Дальнего Востока.

Правда, лишь немногие из этих докладов («Некоторые особенности литературного процесса на Востоке» Г. С. Померанца; полемические заметки Л. З. Эйдлиной; «Заметки к докладу Л. И. Меньшикова и Л. К. Павловой "Справочные пособия как показатель этапов развития китайской литературы"»; «Идеалы новой культуры» А. Н. Желуховцева) претендуют на широкое обобщение. Остальные статьи этого раздела касаются преимущественно частных проблем развития отдельных жанров, судьбы отдельных произведений или писателей. И все же необходимо отметить, что почти каждая из этих статей является результатом самостоятельной исследовательской работы, все вместе они вводят в научный оборот огромный по охвату времени материал — от раннего средневековья до наших дней — и значительно расширяют наше представление о развитии китайской литературы и культуры.

Справедливости ради следует заметить, что, за исключением уже упомянутой статьи

А. Н. Желуховцева, а также статей Н. П. Лавровой и А. А. Антиповского, посвященных судьбе последних произведений писателя-коммуниста Чжао Шу-ли в современном Китае, и стоящей несколько особняком статьи А. Г. Шпринцина, содержащей интересные наблюдения над особенностями научного стиля в современном китайском и японском языках, остальные статьи и материалы сборника так или иначе обращены в прошлое, более или менее отдаленное. Это тем более досадно, что советские читатели с большой тревогой следят за тем, что происходит в Китае в наши дни, за происходящими там событиями. А ведь и мысль самого В. М. Алексеева, которому посвящена эта книга, неизменно обращалась к живому реальному Китаю. И многие ма-

териалы сборника убедительно показывают, как глубоко осознавал он неразрывную диалектическую связь между прошлым и настоящим китайской культуры.

Сборник «Литература и культура Китая» дает яркое представление о широком размахе исследовательской работы в области изучения китайской культуры в нашей стране. Книга эта — не только ценное пособие для специалистов. Она будет интересна и для широких кругов читателей, интересующихся развитием литературы и культуры китайского народа, к которому советские люди неизменно испытывают чувство симпатии и уважения.

В. Н. Кривцов

Татаро-монголы в Азии и Европе

История монголов XIII—XIV вв. издавна привлекала внимание ученых многих стран мира. Это объяснялось прежде всего стремлением изучить историю длительных захватнических войн, которые вели монгольские ханы в указанный период. Закономерен был интерес и к личности Тэмуджина Чингисхана: что представлял собой этот человек и как ему удалось в конце XII — начале XIII в. за сравнительно короткое время объединить до него почти не известные народам мира татаро-монгольские племена и повести их на завоевание стран Азии и Европы. На эти и многие другие вопросы дает ответ рецензируемый в этой статье сборник «Татаро-монголы в Азии и Европе»¹.

Среди авторов сборника такие известные специалисты, как синологи С. Л. Тихвинский и Л. И. Думан, иранист И. П. Петрушевский, историки-русисты Л. В. Черепнин и В. Т. Пацуто, монголоеды А. Галстян, Н. П. Шастина, синолог-монголоед Н. Ц. Мункуев и другие.

Географически книга охватывает все страны, где владычествовали или где пытались закрепиться монгольские завоеватели. В ней рассматриваются такие важные

проблемы, как объединение монгольских племен и образование единого централизованного государства татаро-монголов, стратегические и тактические приемы ведения войн монгольскими ханами, взаимоотношения монгольских феодалов с местными правителями, общественный строй монголов, социально-экономическая политика монгольских феодалов в завоеванных странах, борьба народов против господства татаро-монгольских завоевателей и т. д.

Сборник открывается вступительной статьей чл.-корр. АН СССР С. Л. Тихвинского «Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе». В ней освещены различные события из монгольской истории, события, связанные с завоевательными походами Чингисхана, убедительно вскрыта реакционность «теории» китайских историков о якобы прогрессивной роли военных походов и территориальных захватов в истории человечества, «иллюстрируемых» на примерах Чингисхана и его преемников.

С. Л. Тихвинский показал несостоятельность утверждений некоторых китайских авторов о том, что период правления монгольской династии Юань является «эпохой великого объединения» Китая, ставшего возможным лишь благодаря завоеванию Китая монголами; что при Юанях усилилось общение между Китаем и западными странами; что в самом Китае развились торговля, ремесла и транспорт, а экономика и культура «окраин Китая», в особенности самой Монголии, расцвели под влиянием «первой китайской цивилизации». Автор разоблачает измышления современных китайских историков, в частности Хань Жулиня, и составителей географических карт КНР, которые включают сегодня в пределы границ Китая завоеванные когда-то монголами Среднюю Азию, Восточную Европу, Ближний Восток и даже Северную Африку.

¹ «Татаро-монголы в Азии и Европе». Под редакцией чл.-корр. АН СССР С. Л. Тихвинского. М., изд-во «Наука», 1970, 475 стр.

В заключительной части вступительной статьи делается совершенно правильный вывод о том, что подлинная цель кампании, развернутой в китайской печати вокруг личности Чингисхана, заключалась в попытках «научного» обоснования территориальных притязаний китайских националистов на МНР, среднеазиатские республики Советского Союза и другие территории, когда-либо входившие в состав монгольской империи.

Читатель не может не приобщиться к утверждению С. Л. Тихвинского о том, что «выход в свет сборника статей, посвященных научному исследованию истории и последствий одного из самых кровавых и разрушительных периодов истории народов Азии и Европы, весьма актуален и злободневен. Опыт истории неотвратимо свидетельствует о том, что любые завоевания и бредовые планы «мирового господства» в конце концов обречены на бесславный провал».

Статья историка из МНР Ш. Сандага, помещенная в рецензируемом сборнике, посвящена образованию единого монгольского государства и роли Чингисхана в этом длительном процессе. Как правильно отмечает автор, ликвидация племенной раздробленности и политическое объединение монголов в едином государстве могли бы способствовать подъему производительных сил страны, ее экономическому и культурному росту. Однако этому помешали завоевательные походы, предпринятые феодализирующейся аристократией во главе с Чингисханом.

«Монгольское господство в Восточном Туркестане» — таково заглавие следующей статьи сборника, автором которой является М. Кутлуков. В ней говорится о том, что, хотя монгольские завоеватели в 1218 г. без боя подчинили себе Восточный Туркестан, тем не менее их господство и здесь имело для местного населения исключительно тяжелые последствия. Гнет оккупантов был настолько пагубным для уйгуров, что они утратили даже прежнее наименование и стали называться моголами, а их страна — Моголистаном.

И. П. Петрушевский в статье «Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия» на основе исследования многочисленных источников на арабском и персидском языках прослеживает ход завоеваний Чингисхана, а также его методы ведения войны.

Представляется правомерным утверждение автора о том, что «несмотря на большую ценность трудов В. В. Бартольда, и особенно его классической работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», его трактовка последствий завоеваний не может быть принята». Точка зрения И. П. Петрушевского о личности Чингисхана и о последствиях его завоеваний, по нашему мнению, более соответствует исторической правде.

И. П. Петрушевский является и автором другой статьи сборника — «Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256—1353 гг.)».

А. Г. Галетян в статье «Завоевание Армении монгольскими войсками» впервые вводит в научный оборот многие ранее неизвестные армянские документы XIII—XIV вв., подробно прослеживая ход завоевания страны монголами в 1221—1238 гг.

Важными представляются работы Л. В. Черенина «Монголо-татары на Руси» (XIII в.) и В. Т. Пашуто «Монгольский поход в глубь Европы».

Вопреки утверждениям буржуазных историков В. Т. Пашуто, анализируя источники, приходит к верному выводу о причинах провала монгольского похода на Европу. И доказывает, что не смерть великого хана побудила монгольские войска отказать от дальнейшего продвижения на Запад, а самоотверженная борьба против них народов Восточной и Центральной Европы.

Несомненный интерес представляют статьи Н. Ц. Мункуева, Н. Н. Шастиной и Л. Н. Гумилева. В статьях Н. Ц. Мункуева «Заметки о монголах» и «Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв.» содержится целый ряд новых сведений, впервые извлеченных автором из таких источников, как «Мэн-да бэй-лу», «Хей-да Ши-люс», «Юань-ши», «Юань-дянь-чжан» и др. Б. Я. Владимирцов в свое время не случайно сетовал на то, что «китайские источники не стали доступными»². Теперь Н. Ц. Мункуеву удается восполнить этот пробел.

Ряд статей сборника посвящен завоеваниям татаро-монгольских войск на современной территории Китая. Так, Е. И. Кычанов подробно освещает проблемы взаимоотношений между Чингисханом и тангутским государством Сися, которое, как известно, было уничтожено в 1227 г. Впервые большой фактический материал из китайских источников привлечен в статье Н. П. Свистуновой «Гибель государства Южных Сунов», завоеванного монголами в 1279 г. Вопросы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае исследованы Л. И. Душаном. Л. А. Боровкова рассматривает вопросы о восстании китайских крестьян в середине XIV в. против монгольских завоевателей. Наконец, А. А. Бокшанин пишет о попытках монголо-китайских войск вторгнуться в страны Юго-Восточной Азии. Автор подчеркивает, что неоднократные походы объединенных монголо-китайских войск против Вьетнама в течение XIII в. носили скорее характер набегов. Захватчикам не раз приходилось покидать Вьетнам в результате упорного сопротивления его народа.

Авторам сборника удалось тщательно исследовать многие политические и социально-экономические проблемы по истории монголов XIII—XIV вв. Несмотря на некоторые неточности и отдельные упущения, в сборнике дана объективная научная оценка захватнических войн монгольских ханов и их

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 13.

последствий в различных странах Азии и Европы. Вместе с тем показана вся вздорность великоханьского лозунга маонистов, призванного «учиться у Чингисхана революционному духу сплочения национальных меньшинств». Доказывается несостоятельность взглядов китайских историков, которые сегодня в угоду авантюристической политике таекинских руководителей оправдывают захватнические войны Чингисхана, отмечают

его якобы прогрессивную роль в истории и изображают «объединителем Китая», будто бы имеющего «великие заслуги» перед человечеством, и особенно перед китайским народом. Вот почему сборник «Татаро-монголы в Азии и Европе» встречен читателями с большим интересом.

Ф. С. Цаплин

К проблеме «наксалитов» в Индии

На протяжении последних лет пекинские руководители направляют один из основных ударов экспансионистской, расколывающей политики по Индии. Группа Мао Цзэ-дуна давно рассматривает политику, проводившуюся Неру и его преемниками, неприкосновенности и мирного сосуществования, принесшую Индии огромный авторитет и влияние во всем «третьем мире», как серьезное препятствие на пути осуществления своих великодержавных претензий в Азии.

Именно Индии как главному сопернику в Азии маонисты уготовили роль испытательного полигона всего арсенала средств, используемых в борьбе против азиатских стран: выдвижение территориальных претензий, раскол коммунистического и демократического движения, разжигание внутренних беспорядков и вооруженной антиправительственной борьбы, изощренную пропаганду, разногласия с соседними странами и т. п.

Китайским лидерам удалось использовать внутриполитическую ситуацию в стране с целью усиления своего влияния в некоторой части коммунистического движения. Как отмечал Председатель Национального совета Компартии Индии Ш. Данге, «китайское руководство, по их выражению, во имя революции и пролетарского интернационализма открыто обратилось к «истинным» индийским коммунистам с призывом отколоться от нашей партии» (то есть КПИ.— А. С.)¹. В 1964 г. маонисты способствовали расколу Компартии Индии, в результате возникла

так называемая параллельная компартия, которая стала именовать себя марксистской компартией. Однако она оказалась не в состоянии открыто поддержать беспринципный великодержавный курс пекинских руководителей. Подогреваемое китайским руководством после 1967 г. крайне «левое» крыло и авантюристические элементы вышли из параллельной компартии и создали Коммунистическую партию марксистов-ленинцев — КПИ (м-л). Эта партия публично провозгласила свою приверженность идеям Мао Цзэ-дуна. Такова картина раскола в коммунистическом движении Индии.

О влиянии руководства Мао Цзэ-дуна на внутриполитическую ситуацию в Индии написано много книг и статей. Мы коснемся двух книг о маоизме в этой стране: «Маоизм в Индии» Мохана Рама² и «Коммунистическая партия и наксалиты» Протара Митры и Мохита Сена³.

В первой сделана попытка изложить маонистскую стратегию в Индии и проследить ее эволюцию, которая в середине 1967 г. привела к прямым призывам свершения маонистской революции в стране. Кроме того, в этой книге рассматривается эволюция политики «наксалитов».

Как антикоммунист, Мохан Рам в своей книге не только использует маоизм, но и приподнимает его значение. Пользуясь ореолом революционаризма, автор пытается бросить тень на коммунистическое движение в целом, оклеветать стратегию и тактику индийских коммунистов.

Книга Мохана Рама показательна тем, как автор стремится проанализировать различные маонистские течения на индийской земле и «выяснить возможность маонистской революции в Индии». Излагая стратегию группы Мао в Индии, автор на конкретных примерах так или иначе вынужден показать, как Пекин занимался непосредственным экспортом маоизма и так называемого китайского опыта, прежде всего в форме маонистской «стратегии народной войны» и исключительно военного решения задач, сто-

¹ «Документы международного Совета индийских коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969 г.». Изд-во «Мир и социализм», Прага, 1969, стр. 598.

² Mohan Ram. Maoism in India. Delhi, 1971.

³ Protar Mitra, Mohit Sen. "Communist Parti and Naxalites." Delhi, 1971.

ящих перед национально-освободительным движением.

«Индия занимает ведущее место в маоистской стратегии народной войны, рекомендованной третьему миру»⁴, — пишет Мохан Рам. В его книге говорится, что еще в середине 1967 г. руководство КПК предписало «народную войну» в качестве решения проблем национально-демократических революций в Индии, Бирме и Индонезии. Это совпало с периодом усиления экстремизма во внешней политике Китая, приведшего к осложнению в его отношениях с рядом азиатских стран. Именно в это время в Индии произошли выступления в районе Наксалбари (Западная Бенгалия). Автор пишет, что в июне 1967 г. «Радио Пекина» открыто призывало «свергнуть индийское правительство и силой захватить власть».

Китайское руководство видело в мятеже в Наксалбари «первую искру революционной вооруженной борьбы, которая может охватить огнем всю Индию»⁵. Именно после этих событий индийских приверженцев «идей Мао» стали называть «наксалитами», а их движение — «наксализмом».

Рассказывая о расколе ПКПИ, (Параллельная компартия Индии), автор отводит руководству Компартии Китая ведущую роль в создании чисто маоистской партии в стране. Он приводит слова из «Жэньминь жибао» (от 3.VIII.1967): «Революционеры Коммунистической партии Индии должны теснее сплотить свои ряды в борьбе и создать подлинную революционную партию марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэ-дуна».

За призывами из Пекина «провести демаркационную линию с ревизионистами» последовали конкретные действия приверженцев «идей Мао». В некоторых штатах Индии были созданы «координационные комитеты революционеров КПИ(м)», которые в ноябре 1968 г. сформировались во «Всеиндийский координационный комитет коммунистов-революционеров» ПКПИ, впоследствии превратившийся в маоистскую партию, о создании которой было широко объявлено на первомайской демонстрации в Калькутте.

Следует отметить, что КПИ (м-л) состояла почти исключительно из тех, которые порвали с ПКПИ. В нее вошли наксалиты из Западной Бенгалии, Керала и Андхра-Прадеш.

Новая партия, а вернее, группа, пошла по «пути Наксалбари», указанному из Пекина. Статья в «Жэньминь жибао» (от 7.VII.67) с поэтическим названием «Весенний гром над Индией» усматривала в событиях в Наксалбари «появление красного района революционной вооруженной борьбы». В связи с чем автор книги прямо указывал, что, по замыслу маоистов, «революция в Индии должна опираться на крестьянство, на соз-

дание опорных баз в деревне с целью окружения городов». Именно этот путь и рассматривался маоистами и наксалитами как перспектива революции в Индии.

С нашей точки зрения, достаточно обратиться к оценке «пути Наксалбари» данной в газете индийских коммунистов «Нью эйдж»: «Путь Наксалбари» никогда не приведет к революции, ибо этот путь упускает существенный момент в революционной деятельности, то есть мобилизацию и организацию. Он родился из глубокого пессимизма относительно возможности мобилизации масс, особенно в малых и больших городах. Этот путь основан на исключительно анархической концепции: действовать от имени масс, заменять собой массы. Он основан на отрицании ленинской концепции руководящей роли авангардной партии и заменяется исключительно концепцией народников, а именно что «герои гальванизируют глухие массы»⁶.

Несмотря на все усилия небольшой группы индийских маоистов-инициаторов ультралевого уклона разжечь в Индии «широкую народную войну» наксалитов против «четырех гор» (к которым причислялись и американский империализм, и Советский Союз. — А. С.), войны не получилось.

Автор книги «Маоизм в Индии» стремится представить себя беспристрастным журналистом, рассказывающим о развитии маоизма в своей стране. Однако на деле эта «беспристрастность» оборачивается как реклама маоизма в Индии. Так, Мохан Рам подписывается под геополитическими призывами Пекина о борьбе против «одной-двух сверхдержав».

Мохан Рам заведомо искажает позицию и аргументацию оппонентов маоизма в Индии. Он с явным предубеждением излагает линию КПСС и Коммунистической партии Индии.

Автор путем подтасовки фактов пытается оправдать попытки Пекина отвлечь прогрессивные движения от борьбы против империализма и направить их против СССР и других государств социалистического содружества.

Индийские марксисты в своих работах не раз подвергали серьезной критике попытки антикоммунистической пропаганды использовать маоизм и сходное с ним течение «наксалитов» для дискредитации подлинных антиимпериалистических сил в Индии.

Разбору теории и практики наксализма посвящена книга Протара Митры и Мохита Сена «Коммунистическая партия и наксалиты». Эта книга раскрывает опасность наксализма и ультралевацких призывов его вдохновителей.

При этом марксисты исходят из следующего ленинского указания, имеющего методологический характер: «Для настоящего революционера самой большой опасностью — может быть, даже единственной опасностью —

⁴ Mohan Ram. Maoism in India. Delhi, 1971, p. 8.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ «New Age», 13.VII.1969, стр. 3.

«стью, — является преувеличенне революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь... перейти к действительно реформистскому»⁷.

На наш взгляд, книга «Коммунистическая партия и наксалиты» является удачной попыткой критики «наксализма» с позиций «ленинской революционной теории».

Излагая точку зрения Компартии Индии на ряд проблем, по которым наксалиты выступают против КПИ, Мохит Сен пишет, что абсолютно неверно утверждение о том, что наксалиты верят в революцию, а КПИ придерживается теории только мирного пути. Суть вопроса заключается в развитии концепции о том, как будет развиваться революция в Индии. КПИ стремится достичь целей революции мирным путем, но КПИ всегда считала, что это лишь одна из возможных форм, отнюдь не исключая и форм вооруженной борьбы. Мохит Сен пишет, что одной из специфических особенностей имитации маонизма наксалитами является принижение ими роли рабочего класса. Одна из причин ультралевого уклона в КПИ и заключалась как раз в слабости пролетарской основы коммунистического движения в стране, которая оказывала непосредственное воздействие на компартию и ее развитие.

Острые критики Компартии Индии, как указывают авторы, направлено прежде всего против левацко-авантюристической и совершенно ошибочной линии наксализма, базирующейся на идеологических и политических концепциях современного маонизма. КПИ убеждена, что у наксалитов существует весьма искаженное представление о том, что такое революция. У них отсутствует правильная оценка ситуации в Индии. Они не знают опыта мирового коммунистического и рабочего движения. Компартия Индии критикует левацко-авантюристическую линию наксализма, ибо наксалиты нанесли огромный вред революционному движению в Индии.

Наксалиты, в частности, помогли реакционерам всех мастей распространять в стране совершенно искаженное представление о коммунизме и коммунистах. Их авантюристические действия приводили к потере многих ценных кадров и массовым репрессиям в целом ряде районов страны.

По мнению авторов, КПИ считает, что методы индивидуального террора и политических убийств (особенно в Западной Бенгалии), позволенные наксалитами в ранг теории, доказывают лишь трусость и гибель-

ность их действий. Это ничего общего не имеет с подлинно революционной деятельностью. «Все это, — указывает Мохит Сен, — привело к вырождению наксалитского движения и к проникновению в его ряды различного рода люмпенов и преступных элементов, которые являются лучшими марионетками контрреволюции. Это привело к росту садизма и бессмысленной жестокости среди многих наксалитов, что сделало их поступки едва отличными от преступников»⁸. Процесс дегенерации привел в ряде мест к просачиванию в движение наксалитов беспринципных авантюристов, далеких от политики, а также агентов местной секретной полиции и ЦРУ Соединенных Штатов.

Авторы отмечают, что наксализм переживает раскол. Три группы действуют в Керале и две — в Бихаре. Наблюдаются распри среди групп наксалитов в Дели. Отделения наксалитов в Джамму и Кашмире самораспустились. Борьба в Шрикакуламе потерпела фиаско. Все это подчеркивает, что внутри КПИ (м-л) развились серьезные политические разногласия. И это действительно так. Ибо движение, опирающееся на догматизм, сектантство и авантюризм, обречено на раскол, так как оно оторвано от масс, от действительности.

Заключительная часть книги Протара Митры и Мохита Сена в отличие от книги Мохана Рама проникнута оптимизмом, верой в торжество дела коммунизма.

Они пишут, что настало время революционным элементам среди наксалитов пересмотреть свои убеждения. Компартия Индии рассматривает революционеров и идеалистов среди наксалитов как друзей-революционеров, которые свернули с подлинно революционного пути и встали под знамена маонистских концепций. Коммунисты Индии не сбрасывают со счетов «революционный идеализм многих юношей и девушек, которые увидели в движении наксалитов самый революционный инструмент в Индии для того, чтобы покончить с нищетой, неравенством, несправедливостью», пишет Мохит Сен.

«Это тот идеализм, который имеет связующее звено с Компартией Индии и который дает надежду на будущее».

Но эта надежда станет реальностью только в том случае, если наксалиты освободятся от наксализма — индийского варианта современного маонизма»⁹.

Итак, две книги, два подхода: книга Мохана Рама усматривает в Индии огромный революционный потенциал и возможность для аграрной революции по маонистскому образцу. Дело якобы лишь в том, чтобы «дать аграрным движениям политическое направление и скоординировать их действия»¹⁰.

⁸ Протар Митра, Мохит Сен. Коммунистическая партия и наксалиты. Дели, 1971, стр. 123.

⁹ Там же, стр. 125.

¹⁰ Мохан Рам. Маонизм в Индии. Дели, 1971, стр. 187.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 223.

Книга «Компартия и наксалиты» позволяет сделать вывод, что «наксализм» — это результат прямого смыкания левацкого, экстремистского уклона с маоизмом.

Авторы Протар Митра и Мохит Сен справедливо утверждают, что «в конце концов Мао и китайские коммунисты начали свой путь вниз призывами о расколе компартий в мировом коммунистическом движении. Они нанесли огромный вред этим партиям и движению в целом»¹¹.

Борьба против маоизма, в том числе на индийской земле, не закончена.

В феврале 1973 г. газета «Хиндустан таймс» писала, что существуют наглядные свидетельства того, что Китай вновь оказывает помощь наксалитам и другим экстремистским элементам в Индии, Бангладеш и Непале. Имеющиеся сведения показывают, что китайская помощь оружием, боеприпасами и деньгами поступает в Индию и Бангладеш через некоторые районы Непала.

¹¹ Протар Митра, Мохит Сен. Коммунистическая партия и наксалиты. Дели, 1971, стр. 124.

Кроме того, между экстремистскими группировками и Китаем существуют постоянные контакты в целях координации действий, указывает газета. В настоящее время трудно сказать, активность ли наксалитов побудила Китай предоставить им помощь или, наоборот, помощь Китая возродила деятельность этих групп. «Тем не менее, — заключает «Хиндустан таймс», — возросшая активность «наксалитов» в последнее время является очевидностью»¹².

Прочитав две книги о маоизме в Индии, одну — воспевающую и рекламирующую маоизм, другую — дающую ему марксистско-ленинскую оценку и разоблачающую его сущность, можно сделать один вывод: борьба против теории и практики маоизма не закончена. На нынешнем этапе она является необходимым условием для объединения действий международного коммунистического движения и всех антиимпериалистических сил.

А. Н. Сормовцев

¹² «Хиндустан таймс», 8.II.1973.

Чжан Тай-лэй — герой китайской революции

[к 75-летию со дня рождения и
445-летию со дня гибели]

Ленинская гвардия планеты — так называют первое поколение коммунистов-интернационалистов, бойцов Коминтерна, отдавших свою жизнь борьбе за победу рабочего класса во всем мире. К этой ленинской гвардии принадлежит Чжан Тай-лэй. Он был коммунистом-интернационалистом в самом точном смысле этого слова. Для него интересы революционной борьбы китайского народа были неразрывно связаны с интернациональной борьбой рабочего класса, борьбой колониальных и зависимых народов всей планеты. Он был последовательным другом первого в мире государства рабочих и крестьян — Советского Союза. Его имя занимает место в ряду тех, кто был зачинателем коммунистического движения в Китае, — наряду с Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Дэн Чжун-ся, Пэн Баем и др.

Чжан Тай-лэй родился в 1898 г. в мелкобуржуазной семье в городе Чанчжоу, в провинции Цзянсу. Отец умер рано, и детство его оказалось трудным. Ему пришлось столкнуться с суровой действительностью и в личной и в общественной жизни.

Школьные и студенческие годы Чжан Тай-лэй проходят в очень сложное время.

Революция свергла цинскую монархию, Китай стал республикой, но реальная власть в стране оказалась в руках крупных милитаристов, бесконтрольно распоряжавшихся политическими марионетками, именовавшимися премьер-министрами, министрами, президентами. Лучшие представители китайской интеллигенции, студенческая молодежь всевозможным образом искали ответы на вопросы: что делать? Как покончить с властью империалистов и милитаристов? Каким должен быть

будущий Китай? Победа революции в России, статьи Ли Да-чжао о большевизме, об Октябрьской революции будили мысль, заставляли искать новые пути для Китая. Вся эта напряженная атмосфера оказала огромное воздействие на пытливого Чжан Тай-лэй. Он рано решил, «в каком идти, в каком сражаться стане» — только в революции решительной, бескомпромиссной, которая принесет счастье простому народу. Его ближайшим единомышленником становится Цюй Цю-бо. Две эти фамилии тесно переплетаются в истории революционного движения в Китае и в истории Коммунистической партии Китая.

Еще накануне знаменитого движения «4 мая» 1919 г. Чжан Тай-лэй, будучи студентом в Тяньцзиньне, основал студенческий «кружок социальной реконструкции».

Знание английского языка помогает ему знакомиться с марксистской литературой. Изучая марксизм, Чжан Тай-лэй принимает его идеи, а затем он связывает себя с марксизмом и организационно: он становится членом Общества изучения марксизма, созданного в марте 1920 г. Ли Да-чжао, и одним из первых членов КПК.

В тот период западный мир направлял в Китай своих лучших теоретиков. В мае 1919 — июле 1921 г. в Китае выступал с лекциями американский философ-прагматист Джон Дьюи. Большой популярностью пользовался в среде китайской молодежи английский философ и социолог Бертран Рассел. Его идеи социальных реформ, культурного и технического прогресса, просвещения народа вызывали симпатии в молодежной среде, но Чэнь Ду-сю, один из первых пропагандистов марксизма в Китае, выступил в печати с критикой идей Б. Рассела. Начался большой спор, известный под названием «дискуссии о социализме»¹.

В этом споре — идти ли Китаю по социалистическому или капиталистическому пути — принял участие и Чжан Тай-лэй. Б. Шумяцкий, тогдашний ответственный сотрудник Дальневосточного секретариата Коминтерна, лично знавший Чжан Тай-лэй,

¹ См.: Л. П. Делюсин. Спор о социализме. М., 1970.

так излагает рассказ Чжан Тай-лэя о его первом публичном выступлении, выступлении с критикой реформистских идей Бертра на Рассела:

«Рассел в одной из своих лекций утверждал, что самым передовым, полезным для общественного прогресса «классом» современного общества является «умственный пролетариат», то есть интеллигенция, и что «физический пролетариат», а именно наемные рабочие, является «лишь вспомогательной силой общественного прогресса». Я напал на него, Рассела,— рассказывал Чжан,— развивая основные положения «Коммунистического Манифеста» (уже переведенного к этому времени на китайский язык), и словами Маркса убеждал слушателей в неправомерности утверждения Рассела насчет гегемонии «умственного пролетариата». Хотя я сильно волновался, так как выступал по этому серьезному вопросу в обстановке публичного диспута в первый раз, тем не менее мне, кажется, удалось вскрыть всю неправильность концепции этого ханжествующего профессора. Часть аудитории стала явно на мою сторону и бурно реагировала против выступивших после меня «благочестивых» ораторов, обрывая их тогда, когда они явно становились на сторону Рассела»².

Антиимпериалистическое движение «4 мая» 1919 г. было знаменательно во многих отношениях: оно побудило лучших людей из китайской революционной студенческой молодежи, ученой интеллигенции к изучению марксизма, к поиску новых организационных форм, побудило таких людей, как Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэя, к изучению положения рабочего класса, к борьбе за его организацию. Мы располагаем рядом документов о первых результатах этой работы, в том числе и принадлежащих Чжан Тай-лэю³. Эти документы — первоклассные источники для изучения ранней стадии истории рабочего движения в Китае. «Рабочие, если вы хотите двигаться вперед,— писал Чжан Тай-лэй в одном из своих воззваний,— если вы хотите обеспечить свой труд, вы должны организовать свои рабочие союзы, а если вы организуете тред-юнионы и такие союзы, как в Шэньяне, где во главе находятся мелкие капиталисты и содержатели гостиниц, вы ничем не поможете себе.

² Б. Шумяцкий. Из истории комсомола и Компартии Китая. — «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 196—197.

³ См., например, публикацию Е. Ф. Ковалева: Цюй Цю-бо. Положение китайских рабочих и их надежды на Россию. — «НАА», 1970, № 5, стр. 154—160; обширные извлечения из статьи Чжан Тай-лэя в указ. ст. Б. Шумяцкого. — «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 199—203; статью М. А. Персица о докладе, подготовленном Чжан Тай-лэем для III конгресса Коминтерна, «Из истории становления Коммунистической партии Китая». — «НАА», 1971, № 4, стр. 47—58.

Нужно организовать новые, чистые рабочие союзы, где не будет прихвостней капитала. Скорее пробудитесь, объединяйтесь и организуйте профессиональные союзы рабочих»⁴.

Работа, развернутая среди рабочих будущими китайскими коммунистами, а пока лишь участниками марксистских кружков, принесла первые скромные успехи. В 1920 г. начали возникать первые профсоюзы, над организацией которых работали многие замечательные революционеры — фактически все те, кто впоследствии образовал ядро китайской компартии.

Главные же усилия Чжан Тай-лэя были направлены на создание первых социалистических организаций молодежи, а затем он стал и организатором китайского комсомола. На первых порах, когда в Тяньцзинь в 1920 г. был создан Социалистический союз молодежи, он объединял исключительно учащуюся молодежь, но, реорганизованный в том же году в Коммунистический союз молодежи, он в своем уставе, написанном Чжан Тай-лэем, поставил целью вовлечь в организацию рабочих и крестьян, рикш, железнодорожников, транспортников. Чжан Тай-лэй глубоко осознал, что рабочие Китая должны стать важнейшей силой в революции.

Тай-лэй стал ближайшим помощником для представителей Коминтерна — Г. Н. Войтинского, Г. Маринга (Снефлит). Вместе с коминтерновскими товарищами он участвовал в подготовительных совещаниях в Шанхае, на которых в 1920—1921 гг. решался вопрос создания Компартии Китая⁵.

Еще до первого съезда КПК (июль 1921 г.) Чжан Тай-лэй по поручению организации китайских коммунистов направляется весной 1921 г. в Россию представлять китайских коммунистов в организациях Коминтерна.

В Иркутске, где находился Дальневосточный секретариат Коминтерна, Чжан Тай-лэй развивает очень большую активность. Он становится секретарем китайской секции секретариата, подробно информирует Коминтерн о положении в коммунистическом движении в Китае⁶, готовит доклад для

⁴ Б. Шумяцкий. Указ. ст.— «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 202.

⁵ Там же, стр. 213. «Chang Tai-lei». «Biographic Dictionary of Chinese Communism», 2 vols., Harvard University Press Center, Mass, 1971, vol. 1.

⁶ В своем докладе Коминтерну Чжан Тай-лэй писал о конференции коммунистических организаций Китая в марте 1921 г. (см.: «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 213). Об этой конференции и ее значении для становления коммунистического движения в Китае кратко говорится в статье: А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая. — «НАА», № 4, стр. 49—50. В целом же вопрос о мартовской конференции ждет, однако, еще своего исследователя.

III конгресса Коминтерна в Москве, куда он затем выезжает в качестве официального представителя Компартии Китая, и, наконец, по поручению Дальневосточного секретариата принимает участие в подготовке Учредительного съезда Компартии Кореи, на котором выступает в мае 1921 г. с докладом «Японский пролетариат и корейская беднота».

В июне — июле 1921 г. Чжан Тай-лэй в качестве делегата от китайских коммунистов (с совещательным голосом) участвует в работе III конгресса Коминтерна. Его выступление, ограниченное пятиминутным регламентом, было по необходимости весьма кратким⁷. Но лапидарность выступления компенсируется обширным докладом, подготовленным Чжан Тай-лэем для Коминтерна⁸. Этот доклад подробно проанализирован в советской научной периодике⁹. Здесь хотелось бы лишь подчеркнуть некоторые характерные для периода становления КПК черты, о которых говорилось в докладе.

Чжан Тай-лэй, как и многие другие китайские коммунисты, страстно мечтал о революции и думал, что она произойдет в самом ближайшем будущем. Эта революция рисовалась им в виде победы трудового народа, а новое общество — как общество социалистическое. Но эти мечты сочетались у Чжан Тай-лэя с трезвой, в общем, оценкой слабости политического самосознания китайских рабочих и крестьян, в то время как другими коммунистами Китая оно преувеличивалось.

Важной вехой в жизни Чжан Тай-лэя для становления его как марксиста-революционера стал съезд народов Дальнего Востока, состоявшийся в январе 1922 г. в Москве. Б. Шумяцкий пишет, что во время подготовительной работы к съезду у Чжан Тай-лэя проявились богатые способности и талант организатора-практика. «Он сам обдумывал маршруты, устанавливал явки, — вспоминает Б. Шумяцкий, — следил за китайской прессой, за известными линиями бесчисленных фронтов китайских милитаристов и, как хороший командир, указывал едущим на съезд делегатам направления прорыва фронта блокады, которой в это время еще со всех сторон была обложена вся Советская страна»¹⁰.

Настойчивость и энергия Чжан Тай-лэя увенчались замечательным успехом. Китайская делегация была самая многочисленная

на съезде, в ее составе были не только коммунисты и комсомолы, но и беспартийные, и гоминьдановцы. Делегаты съезда, как известно, сначала собрались в Иркутске, затем в Москве, где состоялось официальное его открытие в январе 1922 г.

Съезд стал важным этапом в консолидации сил угнетенных народов в борьбе с империализмом¹¹. Он был также мощным выступлением против империалистического сговора — Вашингтонской конференции. Доклады, с которыми выступали на съезде китайские товарищи, представляют большой интерес и заслуживают специального изучения¹².

В 1923 г. Коммунистической партии Китая пришлось решать вопрос об отношениях с гоминьданом, вопрос о вступлении коммунистов в гоминьдан. Это был трудный вопрос для Коммунистической партии Китая. Коминтерн, как известно, ориентировал партию китайских коммунистов на индивидуальное вступление в гоминьдан при сохранении полной идейной и организационной самостоятельности компартии.

Некоторые влиятельные в то время коммунисты (Чжан Го-тао, Цай Хэ-сэнь и др.) занимали в данном вопросе левосектантские позиции, но съезд принял правильное решение. На нем восторжествовала идея единого национального антиимпериалистического фронта. Это был результат усилий Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэя, Чэнь Ду-сю. Тогда же Чжан Тай-лэй становится представителем ЦК КПК в Исполкоме гоминьдана.

Страна в тот год стояла на пороге революции. Сунь Ят-сен это хорошо сознавал. Он принимает решение о сотрудничестве с Советским Союзом и обращается к нему за помощью.

В августе 1923 г. Сунь Ят-сен посылает первую делегацию в Москву. Делегацию возглавил Чан Кай-ши. В составе делегации был и коммунист Чжан Тай-лэй.

Эта миссия стала важным этапом в развитии советско-китайских отношений. Она положила начало широкому сотрудничеству Сунь Ят-сена и гоминьдана с Советским Союзом,¹³ несмотря на то, что Чан Кай-ши делал все, для того чтобы воспрепятствовать развитию дружеских отношений Сунь Ят-сена с СССР. Об этом подробно пишет сам Чан Кай-ши¹⁴. Поэтому очень важным

⁷ «III всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Петроград, 1922, стр. 472—473.

⁸ Доклад первоначально был опубликован в журнале Дальневосточного секретариата «Народы Дальнего Востока». Иркутск, 1921, № 3, стр. 321—336.

⁹ М. А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая. — «ИИАА», 1971, № 4, стр. 47—58.

¹⁰ Б. Шумяцкий. Указ. ст. — «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 225.

¹¹ Г. З. Соркин. Съезд народов Дальнего Востока. — «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 76—86.

¹² «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока». Сборник. Петроград, 1922.

¹³ См. А. Н. Картунова. В. К. Блюхер в Китае 1924—1927 гг. М., 1970, стр. 10—20; «Новейшая история Китая». М., 1972, стр. 75—76.

¹⁴ Там же; Chang Kai-shek. Soviet Russia in China, 1957, chapt. 1.

оказалось участие в составе делегации коммуниста Чжан Тай-лэй. Он еще раз делом доказал свою верность идее дружбы с СССР, представив Сунь Ят-сену наряду с официальным отчетом Чан Кай-ши доклад о поездке в СССР, проникнутый глубоким убеждением в том, что, опираясь на дружбу с СССР, Китай добьется решающих успехов в борьбе против империалистов и милитаристов. Он писал, что в СССР искренне поддерживают Китай в его освободительной борьбе. «Чжан Тай-лэй настаивал на заключении союза со страной Советов»¹⁵. Вопреки антисоветским суждениям Чан Кай-ши Сунь Ят-сен стал на путь дружбы с СССР. Он заявил правым гоминьдановцам: «Если вы не будете сотрудничать с коммунистами, то я распустил гоминьдан и сам вступлю в коммунистическую партию»¹⁶.

С осени 1923 г. начинается наиболее плодотворный период сотрудничества революционного правительства в Гуанчжоу, гоминьдана и лично Сунь Ят-сена с Советским Союзом.

Важными годами в жизни Чжан Тай-лэй стали годы совместной работы со старым большевиком Михаилом Марковичем Бородиным. М. М. Бородин прибыл в Гуанчжоу в качестве главного политического советника правительства Сунь Ят-сена и тепло был принят главой революционного правительства. С первых дней своей деятельности в Китае он установил дружеские отношения с китайскими коммунистами. У него часто бывали Цюй Цю-бо, Су Чжао-жэнь, Дэн Чжун-ся, Чэнь Янь-пянь¹⁷. Но особо близкие отношения у него установились с Чжан Тай-лэем, который стал его постоянным помощником, консультантом, переводчиком. «С тех пор они не расставались, даже жили в одном доме,— вспоминает об этой большой дружбе В. В. Вишнякова-Акимова.— Только ему доверял Бородин перевод своих выступлений, с ним ездил на заседания Политбюро ЦК гоминьдана (Чжан Тай-лэй был техническим секретарем Политбюро ЦК гоминьдана), приглашал его, когда встречался с членами гоминьдановского правительства... Семья Бородина относилась к Чжан Тай-лэю как к близкому, родному человеку»¹⁸.

1925 г. стал годом начала антимпериалистической и антифеодальной революции. Чжан Тай-лэй активно участвовал в организации Сянган-гуанчжоуской стачки. Затем,

¹⁵ М. С. Капца. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 98.

¹⁶ Речь Линь Бо-цзюя на торжественном собрании, посвященном 90-летию со дня рождения Сунь Ят-сена.— «Дружба», 13.XI.1956.

¹⁷ См. «Видные советские коммунисты — участники китайской революции». М., 1970, стр. 30.

¹⁸ В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925—1927. Воспоминания. М., 1965, стр. 255.

когда начался Северный поход, он в рядах Национально-революционной армии прошел с боями через провинции Гуандун, Хуань, Цзянси в Хубэй, организуя политработу в армии и среди населения. В Ханькоу, где Чжан Тай-лэй работал сразу после освобождения города в октябре 1926 г., он избирается (весной 1927 г.) секретарем Хубэйского провинциального комитета КПК.

Революция была на подъеме, но революционный лагерь был разьедаем противоречиями, обострилась борьба правых гоминьдановцев против коммунистов. В этой борьбе, сложной и трудной, Чжан Тай-лэй всегда непоколебимо стоял на решительных революционных позициях и, может быть, временами не учитывал тактической необходимости к временному отступлению, компромиссу.

Весной 1927 г. политическая обстановка в Китае крайне осложнилась. Национальная буржуазия изменила революции. Многие генералы пошли за правогомниньдановским лидером Чан Кай-ши. Руководство КПК, возглавлявшееся Чэн Ду-сю, проводило открытую правооппортунистическую линию. V съезд КПК, состоявшийся в апреле — мае 1927 г. в Ухане, хотя и подверг критике Чэнь Ду-сю (особенно решительно критиковал Чэнь Ду-сю Цюй Цю-бо), но оставил его на посту генсека. Чжан Тай-лэй был противником оппортунистической линии Чэнь Ду-сю. V съезд КПК избрал его членом ЦК.

Чэнь Ду-сю и после V съезда шел на дальнейшие уступки гоминьдану, а руководство уханьского гоминьдана тем временем готовило прямой разрыв с коммунистами. 15 июня 1927 г. уханьский ЦК гоминьдана расторг союз с КПК.

Терпеть чэньдусюистское руководство КПК больше было нельзя. В начале июля было сформировано новое временное Политбюро ЦК КПК во главе с Цюй Цю-бо¹⁹. 7 августа 1927 г. чрезвычайное совещание ЦК КПК официально устранило Чэнь Ду-сю от руководства партией. Цюй Цю-бо стал генсеком ЦК, Чжан Тай-лэй — членом Политбюро.

На долю нового руководства партии легла тяжелая ответственность за судьбы революции, терпевшей одно поражение за другим. Новое руководство ЦК КПК не уклонилось от ответственности. Революционные силы под руководством КПК пошли на новый бой — они пытались спасти революцию от поражения. В августе — декабре 1927 г. шли арьергардные бои революции. В сентябре 1927 г. руководство ЦК КПК принимает решение об организации дальнейших революционных выступлений под лозунгом Советов как формы демократической диктатуры рабочих и крестьян. Организуется ряд выступлений в сельских местностях и в городах. Эти выступления не прошли бесследно. Они положили начало борьбе под ле-

¹⁹ «Новейшая история Китая». М., 1972, стр. 113.

звонком Советов, повели к созданию первых советских районов в глубинных сельских районах. Но надежды на новый подъем революции не были обоснованы: революция потерпела серьезное поражение.

Ее арьергардным боем было восстание в Гуанчжоу. 17 ноября 1927 г. ЦК КПК принял решение о подготовке восстания в крупном центре Гуанчжоу, исходя из того, что там сохранились наиболее организованные и активные силы рабочих. В Гуандуне было сильно и крестьянское движение: в уездах Хай-фын и Лу-фын был создан советский район. И наконец, не последнюю роль играло то обстоятельство, что сами южные милитаристы Чжан Фа-куй и Ли Цзи-шэн вели междоусобную борьбу²⁰.

Во главе Гуандунского провинциального комитета КПК в этот ответственный период партия поставила Чжан Тай-лэй. 28 ноября комитет призвал народ к восстанию. Вся подготовка к восстанию сосредоточилась в руках Военно-революционного комитета. Его председателем стал Чжан Тай-лэй. Был разработан план восстания. В 3 часа 10 мин. утра 11 декабря Чжан Тай-лэй выступил с речью перед учебно-инструкторским полком, призвав его свергнуть власть реакционных милитаристов. В 3 часа 30 мин. полк и отряды Красной гвардии подняли восстание.

В тот же день, 11 декабря, было объявлено о создании советского правительства — Совета народных комиссаров. Его председателем назначался Су Чжао-чжэн, но так как он не смог прибыть в Гуанчжоу, то правительство возглавил Чжан Тай-лэй, назначенный наркомом военных и морских

дел. Были опубликованы важные документы восстания — программа советского правительства.

Восставшие овладели большей частью города, но враги оказались достаточно сильны для того, чтобы сохранить в своих руках некоторые опорные пункты. Затем они стали подтягивать части извне, им оказал поддержку и флот империалистов. Три дня шли непрерывные тяжелые бои. 13 декабря восстание было раздавлено. Оно стало символом несломленной революционной воли трудящихся Китая, знаменем дальнейшей борьбы.

Исключительно мужественным, самоотверженным бойцом, талантливым руководителем проявил себя Чжан Тай-лэй. Он выступал на митингах, участвовал в боях, воодушевлял людей; «вооруженный винтовкой и маузером, с парой гранат в кармане, объезжал все передовые позиции, всюду и везде делом и словом вдохновляя героических борцов Советского Кантона на борьбу с численно превышающими белыми войсками китайских милитаристов и иностранных империалистов»²¹.

12 декабря в 2 часа дня, возвращаясь в машине с митинга в парке, Чжан Тай-лэй был обстрелян вражескими солдатами, получил несколько смертельных ранений и погиб. Это было большим ударом для Кантонской коммуны.

Чжан Тай-лэй был создан для революции, и вся его короткая жизнь — он погиб, когда ему было всего лишь 29 лет. — была отдана делу революции, народу Китая.

Г. В. Ефимов

²¹ Б. Шумяцкий. Указ. ст. — «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 230.

Памятник японо-русской дружбы

Исполнилось 50 лет с того времени, когда в бухте Хэда (префектура Сидзуока) японскими властями была воздвигнута гранитная стела, на которой запечатлено важнейшее событие в истории русско-япон-

ских отношений XIX в. — визит в Японию русской дипломатической миссии во главе с контр-адмиралом Е. В. Путятинным. Благодаря своим незаурядным дипломатическим способностям Е. В. Путятин успешно провел переговоры и заключил с Японией в г. Симода в 1855 г. «Трактат о торговле и границах», заложивший правовую основу для дружественных, добрососедских отношений между народами России и Японии.

Во время пребывания русской миссии Японии в районе Симода произошло сильное землетрясение, в результате чего русский фрегат «Диана» получил тяжелое повреждение и затонул.

Японцы с глубоким участием отнеслись к потерпевшим кораблекрушение русским морякам. Они поселили их в храме деревни Хэда, снабдили их одеждой, съестными припасами и оказали содействие в строитель-

стве нового судна — шхуны «Хэда», на котором русские вернулись на родину. В знак признательности этот корабль был преподнесен в дар японскому правительству. Японские корабельные плотники К. Оаки, Т. Уэда и другие — ученики русских мореходов стали затем строить по образцу этой шхуны первые японские суда европейского типа, создав крупнейшую судостроительную компанию «Исикавадзима — Харима». Эта фирма существует до настоящего времени, и здесь, в частности, выполняются также заказы для Советского Союза.

Несколько лет назад в деревне Хэда силами японской прогрессивной общественности установлен еще один памятник и открыт музей японо-советской дружбы.

Ниже впервые публикуется перевод на русском языке надписи на упомянутой стелле, сделанной китайским стилем японской письменности. Он исполнен автором данной публикации.

К. Е. Черевко

НАДПИСЬ НА СТЕЛЛЕ,
ПОСВЯЩЕННОЙ СТРОИТЕЛЬСТВУ
ШХУНЫ «ХЭДА»

«Памятник воздвигнут Хидэхико Митнока, губернатором префектуры Сидзуока, сановником 2-го класса 4-го разряда кавалером ордена государственных заслуг 3-й степени.

Здесь был построен русский военный корабль. Неся патрульную службу в ближних водах Японии, русский военный корабль бросил якорь в порту Симода на полуострове Идзу.

В ноябре 1854 г. волны цунами, возникшие в результате сильного землетрясения в районе к востоку от побережья Японии, повредили корпус корабля. Контр-адмирал Е. В. Путятин обратился за содействием в его ремонте и направил пострадавшее судно в бухту Хэда. Однако по пути вследствие нового стихийного бедствия — шторма — корабль едва не перевернулся. Глава администрации района Хэда Мидзуно Тикуго-но kami направил для спасения судна несколько сотен рыбацких лодок из провинций Суруга и Идзу, но не смог добиться поставленной цели и корабль в конце концов затонул в бухте Суруга. Контр-адмирал Е. В. Путятин и находящийся в родстве с императором Александр Сергеевич (Мусин-Пушкин. — К. Ч.) переехали в храм Хосэндзи в деревне Хэда, который стал их времен-

ной резиденцией, туда же переехало более 500 членов экипажа. Кроме того, в соответствии с просьбой Е. В. Путятина правительство «бакуфу» («полевой ставки») направило для строительства новой шхуны несколько сот человек. Они работали под началом крестьян Кикусабуро Оаки и Торакиги Уэда. Сановник казначей Кисакира Иваса осуществлял тщательный надзор за строительством корабля. В марте 1855 г. оно было закончено. Этот тип судов получил впоследствии название «кимидзава» (так назывался в то время уезд, где строился корабль). По своей конструкции этот тип судов восходит к упомянутой шхуне.

Контр-адмирал и другие русские моряки были очень рады. Они погрузились на этот корабль и отплыли на родину в северном направлении. Через 3 года русские в знак сердечной благодарности вернули нам это судно, высоко оценив наше искусство строительства кораблей. Вслед за этим правительство «бакуфу» построило в этом районе еще 6 судов типа «Кимидзава», что положило начало широкому строительству японских судов. Торакиги Уэда в середине периода Мэйдзи был взят правительством на государственную службу и назначен старшим мастером судовой верфи Иокосука. Оаки же построил судовой верфь в Синагаве в столичной префектуре Токио. Таким образом, оба кораблестроителя стали заниматься вопросами транспорта. Они принесли большую пользу государству, построив несколько сот судов, которые принимали участие в двух зарубежных кампаниях, перевоза людей и продовольствия. Тогда жители деревни Хэда по взаимному согласию решили запечатлеть их заслуги на камне, для того чтобы оставить о них память, о чем и повествует эта надпись:

Здесь в волости Хэда
Теснятся старые сосны.
Волны в бухте спокойны.
Удобно тут стать на якорь.
Нравы наших крестьян первозданны.
Их сердца справедливы.
Они спасли утопающих —
И доблесть их вечно сняет.
Они корабль построили,
Овеяв славой себя.

10 марта 1923 г.

Запись текста и его каллиграфическое исполнение принадлежит кисти Такэкума Сонода, главе уезда Таката префектуры Сидзуока, сановнику 2-го класса 5-го разряда, кавалеру ордена государственных заслуг 6-й степени».

Великий поэт уйгурского народа

Многие события в жизни уйгурского народа находили отражение в устном народном творчестве, в художественной литературе. Произведения таких прогрессивных певцов и поэтов, как Садыр Палван, Сенд Мухаммед Каши, Билал Назым, правдиво и ярко отразили свободолобивый дух уйгуров, их героическую национально-освободительную борьбу.

В славной плеяде уйгурских классиков Садыр Палван занимает почетное место, а стихи его стали подлинно народным достоянием.

Родился Садыр Палван в бедной дехканской семье в 1798 г., 175 лет назад, в селении, расположенном неподалеку от Кульджи. В те времена уйгуры, проживавшие в Кашгаре, были насильственно переселены китайскими захватчиками в долину реки Или.

С раннего детства Садыр познал горе, нужду, несправедливость. Юным он вступил на путь борьбы за освобождение своего народа и до конца жизни не складывал оружия. Но только на склоне лет понял, что индивидуальный террор — ошибочный путь, и осознал необходимость организованной борьбы. Именно это убеждение привело его в ряды восставших уйгурских дехкан. Став одним из руководителей восстания в 1864—1867 гг. — тогда ему было уже за шестьдесят, — Садыр проявил себя талантливым полководцем, храбрым, мужественным человеком.

Борясь против маньчжурско-китайского чиновничества и уйгурских феодалов, Садыр Палван никогда не питал вражды к людям иной национальности. Среди его друзей и соратников по борьбе были не только уйгурские джигиты, но, например, казах Есбол и монгол Доглан.

Садыр Палван славился не только как полководец и борец. Он обладал незаурядными поэтическими способностями и, будучи неграмотным, создал десятки песен, которые до сегодняшнего дня живут в народе. Отличительные черты поэзии Садыра Палвана — ярко выраженный классовый характер, обличение угнетателей, сочувствие к страдающему трудовому люду и ненависть к феодалам, страстное стремление к свободе.

Стихи его просты, легко запоминаются. По форме они почти не отличаются от народных песен. Семисложный стих со смежно-опоясывающей рифмой, которая наиболее широко распространена в уйгурском фольклоре, полное отсутствие непонятных народу арабских и персидских слов — все это делает поэзию Садыра Палвана столь созвучной самым широким трудовым массам.

В течение долгих лет в памяти народа хранятся отдельные четверостишия Садыра Палвана. Но есть и приписываемые ему стихи, авторство которых точно установить сейчас уже невозможно. Дело в том, что впервые опубликовавший эти четверостишия академик В. В. Радлов записал их в 1862—1863 гг. не из уст самого Садыра Палвана, а со слов уйгура по имени Умар Баки.

О Садыре Палване писали классик уйгурской литературы Билал Назым, выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов.

Немало сил отдал для собрания и публикации стихов Садыра Палвана казахский учитель Сабиржан Шакиржанов. В двадцатье годы, работая в уйгурских школах, С. Шакиржанов собрал много стихов Садыра и в 1924 г. опубликовал их в альманахе «Биринчи чамдам». Им же впервые опубликована в этом альманахе биография Садыра Палвана. В 1930 г. С. Шакиржанов издал брошюру о Садыре Палване. В сборник уйгурского фольклора, изданный в Москве в 1925 г., также были включены некоторые из четверостиший народного певца и полководца.

С тех пор произведения Садыра Палвана включаются в школьные хрестоматии. Его жизненный и творческий путь изучается в уйгурских школах. О нем написана повесть и пьеса, поставленная на сцене уйгурского театра в Казахстане. Недавно в Ташкенте вышло в свет исследование А. Бакиева, посвященное жизненному и творческому пути Садыра Палвана.

Иначе обстоит дело в КНР. Не секрет, что ныне пекинские власти скрывают от неханских народов имена национальных героев, выдающихся борцов за национальное и социальное освобождение, в том числе и имя Садыра Палвана. Но возможно ли солнце закрыть ладонью? Уйгурский народ свято хранит память о своем великом поэте и полководце.

Как народный поэт, Садыр Палван внес неоценимый вклад в укрепление и расширение демократического направления в уйгурской литературе, а как полководец и государственный деятель, он сыграл огромную роль в истории революционного движения уйгурского народа.

М. Хамраев

В Наньянском университете

В июле 1972 г. Институт Дальнего Востока АН СССР направил меня как заведующего сектором культуры в Сингапур, где я вместе с группой наших научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов в течение восьми месяцев проходил научную стажировку в Наньянском университете.

Ранее мне приходилось бывать в Сингапуре, и приятно было отметить, что город украсился роскошными отелями и многоквартирными жилыми домами, потеснившими трущобы старого Чайна-тауна. В промышленном пригороде Джуронге появились новые предприятия местных и иностранных компаний. По-прежнему Сингапур предстает одним из самых чистых и здоровых городов в Азии. Однако нельзя не отметить непрекращающийся рост цен на товары и услуги, еле прикрытой бедности, не уничтоженной экономическим бумом.

Главной целью моей стажировки было продолжение работы над исследованием о китайской классической драме XIII—XIV вв. В местных книгохранилищах литература по данной теме представлена достаточно полно, особенно в библиотеке Сингапурского университета¹, которой завещал свою коллекцию библиофил-миллионер Сюй Шао-нань, умерший более десяти лет назад. Основная масса этой литературы — публикации, вышедшие в КНР, на Тайване и в Гонконге. Книг на западноевропейских языках и тем более на японском значительно меньше.

Оба сингапурских университета еще очень молоды — они начали работать всего 15—20 лет назад, финансовые возможности их ограничены. Поэтому число книг в их библиотеках, равно как и в Национальной библиотеке Сингапура, не очень велико — в совокупности оно немногим превышает полмиллиона томов. Но по ряду проблем — внутренняя и внешнеполитическая ситуация в Сингапуре в сопредельных странах, история, идеология и культура Китая, китайское население в странах Юго-Восточной Азии

¹ Из двух университетов Республики Сингапур в Наньянском преподавание идет в основном на китайском языке, а в Сингапурском — исключительно на английском.

и др. — подбор книг и периодики позволяет вести серьезные научные занятия.

Наньянский университет в этом году отмечает 20-летие со дня основания (фактически занятия начались в 1956 г.). Сейчас в трех его учебных колледжах — гуманитарном, коммерции, точных и естественных наук — и в лингвистическом центре занимается свыше 2300 студентов, из них около 30% граждан других стран, в основном Малайзии. Срок обучения — три года (для желающих посвятить себя в дальнейшем науке — четыре года), что вряд ли можно признать достаточным. Администрация знает это, однако продлению срока мешают финансовые трудности. Дело в том, что университет основан и поддерживается в основном за счет пожертвованных китайских землячества, особенно фуцзяньского, а правительство лишь помогает дотациями. Повышение же платы за обучение отразится прежде всего на детях средне- и низкооплачиваемых родителей.

Составной частью университета является созданный три года назад Исследовательский колледж, состоящий из институтов азиатской культуры, коммерции, математики и естественных наук. Основная задача колледжа — подготовка молодых ученых, будущих магистров и докторов наук. Другая сторона деятельности — содействие научной работе преподавателей университета, публикации их трудов, осуществление научных контактов с родственными учреждениями. Под наблюдением колледжа выходит комплексный научный ежегодник «Наньян сюзбао» в 3 томах (статьи на китайском и частично на английском языках). Кроме того, совместно с научными студенческими обществами издаются неперiodические научные издания. Пожалуй, наиболее представительным среди них можно считать «Наньян чжунвэнь сюзбао» («Вестник китайской филологии Наньяна», вышло 6 выпусков). Время от времени появляются монографические публикации. Последние из них — книга о китайском классическом театре и его судьбах в Юго-Восточной Азии, написанная четырьмя ведущими филологами и историками университета. При Наньяне не так давно создан Музей азиатского (фактически в основном китайского) искусства, который начал выпускать весьма содержательный и хорошо оформленный ежегодник.

Значительную часть выполняемых в университете научных работ составляют традиционные для китайской гуманитарной науки сюжеты по древней и средневековой литературе, средневековой и новой истории Китая, истории иероглифической письменности, критические издания текстов. Несомненный интерес представляют работы профессор Дай Сюань-чжи (история тайных обществ в Китае), Ли Сюэ-дэна (древние надписи на бронзе и костях), Ван Чжун-линя (поэзия XIII—XIV вв.), Ван Шу-миня (комментирование философских и поэтиче-

ских памятников). Другие исследования — работы о проблемах Сингапура и ЮВА в целом: их географии, истории, культуре, причем в большинстве случаев эти проблемы рассматриваются под углом зрения китайского населения данного региона. Современное политическое и экономическое положение стран этого района изучается главным образом в Институте ЮВА при Сингапурском университете.

В Институте азиатской культуры был проведен семинар для преподавателей и аспирантов на тему «Место китайской классической драмы в истории мировой драматургии». Я рассказал, в частности, о новых работах советских ученых по китайской литературе и театру. Мне довелось также участвовать в семинарах и симпозиумах по китайской классической поэзии, по истории русско-китайских отношений и о тенденциях развития стран Юго-Восточной Азии.

В университете трудится довольно многочисленный и квалифицированный коллектив профессоров и преподавателей. Часть из них получила образование в китайских вузах до 1949 г., некоторые являются выпускниками тайваньских университетов. Большинство из молодых преподавателей училось здесь же, в Наньяне, и совершенст-

вовалось в США, Англии, Японии или Австралии. В дальнейшем именно они, несомненно, составят костяк научных кадров молодой республики.

Нельзя не отметить доброжелательность сингапурских коллег по отношению к советским синологам, их готовность оказать содействие в работе. Вспоминаются интересные и полезные беседы с профессорами Гао Минном, Ван Шу-минем, Жао Цзун-и, Ван Чжун-линем и другими литературоведами. Хочется также выразить признательность вице-ректору университета Лу Яо и заведующему отделом китайской филологии Пи Шу-миню за создание хороших условий жизни и работы.

В беседе новый ректор Наньянского университета профессор Сюэ Шо-шэн говорил о желании сингапурской стороны поддерживать и развивать научные контакты с советскими учеными. Нет сомнения, что реализация этого пожелания пойдет на пользу не только прогрессу науки в Сингапуре и Советском Союзе, но и послужит делу укрепления дружественных отношений между народами наших стран.

В. Ф. Сорокин

Расширение контактов

це-президентом правящей партии, главным министром штата Паханга Дато Харуном, председателем Малайзийского комитета Мазланом Нордином и др.

В ходе бесед с руководством МК ОСНАА были обсуждены проблемы дальнейшего развития контактов между нашими комитетами, состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам афро-азиатской солидарности и другим вопросам, представлявшим взаимный интерес.

Представители руководства Малайзийского комитета Организации солидарности рассказали о целях и задачах своего комитета, действующего в Малайзии с 1963 г., познакомили с документами и заявлениями, в которых подчеркивается приверженность Организации принципам, изложенным в резолюциях различных конференций и сессий, проводимых Организацией солидарности народов Азии и Африки. Одной из форм работы Комитета являются симпозиумы, на которых обсуждаются вопросы политического характера: в частности, на симпозиумах руководители МК ОСНАА выражали одобрение резолюций конференций Организации солидарности народов Азии и Африки в поддержку борьбы вьетнамского народа за свою независимость, свободу и антиколониальную антирасистскую борьбу народов португальских колоний и Юга Африки, высказывались в поддержку позиции правительства Малайзии в отношении решения ближневосточных проблем мирными средствами.

Советская делегация в составе члена Президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, директора Института Дальнего Востока Академии наук СССР М. И. Сладковского и члена Президиума и секретаря Комитета солидарности Г. Т. Иоаннисяна в марте 1973 г. посетила Малайзию по приглашению Малайзийского комитета Организации солидарности народов Азии и Африки (МК ОСНАА).

Во время пребывания в стране Малайзийский комитет оказал гостеприимство и внимание нашей делегации. Члены советской делегации имели ряд встреч с политическими и общественными деятелями, учеными, представителями культуры страны. В частности, делегация встретила с видными деятелями правящей партии, руководителем молодежной организации партии, основателем Малайзийского комитета организации солидарности Мусой Хитамом, ви-

Советская делегация информировала деятелей Малайзийского комитета о результатах XII сессии Организации солидарности народов Азии и Африки, проходившей в феврале 1973 г. в столице НДРГ Адене, в которой приняли участие страны — члены исполкома ОСНАА, а также представители национально-освободительных движений, делегации социалистических стран, представители международных организаций, в том числе Всемирного Совета Мира, Всемирной федерации профсоюзов, Комитета ООН по деколонизации, — всего свыше 50 делегаций из 46 стран мира.

Представители обоих комитетов в ходе обмена мнениями поддержали решения XII сессии ОСНАА, в частности о том, чтобы народы стран Азии и Африки добивались неуклонного претворения в жизнь подписанных соглашений по Вьетнаму, достижения прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке, предоставления свободы и независимости народам Южной Африки, Намибии, Гвинеи (Бисау), островов Зеленого Мыса, Анголы, Мозамбика, Зимбабве.

Были обсуждены также вопросы, связанные с усилиями народов Азии и Африки, направленными на создание условий коллективной безопасности в Азии.

Стороны договорились о развитии двусторонних связей между комитетами, что послужит важным фактором в деле углубления взаимопонимания между народами Малайзии и Советского Союза.

Советская делегация от имени Советского комитета солидарности передала приглашение членам Малайзийского комитета солидарности посетить Советский Союз в 1973 г.

Малайзийский и Советский комитеты солидарности заявили о намерении развивать контакты и сотрудничество для укрепления солидарности афро-азиатских народов в их борьбе против империализма и колониализма, за национальную независимость и мир во всем мире.

Г. Т. Иоанисян

Пятая молодежная

В пятый раз собралась научная молодежь Института Дальнего Востока АН СССР на свою ежегодную конференцию. В 1973 году на конференции, проходившей с 11 по 13 апреля, работали секции истории, историографии и лингвистики, экономики и международных отношений. Для 27 докладчиков и молодых сотрудников, выступавших в прениях, конференция явилась хорошей возможностью обмена информацией, расширения профессионального кругозора, приобретения опыта публичных выступлений и дискуссий. Приятно отметить, что и в этом году ученые старшего поколения приняли участие в обсуждении докладов. Замечания, вопросы, с которыми они обращались к докладчикам, были лучшей формой научного общения с молодежью, ее профессионального воспитания.

Тематика докладов, заслушанных на конференции, была разнообразной, об этом можно судить по их названиям: «Демографическая ситуация в КНР» и «Актуальные проблемы энергетики КНР», «Критика кон-

цепции Мао Цзэ-дуна о путях социалистической революции» и «Прокитайские организации в Латинской Америке», «Основные направления работы пекинского руководства с молодежью и положение в комсомоле Китая в 1972 году» и «Вопросы реформы китайской письменности (конец XIX — начало XX в.)».

К числу докладов, поднимающих интересные вопросы, относится, например, доклад «Интенсификация живого труда — важнейший фактор роста производства в КНР». Известно, что по мере поступательного развития общества доля физической, мускульной энергии человека, затрачиваемая в производстве, последовательно снижается и возрастает доли таких видов энергии, как механическая, электрическая, химическая и т. д. Результаты развития производительных сил проявляются в соотношении живого и овеществленного труда, затрачиваемого на производство единицы продукции. Автор сделал в целом удачную попытку ответить на вопросы, какую роль играет живой, неовеществленный труд в производстве КНР, как изменялось соотношение живого и овеществленного труда на основных этапах развития экономики страны, как следует оценивать практику применения живого труда в народном хозяйстве КНР. В ходе обсуждения доклада состоялся обмен мнениями, были поставлены дополнительные вопросы, вполне справедливо прозвучало пожелание углубить исследование ряда положений.

Не менее интересным был доклад «Нидэм об общественном строе Китая». Этот доклад — первый шаг наших исследо-

зателей в критической оценке работ Дж. Нидэма, английского биохимика, историка науки и востоковеда, посвятившего более половины своей жизни исследованию истории научных и технических достижений Китая и китайской культуры в целом. Две проблемы, как отметил докладчик, постоянно в центре внимания этого исследователя: 1) почему «современная наука» (Нидэм начинает ее с Галилея) возникла именно в Европе, а не в Китае (и вообще на Востоке); 2) почему между I веком до н. э. и XV веком н. э. китайская цивилизация была, как считает Нидэм, более эффективной в смысле приложения человеческих знаний к нуждам практики. Ценность выводов, к которым приходит докладчик, заключается в том, что в решениях, предложенных Нидэмом, он видит пример использования буржуазными учеными идеи «азиатского способа производства», особой роли китайской бюрократии уже для объяснения явлений в развитии науки и техники Китая.

Актуально звучал на конференции доклад «О роли и месте рабочего класса в социально-экономической структуре КНР (1949—1958 гг.)». В нем рассматривались отношения классов китайского общества к средствам производства, участие рабочего класса в организации общественного труда, доля рабочего класса в распределении национального дохода страны. Факты, приведенные автором, позволяют глубже проникнуть в природу событий, происходивших в Китае в последующие годы.

Во всех докладах молодежной конференции — шла ли речь о развитии экономики, говорилось ли о лингвистических проблемах или о трактовках истории Китая зарубежными исследователями — чувствовалось стремление авторов как можно объективнее разобраться в явлениях современной китайской действительности, внести свой, пусть небольшой, вклад в ее познание.

Ю. В. Юмашев

СОБЫТИЯ И ФАКТЫ

Новая общенациональная организация молодежи Китая. «Вставай! — крикнули подбуждавшие студенты еле дышавшему человеку, подняли его и потащили к эстраде. Избитый из последних сил несколько раз пытался поднять голову, но, получив затрещины, беспомощно ронял ее снова... Тогда подошел здоровенный детина, кто-то из ведущих активистов, и заработал солдатским ремнем. Удары ремня привели избитого в чувство, он встал на ноги. На него натянули бумажный колпак клоуна и накиннули бумажную хламиду. Двое юнцов начали быстро что-то писать на ней черной тушью. Еще один парень замазал его лицо белой краской, макая кисть в большую консервную банку — в старом национальном театре злодеев гримировали белым...», — так описывает в своей книге глумление «революционеров» над одним из членов комитета комсомола пекинского Педагогического университета в июле 1967 г. очевидец «культурной революции» А. Желоховцев.

Прошло шесть лет. В Пекине и других городах Китая снова раздаются призывный бой барабанов, снова орут репродукторы, происходят демонстрации, митинги молодежи. Нет, сегодня не призывают расправляться с комсомольцами, не кричат «Смерть злодеям и чудовищам!», не требуют «выволочь» членов «черной банды». Сегодня, по сообщениям агентства Синьхуа и китайской печати, «в торжественной и праздничной обстановке открываются конференции Коммунистического союза молодежи Китая различных ступеней». Иностранная печать называет происходящий ныне процесс «восстановлением» КСМК. Так ли это?

Анализ материалов и документов проводимых ныне молодежных конференций показывает, что в стране идет создание новой молодежной организации, которая будет лишь формально называться «Союз коммунистической молодежи», так как практической и теоретической основой деятельности новой организации объявлены не идеи научного социализма, а пресловутые установки Мао Цзэ-дуна.

Маоисты, объединяя молодежь в единую общенациональную организацию, нацеливают ее прежде всего на претворение в жизнь «линии Мао», на развитие и закрепление результатов курса «культурной революции», антисоциалистического по своей сути и характеру. Так, например, в отчете Синьхуа о съезде новых организаций КСМК провинции Ляонин говорилось о «решимости делегатов крепко помнить основную линию партии и сознательно претворять в жизнь

революционную линию председателя Мао». Практически это означает, что молодежь, объединенная в новую организацию, должна активно участвовать в пресловутых маоистских движениях «критики ревизионизма и упорядочения стиля», в борьбе против «мошенников типа Лю Шао-ци», то есть против оппозиционных Мао Цзэ-дуну сил. Эти задачи ставятся перед новой организацией в связи с внутриполитической борьбой, происходящей ныне в Китае, в которой китайская молодежь должна стать послушным исполнителем воли маоистов. На съезде шанхайской организации КСМК подчеркивалось, что задачи КСМК во внешнеполитическом плане состоят в том, чтобы «претворять в жизнь великий стратегический курс председателя Мао». Что это означает. В документах конференций «великий стратегический курс председателя Мао» расшифровывается как неукоснительное требование по осуществлению гегемонистских устремлений китайского руководства в мировом масштабе, прикрываемое демагогическими противоречивыми лозунгами, как-то: молодежь должна «глубоко рыть туннели, широко запасать зерно, никогда не претендовать на гегемонию» и в то же время «заботиться о больших делах страны и всего мира, заботиться о перспективах родины и судьбах человечества», «полностью осознать свою историческую задачу, быть на самых передовых рубежах эпохи».

Со «стратегическим курсом» тесно связана и задача по выселению выпускников средних школ и студентов из городов в пограничные районы страны, главным образом в Синьцзян, Внутреннюю Монголию и на Северо-Восток Китая. Этому вопросу на всех проходивших конференциях и съездах новых организаций КСМК уделялось особое внимание.

Новые организации КСМК, как признавалась «Жэньминь жибао», «это важное орудие» маоистов. Их главная задача будет состоять в том, чтобы воспитывать китайскую молодежь в духе шовинизма, оголтелого антисоветизма и того мелкобуржуазного революционаризма, которым болен «великий кормчий».

Исповедь премьера. Руководитель концерта «Крупп» в Эссене Бертольд Бейц и семнадцать видных представителей финансовых монополистических кругов ФРГ посетили в мае 1973 г. КНР. Во время пребывания в Китае западногерманских промышленников и финансистов встречали более чем радушно: «Нас баловали». — откровенно признался Бейц корреспонденту журнала «Штерн».

На третий день визита в Китай Бертольда Бейца принял Чжоу Энь-лай. В беседе с руководителем концерна он дал ясно понять своему собеседнику, что китайскому руководству было бы больше по душе правительство ФРГ, которое возглавлялось бы одним из руководителей ХДС — Шредером, сторонником «холодной войны» и реваншизма, нежели правительство, возглавляемое Вилли Брандтом. Шредер, отмечает Бертольд Бейц, «очень понравился» Чжоу Энь-лаю. Прошлым летом этот представитель западногерманской реакции во время своего визита в КНР, как известно, очень четко и откровенно изложил китайскому руководству свою политическую платформу. «Чжоу Энь-лай был почти расстроен, — подчеркивает в этой связи «Штерн», — когда спросил Бейца, почему же не Шредер стал преемником Райнера Барцеля на посту руководителя фракции ХДС/ХСС в бундестаге».

Ярмарка неоправданных надежд. Кантонская торговая ярмарка проводится с 1956 г. два раза в год — весной и осенью. Экспессы «культурной революции» не влияли на ее работу: в Кантон приезжали дельцы и коммерсанты из развитых капиталистических стран, им предлагались различные товары, шли торги, заключались сделки, произносились речи, гостиницы, в которых располагались заморские торговцы, охранялись усиленными армейскими нарядами, а на соседних улицах бушевала «культурная революция», шли самосуды хунвэйбинов, раздавались гонги, предвещавшие новые расправы. Бизнесмены, краем глаза видевшие лишь отдельные, мягко говоря, эпизоды «культурной революции», возвращались в свои конторы и гостиницы в мрачном, подавленном состоянии. Но бизнес есть бизнес. В те годы на Кантонской ярмарке можно было по дешевке купить многие товары, особенно произведения искусства древнего и средневекового Китая.

В этом году настроение бизнесменов, приехавших на весеннюю Кантонскую ярмарку, было омрачено не меньше, чем в го-

ды «культурной революции». Им предлагалось все, что уже давно стало считаться статьями традиционного китайского экспорта, но по таким высоким ценам, что многие из них тут же собрали свои чемоданы и покинули Кантон. Действительно, по данным лондонской «Санди таймс», цены в этом году на большинство китайских товаров подскочили по сравнению с прошлогодней осенней ярмаркой от 100 до 1000%. Исчезло и благожелательное отношение китайских официальных лиц к иностранным торговцам.

Вздутые цены, как отмечали многие участники ярмарки, сочетались с полным «безразличием» представителей китайской стороны к сбыту товаров, однако это «безразличие» было своеобразным коммерческим приемом. «Два месяца назад, — жаловался корреспонденту «Санди таймс» один бизнесмен, побывавший весной в Кантоне, — моя фирма договорилась о цене и поставке товаров по одному крупному контракту. В марте мы получили странное письмо, в котором говорилось, что (китайской) корпорация довольна тем, что мы интересуемся ее продукцией, но что цена на нее назначается на 50% выше той, на которую мы согласились. Руководитель (китайской) корпорации прямо заявил мне, что придется снова провести переговоры относительно всей сделки, что работы еще не начались и что, если я согласен с новой ценой, я «быть может», получу заказанные товары с опозданием на 6 месяцев. Меня поразило это наглое заявление».

Подобная история далеко не единична. «В контракты включаются таинственные пункты, — комментирует «Санди таймс» торговую деятельность китайской стороны на Кантонской ярмарке, — которые обязывают тех, кто подписывает их, покупать какие-то второстепенные товары, ранее не оговоренные в контракте. Поставки товаров, как правило, запаздывают».

Все эти факты привели коммерсантов в уныние, так как многие из них фактически превратились из коммерсантов в обычных туристов.

Новые книги

Баврин Е. П. Монголия: путь к социализму. На франц. яз., изд-во АПН. 86 стр., 10 000 экз., 25 коп.

В книге подробно освещена борьба народа Монголии за некапиталистический путь развития республики, против внутренних и внешних врагов. При бескорыстной помощи СССР были достигнуты большие успехи в области хозяйственного и культурного строительства МНР, что позволило ей стать в число передовых стран. Автор показал, как за короткий период времени Монголия из отсталой страны превратилась в аграрно-индустриальное социалистическое государство.

В книге ярко показано, как свободный народ на своей земле строит новую, счастливую жизнь, находясь в братской дружбе с Советским Союзом и странами социалистического содружества.

Библиография Цейлона. 1917—1967. Сост. Бирман Д. А. и Кафитина М. Н., «Наука», 38 стр., 1200 экз., 23 коп.

В книгу вошло около 500 названий советской литературы на русском языке и языках народов СССР за 1917—1967 гг. В ней отобразена научно-популярная и публицистическая литература, включены монографии, статьи в периодических и продолжающихся изданиях и сборниках, тезисы докладов, авторефераты диссертаций, художественные произведения. Имеется алфавитный указатель.

Бурман А. Д. Бирманская драма середины XIX века. М., «Наука», 144 стр., 1300 экз., 78 коп.

Это первое исследование на русском языке истории классической бирманской литературы XIX в. В книге речь идет о развитии бирманской драматургии от ее зарождения до периода становления национальной драмы.

Желховцев А. «Культурная революция» с близкого расстояния. (Записки очевидца). М., Политиздат, 262 стр., 80 000 экз., 40 коп.

Автор книги, будучи в Китае в качестве советского стажера в одном из пекинских университетов, который был гнездом хунвэйбинов во время «культурной революции», живо и интересно передал непосредственные впечатления свидетеля хунвэйбиновских погромов. В книге рассказывается о трагических судьбах деятелей китайской культуры, о бесчинствах хунвэйбинов и их жертвах.

Китай: общество и государство. Сборник статей. М., «Наука», 357 стр., 4600 экз., 1 р. 55 коп.

В этом сборнике рассматриваются важные узловые проблемы истории китайского общества и государства, его культуры и идеологии с древнейших времен до наших дней. Вопросы эволюции правовых и государственных институтов анализируются в тесной связи с социально-экономическими сдвигами в китайском обществе. В ряде статей авторы полемизируют с антинаучными построениями маоистской историографии.

Кочетков. Л. Таиланд. М., «Мысль», 143 стр. с илл. (Соц.-экон. проблемы развивающихся стран). 27 000 экз., 22 коп.

В книге рассказывается о Таиланде (Сиам) — государстве с интересной и давней историей. Подробно рассматриваются вопросы экономического развития Таиланда.

Мао Дунь. Распад. Роман. Рассказы. Пер. с кит., М., «Художественная литература», 333 стр. с портр., 30 000 экз., 1 р. 20 коп.

Мучительны и трагичны переживания молодой девушки, которая завербована гоминьдановской охранкой. Ее вынуждают следить за юношей-студентом, которому она отдала свое сердце. О трагической судьбе этой девушки рассказывает роман «Распад», написанный в форме дневника, элементы детектива придают повествованию особую увлекательность. Главная тема романа — поиски справедливости и истины, неодолимая тяга к свободе.

Мао Дунь знаком советскому читателю по романам «Радуга» и «Перед рассветом», а также по многим рассказам.

Миго А. Кхмеры. История Камбоджи с древнейших времен. Пер. с франц. и предисл. Ю. П. Дементьева. М., «Наука», 350 стр. 6700 экз., 1 р. 11 коп.

В книге увлекательно рассказывается об истории, памятниках культуры и современной жизни основного народа Камбоджи — кхмеров.

Мо м д ж я н Х. Н. Марксизм и ренегат Гароди. М., «Наука», 192 стр. (Идеологическая борьба в современном мире). 19500 экз., 76 коп.

Ханин З. Я. Социальные группы японских париев. Очерк истории до XVII в. М., «Наука», 203 стр., 2000 экз., 1 р. 08 коп.

В книге прослеживается возникновение и усиление дискриминации социального слоя отверженных в Японии. В ней предпринята попытка определить механизм становления этого явления, а также роль японских париев в развитии производительных сил и национальной культуры.

Чаттопадхья Д. П. Индийский атеизм. Марксистский анализ. Пер. с англ. М., «Прогресс», 343 стр., 1 р. 63 коп.

Книга Д. Чаттопадхья — продолжение двух его предыдущих трудов — «Локаята» и «Истории индийской философии». На большом фактическом материале автор показывает разнообразие атеистических воззрений в древней и средневековой Индии, пишет о трактовке проблем атеизма современными индийскими марксистами. Особый интерес представляет рассмотрение проблем так называемых «атеистических религий» (буддизма и ужайнизма), специфически индийской формы мистицизма — йогизма и т. п.

Чойжилсурэн Лхамсурэнгийн. Стук копыт. Роман. Пер. с монг. М., «Прогресс», 284 стр. с илл., 95 коп.

Монгольский писатель Чойжилсурэн посвятил свой роман важным событиям в жизни монгольского народа — борьбе аратов-скотоводов против лам. В основу повествования положены подлинные факты и события.

Юрьев А. Ю. Индонезия после событий 1965 года. М., «Наука», 256 стр., 5000 экз., 85 коп.

Автор анализирует события в политической жизни Индонезии, которые произошли вслед за выступлением группы армейских офицеров 30 сентября 1965 г. В отдельных главах рассматриваются социально-экономическая политика нынешнего правительства Индонезии и его внешнеполитический курс. Дается анализ положения в коммунистическом движении страны.

Сдано в набор 28.VI. 1973 г. Подписано к печати 13.VIII. 1973 г.
Формат 70×108^{1/16}.
Бум. л. 7¹/₄. Печ. л. 20,3. Изд. № 16884 А03316 Заказ 1333.
Уч.-изд. л. 21,92. Цена 50 коп. Тираж 12 300.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Zubovskiy bulvar, 21
Фирма типографии
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
6	5 абзац, 6 строка сверху	к разброду	ведут к разбро- ду
97	3 абзац, 2 строка снизу	создан	созван
158	2-я колонка, 4 аб- зац, 1 строка	в 0-х годах	в 20-х годах